

5
ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

ОТЪ ПЕРВАГО ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ НА РУСИ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Отъ основанія школъ при св. Владимірѣ до монгольскаго ига. — Школы и образованіе въ эпоху монгольскаго ига. — Образованіе и школы на Руси въ XV—XVII вѣкахъ.

С. МИРОПОЛЬСКАГО.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

1910.

16667/0.
C226530

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

ОТЪ ПЕРВАГО ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ НА РУСИ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Отъ основанія школъ при св. Владимірѣ до монгольскаго ига.—Школы и образованіе въ эпоху монгольскаго ига.—Образованіе и школы на Руси въ XV—XVII вѣкахъ.

С. МИРОПОЛЬСКАГО.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

1910.

ВВЕДЕНІЕ.

«Да вѣдають потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу».

Исторія русской начальной школы доселѣ еще не появлялась въ нашей литературѣ въ *цѣломъ* видѣ; изслѣдованія отдѣльных ея *періодовъ* не многочисленны. Матеріаль для исторіи нашихъ древнихъ училищъ крайне скуденъ. Въ лѣтописяхъ извѣстія о нихъ отрывочны и случайны. Приходится собирать свѣдѣнія по крохамъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ; приходится обращаться иногда къ предположеніямъ и выводамъ, которые не всегда могутъ быть точны и могутъ подлежать возраженіямъ, особенно со стороны скептиковъ, готовыхъ иногда отрицать и общепризнанные факты, въ угоду своимъ излюбленнымъ доктринамъ.

Не имѣя претензій на самостоятельность научныхъ изслѣдованій, пользуясь по возможности всѣмъ, что появилось въ литературѣ нашего предмета, мы желали бы дать краткій очеркъ исторіи нашей начальной школы на всемъ протяженіи ея исторической жизни, отъ возникновенія ея на Руси до настоящаго времени.

Это нужно прежде всего для нашихъ *народныхъ учителей*, для нашихъ педагоговъ, которые доселѣ лишены были возможности познакомиться съ исторіей того дѣла на Руси, которому они посвящаютъ свои силы и знанія. Наша педагогика, наше учебное дѣло, какъ извѣстно, начиная съ Петра Великаго, всегда испытывали сильное иноземное вліяніе, а въ ближайшую къ намъ эпоху реформъ Александра II-го педагогика наша стала почти нѣмецкою. Мы имѣемъ теперь исторію *нѣмецкой* школы; исторію *нѣмецкой* педагогики, даже исторію нѣмецкихъ методовъ обученія по всѣмъ предметамъ начальнаго курса, а исторіи родной школы мы не имѣемъ, исторіи русскаго воспитанія и обученія у насъ доселѣ нѣтъ. Наша педагогическая литература заполонена переводами и передѣлками нѣмецкихъ руководствъ и пособій. Что всего хуже, подъ вліяніемъ нѣмецкой школы мы стали утрачивать *живой духъ* народныхъ преданій, глубокія историческія *основы* народнаго воспитанія и обученія. Покинувъ источникъ живой воды, мы обратились къ источникамъ мутнымъ. Появилось воспитаніе въ духѣ „международномъ“, въ духѣ рационализма, индеферентизма и другихъ иноземныхъ началъ и направленій. Не-

вѣжеству нашему въ исторіи родной школы соотвѣтствовало и высокомѣріе, презрительный взглядъ на нее, стремленіе *передѣлать* ее на иноземный ладъ. А между тѣмъ какая величавая, въ высокой степени поучительная и трогательная картина раскрывается предъ нами, когда мы начинаемъ изучать судьбы нашей школы, нашего образованія, тѣсно соединенныя, съ исторіею церкви нашей. Наша школа—многострадальная, какъ и самъ народъ русскій. Широкимъ разцвѣтомъ началась она на Руси и затѣмъ прошла великую школу всевозможныхъ испытаній; но несмотря на самыя тяжкія невзгоды, она сохранила себя до нашихъ дней.

Кто посвящаетъ себя воспитанію юношества, тому должны быть вѣдомы и дѣроги судьбы родной школы нашей.

Полезно вѣдать это и всякому образованному русскому человѣку. Жить безъ преданій—значитъ не имѣть прошлаго и начинать жить съизнова; значитъ потерять то, что приобрѣтено предками многолѣтнимъ трудомъ, значитъ утратить корень, а слѣдовательно и крѣпость существованія. Образованный человѣкъ, незнающій исторіи образованія народа своего, похожъ на траву перекасти-поле: ее несетъ всякій вѣтеръ, и она останавливается тамъ, гдѣ случится, ибо она потеряла свой корень. Отъ того то мы такъ всегда и увлекались иноземнымъ, что мало знали свое прошлое, мало цѣнили его, не старались уразумѣть его правду, его духовную силу. Стали мы безпамятными, забыли вспоминать дѣла отцовъ нашихъ, перестали поучаться трудами, терпѣніемъ, страданіями предковъ своихъ и стали увлекаться всякимъ вѣтромъ ученій чуждыхъ. А старыхъ русскихъ людей не разъ спасала въ великихъ народныхъ бѣдахъ память о старыхъ отцовскихъ дѣлахъ, и крѣпокъ былъ русскій народъ этою памятью.

Когда мы узнаемъ, *какъ* возникла наша школа, *чѣмъ* она была, *чѣмъ* жила, *какою силою* она росла, какихъ *подвижниковъ* и страдальцевъ за русскую землю создала она, какія *невзгоды* перенесла она, какіе *идеалы* завѣщала намъ, мы лучше поймемъ и вѣрнѣе оцѣнимъ, *чѣмъ* она *должна быть* и въ наше время. А это дѣло великой важности.

Обращаясь къ источникамъ нашего труда, мы прежде всего должны указать на наши *лѣтописи*, въ разныхъ спискахъ дополняющія другъ друга; на древніе *памятники литературы*, житія святыхъ, патерики, которыми и пользовались всѣ изслѣдователи нашего предмета, на акты историческіе, описанія рукописей и книгохранилищъ. Затѣмъ идутъ труды историковъ *Татищева*, „Исторія Россійская“, представляющая сводъ лѣтописей, изъ коихъ многія для насъ утрачены, изд. 1768—84.; *Карамзина*, „Ист. Госуд. Рос.“; *Соловьева*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“; *Погодина*, „Древн. русская исторія до монгольскаго ига“ (изд. 71 г.); труды по исторіи Русской Церкви арх. *Филарета* Черниговскаго, *Макарія* митр. Московскаго, проф. *Е. Голубинскаго* и др.; *Амвросія*, „Исторія Россійской іерархіи“; труды по древне-русской словесности проф. *Шевырева*, *Порфирьева*, *Галахова*, *Знаменскаго* и др.; а также труды молодыхъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей древне-рус-

ской литературы—*Н. Никольскаго* (о Климентѣ Смолятичѣ), *Жданова*, *Воскресенскаго*, *Архангельскаго* и др.

По исторіи древне-русскихъ училищъ до XV в. существуетъ капитальный трудъ *Н. А. Лавровскаго*, вышедшій въ 1854 г. и составляющій нынѣ библиографическую рѣдкость. Трудъ г. Лавровскаго является единственнымъ, отличается безпристрастіемъ, вполне ученою разработкою лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ учрежденіи нашихъ училищъ и вообще составленъ съ научною добросовѣстностію. Трудъ *Хмырова*, „Училища и образованность на Руси до-Петровской“, помѣщенный въ журн. „Народная школа“ за 1869 г., составленъ на основаніи изслѣдованій Лавровскаго и представляетъ лишь немногія дополненія цитатъ изъ старыхъ источниковъ, съ освѣщеніемъ не всегда вѣрнымъ. Изслѣдованіе проф. *Соболевскаго*, „Образованность Московской Руси въ XV—XVII в.“ представляетъ *новый* взглядъ на эту эпоху. Обыкновенно это время (XV—XVII в.) принято считать временемъ упадка просвѣщенія и грамотности на Руси (этого воззрѣнія держится и Лавровскій). Проф. Соболевскій доказываетъ, что это мнѣніе преувеличено. Онъ находитъ, что грамотность въ эту эпоху была на Руси повсемѣстною и приводитъ доказательства изъ подписей юридическихъ актовъ, изъ житій святыхъ этого времени, и изъ другихъ источниковъ, собирая свѣдѣнія съ трудолюбіемъ истинно-ученаго изслѣдователя.

Статья проф. *Леонтовича*, „Школьный вопросъ древней Россіи“, въ отношеніи фактическаго матеріала не представляетъ ничего новаго; но авторъ старается дать *новое* освѣщеніе вопросамъ о характерѣ древне-русскаго образованія, „объ общественныхъ органахъ, въ функцію которыхъ входило попеченіе, о народномъ образованіи“, объ обязательности школьнаго обученія, „о культурной роли древне-русской школы“. Къ сожалѣнію, авторъ несочувственно относится къ церковному характеру древне-русской школы и иногда считаетъ недостатками ея то, что составляетъ ея достоинство. Сочувствіе автора принадлежитъ Западу и его культурѣ. Правдивый отзывъ о трудѣ Леонтовича помѣщенъ въ 33 № Церк. Вѣдомостей 1894 г. Здѣсь же помѣщенъ и библиографическій указатель пособій по школьному вопросу въ Россіи, хотя и неполный, но заключающій въ себѣ все главное.

Для исторіи школы съ Петра Великаго служатъ пособіями: трудъ академика *Пекарскаго*, „Наука и литература при Петрѣ I-мъ“; проф. *Буданова*, „Государство и народ. образованіе въ Россіи въ XVIII в.“ (1874 г.) и *Воронова*, „Историко-Статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній слѣб. округа“ (1849). Трудъ Воронова въ научно-историческомъ отношеніи ничтоженъ; но онъ даетъ матеріалъ, извлеченный изъ архивовъ Мин. Нар. Просвѣщенія, довольно цѣнный. Затѣмъ историческія статьи *Н. Весселя* о народной школѣ, помѣщенные въ „Ж. Мин. Нар. Пр.“ и въ „Русской школѣ“ представляютъ поверхностныя компиляціи изъ трудовъ Хмырова и Воронова. Авторъ поклонникъ системы нѣмецкихъ школъ и желалъ бы пересадить эту систему въ Россію.

Для исторіи начальной школы въ *нашу эпоху* не мало матеріала даютъ статьи г. *Благовидова*, помѣщенныя въ журн. „Странникъ“ за 1890 г. Авторъ имѣлъ подъ руками архивные матеріалы изъ дѣлъ Св. Синода и сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ изъ исторіи многострадальной церковно-приходской школы въ эпоху реформъ Александра II-го. Въ брошюрѣ „Мѣры къ повсемѣстному распространенію грамотности въ народѣ“ излагаются мѣры для правильнаго устройства церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Для характеристики общаго значенія церковно-приходской школы служить трудъ прот. *И. Смирнова* „Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на Западѣ, въ виду будущаго нашей“.

Наконецъ существуетъ много статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ разработкѣ частныхъ историческихъ фактовъ изъ исторіи нашего образованія. Укажемъ *нѣкоторыя*. *Д. Мордовцева*, „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.“; *Н. Лавровскаго*, „Памятники древне-русскаго воспитанія“; „Къ исторіи просвѣщенія въ древней Руси“ *В. Бодянскаго* (о церк. библиот. XVII в.); *Поляева*, „Школы грамоты на Руси“; *Б—на*, „Участіе правительства въ дѣлѣ народ. образованія, до Петра Вел.“; *Величко*, „Историческій очеркъ обществ. образованія въ Россіи“ (1861 г.); *Григорьева*, „Замѣтки по исторіи книжнаго просвѣщенія въ Россіи“; ст. *Купріянова*, *Забѣлина*, „О характерѣ древняго образованія въ Россіи“ и мн. др., особенно въ духовныхъ журналахъ „Правосл. Собесѣдникъ“, „Христ. Чтеніе“, „Православное Обзорѣніе“, „Православный Собесѣдникъ“, Приложенія къ твореніямъ Св. Отцевъ, а также въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, Архивъ и др.

Вообще, не смотря на скудость первоначальныхъ источниковъ о книжномъ ученіи на Руси, матеріала для исторіи школъ нашихъ имѣется не мало; но онъ разбросанъ, раздробленъ и привести его къ единству тѣмъ труднѣе, что разработка его и взгляды на дѣло образованія у различныхъ изслѣдователей весьма разнообразны и иногда доходятъ до полныхъ противорѣчій.

Настоящій трудъ, какъ первый опытъ *цѣлой* исторіи нашей начальной школы, конечно, не свободенъ отъ недостатковъ, пробѣловъ, опущеній; но онъ имѣетъ *единство* взгляда на ходъ нашего народнаго образованія, на его основныя задачи, характеръ, а вслѣдствіе того и на его будущность.

Взглядъ этотъ не составленъ теоретически и не придуманъ произвольно, — его *даетъ сама исторія и подтверждаетъ фактами*; при этомъ онъ совпадаетъ съ воззрѣніями и народа нашего на школу, на *обученіе*, на его характеръ и задачи.

Какъ русская исторія, такъ и исторія школы начальной на Руси распадается на *два* половины—школа древней Руси *до-Петровской* и школа *послѣ Петра Великаго*.

Въ первой половинѣ мы различаемъ *три* періода:

I-й періодъ — отъ основанія училищъ на Руси до монгольскаго ига (988—1238). Просвѣщеніе народа „книжнымъ ученіемъ“ широко и свободно

распространяется по Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ; школа является вмѣстѣ съ церковію, подъ руководствомъ церковной власти. Распространеніе училищъ идетъ быстро, свободно, безъ потрясеній и колебаній, охватываетъ всю Русь и даетъ блестящіе результаты.

II-й періодъ обнимаетъ время монгольскаго ига (1238 г.—1480). Русь удѣльно-Московская испытываетъ страшное нашествіе дикихъ народовъ Азіи. Огонь и мечъ прошли землю Русскую, — города разрушены, церкви разграблены и сожжены, народъ оскудѣлъ, потерялъ безчисленное множество лучшихъ сыновъ своихъ. Все это сильно потрясло и даже приостановило начавшійся быстрый ростъ училищъ. Но школу сберегло духовенство. Образование ютилось въ монастыряхъ, поддерживалось черноризцами, священниками и причтами. Явилось *частное* обученіе. Высшая духовная власть оберегала школы и отстаивала ихъ предъ монгольскими владыками.

III-й періодъ обнимаетъ время съ половины XV в. до Петра Великаго. Въ эту эпоху готовится и совершается отпаденіе значительной части Руси къ Польшѣ (1569). Образование отпавшей половины Руси подчиняется чуждымъ вліяніямъ, но охраняется *братствами*; преемство Владиміровой церковной школы сохраняется въ Московской Руси, которая крѣпнетъ и объединяется. Съ XV вѣка, въ виду упадка просвѣщенія и возникшихъ ересей, духовная іерархія принимаетъ мѣры къ учрежденію правильно устроенныхъ церковныхъ школъ по всему государству.

IV-й періодъ начинается Петромъ Вел., обнимаетъ блестящій вѣкъ Екатерины II и заканчивается учрежденіемъ министерства просвѣщенія (1802 г.) при Александрѣ I-мъ. Это эпоха западно-европейскаго вліянія на нашу школу. Церковно-приходская школа или забыта (при Петрѣ I), или преслѣдуется (при Екатеринѣ II), въ виду проектовъ учрежденія школъ по иноземному образцу; но духовенство и народъ сберегаютъ школу свою и она непрерывно продолжаетъ свое существованіе. Это періодъ административныхъ проектовъ, плановъ, предположеній, кабинетныхъ реформъ въ народномъ образованіи, чуждыхъ жизни и потому бессильныхъ и мертворожденныхъ.

V-й періодъ обнимаетъ XIX в., до нашего времени. Здѣсь можно различать частныя направленія. а) Вѣкъ *Александра I-го* представляетъ еще отголосокъ вѣка Екатерины II-й, съ вліяніемъ европейскихъ началъ гуманности, индиферентизма, мистицизма, и др. вѣяній. б) Эпоха *Николая I-го* является утвержденіемъ національнаго направленія въ образованіи на началахъ „православія, самодержавія и народности“. в) Царствованіе *Александра II-го* представляетъ эпоху реформъ. Освобожденіе крестьянъ открываетъ широкую возможность образованія народа. Духовенство самостоятельно принимаетъ въ этомъ дѣлѣ живое и плодотворное участіе, открываетъ во множествѣ церковно-приходскія школы, безмездно обучаетъ дѣтей. Учрежденіе земства привлекаетъ къ школѣ новыя средства, но увлекаетъ ее на путь иноземныхъ (преимущественно нѣмецкихъ) вліяній. Духовенство постепенно устранивается отъ школы. Мученическая кончина Царя-Освободителя служитъ къ отрез-

вленію умовъ отъ крайнихъ увлеченій. г) Царствованіе *Александра III-го* представляетъ возстановленіе народной школы на исконныхъ историческихъ ея основахъ. Духовенство вновь призывается къ образованію народа,—школы увеличиваются въ количествѣ, улучшаются въ качествѣ и получаютъ живое направленіе въ духѣ церковности. Народъ, руководимый духовенствомъ, самъ создаетъ школы, онѣ быстро умножаются. Составляется „*Положеніе о церковно-приходскихъ школахъ*“, образуется *высшее управленіе* церковно-приходскими школами при Св. Синодѣ, вырабатывается правильная ихъ *организациія*, составляются *инструкціи, программы, учебники, пособія* для школъ; въ каждой епархіи учреждаются *училищныя совѣты* и ихъ *отдѣленія* по уѣздамъ; организуется школьный *надзоръ*, принимаются мѣры къ образованію *учителей*, учреждаются двухклассныя школы съ учительскими курсами, основывается *образцовая женская учительская школа* въ Петербургѣ, организуются *учительскіе съѣзды*. Церковно-приходская школа, руководимая духовенствомъ, при всеобщемъ участіи и расположеніи народа, быстро развиваясь, содѣйствуетъ улучшенію нравственнаго и экономическаго его быта. Вырабатывается „*Положеніе о школахъ грамоты*“, принимаются мѣры къ устройству *приходскихъ библіотекъ*, къ *бесплатной разсылкѣ книгъ* въ бѣднѣйшія школы, организуется *издательская комиссія* для удешевленнаго печатанія учебниковъ и пособій на спеціальныя средства Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта. Кіевскій съѣздъ руководителей церковно-приходскихъ школъ, въ память 10-лѣтія ихъ возрожденія, представляетъ живую картину дѣятельности духовенства на пользу народнаго образованія въ мирное царствованіе Александра III.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ШКОЛЬ ПРИ СВ. ВЛАДИМИРЪ ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

В в е д е н і е	III
I. Историческія условія, благоприятныя для возникновенія школь и образованія на Руси	1
II. Учрежденіе и распространеніе на Руси Училищъ по сказаніямъ лѣтописцевъ и другимъ источникамъ	5
III. Устроители древне-Русскихъ училищъ (князья и ихъ образованіе).	15
IV. Кто завѣдывалъ и руководилъ древне Русской школой.	18
V. Школа и приходъ (связь школы и церкви съ общиннымъ началомъ древне-Русской жизни).	21
VI. Общеобразовательный характеръ, учебный курсъ и способъ ученія въ древне-Русскихъ школахъ.	26
VII. Обученіе чтенію, письму и гвнію въ древне-Русской школь. Предположенія о преподаваніи въ ней грамматики и счисленія.	31
VIII. Взглядъ нашихъ предковъ на «книжное ученіе и чтеніе».	38
IX. Воспитательный характеръ древне-Русской школы и идеаль древне-Русскаго воспитанія.	42
X. Значеніе церковно-приходской школы для древней Руси, и плоды ея для образованія Русскаго народа. Заключение.	49

ШКОЛЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ЭПОХУ МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

I. Неблагоприятныя условія для развитія школь и образованія въ Монгольскую эпоху.	57
II. Духовенство и его просвѣтительная дѣятельность въ Монгольскую эпоху.	61
III. Училища въ Монгольскую эпоху. Возникновеніе школь грамоты.	66
IV. Монастыри, Какъ пріюты просвѣщенія въ Монгольскую эпоху.	72
V. Воспитаніе и обученіе въ школахъ Монгольской эпохи.	76
VI. Какіе плоды дала Руси церковная школа въ Монгольскій періодъ.	78
З а к л ю ч е н і е	81

ОБРАЗОВАНИЕ И ШКОЛЫ НА РУСИ ВЪ XV—XVII ВѢКАХЪ.

А. Русь Юго-Западная и Литовская.

I. Условія исторической жизни Юго-Западной Руси. Братства. Школы и образованіе въ XV—XVI вѣкахъ	83
II. Воспитаніе и обученіе въ братскихъ школахъ Юго-Западной и Литовской Руси.	93

Б. Русь Восточная.

I. Школы и просвѣтительныя мѣры на Руси Московской, въ XV—XVI в.	104
II. Школы и образованіе на Руси XVII вѣка. (Въ патріаршій періодъ).	144
III. Распространеніе на Руси грамотности въ XV—XVII в. Библіотеки. Всеобщность образованія по взгляду нашихъ предковъ.	150
IV. Идеаль древне-русскаго воспитанія и воспитательныя мѣры въ XV—XVII в. на Руси до-Петровской.	158
V. Внутренняя организація школы XVII в. Правила поведенія учащихся. Школьные порядки и взаимныя отношенія учениковъ и учителей.	179
VI. Учебный курсъ, и обученіе въ древне-русской школѣ XV—XVII в. Учебная литература и матеріаль для самообразованія русскихъ людей въ до-Петровское время.	188
VII. Приложение. Источники и пособія для исторіи нашей школы и образованія на Руси до-Петровской.	218

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ НА РУСИ.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ШКОЛЪ ПРИ СВ. ВЛАДИМІРѢ ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

I. Историческія условія возникновенія школъ и образованія на Руси.

А) Школы на Руси и образованіе возникаютъ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ Руси христіанствомъ. Христіанство на Руси является дѣломъ *свободнаго* избранія лучшей вѣры княземъ и народомъ. Принятію вѣры православной предшествовало *испытаніе стръ* чрезъ лучшихъ избранныхъ мужей, числомъ 10. Выслушавъ отзывы ихъ о вѣрѣ Греческой, бояре единогласно признали ея превосходство и указали на Ольгу—христіанку, „яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человекъ“. Владиміръ, безъ колебаній и сомнѣній, рѣшительно и прямо спрашиваетъ: „Кдѣ крещеніе примемъ?“ — Бояре отвѣчали: „гдѣ ти любо.“ Народъ вѣрилъ своему единоподданному князю; князь вѣрилъ своему народу. Такого безпримѣрнаго согласія народа и правителя въ дѣлѣ выбора и перемѣны вѣры исторія никогда не представляла.

Когда приспѣлъ часъ совершить великое дѣло крещенія цѣлой страны языческой, народъ спокойно и съ увѣренностію пошелъ за своимъ княземъ. „Володимеръ посла по всему граду, глаголя: „аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“. Се слышавше *людье съ радостью идяху, радующеся и глаголюще*: „аще бы се не добро было, *не бы сею князь и бояре приняли*“. Какое величественное, трогательное и безпримѣрное въ исторіи событіе представляетъ крещеніе Руси! „И бѣше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ“, говоритъ лѣтописецъ и заключаетъ: „Благословенъ Господь Исусъ Христосъ, иже возлюбилъ новыя люди, Русьскую землю, просвѣтилъ ю крещеніемъ святымъ“.

Иларіонъ, знавшій о событіи этого крещенія отъ участниковъ его, въ похвалѣ Владиміру пишетъ, что князь „заповѣда *по всей землѣ своей* креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ясно и велегласно *во всѣхъ градѣхъ* славится Святѣй Троицѣ, и *всѣмъ* быти крестьяномъ (христіанами) малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть *ни единого же противящеся* благочестивому его повелѣнію; да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крещася, понеже бѣ благовѣріе его съ властію съпряжено. И *въ едино время вся земля наша* въслави Христа со Отцемъ и Св. Духомъ.“¹⁾

¹⁾ Понятно, что въ этой общей картинѣ отдѣльные случаи и частности временнаго сопротивленія волѣ князя (въ Новгородѣ, въ Ростовѣ) не нашли мѣста, но они общей картинѣ и не измѣняютъ, какъ факты частные.

Итакъ, принятіе христіанства на Руси является *общимъ* актомъ, при *единодушномъ согласіи народа*, бояръ и князя.

Такое водвореніе христіанства на Руси естественно *узаконяло и облегчало* введеніе и всѣхъ учрежденій, *соединенныхъ съ нимъ*, къ числу которыхъ прежде всего принадлежатъ *книжное просвѣщеніе и училища*.

Лѣтописныя свидѣтельства дѣйствительно удостовѣряють, что *на всей Руси* съ церковію являлось и *книжное ученіе*, ввѣряемое княземъ духовенству, свободно и благожелательно принимаемое народомъ.

Первыя школы на Руси учреждаются, говоря словами лѣтописца, „на утвержденіе вѣры“. Утвержденіе вѣры утвердило школы.

Замѣчательно, что и *въ другихъ Славянскихъ земляхъ*, въ Болгаріи, Моравіи, Чехіи, христіанство принято было *по желанію князей*, утвердилось по общему согласію народа; просвѣтителями явились Греческіе пастыри; но князья требовали просвѣщенія *на родномъ языкѣ*¹⁾.

Б) Извѣстно, что до принятія христіанства Славяне „имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья,“ какъ имѣли свою религію, съ обрядами и жрецами. Этотъ законъ племена „сами себѣ творили“, по выраженію лѣтописца.

Христіанство вноситъ въ Русь *новый законъ*,—законъ самого Бога,—законъ общій для *всѣхъ* племенъ, законъ истинно добрыхъ нравовъ; но этотъ законъ, для своего познанія, вкорененія и распространенія, *требуетъ отъ Руси ученія и образованія*. Слѣдовательно, со введенія христіанства, церковь, общество и законодатель Руси должны были единодушно принять и признать обязательными три задачи для своей дѣятельности: *содѣйствіе образованію народа религіозному, вкорененіе въ немъ христіанской нравственности и распространеніе въ немъ умственного образованія*²⁾. Если бы народу дана была новая вѣра *вопреки его желанію*, то эти три задачи были бы невыполнимы, или исполненіе ихъ было бы дѣломъ величайшей трудности и долгаго времени. Но Русь свободно, *своею волею*, приняла христіанство, поэтому также свободно *пожелала* и просвѣщенія,—одинаково—словеснаго, *въ церкви и книжнаго въ школѣ*, о чемъ единодушно заботились князья и духовная власть.

В) Не менѣе важнымъ является и то обстоятельство, что христіанство нашло въ Руси *дѣйствительную* почву. На это обращаетъ вниманіе Погодинъ.

¹⁾ Подъ 6406 г. лѣтописецъ пишетъ: „Словѣномъ жиущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцель послаша ко Царю Михаилу, глаголюще: земля наша крещена, и тѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ ны, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни Гречьску языку, ни Латыньску; *они бо ны онаго учать, а они бо ны и онако, тѣмъ же не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ*: и послѣте ны учителя, иже ны *могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ*. Се слыша Царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣнскихъ князь, и рѣша философи: *есть мужъ въ Селуни, именовъ Левъ; суть у него сынове разумиви языку Словѣнску, хитра два сына у него философа*. Се слышавъ Царь, посла по ня въ Селунь ко Лвови, глаголя: *посли къ намъ въскорѣ сына своя Мефодія и Костянтина*. Се слыша Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко Цареви, и рече има: „се прислалася ко мнѣ Словѣнска земля, просящи учителя собѣ, иже бы могъ имъ *протолковати святыя книги; сего бо желаютъ*“. Умолена быста Царемъ, и послаша я въ Словѣнскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови. Сима же пришедъшема, *начаста съставлявати письма азбукъовная Словѣнскы, и преложиста Апостолъ и Еуангелъе. Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ*“:

Благодаря этому, въ Славянскихъ земляхъ устроены были многія училища, „построены церкви и монастыри и поставлены епископы, попы, игумены — да учать“. Число учениковъ Климента возрасло до 3.500.

²⁾ Лешковъ, „Ист. Рус. общественнаго права“, стр. 207.

„Христіанская вѣра, говоритъ онъ, сдѣлалась вмѣстѣ и источникомъ нашего образованія,—источникомъ *единственнымъ*, въ противоположность съ западными народами, которые, кромѣ христіанской вѣры, получили въ наслѣдство себѣ, еще прежде ея введенія, греческое и римское образованіе, сильное и многостороннее они *пропитались* этимъ образованіемъ, и оно дало ихъ новымъ вѣрованіямъ свой *особый* характеръ, что и было причиною отличій первоначальнаго римскаго католичества отъ греческаго, а еще болѣе отъ русскаго православія“¹⁾.

Г) Въ высокой степени важнымъ для просвѣщенія Руси является то обстоятельство, что предки наши, говоря словами Іакова мниха, „пріяша святое крещеніе, *готово имуще святое писаніе и книги переведены* съ греческаго языка на русскій“.

Трудно оцѣнить достаточно важность этого обстоятельства. Новокрещенному народу сразу открывается доступъ къ чтенію источника вѣры православной, къ совершенію богослуженія на родномъ языкѣ, къ изученію духовной литературы. Съ другой стороны, самый русскій языкъ, благодаря отличному знанію его и высокой филологической подготовкѣ св. просвѣтителей Славянъ, при вліяніи совершеннѣйшаго изъ классическихъ языковъ, получаетъ обработку въ стилѣ и формахъ, развитіе для выраженія самыхъ высокихъ истинъ и отвлеченныхъ понятій.

Поистинѣ святыя просвѣтители Славянъ были *основателями* и нашего *книжнаго ученія*. Благословеннымъ трудомъ ихъ Русь пользуется и доселѣ. Труды ихъ легли и въ основу первоначальной школы нашей, трудамъ ихъ эта школа обязана широкимъ распространеніемъ на Руси, съ первыхъ поръ ея просвѣщенія. Грамотность на *чужомъ* языкѣ не могла бы скоро и прочно привиться народу²⁾.

Д) Новое важное обстоятельство для распространенія на Руси грамотности представляетъ этнографическое единство славянскихъ племенъ. „А словѣнскъ языкъ

¹⁾ Погодинъ, Др. Рус. Ист. стр. 653.

²⁾ „Прежде оубо словѣне, пишетъ черноризецъ Храбръ, не имѣху книгъ, и ꙗзъ чъртами и рѣзами чьтѣхъ ꙗзъ и гатаахъ ꙗзъ, поганисѣхъ ꙗзъ“. Изъ сказанія Храбра видно, что предки наши не ограничивались чертами и рѣзами, но пытались писать римскими и греческими буквами—„Римскими и Грьчскими письмены нуждаахъ ꙗзъ писати словѣньскъ рѣчь безъ оустроена“. Изобрѣтеніе славянскихъ письменъ Храбръ признаетъ благодѣяніемъ и милостію Бога („помилвалъ родъ словѣньскъ“), призывающаго всѣхъ ко спасенію. Такой взглядъ на грамоту сохранили и наши предки, считая ее дверью къ уразумѣнію божественныхъ книгъ. Въ грамотѣ „*разумъ Богъ есть для словѣномъ*“ Храбръ замѣчаетъ, что происхожденіе славянскихъ письменъ и переводъ священныхъ книгъ были извѣстны всѣмъ, „каждому словенскому букварю“.

Аще бо въпросиши книгъуна гръуьскыа, глагола: кто кы есть писмена створилъ, или книги прѣложилъ, или въ кое время? то рѣдѣцѣи ѿтъ нихъ вѣдаты. Аще ли въпросиши словѣньскыа боукра, глагола: кто кы писмена створилъ есть, или книги прѣложилъ? то всѣи вѣдаты, и ѿтвѣщавше режтъ: сватыи Кѡнстантинъ философъ, нарѣцаемъи Кирилъ, тѣи намъ писмена створи и книги прѣложи, и Меѡодие вратъ его. сѣтъ бо еше живи, иже сѣтъ видѣли ихъ. и аще въпросиши: въ кое время? то вѣдаты и режтъ: яко въ времена Михаила Цьсарь Гръуьскы, и Бориса Кназа Баъгарьскы, и Растица Кназа Моравьскы, и Коцель Кназа Балтъньсва, въ лѣто же ѿтъ сѣзданиа късего мира *STZГ*.

и русский *единъ*: отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша словѣне; аще и Поляне звахуся, но *словѣньская рѣчь бѣ*“, говоритъ лѣтописецъ ¹⁾).

Благодаря этому, на всемъ пространствѣ великой русской земли *славянская* книга была *понятною всѣмъ*; не будь этого, первоначальное образование не могло такъ широко разлиться по Руси съ первыхъ поръ ея просвѣщенія.

Е) Русь получила христіанство *отъ Грековъ*; они принесли намъ и книжное просвѣщеніе; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ просвѣщеніи древней Руси участвовала и единоплеменная, единовѣрная намъ, ранѣе насъ принявшая христіанство *Болгарія*.

Въ Иоакимовой лѣтописи пишется: „царь же Болгарскій Сѹмеонъ († 927 г.) присла *іереи учены и книги довольны*, и посла Владиміръ въ Царь-градъ къ царю и патриарху просити митрополита, онъ же вельми возрадовалася, прислаша митрополита Михаила, мужа весьма ученаго и богобоязненнаго, *Болгарина суца*, съ нимъ *четыре епископы*, и *многи іереи, діаконы и дѣмественники отъ славянъ*“ ²⁾).

Митрополитъ Михаилъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ устроителей школъ; онъ собиралъ учителей и наставлялъ ихъ; епископы, а также „многи іереи и діаконы“, конечно, служили дѣлу образованія, и для нихъ это было удобно, такъ какъ рѣчь ихъ была *понятна народу*.

„Дѣмественники“ же принесли съ собою *тѣніе*,—тоже *Болгарское*, болѣе близкое намъ по духу, стилю, характеру и потому *легче изучаемое*. Еслибы на первыхъ порахъ у насъ не было грамотныхъ людей и пѣвцовъ, знающихъ *русскую рѣчь* — славянъ, то гдѣ было бы взять учителей для школъ, которыя съ первыхъ же поръ открывались „по всемъ градомъ и селомъ“? Чтобы приготовить *своихъ* учителей, для этого нужно было время; а изъ Грековъ, пришедшихъ на Русь, многіе ли знали русскій языкъ? Не надо забывать, что Болгарія уже *за сто лѣтъ* до крещенія Руси имѣла *училища* и обширную духовную *письменность*. Кромѣ перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ, Болгары имѣли переводъ многихъ писаній отеческихъ, а также и руководства для училищъ, каковы грамматика, философія, и богословіе І. Дамаскина, церковная и гражданская исторія и многія другія. Это обстоятельство содѣйствовало широкому распространенію образованія на Руси и такой высотѣ его, что черезъ 40—50 лѣтъ послѣ Владиміра у насъ уже являются мужи высокихъ дарованій и учености.

Участіе въ нашемъ образованіи епископовъ, священниковъ и клира изъ *просвѣщенныхъ Болгаръ* нельзя не считать въ числѣ благопріятныхъ условій для нашей древней школы, для обученія въ ней на родномъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что Болгары приносили съ собою „книги многи“ ³⁾. Таковы были историческія условія, при которыхъ началось книжное образованіе въ древней Руси.

¹⁾ Полн. собр. лѣтоп., т. I. Лѣтопись Лаврентьевская.

²⁾ Иоак. лѣт. I, 38. Дата указываетъ погрѣшность въ имени царя, но фактъ несомнѣненъ.

³⁾ Кромѣ трудовъ св. просвѣтителей Славянства Кирилла и Меѳодія: число копъ весьма значительно, Болгарская церковь дала намъ труды ихъ преемниковъ, также весьма обильные. Таковы: св. *Климентъ* (писавшій слова, поученія, житія святыхъ), *Симеонъ*, „книголюбецъ“, первый царь Болгарскій, (переведшій 136 словъ Златоустаго), *Іоаннъ*, экз. Болгарскій, „строитель церковный“, при кн. Симеонѣ (составившій Шестодневъ, переведшій Богословіе, Діалектику и Грамматику Дамаскина, писавшій слова), *Константинъ еп.* (писавшій слова и поученія, житія, перев. св. Аѳанасія), *Григорій* пресвятеръ (пер. хронику Малалы), Черноризецъ *Храбръ* (сост. кн. „О письменѣхъ“), *Козма* пресвятеръ (писавшій противъ Богомиловъ).

II. Учрежденіе и распространеніе училищъ на Руси.

Объ основаніи „книжнаго ученія“ на Руси лѣтописецъ, подъ 988 г., пишетъ, что Св. Владиміръ князь, просвѣтившись вѣрою, послѣ крещенія Кіевлянъ, „нача ставити по градомъ церкви и *попы*, и люди на крещеніе приводити по *всѣмъ градомъ* и *селомъ*. Пославъ нача поимати у нарочитое чади *дѣти* и даяти нача *на ученье книжное*; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но яко по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, сбытсѣя пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: въ оны дни услышатъ глусіи *слова книжная*, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ“¹⁾.

Такъ вмѣстѣ съ принятіемъ Св. Вѣры Русь получила и ученіе книжное, которымъ руководили тѣ, кто просвѣтилъ Русь православіемъ, то-есть, епископы и священники. Неопредѣленное выраженіе лѣтописи „даяти нача на ученіе книжное“ вызываетъ вопросъ, были ли Св. Владиміромъ устроены *училища*, или просто *собирали дѣтей для просвѣщенія* ихъ ученіемъ христіанскимъ, словесно, или по книгамъ²⁾?

Въ лѣтописи по Никонову списку о „книжномъ ученіи“ дѣтей при Св. Владимірѣ пишется: „И начаша отъ отцовъ и отъ матерей *взимати младыя дѣти*, и давати въ *училище, учитись грамоте*“³⁾. Татищевъ, первый нашъ исторіографъ по времени, пользовавшійся многими лѣтописными сказаніями, для насъ утраченными, пишетъ: „Тоже повелѣ (Владиміръ) ставити церкви и священникамъ людей приводитъ на крещеніе, *по всѣмъ градомъ и по селамъ* посылая *попы ученые*. Митрополитъ же Михаилъ совѣтовалъ Владиміру *устроить училища*, на утвержденіе вѣры, и собрать дѣти *въ наученіе*. И тако Владиміръ повелѣлъ собрать *дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ*, раздавая по церквамъ *священники со причетники* въ *наученіе книжное*. — Прежде бо невѣдущіе закона не слыхали словесъ книжныхъ; по Божью строенію и милости явившейся, осѣни ихъ свѣгомъ благоумія, *устроены бо были многія училища*“⁴⁾.

Карамзинъ, на основаніи лѣтописныхъ сказаній, пишетъ, что послѣ крещенія Руси, „чтобы утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, еще въ IX в. переведенныхъ на словянскій языкъ Кирилломъ и Мисодіемъ и, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ христіанамъ, великій князь Владиміръ *завелъ для отроковъ училища*, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи“⁵⁾.

Послѣдующія свѣдѣнія объ учрежденіи книжнаго ученія на Руси показываютъ несомнѣнно, что лѣтописецъ говоритъ именно объ учрежденіи *церковныхъ школъ* на Руси; поэтому и церковные историки — Филаретъ, Макарій и другіе, а равно и

¹⁾ Лавр. лѣтоп. стр. 51.

²⁾ Соловьевъ въ Истор. Россіи (т. V) пишетъ: „Училища при Владимірѣ заведено не было, а дѣтей раздали учиться по церквамъ у священниковъ“.

³⁾ Никон, спис. Изд. 1767—92, I, стр. 94.

⁴⁾ Истор. Рос. Изд. 1768—84 г., ч. II, стр. 75—6.

⁵⁾ Ист. Госуд. Рос.; т. I. Что первоначальное книжное ученіе совершалось въ *училищахъ*, объ этомъ имѣемъ позднѣйшія свидѣтельства въ постановленіи Стоглаваго собора, гдѣ говорится: „а прежде сего въ Россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ *многія училища* бывали“. Стоглав. XXV.

ученые изслѣдователи—Лавровскій, Хмыровъ и др., учрежденіе училищъ Св. Владиміромъ признають несомнѣннымъ ¹⁾).

Не слѣдуетъ забывать, что прибывшіе въ Русь для просвѣщенія ея христіанствомъ Греки и Болгары сами обучались уже въ благоустроенныхъ училищахъ, имѣли предъ собою образцы разнообразныхъ учебныхъ заведеній, знакомы были съ способами обученія того времени и вообще съ организаціей школъ. Если для Русскихъ послѣднія были новостью, то для Грековъ онѣ были учрежденіями хорошо извѣстными. Извѣстіе Татищева, что князь Владиміръ устраивалъ „книжное ученіе“ по *совѣту* митрополита, явно указываетъ на непосредственное участіе послѣдняго въ устроеніи первыхъ школъ на Руси. Подтвержденіе этому находимъ, кромѣ Никоновой лѣтописи, въ Степенной книгѣ. Въ первой говорится: „Тѣхъ же всѣхъ *учителей грамотныхъ* призываше къ себѣ митрополитъ и наказываше (учаше) *православіе и благочестіе* крѣпко соблюдать, и безумныхъ рѣчей и неподобныхъ опаятися“. Здѣсь митрополитъ является наставникомъ учителей, руководителемъ ихъ; съ другой стороны „*грамотные учителя*“ являются какъ бы людьми особаго призванія, хотя всѣ они были священно-служителями церкви.

Лавровскій не безосновательно высказываетъ даже предположеніе, что первыя церковныя школы были общежитія ²⁾, гдѣ учившіеся жили совокупно, взятыя изъ домовъ родителей, ибо иначе чѣмъ объяснить, что „матери чадъ сихъ аки по мертвечи плакахуся“. Очевидно, плакали, потому что разставались съ дѣтьми, лишались ихъ, хотя и на время ³⁾. Училище же съ общежитіемъ есть уже вполне организованное училище. У насъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о внутреннемъ бытѣ первыхъ училищъ, о способахъ ученія; но въ одномъ изъ списковъ лѣтописи Нестора ⁴⁾ учрежденіе кн. Владиміромъ книжнаго ученія дополняется такимъ извѣстіемъ; „симъ же (дѣтѣмъ) розданномъ на ученіе книжное, и *навыкаху скоро*, по Божью строю“. Поэтому надо полагать, что учителя были люди опытные. Въ Степенной книгѣ, составленной, какъ извѣстно митрополитами Макаріемъ и Кипріяномъ, излагается замѣчательный *наказъ* митрополита Михаила учителямъ школъ Владиміровыхъ. Хотя эта книга явилась уже въ половинѣ XVI в., но по своей сравнительной древности, принадлежа образованнѣйшимъ людямъ своего времени, конечно, знавшимъ историческое прошлое Руси и имѣвшимъ подъ руками источники, которые для насъ утрачены, а также и устное преданіе, заслуживаетъ довѣрія, тѣмъ болѣе, что характеръ наказа митрополита Михаила не противорѣчитъ другимъ свѣдѣніямъ о школахъ его времени и даже подтверждается ими. Вотъ это наставленіе: „Богодухновенный же учитель, преосвѣщенный митрополитъ Михаилъ, призываше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ, и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учить юныя дѣти, якоже *словесемъ книжнаго разума*; такожде и *благонравію*;

¹⁾ Иноземецъ Эверсъ, „нѣмецъ именемъ и дѣломъ“, отвергаетъ учрежденіе Владиміромъ школъ, а допускаетъ только, что дѣтей брали и отдавали въ наученіе епископамъ, въ цѣляхъ при готовленія къ священству. Хмыровъ, согласно съ Лавровскимъ, справедливо называетъ это сужденіе „выполнѣ нѣмецкимъ“, потому что оно имѣетъ въ виду однихъ священниковъ, но забываетъ о чтецахъ, пѣвцахъ, столь же необходимыхъ въ Русской церкви. Но если даже принять мнѣніе Эверса, то выходитъ только, что при епископахъ были *училища* для приготовленія дѣтей къ священству.

²⁾ Лавровскій, стр. 29.

³⁾ Лавровскій, стр. 105. На это указываютъ и выраженія лѣтописцевъ: „*поимати дѣти*“, „дѣти *отымати* у парочныхъ людей“, „*взимати* младыя дѣти“, то-есть, брать ихъ изъ домовъ родителей.

⁴⁾ Лѣтопись Переяславская, по списку съ рукописи XIII в.

и въ правдѣ и въ любви, и зачалу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію: учить же ихъ *не яростію*, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и *любовнымъ обычаемъ*, и слаткимъ *проученіемъ*, и ласковымъ *разсужденіемъ* противу *кагождо* силы, и съ ослабленіемъ, *да не унывають*, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня, на пользу души же и тѣла; отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески ошаятся“¹⁾. Совершенно въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и ближайшій преемникъ Михаила—Леонтій.

Допустивъ даже, что наказъ этотъ въ Степенной книгѣ представленъ въ нѣкоторомъ распространеніи, нельзя отрицать самаго факта,—для этого нѣтъ никакихъ основаній.

Въ этомъ открытіи первыхъ училищъ на Руси замѣчательнымъ образомъ выразились *главнѣйшія черты* ихъ послѣдующей исторіи и ихъ характеръ.

Прежде всего здѣсь является *единство власти* духовной и гражданской: митрополитъ совѣтуетъ, князь повелѣваетъ устроить училища.

Книжное ученіе народа *въпрямую руководству и завѣдыванію духовенства*.

Духовенство является первыми, одинаково духовною и гражданской властью признанными, *учителями*.

Училища имѣютъ *церковный* характеръ. Они учреждаются „на утвержденіе вѣры“.

Они являются не *учебными* только, но и *воспитательными* учрежденіями, дѣти обучаются „словесѣмъ книжнаго разума“, но главнымъ образомъ — „*правдѣ и любви и зачалу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію*“. Нельзя выразить сильнѣе воспитательныя задачи школы.

Въ основу дисциплины первыхъ нашихъ школъ положены были *евангельскія начала* кротости. Митрополитъ заповѣдуетъ учителямъ учить дѣтей „ни яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ“, но *любовнымъ обычаемъ*, причемъ совѣтуетъ обращать вниманіе и на силы каждаго ученика, дабы не обременять работою сверхъ силъ.

Нѣкоторые историки (напр., Забѣлинъ) высказываютъ сомнѣнія въ такомъ характерѣ ученія первыхъ нашихъ школъ, но безъ достаточныхъ основаній. Приводимые ими примѣры воспитанія „жестомъ“ и „розгою“ относятся къ *позднѣйшему* времени, (преимущественно XV—XVI в.), на которое могла имѣть вліяніе и западная школа. Обстоятельства же школы временъ Владиміра были таковы, что именно требовали *кроткаго* обращенія съ дѣтьми. Народъ только-что принялъ новую вѣру; но родители еще „не бяху ся утвердили вѣрою“; матери плакали о дѣтяхъ, отдаваемыхъ въ школы, какъ по мертвыхъ; при этомъ суровость „жестокость и гнѣвъ“, могли вызвать въ дѣтяхъ страхъ, въ родителяхъ — озлобленіе, ненависть и даже сопротивленіе; дѣти могли и разбѣжаться изъ училищъ, вышла бы смута народная. Но ничего подобнаго не было. Быть можетъ, для того и собиралъ митрополитъ учителей, чтобы предупредить возможность недовольства школою, если бы въ ней стали обучать „гнѣвомъ и яростію“. Въ своемъ наставленіи Владыка настойчиво предлагаетъ учителямъ заботиться о томъ, чтобы дѣти *не унывали*, — не тяготились ученіемъ, не тосковали въ школѣ. Совершенно такъ же поступалъ и Леонтій въ Ростовѣ, гдѣ встрѣтивъ закоренѣлыхъ стариковъ, язычниковъ, онъ ласково старался привлечь къ ученію дѣтей. Такимъ образомъ духъ христіанской кротости въ первыхъ нашихъ школахъ является совершенно есте-

¹⁾ Степ. книга 1, стр. 143.

ственнымъ и составлялъ одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха ученія и привлеченія къ школѣ народа.

Наконецъ, въ извѣстїи лѣтописца мы находимъ указаніе и на *всеобщность* первой школы на Руси. Сказавъ, что Владиміръ началъ строить церкви по городамъ и селамъ, лѣтописецъ тотчасъ же продолжаетъ, что князь тогда же отправилъ во *весь* города и села особыхъ лицъ священнаго сана „попы ученые“, которые бы, крестя и просвѣщая людей, собирали дѣтей у нарочитыхъ и простыхъ людей, „дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ“ и отдавали ихъ ученіе книжное. При каждой церкви, конечно, были священники съ причтомъ,—они и были первыми учителями *по всемъ городамъ и селамъ*. Гдѣ была церковь, тамъ было и ученіе. Вѣру святую принялъ *весь* народъ, *весь* народъ нуждался и въ просвѣщеніи. Нужды церкви и нужды народа совпали. Для церкви необходимо было обезпечить постоянно полный составъ духовенства и причтомъ изъ народа Русскаго; для народа нужда была учиться книгамъ, въ которыхъ заключалась новая вѣра. Поэтому естественно, что на Руси „устроены были многія училища“.

Перейдемъ къ дальнѣйшимъ свидѣтельствамъ о ихъ учрежденіи. Въ Софійской лѣтописи подъ 1030 г. находимъ такой рядъ извѣстій: „Великій Князь Ярославъ Белзы взялъ. Того же лѣта родился Ярославу четвертый сынъ, и нарече ему имя Всеволодъ. Того же лѣта иде князь Ярославъ на чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ: *и прииде къ Новгороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей—т. (300) учити книгамъ*“. Тоже извѣстіе занесено и въ Никоновскую лѣтопись, подтверждается Карамзинымъ ¹⁾ и другими историками, какъ извѣстіе несомнѣнное.

Фактъ учрежденія этого училища не подвергался сомнѣнію даже скептиками, готовыми заподозрить Софійскую лѣтопись потому только, что она явилась въ позднихъ спискахъ (XV в.). Лавровскій пишетъ: „Въ пользу дѣйствительности распоряженія Ярослава говоритъ и самый характеръ извѣстія: краткость, простота, неожиданность. Видно, что составитель самъ не находилъ въ этомъ событіи особенной важности, какъ бы случайно и тѣми же словами перенисалъ его изъ древнѣйшаго списка, помѣстивъ его (какъ то было, безъ сомнѣнія, и въ послѣднемъ) среди другихъ событій“ ²⁾.

Нѣкоторые писатели основаніе Новгородской школы ставятъ въ связь съ взятіемъ г. Бельза ³⁾ Ярославомъ, полагая, что оно „было вдохнуто ревливой наблюдательностію Ярослава, желавшаго пересадить на Русскую почву и, разумѣется, на Русскій ладъ, плоды просвѣщенія Польши, развитой въ то время болѣе, нежели Русь“ ⁴⁾. Но Ярославъ былъ слишкомъ церковнымъ человѣкомъ, чтобы увлекаться Польскою новизною.

Гораздо справедливѣе сопоставить учрежденіе училища съ общою характеристикой Ярослава у лѣтописца. „И бѣ Ярославъ—свидѣтельствуеъ лѣтописецъ—книгамъ прилежа и почитая е часто въ ноци и въ дне, *и собра писцихъ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо и писаша книги многы, и сниска, ими же поучашеся вѣрніи людье, наслажатся ученья божественнаго*“.

Самъ же лѣтописецъ ставитъ просвѣтительную дѣятельность Ярослава въ связь съ дѣятельностію св. Владиміра. „Якоже бо се нѣкто землю разоретъ, другой

¹⁾ Ист. Госуд. Рос. II, стр. 23.

²⁾ Лавровскій, стр. 24.

³⁾ Бельзь—г. въ Червонной Руси, въ Мазовіи; нынѣ въ Холмской епархіи.

⁴⁾ Григорьевъ, „Замѣтки о книжн. проsv. Руси“, см. у Хмырова, стр. 61.

же насѣть, ини же пожинають и ядятъ пищу бескудну, тако и съ: отецъ бо сего, Володимеръ, взорà и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; съ же (Ярославъ) *настя книжными словеса сердца вѣрныхъ людій*, а мы пожинаемъ, ученье приемолюще книжное“.

Мудрый сынъ продолжалъ великое дѣло славнаго отца.

Слѣдуетъ замѣтить, что и до Ярослава въ Новгородѣ уже было училище. Подъ тѣмъ же 1030 г. въ Новгородской лѣтописи отмѣчено: „Преставися Акимъ новгородскій (епископъ), и бяше ученикъ его Ефремъ, *иже ны* (т. е. лѣтописца, съ другими) *учаше*“¹⁾, а у Татищева добавлено—и „греческому языку“²⁾. Отсюда ясно, что въ Новгородѣ было училище, въ немъ были ученики, и не одинъ, а многіе, изъ нихъ одинъ оказался уже настолько образованнымъ, что самъ обучалъ и былъ лѣтописцемъ. Лавровскій высказываетъ справедливое предположеніе, что школа эта основана была Іоакимомъ, который „прииде къ Новугороду, и требища разори, и Перуна посѣче и повелѣ въврещи въ Волховъ“, а людей просвѣтилъ крещеніемъ, тогда же, вѣроятно, завелъ онъ и училище.

Поэтому Лавровскій и другіе изслѣдователи³⁾ дѣлаютъ даже предположеніе, что распоряженіе Ярослава имѣло цѣлю расширение курса и распространение уже существовавшаго училища, которое должно было служить высшимъ разсадникомъ просвѣщенія, на что отчасти указываетъ привлеченіе въ него дѣтей „нарочитой чади“ Новгородской—старость и духовенства.

Замѣчательно различіе лѣтописныхъ выраженій объ учрежденіи училищъ въ Кіевѣ и Новгородѣ: Владиміръ „пославъ, *нача поимати*“, а Ярославъ — „*собра*“. Значитъ, ученіе уже не внушало прежняго страха и, бытъ можетъ, сдѣлалось даже потребностью, особенно для такого города, каковъ былъ великій Новгородъ; а „нарочитая чадь“ его, по самому своему положенію, даже нуждалась въ грамотности. Новгородъ имѣлъ обширнѣйшія внѣшнія сношенія, заключалъ договоры. Эпоха Ярослава отмѣчена составленіемъ „Русской правды“, „Устава о церковномъ судѣ“, многими произведеніями духовной литературы. Для такихъ работъ надо было имѣть высокое образованіе, которое и давала школа Ярославова.

Дальнѣйшія мѣры Ярослава на пользу просвѣщенія народа показываютъ въ немъ человѣка замѣчательнаго ума и энергій, великаго преобразователя. Лѣтописецъ пишетъ, что Ярославъ „любимъ бѣ книгамъ, *многи написавъ, (списавъ), положи въ церкви Св. Софьи, юже созда самъ*“, то-есть, основалъ обширную библіотеку для общаго пользованія. Далѣе говорится: „И ини церкви ставляше по градомъ и по мѣстамъ, поставляя попы и *дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди*, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ“⁴⁾. То-есть, Ярославъ, вмѣнивъ священникамъ въ обязанность быть учителями въ церковныхъ школахъ, назначилъ въ вознагражденіе за трудъ обученія особый окладъ изъ собственныхъ великокняжескихъ доходовъ.

Карамзинъ говоритъ: „опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе іереямъ, Ярославъ умножилъ число ихъ *во всѣхъ* городахъ и предписалъ имъ учить новыхъ христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ“. Въ какихъ

¹⁾ Новгор. II, 121.

²⁾ Татиш. II, 105.

³⁾ Лавровскій, стр. 25. Хмыровъ, 61 стр. Григорьевъ, въ „Эпохѣ“ 1861 г., № 11.

⁴⁾ Лаврент. лѣт., стр. 65.

именно городахъ основаны были училища, неизвѣстно. Приходится обращаться къ другимъ мѣстамъ лѣтописей, къ другимъ источникамъ. Такъ есть несомнѣнные свидѣтельства, что училище было въ Курскѣ.

Въ житіи преп. Θεодосія читаемъ: „Въ томъ градѣ (*Курскѣ*) растый отрокъ тѣломъ, растяше и духомъ, въ премудрости и любви Божіей. Ибо моляше самъ родителей своихъ, *да дадутъ его въ наученіе божественныхъ книгъ*, якоже и сотвориша: и вскорѣ изучися всему божественному писанію, яко всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ и о скоромъ его ученіи“¹⁾. Изъ этого извѣстія ясно, что Θεодосій сначала воспитывался дома „въ премудрости и любви Божіей“, потомъ, по его собственной просьбѣ, изъ дома родителей отданъ былъ „въ наученіе божественныхъ книгъ“, и ученіе его называется необыкновенно „скорымъ“. Значитъ въ Курскѣ было училище, гдѣ обучались чтенію, разумнѣю божественныхъ книгъ; надо полагать, и письму, потому что Θεодосій, писавшій посланія къ князьямъ (Святославу и Изяславу), очевидно, былъ наученъ и этому искусству. Да иначе и быть не могло, потому что печатныхъ книгъ тогда еще не было и письмо служило помощію при обученіи чтенію. Несторъ называетъ преп. Θεодосія „наставникомъ и учителемъ иноковъ, не только вѣрою, но и разумомъ просвѣщеннымъ“. Поистинѣ училище, давшее образованіе Θεодосію, могло хвалиться своимъ ученикомъ. Говоря о нравственныхъ качествахъ Θεодосія въ дѣтствѣ, жизнеописатель его прибавляетъ: „покореніе же и повиненіе кѣто исповѣсть, еже стяжа въ ученіи своемъ, не тѣмъ же и къ учителю своему, но и къ всѣмъ учащимся“. Значитъ, училище, гдѣ обучался Θεодосій, было многолюдно. Способъ выраженія объ этомъ лѣтописца показываетъ, что многолюдство училищъ было явленіемъ обычнымъ, иначе оно было бы отмѣчено, какъ нѣчто особенное.

Къ тому же времени относятся извѣстія объ учрежденіи въ Кіевѣ женскаго училища княжною Анной, называемой также Янкою, дочерью Всеволода Ярославича. Въ Степенной книгѣ пишется, что она постриглась въ женскомъ монастырѣ при церкви св. Андрея (постр. В. К. Всеволодомъ), и собравъ при себѣ многихъ инокинь, „пребывала во всякомъ благоговѣніи, постѣ и цѣломудріи, храня жестоко законъ монашескій, и препровождая время въ чтаніи книгъ“, которому, надо полагать, обучала и сестеръ. По словамъ Татищева, „собравши младыхъ дѣвицъ, Анна нѣколько обучала ихъ писанію, такожъ ремесламъ, тнѣю, швенію и инымъ полезнымъ имъ ремесламъ“²⁾. Извѣстіе это замѣчательно. Оказывается, что въ Кіевѣ было основано женское училище, когда въ Западной Европѣ объ образованіи женщинъ еще не помышляли. Кн. Анна была женщина образованная. Для ознакомленія съ устройствомъ женскихъ обителей она посѣтила Цареградъ, откуда привезла митрополита, преемника Іоанну II-му. Въ монастырѣ прожила она 26 лѣтъ и скончалась въ 1169 г.

О Евфросиніи, княжнѣ Полоцкой, въ Степенной книгѣ пишется: „Случи же ся дѣвицѣ сей ученъ быти книжному писанію, еще не достигше ей въ совершенъ возрастъ тѣлеснаго естества, еже молитвы плодъ, и толма бысть любящи ученіе, якоже чюдитися отцу ея о толицѣ любви ученію ея“³⁾. Ставъ настоятельницей основаннаго ею (1119—28 г.) женскаго монастыря, она упростила отца своего отпу-

¹⁾ Печ. патерикъ, л. 29, на обор.

²⁾ Татиш. II, 138.

³⁾ Ст. кн. стр. 270.

стити къ ней сестру ея Гордиславу *учитъся грамотѣ*. Подобно Янкѣ, она обучала и сестеръ монастыря, что видно изъ рѣчи Евфросиніи (по Степенной же книгѣ) къ инокинямъ: „Азъ веселымъ сердцемъ подвизаюся *учити* васъ, видящи *плоды ваша трудныя*, и толикъ дождь проливаю вамъ *ученіемъ*“. Она также путешествовала по св. мѣстамъ, была въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ, гдѣ скончалась (1172 г.) и погребена была въ Русской обители пр. Феодосія ¹⁾.

Ярославъ Владиміровичъ, король *Галицкій*, прозванный современниками Осмосмысловъ, слѣдовалъ примѣру Ярослава Мудраго и заводилъ многія училища въ своей области. Этотъ государь отличался высокимъ образованіемъ, любилъ чтеніе книгъ, заботился о благоустроеніи церквей и церковнаго чина, „былъ мудръ и рѣченъ языкомъ и богобоязливъ, разстроилъ (устроилъ) землю свою, любилъ чернорицевъ“. „Самъ приходилъ къ церковному чину и строилъ добръ“ ²⁾. О немъ Татищевъ сообщаетъ такое лѣтописное извѣстіе: „изученъ былъ (Ярославъ) языкамъ, многія книги читалъ, въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ устроая и наставляя, зловѣріе искоренялъ, а мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ, и *учитъ понуждалъ*, монаховъ же и съ ихъ доходы къ *наученію дѣтей опредѣлилъ*“ ³⁾.

Устроителемъ школъ въ области *Владимірской* является Константинъ Всеволодовичъ, просвѣщеннѣйшій и благочестивѣйшій князь, устроитель церквей, любитель книгъ и образованія. „Такъ бѣ блаженный св. князь, правдивъ, щедръ, кротокъ, смѣренъ, всѣхъ милуя всѣхъ набдя, паче же всего дивную любя и славную милостыню и церковное строенъе, и о томъ пекыйся день и ночь; велми бо печашеся о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, *исполняя книгами* и всякими украшеніи.— Часто бо *чашше книги*, и творяше по писанному“ ⁴⁾. Несомнѣнно что онъ основывалъ училища. По случаю пожара церкви св. Михаила въ 1227 г. лѣтописецъ пишетъ, что „при ней трудились *иноки русскіе и греки учаще младенцевъ*. И погорѣли *книги многи*, собранные симъ Константиномъ мудрымъ“ ⁵⁾. Какъ велика была его заботливость объ этомъ училищѣ, можно видѣть изъ завѣщанія кн. Константина, гдѣ пишется, что „домъ же свой и книги вся въ *училище* по себѣ опредѣлилъ, и къ тому *на содержаніе не малыя* волости далъ, о чемъ просилъ брата Юрія, дабы обѣщаль непоколебимо завѣтъ его сохранить, который съ великою жалостію и множествомъ слезъ оное утвердилъ“ ⁶⁾. Можно полагать, что обширное и обеспеченное въ содержаніи училище, гдѣ обучали дѣтей иноки русскіе и Греки, съ большею библіотекой, было училищемъ центральнымъ для Владимірской области, съ разширеннымъ курсомъ ученія, какъ Ярославово Софійское.

Отправляя своихъ дѣтей, Василька и Всеволода, на княженіе въ Ростовъ и Ярославль еще малолѣтними, Константинъ „наипаче о нихъ печалился и по часту посылалъ бояръ надзирать въ ихъ *ученіи* и содержаніи“. Слѣдовательно, и тамъ книжное ученіе существовало и, конечно, покровительствовалось княземъ.

О просвѣтительной дѣятельности Романа Ростиславовича, кн. Смоленскаго († 1180 г.), Татищевъ передаетъ такое извѣстіе: „Онъ былъ вельми ученъ всякихъ

¹⁾ Тѣло ея впоследствии было перенесено въ Печерскій монастырь, гдѣ нетлѣнно почиваетъ и донынѣ.

²⁾ Полн. собр. лѣт. II, 135. Кіевск. лѣт.

³⁾ Татищ. II, 280.

⁴⁾ Лавровскій, Лѣт. стр. 187—188.

⁵⁾ Татищ. II, 446 стр.

⁶⁾ Татищ. II, 416.

наукъ—и къ ученію многихъ людей понуждалъ, устрояя на то училища и учителей, грековъ и латинистовъ, своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ; и такъ на оное имѣніе свое истощалъ, что на погребеніе его принуждены были Смольяне серебро и куны давать по изволенію каждаго“ 1).

Слѣдуетъ замѣтить, что Смоленская епископія была окончательно утверждена въ 1150 г. (первое учрежденіе кафедръ относятъ къ Владиміру Мономаху, но изъ уставной грамоты Смоленскаго князя видно, что „здѣ первѣе сего (1150 г.) не бывало епископи“). Такимъ образомъ въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ учрежденіемъ епископіи, при поддержкѣ князя, училища заводились по всей области.

Учрежденіе епископій на Руси, совершившееся при Леонтіѣ I-мъ (992 г.), имѣло важное вліяніе на распространеніе училищъ и на ихъ благоустройство. При каждой епископіи было училище, подъ надзоромъ и руководствомъ архіереевъ, подававшихъ примѣръ своей паствѣ. О Ростовскомъ епископѣ Леонтіи пишется: „Святый же Леонтій приде въ Ростовъ и видѣ люди, состарѣвшіеся въ невѣрїи, и остави старыя люди, младенцы же ко церкви призываше и сладостно кутіею кормяше ихъ и благочестію учае и крестяше ихъ“ 2).

Наши первые митрополиты и епископы были люди высокаго образованія, рѣдкихъ дарованій; они были устроителями и руководителями книжнаго ученія на Руси. Кромѣ любви къ образованію, къ этому побуждалъ ихъ долгъ и прямыя интересы церкви.

Въ первую эпоху, кромѣ древнѣйшихъ епархій *Новгородской, Ростовской, Черниговской, Бѣлгородской, Владимірской* на Волыни, во второй половинѣ XI в. были извѣстны: *Тьмутараканская* (ок. 1068), *Переяславская* и *Юрѣвская* (1072); затѣмъ — *Полоцкая* (ок. 1105), *Туровская* (1114), *Смоленская* (1137), *Галицкая* (1157), *Рязинская* (ок. 1207), *Владимірская* на Клязьмѣ (1215) и *Угровская* (предъ нашествіемъ татаръ) 3).

Эти пятнадцать епархій были центрами „книжнаго ученія“ и широко охватывали древнюю Русь.

Но сюда слѣдуетъ присоединить наши *монастыри*.

Монастыри явились на Руси рано. Съ вѣрой Христовой, говоритъ Иларіонъ, „монастыреви на горахъ сташа, черноризцы явишася“. Въ До-Монгольскую эпоху монастырей было на Руси не мало. Въ Кіевѣ ихъ было 14, въ Новгородѣ до 20-ти, а всѣхъ считается свыше 50-ти 4).

Монастыри же были первыми училищами вѣры и *распространителями книжнаго ученія*.

Сюда стекались избранники, проникнутые духомъ Христова ученія. Это были „*свѣтила*, сіявшія на всю Русь“, по выраженію Нестора. Время проводилось въ

1) *Татищевъ* II, 239. Смотри у *Лавровскаго* обстоятельное доказательство вѣрности этого извѣстія—стр. 41 и далѣе.

2) *Слав. книг.* стр. 153. Слѣдуетъ впрочемъ замѣнить, что слово *учить* въ старыхъ рукописяхъ употреблялось и въ смыслѣ проповѣданія, назиданія поученія, (см. у *Лавровскаго* стр. 33); въ этомъ смыслѣ и люди и книги назывались *учительными*. Напр. о Кириллѣ, м. Кіевскомъ, пишется, что онъ бѣ „учителень зѣло и хытръ ко ученію божественныхъ книгъ“. Наименованіе отдѣла *учительныхъ* книгъ св. писанія (Псалтирь, притчи Соломова, Эккліастъ) сохранилось доселѣ.

3) См. *Погодина*, Др. Ист., стр. 549.

4) См. перечень монастырей, съ указаніемъ времени ихъ основанія, у *Погодина*, Др. Р. Ист., II, 574 и дал.

молитвѣ, въ трудѣ, въ „книжномъ почитаньи“. Подвижники монастырей, проповѣдывавшіе словомъ и дѣломъ святое ученіе, представляли народу высшіе идеалы, имѣли вліяніе на него своими совѣтами, молитвами, примѣрами. Поистинѣ наши древніе монастыри, говоря словами Погодина, „представляли лучшую, свѣтлую сторону Русской жизни и дорогое достояніе отечественной исторіи“. Особенно прославилась Печерская обитель Кіева своими подвижниками и своимъ великимъ нравственнымъ вліяніемъ на Русскую жизнь,—вліяніе это продолжается и доселѣ.

„Изъ Печерскаго монастыря, говоритъ Погодинъ, разносилось *образование* по областямъ Русскимъ съ епископами, назначаемыми изъ иноковъ, и всякая новая епархія дѣлалась новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь—гимназіей, новая церковь — народнымъ училищемъ“¹⁾. Вотъ почему строеніе церквей, учрежденіе монастырей, столь тщательно записанное нашими лѣтописцами, должно занимать мѣсто и въ исторіи нашихъ училищъ. Каждый монастырь самъ по себѣ былъ *училищемъ*, пріютомъ грамотности; каждый создавалъ учителей и вызывалъ устройство новыхъ школъ; здѣсь изготовлялись книги, столь цѣнныя въ тѣ времена и необходимыя для просвѣщенія.

Пр. Θεодосій, игумень Кіево-Печерскаго монастыря, такъ выразилъ иноческія обязанности: „Иноку надлежитъ быть бодрымъ на *тнѣ* церковное, на *преданія* отеческія и на *почитаніе книжное*, имѣть любовь и наказанье (назиданіе) къ меньшимъ, повиновеніе къ старшимъ“. Такимъ образомъ *грамота* и *тнѣ* являлись какъ бы обязательными для инока. Тѣмъ же просвѣтительнымъ вліяніемъ отличались и женскіе монастыри, гдѣ дѣйствовали Янка и Евфросинія, что засвидѣтельствовано лѣтописями; тѣмъ же духомъ жили и другія обители. Не забудемъ, что въ тяжкую эпоху ига Монгольскаго монастыри спасли намъ *образование*.

Высокое значеніе монастырей привлекало въ нимъ князей и народъ, располагало ихъ къ пожертвованіямъ, которыми монастыри пользовались на благо русской земли. Такъ Ярославъ Изяславовичъ „вда имъ всю жизнь свою Небольскую волость и Деревьвскую и Лучскую и около Кіева“. Кн. Глѣбъ „вда въ животѣ своемъ съ княгинею, 60 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота“ (гривна равнялась фунту металла). Мстиславъ Владиміровичъ предоставилъ монастырямъ даже свою дань. Каждый монастырь былъ *школою*, но каждый монастырь былъ и *прибѣжищемъ* сиротъ, *питателемъ бѣдныхъ*, пріютомъ для немощныхъ. Здѣсь народъ православный учился вѣрѣ, учился всякому добру и „книжному почитанію“. Сюда стремились лучшія духовныя силы народа, избранники его, становившіеся потомъ его *учителями*. Только при этомъ значеніи монастырей мы и можемъ объяснить то обстоятельство, что при удивительно быстромъ распространеніи на Руси училищъ лѣтописцы *нигдѣ не заявляютъ о недостаткѣ учителей*.

При самомъ утвержденіи на Руси христіанства, по свидѣтельству Степенной книги, пожертвованія были не только на церковное строеніе, но и „*возраста ради сиротъ*“. Въ уставѣ св. Владиміра о церковныхъ десятинахъ упоминаются при монастыряхъ и церквахъ гостинницы, страннопріимницы; митрополиты заповѣдывали монастырямъ, „сироты держати“, и всѣхъ убѣждали, „вдовиць и сиротъ, и положанниковъ и странныхъ миловати и призирати“.

Это обстоятельство приводитъ насъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Если при монастыряхъ призрѣвались *сироты*, жили тамъ, то не можетъ быть, чтобы они

¹⁾ Погодинъ, Др. Р. Ист., II, 661.

только питались,—это было бы не въ духѣ монастырей нашихъ. Съ полною вѣроятностію можно предположить, что дѣти-сироты и *обучались*. Ихъ прежде всего наставляли къ православной вѣрѣ, учили всему, что полезно для спасенія и нужно всякому христіанину; а способнѣйшіе по крайней мѣрѣ *вдавались* и *книжному ученію*, дабы сдѣлать ихъ участниками монастырскаго богослуженія. Быть можетъ, изъ этихъ сиротъ иные оставались въ монастырѣ иноками. Были случаи, что и взрослые, поступивъ въ монастырь безграмотными, дѣлались людьми „книжными“, а тѣмъ болѣе это естественно относительно сиротъ-дѣтей, предоставленныхъ вполнѣ заботамъ и отвѣтственности иноковъ.

Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго; напротивъ, оно подтверждается даже практикою монастырей нашего времени. Лавровскій находитъ, что наши древнія страннопріимницы при монастыряхъ соотвѣтствуютъ Византійскимъ *ксенодохіямъ*, гдѣ „по закону христіанскому совершалось образованіе и воспитаніе дѣтей“; обязанность монастырей кормить и содержать сиротъ соотвѣтствуетъ греческой *орфанотрофіи*, это были сиротскія учебно-воспитательныя заведенія, которыя пользовались общимъ сочувствіемъ и почетомъ.

„Какъ не быть этимъ пристанищамъ сиротъ, пишетъ онъ, тамъ, гдѣ христіанство вдругъ появилось въ полномъ цвѣтѣ, гдѣ благотворительность, съ первыхъ годовъ его водворенія, еще въ лицѣ Владиміра, искала простора и силилась обнять собою все новопросвѣщенное общество, куда всѣ христіанскія учрежденія, въ полномъ своемъ составѣ, перенесены были изъ православной Византіи“¹⁾.

Предположенія вѣроятныя. Существованіе призрѣнія сиротъ при *монастыряхъ* является несомнѣннымъ уже потому, что это призрѣніе изъ глубины вѣковъ сохранилось во многихъ обителяхъ доселѣ. Оно входило въ уставы обителей по правиламъ Василія Великаго, которыя строго сохранялись въ нашихъ древнихъ монастыряхъ, подобно тому, какъ призрѣніе при церквахъ составляло обязанность *приходовъ* и вытекало какъ изъ церковныхъ предписаній, изъ духа самаго христіанства, заповѣдующаго творить дѣла милости духовной и тѣлесной, такъ и изъ народныхъ обычаевъ, изъ общиннаго начала сельской жизни.

Такимъ образомъ лѣтописныя свидѣтельства объ учрежденіи училищъ на Руси хотя и скудны, но достаточны для убѣжденія въ широкомъ распространеніи книжнаго образованія на Руси, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ одни прямо говорятъ объ учрежденіи училищъ въ городахъ, каковы—Кіевъ, Новгородъ, Курскъ, Смоленскъ, Владиміръ; другія говорятъ о мѣрахъ къ учрежденію училищъ по областямъ, или вѣрнѣе—епископіямъ; инныя просто указываютъ на распространеніе обученія первоначальнаго. А такъ какъ училища учреждались преимущественно при епископіяхъ²⁾, монастыри же, весьма многочисленные, несомнѣнно были пріютами книжнаго ученія, то, соображая совокупность приведенныхъ свидѣтельствъ, слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что училища въ первый періодъ ихъ существованія раскинуты были на Руси повсемѣстно.

Мы еще болѣе въ этомъ убѣдимся, ознакомившись съ устроителями училищъ и ихъ руководителями.

¹⁾ Лавровскій, стр. 62 и слѣд. Здѣсь приводится мнѣніе объ этихъ учрежденіяхъ Джуканжа.

²⁾ „Какъ показываютъ источники, народной школой въ древней Руси служили *дома встарь церковныхъ властей и учреждений*«. (Леонтовичъ, стр. 12). Стоглавъ, который не вводилъ ничего новаго, но желалъ возстановить старину, обязывалъ церковный клиръ „учинити *въ домъхъ* училища, чтобы всѣ православныя христіане давали дѣтей своихъ въ наученіе“. Такъ было при Владимірѣ и Ярославѣ, такъ хотѣлось отцамъ собора устроить и въ позднѣйшее время.

III. Устроители древне-русских училищъ.

Устроителями первыхъ училищъ на Руси являются наши князья; поэтому важно опредѣлить, насколько они были образованы и какой характеръ имѣло это образование,—то и другое должно было имѣть несомнѣнное вліяніе на учреждаемыя князьями школы.

О *Владиміръ* св. лѣтописецъ сообщаетъ, что онъ еще до крещенія Руси былъ знакомъ съ христіанскимъ ученіемъ и имѣлъ бесѣду о вѣрѣ, о правдѣ, о судѣ съ греческимъ проповѣдникомъ (986 г.); послѣ крещенія Владимиръ былъ наставляемъ въ истинахъ вѣры греческимъ духовенствомъ ¹⁾. Онъ „зѣло любилъ слушать чтеніе божественныхъ словесъ“; „бѣ любя книжныя словеса“. Въ похвальномъ словѣ св. Владиміру м. Иларіонъ называетъ его „учителемъ и наставникомъ Русской земли“. Это былъ религіозный человѣкъ по убѣжденію, высокихъ дарованій.

Его взглядъ на воспитаніе и просвѣщеніе выразился въ воспитаніи его дѣтей. Объ образованіи *Ярослава* Владиміровича было уже сказано. Лѣтописецъ многократно пишетъ о немъ: „любимъ бѣ книгамъ“, „книгамъ прилежа, почитая е часто въ нощи и во дне“,—книгамъ религіознымъ, св. писанію, „пророческимъ бесѣдамъ и евангельскимъ и апостольскимъ ученіямъ“; онъ переводилъ книги съ греческаго на славянскій: „собра писцы многи и *перекладаше* отъ грекъ на словенское письмо и списаша книги многи“ ²⁾; онъ образовалъ первую на Руси библіотеку. Естественно, что въ созданіи училищъ онъ видѣлъ свое призваніе и не щадилъ на нихъ своихъ средствъ. Ярославъ былъ вполне образованнымъ, просвѣщеннымъ христіаниномъ и такое же просвѣщеніе желалъ дать народу.

Объ *Изяславѣ* Владиміровичѣ говорится, что онъ „прилежаше прочитанію божественныхъ писаній“ ³⁾. *Борисъ* и *Глѣба*, рано унесенные смертью, „свѣтяшася, аки двѣ звѣздѣ свѣтлѣ посреде темныхъ“; изъ нихъ первый „взимаше книги (т. е. Свящ. Писаніе) и чтяше“; другой, „иже баше старъ умомъ“, при своей молодости, любилъ слушать это чтеніе ⁴⁾.

Сынъ Ярослава, *Святославъ* Черниговскій, подобно отцу, былъ образованнѣйшимъ изъ князей XI вѣка. Онъ любилъ чтеніе, списывалъ и собиралъ книги. Съ именемъ Святослава извѣстны два „изборника“ ⁵⁾, съ произведеніями религіознаго, философскаго, историческаго и діалектическаго содержанія. Въ послѣсловіи къ „изборнику“ 1073 г. пишется: „Святославъ, подобно трудолюбивой пчелѣ, *со всякаго цвѣтка писанія собравъ* въ одинъ сотъ — въ великосмысленное сердце свое — сладости *источалъ* ее изъ устъ своихъ предъ боярами на вразумленіе мыслей ихъ, являясь предъ ними новымъ Птоломеемъ, не по вѣрѣ, но по желаніямъ сердца, *по собранію многочисленныхъ божественныхъ книгъ*, которыми онъ *наполнилъ свои палаты*, къ вѣчной памяти о себѣ“. О *Ярополкѣ* Изяславичѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ

¹⁾ Лавр. лѣт. Полп. Собр. Лѣт. I, 36—45, 51.

²⁾ Лавр. Л., 65—66.

³⁾ П. С. Л., т. II; стр. 162.

⁴⁾ Сказ. Нестора о житіи и убіеніи б. кн., Бориса и Глѣба.

⁵⁾ Одинъ переведенъ съ греческаго для Святослава въ 1073 г., полагають Іоанномъ Болгарскимъ экзархомъ, другой—въ 1076 г.

былъ „весьма книженъ“, и о *Всеволодѣ*, сынѣ его, отзывается, какъ о „совершенномъ“, образованномъ человѣкѣ.

Владиміръ Мономахъ извѣстенъ своимъ образованіемъ. Его поученіе къ дѣтямъ составляетъ цѣнный литературный памятникъ, свидѣтельствующій о церковной начитанности автора и высокихъ христіанскихъ взглядахъ его на жизнь, на обязанности человѣка, на взаимныя отношенія людей, на образованіе и трудъ. Изъ этого поученія можно видѣть и воспитаніе дѣтей Мономаха, которые тоже были людьми религіозными, образованными. Объ отцѣ своемъ (*Всеволодѣ Ярославичѣ*) Мономахъ говоритъ, что онъ „сидя дома“ изучилъ *пять* языковъ: Греческій — по причинѣ тѣсныхъ связей Руси съ Греками; Латинскій, — какъ тогдашній языкъ литературный, за повсемѣстнымъ его употребленіемъ; Нѣмецкій — по необходимости объясняться съ множествомъ служившихъ тогда на Руси Германскихъ выходцевъ, Венгерскій и Польскій — по близкому сосѣдству и свойству съ сими областями ¹⁾: а болѣе всего — по любознательности и любви къ наукѣ.

Сыновья Мономаха любили образованіе: памятникомъ просвѣтительной дѣятельности Мстислава служитъ извѣстное „Мстиславово“ Евангеліе, а объ Ярополкѣ лѣтописецъ пишетъ, что онъ былъ „Христіолюбивъ и человѣколюбивъ, и любя прочитаніе божественныхъ словесъ и почитая епископы, пресвитеры и мнихи, много бесѣдоваше наслаждашеся въ духовныхъ словесѣхъ“ ²⁾.

Святославъ Давидовичъ Черниговскій, въ иночествѣ Николай (прозваніемъ Святоша), подобно просвѣщенному дѣду своему Святославу (кн. Черниговскій, потомъ в. кн. Кіевскій), любилъ книги, собиралъ ихъ и бібліотеку свою подарилъ Печерской обители. По его просьбѣ инокъ Ѳеодосій перевелъ „догматическое посланіе св. Льва, папы Римскаго, въ обличеніе ереси Евтихія“ ³⁾. Владиміръ Волынкскій, сынъ Василья Романовича, даже у западныхъ писателей извѣстенъ былъ подъ именемъ „Философа“ за свою ученость и образованіе.

Объ Андрѣ Боголюбскомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ: „божественному писанію зѣло прилежаше“. „Онъ былъ усердный строитель церквей и школъ.

Константинъ Всев. Владимірскій, воспитанный праведнымъ отцемъ своимъ „въ наказаніи, въ разумѣ свершенѣ, даже и до мужъства“, изжилъ свою недолгую жизнь (33 г.), „всѣхъ умудряя тѣлесными и духовными бесѣдами; часто бо чтяше книги и творяше все по писаному“, а передъ смертью (1219) „домъ свой и книги вся“ передалъ на школы ⁴⁾. Замѣчательно завѣщаніе Константина Всеволодовича къ дѣтямъ Васильку и Всеволоду. Въ немъ выражается истинно христіанскій взглядъ на нравственныя обязанности князя. „Возлюбленнѣи мои чадѣ! Будита межи собою въ любви, Бога бойтася всею душею, заповѣди Его во всемъ соблюдающа, и мои нравы не воспримѣте, яже мя видѣша творяща: нищихъ и вдовиць не презрита, церкви не отлучайтася, іерейскый и мнишьскый чинъ любита, и книжнаго поученья слушайта, и будита въ любви межи собою, и Богъ мира буди съ вама“.

Объ образованіи кн. Анны и Евфросиніи было уже сказано. О Евфросиніи говорится, что она „толма бысть любящи ученіе, яко же чудитися отцу ея о толицѣ

¹⁾ См. *Татищевъ*, *Ист. Рос.* II, стр. 107.

²⁾ *Никон.* Лѣт. II, 77.

³⁾ Посланіе это напечатано въ *Чт. Общ. Ист. и др. Рос.*, 1848 г., № 7.

⁴⁾ *Лавр.* Лѣт., стр. 185.

любви ученію ея“¹⁾. Она сама „нача книги писати своима рукама“. Обѣ княжны были устроительницами женскихъ училищъ.

Вообще образованность нашихъ князей-христіанъ въ этомъ періодѣ составляетъ выдающееся явленіе нашей исторіи, имѣвшее несомнѣнно благотворное вліяніе на устроеніе училищъ. „Изъ показаній лѣтописцевъ, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, можно видѣть, что книжное ученіе сдѣлалось для князей потребностью, такъ-сказать завѣтомъ отъ отца къ сыну: сыновья наслѣдовали отъ родителей любовь къ книгамъ и учили своихъ дѣтей; эти послѣдніе заботились о книжномъ наставленіи своихъ сыновей“²⁾.

Кириллъ Туровскій замѣчаетъ: „міра сего властители, иже въ житейскихъ вещѣхъ труждаются, *прилежно требуютъ книжнаго почитанія*“.

Для изображенія *характера* образованія нашихъ князей приведемъ рассказъ Нестора о книжномъ ученіи св. Бориса и Глѣба и ихъ домашнихъ занятіяхъ. „Пусти же благовѣрный князь сыны своя кождо на свою область самъ, а святу сею Бориса и Глѣба оу себе держащу, занеже единаче дѣтеска бѣста. бѣ же Глѣбъ велми дѣтескъ, а умъ старъ. а блаженный Борисъ въ разумъ сы исполнь благодати божія взимаше бо *книгъ и чтяше*. бяше бо и *грамотъ изоученъ, чтяше же житія и оученія святыхъ*, и глаголаше моляся со слезами. сице же ему молящася по вси часы, а святы Глѣбъ *послушаше* его. *Сѣдя и не отлучашеся* отъ блаженнаго Бориса. Но съ нимъ *день и ночь послушаше его*“³⁾.

Какою свѣжестью вѣтъ эта картина домашней жизни нашихъ князей еще въ началѣ XI вѣка. Старшій братъ читаетъ свящ. книги, младшій, еще малютка, „а умъ старъ“, слушаетъ неотступно это чтеніе, находитъ въ немъ наслажденіе.

Князья любили монастыри, иноковъ, чтили духовный чинъ. Нѣкоторые князья и княгини принимали иноческій чинъ, а иные даже схиму. Такъ Никола Святоша съ браннаго поля, становится придверникомъ монастырскимъ и несетъ тяжкія послушанія. Игорь Ольговичъ (1146), плѣненный и больной, говоритъ своему счастливому сопернику (Изяславу Мстиславовичу): „се боленъ есмь велми, и прошу у тебѣ постриженія, была бо ми мысль на постриженіе еще въ княженіи своемъ“. И онъ „пострижеся—въ скиму“. Великій князь Ростиславъ (1168) просилъ Полкарпа о постриженіи въ Печерскомъ монастырѣ. Великій князь Святославъ (1194), умирая, „веля ся постричи въ черньци“. Мстиславъ Удалой принялъ предъ смертію схиму (1228).

Анна, дочь Всеволода (Янка), была настоятельницей женскаго монастыря при церкви св. Андрея, гдѣ и учила дѣтей (1186). Сестра ея Евпраксія (1106), будучи уже вдовою Германскаго императора Генриха IV, постриглась въ монастырѣ. Монашество приняли жена Давида Ростиславича Смоленскаго, жена Всеволода Георгиевича Суздальскаго, в. кн. Всеволожая, Марія (1206).

Нѣтъ нужды доказывать, что образованіе нашихъ князей было религіозное; оно-то и дѣлало ихъ людьми великихъ доблестей, свѣтлаго ума, высокаго патріотизма; вырабатывало изъ нихъ „страдальцевъ за русскую землю“, покровителей просвѣщенія, устроителей школъ.

¹⁾ Степ. кн. 1, стр. 270.

²⁾ Н. Б—въ, „Участіе правит. въ дѣлѣ нар. образованія до Петра В.“

³⁾ Изв. Ак. наукъ, т. II, стр. 211. Ср. у Лавровскаго, стр. 58.

Исторія во всемъ мірѣ не представляетъ намъ ничего подобнаго. Русь является во всемъ *особенною*. Особеннымъ способомъ *приняла* она христіанство, особеннымъ способомъ *развила* въ себѣ *просвѣщеніе* и устроила школы. Во всемъ свобода духа, единство, согласіе князей и народа. Это единство истекало *изъ церкви*, ею освящалось, на ней утверждалось, въ ней черпало силу.

Церковная и гражданская власть въ дѣлѣ просвѣщенія дѣйствовали вполнѣ единодушно. Князья были ревностными устроителями училищъ. Этимъ и объясняется быстрое и повсемѣстное распространеніе ихъ на Руси въ первый періодъ.

IV. Кто завѣдывалъ и руководилъ школами.

Изъ единогласнаго свидѣтельства лѣтописей ясно видно, что образованіемъ на Руси руководило и завѣдывало *духовенство* ¹⁾. Школы являлись вмѣстѣ съ церковью, учреждались преимущественно при епископіяхъ. Князья, устроители церквей и школъ, посылали „попы ученые“ для просвѣщенія народа свѣтомъ вѣры и книжнымъ ученіемъ. Они и причты церковные учили въ школахъ, они ими завѣдывали и руководили. Ни о какихъ другихъ учителяхъ лѣтописныя и другія свидѣтельства не говорятъ даже намекомъ; да негдѣ было и взять другихъ учителей въ первое время, когда еще грамотность на Руси только заводилась и духовный чинъ являлся единственнымъ представителемъ образованности. Само духовенство смотрѣло на себя, какъ на главное орудіе образованія, считало просвѣщеніе народа, устное и книжное, своею обязанностію, выполненіемъ долга и призванія. Его непосредственному вѣдѣнію ввѣрена была вся нравственная жизнь народа, которая служитъ основаніемъ и другихъ его явленій. Просвѣтительное значеніе духовенства признавалось, всѣми, начиная съ князя. Всѣ другія сословія имѣли свои обязанности—охраненіе внутренняго порядка, защиту земли отъ внѣшнихъ враговъ, управление, судъ, торговлю, сборы налоговъ и дани, земледѣліе; духовенство же призвано было служить церкви и просвѣщенію народа; это было его *право* и его *обязанность*, которую оно несло съ самоотверженіемъ, съ сознаніемъ важной отвѣтственности предъ судомъ не человѣческимъ, но Божіимъ. И оно *учило*—всѣхъ въ *церкви*, а малыхъ дѣтей—въ *училищахъ*. Здѣсь было высокое его значеніе, которое опредѣлило вліяніе духовенства на народную жизнь и на послѣдующее время. „Если всѣ явленія жизни вытекаютъ изъ нравственныхъ побужденій, а эти послѣднія, при посредствѣ вѣры и образованія, возникали, укрѣплялись и развивались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ духовенства, то, очевидно, его вліяніе должно было проникать во всѣ стихіи общественной и частной жизни. И духовенство не могло не сознавать, а правительство и народъ не могли не признавать за нимъ этого обширнаго и могущественнаго вліянія. Въ этомъ сознаніи и въ этомъ признаніи кроются причины, почему наши пастыри церкви, какъ власть имѣвшіе, являлись и на политическомъ, и на военномъ и гражданскомъ поприщахъ“ ²⁾.

¹⁾ Пр. Леонтовичъ замѣчаетъ: „какъ видно изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, въ теченіе *всей* древней исторіи школьное дѣло на Руси стояло *безъ перерыва* подъ болѣе или менѣе дѣятельнымъ воздѣйствіемъ всѣхъ органовъ *церкви*, начиная съ высшихъ представителей церковной власти и кончая низшими клириками — дьяконами и дьячками“. Это „воздѣйствіе“ (а по нашему мнѣнію, исключительное руководство и завѣдываніе школами) духовенства „опредѣлялось миссіонерскою задачею русской школы“. Шк. Впр., стр. II.

²⁾ *Лавровскій*, стр. 99.

Въ этомъ сознаніи митрополитъ Никифоръ такъ положительно говоритъ великому князю, склоняя его на миръ: „княже, мы есмь *приставлены въ русской земль отъ Бога*“.

Но замѣчательно при этомъ, что духовенство русское никогда не злоупотребляло своимъ вліяніемъ, не домогалось власти, не смѣшивало небеснаго съ земнымъ, политическаго съ церковнымъ, какъ то дѣлало духовенство западной церкви; силу своего нравственнаго вліянія наше духовенство всегда обращало на благо, на пользу земли русской, на духовное просвѣщеніе народа, — въ этомъ его величайшая заслуга. Поэтому и церковь наша всегда стояла на недосыгаемой высотѣ ея небеснаго призванія.

Таковъ духъ истинно-православной церкви.

Черноризецъ Дуксъ говорилъ Иоанну, экзарху Болгарскому, „веля и моля его переложить учительскія сказанія, *попови чьто есть ино дѣло, развѣтъ ученья?* Да ельма же еси службу ту пріялъ, то и се ми нужда есть дѣлати“. Такимъ образомъ ученіе составляетъ прямое и даже единственное занятіе духовнаго лица, — ученіе въ церкви, ученіе въ школѣ, — словесное и книжное. Такъ понимало свое назначеніе и наше духовенство съ первыхъ поръ его возникновенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что было бы совершенно неправильнымъ ограниченіе дѣятельности духовенства ученіемъ въ школѣ. „Книжное просвѣщеніе“ это только *часть*, и притомъ малая, высокихъ обязанностей духовенства.

Апостолы, получивъ отъ Бога власть и право наученія всѣхъ языковъ, передали это право, по преемству, церковной іерархіи. Вселенскимъ соборомъ заповѣдано каждому пресвитеру, „да идетъ *учити отроковъ* и домочадцевъ, читая имъ божественное писаніе, ибо *для сею* и священство получилъ“ (VII Вс. Соб., прав. X). Но это учительство не преподаваніе школьное, а духовное просвѣщеніе вѣрою для спасенія человѣка. „Книжное ученіе“ въ школѣ *тогда только* составляетъ живую часть этого призванія пастырей, когда оно исходитъ *отъ церкви* и *ведетъ къ церкви*, когда оно посвящено чтенію слова жизни, которое „крѣпитъ умы“, приготовляетъ ко спасенію.

Къ великому счастью Руси православной, наше первое книжное ученіе въ школахъ имѣло именно такой *характеръ* и такую *цѣль*; поэтому духовенство и является естественнымъ его *руководителемъ*, поэтому оно и трудилось съ самоотверженіемъ въ устроеніи школъ, исполняя свое призваніе ¹⁾. Наша древняя школа не отдѣлима отъ церкви: вмѣстѣ съ нею она явилась, отъ ней питалась, ея духомъ жила и въ ней черпала свою силу. Поэтому первыми разсадниками духовнаго просвѣщенія Руси были *храмы*; школы же явились учрежденіями церкви.

Поэтому же, когда мы говоримъ о благотворномъ вліяніи школы нашей на народную жизнь, на воспитаніе народа, на укрѣпленіе въ немъ лучшихъ инстинктовъ и смягченіе нравовъ, никогда не должно опускать изъ виду, что это совершала школа, *созданная и руководимая церковію*. Никакая школа въ мірѣ, какъ бы

¹⁾ Что православное наше духовенство такъ именно и понимало свое призваніе, это можно видѣть изъ „святительскаго поученія“ XIII в. (помѣщ. въ Русск. Истор. Библ., т. VI. стр. 108 и д.), гдѣ пастырю придаются такіе эпитеты: „твоя имена многа и величественна по Господню словеси и святыхъ Его: свѣтъ міру, соль земли, врачъ больнымъ, учитель, свѣтильникъ, око тѣлу; путь и дверникъ, ключарь и дѣлатель и строитель; воевода, судія и властитель, ангель Господень, труба небесная, отецъ братіи своей, Богу нудитель, міру молитвенникъ, апостольскій подобникъ“.

ни была она совершенна, сама по себѣ не можетъ совершить того, что совершаетъ церковь. Развѣ школа могла бы переродить цѣлый народъ, какъ это сдѣлана церковь православная! Св. Вѣра духовно просвѣтила и переродила народъ нашъ, исправила его нравы, установила новыя отношенія семейныя, общественныя, измѣнила его обычаи, пробудила въ немъ высшія потребности, соединила его въ одну семью, укрѣпила его жизнь, его гражданскій строй; внесла въ него начало высшей правды, просвѣтила его и сдѣлала православнымъ до дня Господня.

Картину этого именно просвѣщенія Руси изображаетъ св. Иларіонъ, митр. Кіевскій, въ похвалѣ своей кн. Владиміру: „Пастуси словесныхъ овецъ Христовъ, сташи епископи, попове и діакони бескровную жертву възносяще; и весь клиросъ украсиша въ лѣпоту и одѣши святыя церкви. Апостольская труба и евангельскій громъ грады огласи... Монастыреве на горахъ сташи, черноризьци явишася; *мужи и жены, маліи и велиции и вси людіе*, исполньше святыя церкви, въславиша глаголюще“ ¹⁾.

Итакъ, школа не можетъ гордиться своими заслугами, какъ учрежденіе самостоятельное; если ею совершено много добраго и полезнаго народу Русскому, то *потому только*, что она была учреждена церковію, при церкви, и руководилась пастырями ея. Внѣ этой связи школа оставалась бы мертвою и безсильною. Наши князья-устроители школъ понимали это и съ полнымъ довѣріемъ вручали просвѣщеніе народа духовенству, къ которому относились съ великимъ уваженіемъ ²⁾. Не забудемъ, что князья наши и свое образованіе получали отъ *духовенства* же.

Епископы являлись совѣтниками князей и ихъ руководителями въ дѣлахъ нравственнаго характера, церковныхъ и просвѣтительныхъ. Иларіонъ, въ похвальномъ словѣ св. Владиміру говоритъ: „Ты часто собираясь съ новыми отцами нашими епископами, *съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними*, какъ устроить законъ христіанскій среди людей, недавно познавшихъ Господа“. Извѣстно, что и первыя училища на Руси Владиміръ учредилъ „по совѣту митрополита“ ³⁾.

Стояло ли духовенство, руководившее народнымъ образованіемъ и школами, на высотѣ своего призванія? Исторія даетъ вполне утвердительный отвѣтъ. Имена

¹⁾ Лаврент. лѣт., стр. 190.

²⁾ Пр. Несторъ передаетъ трогательный разсказъ о томъ уваженіи, какимъ пользовался св. Феодосій у в. кн. Святослава Ярославича, который прекращалъ даже веселье и пиры, когда являлся къ нему угодникъ Божій. Замѣчательный и кроткій способъ убѣжденія, обращенный къ князю. „Во единъ отъ днѣй шедшу къ тому благууму богоноснууму отцу нашему Федосью, яко вниде въ храмъ, идѣже бѣ Князь, сѣде; и се видѣ многы играющыя предъ нимъ: овы гусельныя гласы испущающе, другыя же органныя гласы поюще, инѣмъ писки гласящимъ; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычай есть предъ Княземъ. Блаженный же бѣ въкрай его сѣдай и долу ница. И яко мало въсклонився, и рече къ тому: то будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ? Таже ту абіе онъ съ словомъ Блаженнаго умилися, и мала прослезися; повелѣ тѣмъ престати. И оттолѣ аще коли представляше тыя играти, ти слышааше блаженнаго пришедша, то повелѣваашаи тѣмъ престати отъ таковы игры“.

³⁾ Митр. Никифоръ въ посланіи къ Мономаху, предлагая ему нѣкоторые совѣты и наставленія, въ заключеніе пишетъ: „не огорчися, княже, словомъ моимъ и не подумай, чтобы пришелъ ко мнѣ кто-либо опечаленный тобою и потому я написалъ тебѣ. Нѣтъ, я просто написалъ тебѣ *въ напоминаніе*: ибо великія власти имѣють нужду и въ частомъ напоминаніи. Я всмѣлился написать тебѣ *потому*, что *уставъ церковный и правила требуютъ* въ настоящее время (время удѣльныхъ междоусобицъ) *говорить нѣчто полезное и князьямъ*“.

первыхъ нашихъ митрополитовъ, *Михаила* ¹⁾ *Леонтія*, *Иларіона* ²⁾ (перваго изъ Русскихъ м. м.), *Іоанна* II-го ³⁾, *св. Ефрема* ⁴⁾, *Никифора* ⁵⁾, *Климента Смолятича* ⁶⁾, *Кирилла*, говорятъ сами за себя. Изъ епископовъ прославились: *Лука Жидята*—поученіями и краснорѣчіемъ, *св. Никита-затворникъ*—святостію жизни, *св. Нифонтъ*—то же изъ Печерскихъ затворниковъ, извѣстенъ отвѣтами domestiку Кирику, *свв. Ілія, Стефанъ, Леонтій, Ісаія*, еп. *Пахомій, Кириллъ* I-й и II-й, *Кириллъ* Туровскій (именуемый Россійскій Златоустъ), *Симонъ* Владимірскій,—все это мужи высокаго образованія, рѣдкихъ нравственныхъ качествъ, учительные и заботливые о просвѣщеніи своихъ паствъ. Они оставили по себѣ обширную литературу, свидѣтельствующую о ихъ высокихъ дарованіяхъ. Лѣтописи не сохранили, именъ скромныхъ тружениковъ-священниковъ, діаконъ и клириковъ, трудившихся въ обученіи народа въ училищахъ; но находясь въ вѣдѣніи такихъ руководителей, они въ тишинѣ и въ смиреніи усердно совершали свой подвигъ. Не слѣдуетъ опускать изъ виду, что и святители наши выходили изъ тѣхъ же школъ церковныхъ и монастырскихъ, что здѣсь они получали *начатки* книжнаго ученія,—подвижническая жизнь и церковь довершали ихъ образованіе и ставили на высоту духовную.

Итакъ мы видимъ, что строители нашихъ древнихъ школъ—князья, руководители и учителя школъ—духовенство, въ дѣлѣ просвѣщенія народа дѣйствовали единодушно, стремились къ одной высокой цѣли. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ памятникахъ нѣтъ ни даже намека на какое-либо разногласіе ихъ въ святомъ дѣлѣ просвѣщенія народнаго.

V. Школа и приходъ.

Мы должны обратить еще вниманіе на *общинное начало* Русской жизни, имѣющее важное значеніе въ распространеніи *христіанства* и *книжнаго ученія* на Руси и выразившееся впоследствии въ образованіи *прихода*, съ его функціями — устройства *школъ* и *благотворительности*.

Профессоръ Лешковъ говоритъ о Русской лѣтописи, что въ ней „одни святыя имѣютъ житія; для однихъ государей возможны біографіи. Всѣ остальные лица вводятся въ лѣтопись какъ на судилище, для положенія приговора объ ихъ дѣйствіяхъ“ ⁷⁾. Лѣтопись имѣетъ предметомъ *цѣлый народъ*, всю землю Русскую, а не частныя лица. Она и начинается вопросомъ: *Откуда есть пошла Русская земля*. Русскій народъ свободно, самъ собою выработывалъ народное *единство*. Это един-

¹⁾ Памятникомъ заботливости его объ училищахъ служатъ его наказъ учителямъ, помѣщенный въ Степ. книгѣ.

²⁾ Знаменитый проповѣдникъ, написавшій похвалу св. Владиміру.

³⁾ Объ этомъ митрополитъ Несторъ пишетъ: „мужъ хитръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же и кротокъ и молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальнаго, и сякаго не бысть прежде въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ“.

⁴⁾ Постриженникъ Печерскаго монастыря, для котораго и списалъ Студійскій уставъ...

⁵⁾ Извѣстенъ своими посланіями Мономаху.

⁶⁾ О Климентѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ такой книжникъ и философъ, какого не бывало на Руси. См. изслѣдованіе *Н. Никольскаго* „Климентъ Смолятичъ“.

⁷⁾ *Лешковъ*, Ист. Р. обществ. права до XVIII в., стр. 91.

ство Русскаго народа, вызванное и условленное однородностію его происхожденія, одинаковостію его языка, сходствомъ обычаевъ, вѣрованій, образа жизни, способовъ владѣнія землею, служить основою всей его исторіи. Имъ объясняется скорость образованія изъ Руси одного политическаго цѣлаго, съ акта призванія перваго князя, — быстрота *повсемѣстнаго обращенія въ христіанство всего народа*, со дня крещенія его въ водахъ Днѣпровскихъ; сознательное единство всей Русской земли, и сохраненіе Руси въ періодъ удѣловъ, и въ тяжелую годину Татарскаго ига, и далѣе — успѣшность собирательной системы Московскихъ князей, послужившей основою нынѣшнему Русскому царству ¹⁾).

Благодаря этому началу, общинность съ первыхъ же поръ превращаетъ единство этнографическое въ земское. Всякое поселеніе составляетъ *общину*, которая господствуетъ надъ своею землею и отдѣльными членами, обязанными нести всѣ тяготы общины.

Для названія общинъ въ древней Руси существовали имена: *вервь, городъ, торгъ, село, погостъ*.

Вервь представляется первою земельною (географическою) общиною. Обладая извѣстнымъ пространствомъ земли, жители верви въ иныхъ случаяхъ обязаны были даже круговою порукою ²⁾. Вервь обнимала собою села, торги и города, находившіеся на ея территоріи.

Позднѣе, великою княгинею Ольгой установлены *погосты* ³⁾.

Новгородскіе *погосты*, можно полагать, представляли для сѣверныхъ Славянъ тоже дѣленіе земли, какое въ Псковскихъ земляхъ называлось губою, а въ южныхъ, въ древнѣйшія времена, представляла *вервь*. То и другое дѣленіе земли важно было для собиранія даней князю и служило выраженіемъ общиннаго начала, первичною формою осѣдлости народа, его общественной жизни и земельного владѣнія, раздѣленнаго между членами общины по равнымъ участкамъ или жребіямъ ⁴⁾. Въ предѣлахъ этихъ обширныхъ единицъ земельныхъ развились *села* и *деревни*, на томъ же общинномъ началѣ, которое сохранилось на Руси въ теченіе всего ея многовѣковаго существованія. Далѣе, по различію занятій промысловъ и быта, изъ вервей и погостовъ выдѣляются *рядки, посадки, города*. Здѣсь быстрѣе накапливаются богатства и управленіе дѣлается сложнѣе; но общинное начало въ лицѣ *мира, схода, вѣча* сохраняетъ свою силу. При этомъ села раздѣлялись на *гнѣзда* и улицы, иногда на десятки, сотни; города—на улицы, концы, стороны, части, иногда на сотни и тысячи. Это дѣленіе жителей не препятствовало единству, общины, образуя болѣе мелкія единицы, оно лишь сосредоточивало ихъ на частныхъ функціяхъ—занятіяхъ, промыслахъ, дѣлахъ благотворенія и имѣло значеніе въ административномъ отношеніи ⁵⁾.

¹⁾ Лешковъ, стр. 93.

²⁾ По Русской Правдѣ вервь платила дикую виру, платила почти за всякое убійство и воровство, совершенное въ предѣлахъ верви, хотя виновникъ преступленія неизвѣстенъ. У Лешкова (стр. 103 и далѣе) значеніе верви изъяснено весьма обстоятельно.

³⁾ Въ Новгородской области по Мстѣ и Лугѣ.

⁴⁾ По Бреверну, слово *погостъ*, *pagast*, означаетъ *общинное владѣніе*. См. Лешкова, стр. 114; Неволина, дополи. къ Пятинамъ, стр. 72.

⁵⁾ При этомъ единство всей Русской земли стояло крѣпко, не смотря даже на дѣленіе ея между племенами. Призваніе на Русь князей совершилось не отдѣльнымъ родомъ или племенемъ. *Всѣ* Словене просили объ управѣ для *всей великой земли*, приглашали князей *володѣть и править* всѣми Словенами. Эта потребность единой верховной власти проходитъ чрезъ всю исторію Руси.

Такимъ образомъ можно сказать, что общинное начало составляло жизненный нервъ существованія древней Руси. Теперь легко опредѣлить значеніе этого начала для церкви и для образованія.

Изъ лѣтописнаго сказанія видно, что какъ просвѣщеніе христіанствомъ, такъ и книжное ученіе кн. Владиміръ распространилъ не въ одномъ Кіевѣ, но по всей землѣ: „и нача ставити по градамъ *церкви* и *попы* и люди на крещеніе приводити по *всѣмъ* градомъ и селомъ“, и вслѣдъ за тѣмъ говорится о введеніи книжнаго ученія, которое поручалось священникамъ, которые тогда и были первыми и единственными учителями народа, почему и называются „попы ученше“. Они же были и первыми устроителями школъ „по *всѣмъ* градомъ и селамъ“, по благословенію митрополитовъ и велѣнію князей, которые давали для того и средства.

Такимъ образомъ среди Русскихъ первыхъ *общинъ* является *церковь* съ *священникомъ* и причтомъ, затѣмъ и *школа*. При церкви образуется *приходъ*. Эту церковную общину составляютъ *прихожане*; она составляетъ новый живой центръ жизни старой общины земской. Объемъ ея различенъ. Въ большихъ селеніяхъ—въ городахъ и погостахъ церквей бывало по нѣскольку, столько же бывало и приходовъ. Малыя селенія могли примыкать къ этимъ церквямъ, и такимъ образомъ города и погосты дѣлались *церковными средоточіями* для окружающихъ ихъ селеній; впоследствии погосты приняли даже названія, заимствованныя отъ ихъ *храмовъ*.

Храмы первоначально строились по наряду князей и при ихъ поддержкѣ матеріальными средствами. Но выстроенный храмъ надо было *поддерживать*; *церковь* для богослуженія имѣетъ нужду въ средствахъ, а духовенство въ обезпеченіи. Удовлетвореніе этихъ нуждъ естественно падало на общину, на приходъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о *школахъ*. Если князья первоначально сами ихъ заводили, то сохраниться они могли только при сочувствіи и поддержкѣ приходовъ.

Къ этимъ двумъ функціямъ *прихода* присоединяется благотворительность. Она существовала на Руси еще до христіанства и составляла обычное дѣло каждой общины, призрѣвавшей своихъ убогихъ, сиротъ, недужныхъ и вообще лишенныхъ возможности пропитанія членовъ.

„Не было у Словянъ ни бродягъ, ни нищихъ“, говоритъ Мацѣевскій; не было, потому что попеченіе о бѣдныхъ издревле у нихъ существовало, отчего и не было на древней Руси ни бродягъ, ни нищества. Въ древнемъ Русскомъ законодательствѣ—случай единственный въ исторіи—о нищихъ не говорится ни слова. Ихъ *призрвала община*, которая обезпечивала ихъ хлѣбомъ, одеждой, кровомъ. Дѣлалось это по мягкости сердца, состраданію, по старому обычаю.

Христіанство вноситъ въ Русскую жизнь новое начало, по которому милосердіе къ сиротѣ, къ убогому, къ нищему есть святая обязанность и долгъ, заповѣданный Самимъ Спасителемъ Своимъ ученикамъ.

Какъ благотворно было это новое начало для призрѣнія бѣдныхъ на Руси, это видно на примѣрахъ князей. Такъ, Владиміръ св. былъ „истиннымъ отцемъ бѣдныхъ“; день освященія десятинной церкви онъ праздновалъ раздачею убогимъ многого имѣнія; услышавъ однажды слово Евангелія о нищихъ, онъ повелѣлъ „всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжескій и получать тамъ всякую потребу, питье и яствы, и отъ скотницъ кунами“. Разсудивъ затѣмъ, что больные нищіе не могутъ дойти до его двора, князь повелѣлъ развозить по улицамъ хлѣбъ, рыбу, овощи, медъ и квасъ, и люди Владиміра, ходя по городу, спрашивали, гдѣ недужные, и надѣляли ихъ всѣмъ необходимымъ: такъ сильно вліяло

христіанство на благотворительность князя, очевидно, увѣровавшаго въ новое учене всѣмъ сердцемъ.

Мономахъ завѣщаетъ дѣтямъ: „будьте отцами сиротъ; судите вдовиць сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ; не оставляйте больныхъ безъ помощи“. Извѣстіями о благотворительности князей и княгинь полны лѣтописи. Но уже Владиміръ, считая благотворительность и призрѣніе *дѣломъ церкви*, передаетъ ихъ *церковному управленію* въ своемъ „Церковномъ уставѣ“: „паломника, лечца (лекаря), задушнаго челоуѣка (раба), слѣпца, хромца, больницы, гостинницы, страннопримницы и богадѣльни“ ввѣряетъ духовной власти, что подтверждается и другими князьями. Такимъ образомъ призрѣніе бѣдныхъ является при епископіяхъ, особенно при монастыряхъ, которые обладали для того наибольшими средствами, и *при церквахъ въ общинахъ*, сохраняя прежній типъ общинной благотворительности ¹⁾. Община осталась таже, но имѣя центромъ духовной жизни церковь, она стала *приходомъ*. Три святыхъ церковныхъ обязанности восприняла эта община—попеченіе о *церкви* съ причтомъ, попеченіе объ *училищѣ* для воспитанія дѣтей въ духѣ церкви и *попеченіе* о бѣдныхъ прихода, въ духѣ той же церкви. Всѣ эти три функціи прихода находились въ вѣдѣніи духовной власти и совершались подъ ея руководствомъ. Такимъ образомъ христіанство не колебало и не измѣняло стараго общиннаго строя на Руси, но освятило, утвердило и дало ему новыя основы и жизненность.

Первая начальная школа на Руси является *церковно-приходскою*. Она не стоитъ особнякомъ, какъ нѣчто чисто *внѣшнее, административное*, но глубоко входитъ въ народную жизнь. Находясь въ союзѣ съ Церковію, школа находилась въ тѣснѣйшей связи съ общиною ²⁾. Какъ свободно Русь приняла св. вѣру, такъ свободно приняла она и явившуюся съ нею школу, какъ орудіе христіанскаго просвѣщенія. Любовь къ церкви распространилась на школу. Обѣ онѣ жили однимъ духомъ, обѣ питали народъ высшею духовною пищею. Книжное учене было церковнымъ и приводило къ церкви. Одинъ нарядъ правительства не могъ привить школу народу, еслибы онъ самъ не пожелалъ ее свободно и душевно.

Связь школы съ народомъ чувствуется во всѣхъ явленіяхъ древняго Русскаго быта. Не слѣдуетъ забывать, что образованіе народа, особенно юнаго, только вступающаго въ историческую жизнь, не только „играетъ важную роль въ исторіи народа“, но творитъ его исторію, служитъ условіемъ для развитія и для самаго бытія народа.

Образованіе предковъ нашихъ было истинно-христіанскимъ, православнымъ, церковнымъ, такимъ же сталъ и народъ, такимъ онъ является на всемъ протяженіи его исторіи до нашихъ дней. Связь церкви, школы и прихода составляетъ и донныи идеалъ народный; такъ она крѣпка, сильна и живуча; церковно-приход-

¹⁾ „Общинность призрѣнія, говоритъ Лешковъ, составляла правило, которое господствовало у насъ до позднѣйшаго времени, и древнѣйшіе акты именно говорятъ: что *нише на Руси питаются о церкви и о приходѣ*, то-есть, отъ прихода. Лешковъ, стр. 206 и др. По селамъ у приходскихъ церквей въ древности бывали „кельи для нищихъ“.

²⁾ Сказавъ, что религіозные мотивы лежали въ основѣ учрежденія древнихъ школъ, проф. Леонтовичъ продолжаетъ: „Гдѣ устроенъ церковный погостъ, тамъ вмѣстѣ съ приходскою *церковію* непременно будутъ заведены *богадѣльня и школа* главными ихъ распорядителями—церковнымъ причтомъ и приходскою общиною; церковь, школа и богадѣльня, подъ вліяніемъ этическихъ воззрѣній христіанства, слились въ древней Руси въ одинъ нераздѣльный институтъ благотворительно-просвѣтительныхъ, религіозно-воспитательныхъ функцій народной жизни“. Шк. В., стр. 10.

ская школа для него есть лучшая и единственная, завѣщанная ему предками; эту школу онъ любитъ, ей онъ вѣритъ, ее желаетъ. Явившись приходскою, древняя наша школа стала вполне *народною*, быстро распространилась, крѣпко привилась и дала неоцѣнимые плоды. Вся Русь просвятилась крещеніемъ, по всей Руси явились церкви, а съ ними и книжное ученіе въ школахъ, которыя были доступны всѣмъ, въ которыхъ слышалось Слово Божіе на родномъ языкѣ. Образование являлось всеобщимъ. „Безъ *общаго* участія въ ученіи *всего народа*,—этого всеобъемлющаго ученика и читателя, говоритъ Лешковъ, немыслимо такое обширное распространеніе по Россіи Изборниковъ или Пчель, обнимавшихъ собою все вѣдѣніе времени, теоретическое—въ Сборникахъ и практическое—въ Пчелахъ. Безъ общаго участія *всего* народа въ просвѣщеніи, невозможна та масса сочиненій, которыхъ одно простое вычисленіе, по выраженію Погодина, даетъ высокое понятіе о степени образованія эпохи, и которыхъ изученіе въ одномъ литературномъ отношеніи составляетъ томы. Безъ общаго участія *всего* народа въ образованіи невозможно явленіе, заставившее Соловьева предположить, что народъ нашъ свикался въ древности даже съ Греческимъ языкомъ, невозможно объяснить событій послѣдующаго времени, которыя доказываютъ почти *всеобщность* грамотности на Руси, требовавшей акта для всякаго дѣла, и письменности для всякаго акта; равно какъ безъ общаго участія въ образованіи невозможно понять обычая древней церкви поминать по городамъ и селамъ, на ежедневныхъ ектеніяхъ, всѣхъ православныхъ, павшихъ за Русь на Калкѣ, на Дону, на Ведрошѣ, у Орши, Казани и т. д.“¹⁾ Безъ этого условія, прибавимъ мы, невозможно было бы объяснить живучесть и нашей церковной школы среди самыхъ неблагоприятныхъ условій исторической жизни Руси, напимѣръ, во времена ига Монгольскаго; а позднѣе—въ господство иноземныхъ вѣяній, когда правительство хотѣло передѣлать народную школу на иноземный ладъ,—народъ упорно отказывался отъ казеннаго учебища, не смогла даже на бесплатность обученія, и на свои скудные средства по прежнему предпочиталъ отдавать дѣтей своихъ въ школы церковникамъ.

Въ заключеніе, говоря о приходскомъ характерѣ древне-Русской школы, нельзя не отмѣтить слѣдующаго знаменательнаго факта. Древность наша не знала и не имѣла школы *земской*. Это отмѣчено историками.

„Въ теченіе всей земской эпохи, говоритъ проф. Леонтовичъ,—нѣтъ нигдѣ въ источникахъ ни малѣйшаго намека на „земскія“ училища, которыя бы учредились силами и средствами данной земли, по рѣшенію земскаго вѣча — главнаго органа автономной общины—земли. *Въ компетенцію земскаго нарjada, очевидно, не входила вовсе школьный вопросъ*. Училища въ то отдаленное время учреждались лишь мелкими общинами, которыя непосредственно нуждались въ школь—*приходами*, имѣвшими свой храмъ и свой причтъ, съ которыми, какъ мы знаемъ, школа находилась въ тѣсной бытовой связи. Училища такимъ образомъ имѣли характеръ *не общеземскихъ*, а лишь *приходскихъ* училищъ, удовлетворявшихъ главнымъ образомъ нуждамъ населенія своего *прихода*“²⁾.

Это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, мы не имѣемъ ни одного вѣчеваго опредѣленія относительно устройства школъ; земство не считало себя въ этомъ дѣлѣ компетентнымъ. Не бывало на Руси „земскихъ“ школъ и въ

¹⁾ Лешковъ, стр. 421.

²⁾ Леонтовичъ, Школьный вопр. въ др. Руси, стр. 14.

послѣдующее время не только древней, но и новой Руси, до учрежденія „земства“ въ эпоху реформъ Александра II-го.

Еще слѣдуетъ остановиться на вопросѣ: было ли въ древней Руси обученіе *обязательнымъ*? Нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на выраженіи лѣтописца, что Владиміръ св., „пославъ нача *поимати* у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученіе книжное“, и Ярославъ „*собра* отъ старость и поповыхъ дѣтей 300 учтии книгамъ“, и давалъ священникамъ „отъ имѣнія своего урокъ“, *веля* имъ учтии люди“, предполагаютъ, что обученіе было *обязательнымъ*.

Но это предположеніе, при ближайшемъ его разсмотрѣніи, оказывается неосновательнымъ и произвольнымъ.

Справедливо, что св. Владиміръ на первый разъ употребилъ княжескую власть, чтобы образовать школу. Но, во первыхъ, эта мѣра была частною и никакъ не распространялась на всю Русь; во вторыхъ, она касалась только „нарочитой чади“, а не всѣхъ, и наконецъ, была мѣрою временною. Подобно тому и Ярославъ тоже собралъ дѣтей нарочитой чади — „отъ старость и поповыхъ дѣтей“. Повелѣніе его священникамъ учить дѣтей—служило простымъ напоминаніемъ ихъ прямой обязанности и вовсе не распространялось на посѣщеніе школъ дѣтьми. Такимъ образомъ приведенныя выраженія лѣтописца вовсе не говорятъ объ обязательности обученія, какъ мѣрѣ *государственной*. Напротивъ, всѣ приведенныя выше лѣтописныя данныя говорятъ о томъ, что обученіе и посѣщеніе школъ дѣтьми было *свободнымъ*; да оно и не могло быть инымъ, разъ школа была *приходскою*.

VI. Общеобразовательный характеръ, учебный курсъ и способъ ученія въ древне-русскихъ школахъ.

1) Чѣмъ были наши древнія училища,—*общеобразовательными-ли начальными школами*, или *спеціальными* учрежденіями для приготовленія духовенства, столь нужнаго для устраиваемыхъ тогда церквей?

Лавровскій, говоря о широкомъ, повсемѣстномъ распространеніи училищъ въ древней Руси, высказываетъ предположеніе о существованіи на Руси *высшихъ училищъ*, причемъ подкрѣпляетъ свое предположеніе сравненіемъ съ состояніемъ образованія въ тогдашней Византійской имперіи, въ Болгаріи, и также у Чеховъ и Поляковъ. Подкрѣпленіе своему соображенію почтенный изслѣдователь находитъ и въ памятникахъ древней нашей литературы. Съ одной стороны, эти памятники вообще свидѣтельствуютъ о высокиихъ дарованіяхъ и образованіи авторовъ ихъ; съ другой, — въ этихъ памятникахъ существуютъ свѣдѣнія о такихъ предметахъ, которые никоимъ образомъ не могли входить въ элементарный курсъ. Такъ *риторика* у насъ извѣстна еще въ XI в., что видно изъ изборника 1073 г., гдѣ помѣщена ст. Георгія Хуровскаго „о образѣхъ“ (метафорахъ); къ тому же времени относится переводъ *діалектики* Іоанна Дамаскина; встрѣчаются *психологическія* свѣдѣнія (въ Шестодневѣ I., Болгарскаго экзарха), по *логикѣ* и *философіи*; есть факты, свидѣтельствующіе о знаніи нашими предками того времени *географіи*. „Изборники“ и „Пчелы“ имѣли, какъ извѣстно, самое разнообразное содержаніе. При этомъ Лавровскій указываетъ и на высокое образованіе первыхъ устроителей нашихъ училищъ—Грековъ и Болгарь ¹⁾).

¹⁾ Лавровскій, стр. 74. „Могли-ли, говоритъ онъ, столь просвѣщенные пастыри, получившіе образованіе въ высшихъ школахъ образованнѣйшей страны того времени (въ Визант. Имперіи), вполнѣ

Но всё эти предположенія остаются лишь въ области возможнаго, но недоказаннаго. Если бы у насъ были высшія училища, то не можетъ быть сомнѣнія, что свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ объ устроеніи ихъ, были бы занесены въ лѣтописи; между тѣмъ памятники наши положительно не даютъ никакихъ свѣдѣній о подобныхъ училищахъ ¹⁾).

На *элементарный* характеръ обученія въ древнихъ нашихъ школахъ указываетъ *курсъ* ихъ, который, какъ увидимъ далѣе, состоялъ въ чтеніи, письмѣ и пѣніи. Наконецъ, что древне-русская школа была элементарною, общеобразовательною, на это указываетъ то обстоятельство, что въ нихъ учились только *дѣти*, какъ это видно изъ всѣхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ учрежденіи школъ, причѣмъ иногда говорится „юныя дѣти“; „отроки“, „младенцы“.

Строго держась лѣтописныхъ свидѣтельствъ, слѣдуетъ положительно признать, что наши древнія училища представляли *элементарную школу, общеобразовательную церковнаго характера*, или просто *церковно-приходскую школу*, — типъ, который сохранился отъ древнихъ временъ до нашихъ дней, и что всего замѣчательнѣе, сохранился *непрерывно и преемственно*, въ теченіе девяти вѣковъ; сохранился же потому, что онъ какъ возникъ, такъ оставался всегда *при церкви въ приходѣ*.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что наши пастыри озабочивались мыслію о подготовкѣ *духовенства* изъ русскихъ людей, достойныхъ своего призванія. Этого требовало самое тогдашнее положеніе Русской церкви, въ эпоху ея первоначальнаго учрежденія; но они не менѣе озабочивались и необходимостью *духовнаго просвѣщенія*, ново-крещеннаго народа. На нихъ лежала обязанность передать народу ученіе вѣры и нравственности христіанской, перевоспитать его, искоренять языческія заблужденія, исправлять нравы, учить, назидать, руководить, привлекать народъ къ церкви, дѣлать вѣру живою. Они понимали, что „книжное ученіе“, направляемое и руководимое духовенствомъ, можетъ служить одинаково превосходнымъ средствомъ *для той и другой цѣли*. И дѣйствительно, древняя церковно-приходская школа, *служа христіанскому просвѣщенію народа*, въ то же время *сообщала начальное образованіе и кандидатамъ священства*, приготовляла грамотныхъ членовъ клира. Лучшія, избранная природы, одаренная богатствомъ

устроенныхъ и состоявшихъ подъ бдительнымъ и покровительственнымъ надзоромъ правительства, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи столь обширныя средства, при томъ вліяніи на князей, какимъ они пользовались, при томъ уваженіи къ нимъ послѣднихъ, могли ли эти пастыри довольствоваться устройствомъ школъ только *для сообщенія первоначальныхъ знаній*, могли ли они довольствоваться *частными мѣрами* для сообщенія высшихъ знаній только лицамъ избраннымъ, уже заранѣе назначеннымъ для занятій высшихъ степеней въ церковной іерархіи, и до какой степени возможенъ этотъ преждевременный выборъ? Намъ кажется (продолжаетъ авторъ), что на всё предложенные вопросы можетъ дать отрицательный отвѣтъ только тотъ, *кто, при отсутствіи непосредственныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, откажется отъ всякаго пособія со стороны историческихъ соображеній*, руководимыхъ здравымъ смысломъ и *неопровержимымъ (?) сходствомъ явленій*“.

¹⁾ Проф. *Леонтовичъ* рѣшительно возстаетъ противъ предположенія, что въ XI в. и даже позднѣе могли существовать у насъ „хотя бы зародышевыя формы элементарнаго, средняго и высшаго образованія, — формы, мало извѣстныя въ то время и на Западѣ“. Школа XI в., устроенная „на утвержденіе вѣры“, не могла получить сословнаго характера (тогда и сословія не было) приготовленія священниковъ. *Леонтовичъ* присоединяется къ мнѣнію *Забѣлина*, что древне-Русская школа была „общенародною и вездѣ единообразною: дѣти первостепеннаго боярина обучались точно также, какъ и простолюдина“. (*Леонтовичъ*, стр. 7; ср. *Забѣлина* „Хар. др.-р. образованія“, въ отвѣтъ *Купріянову*).

духовныхъ силъ и дарованій, изъ школы шли въ монастыри (какъ св. Ѳеодосій), или путемъ самообразованія достигали высокой степени духовнаго развитія ¹⁾.

Скажутъ, велико разстояніе отъ грамоты до ораторства, отъ азбуки до богословія, отъ чтенія до сочиненія, отъ убогаго школьника до высоты просвѣщеннаго пастыря. Не такъ велико, какъ кажется; надо только имѣть въ виду, что такое была грамота и чтеніе въ древней нашей школѣ, чему и какъ учили въ ней. Предковъ нашихъ это разстояніе не смущало, — его для нихъ не было. Въ Степенной книгѣ пишется: „Тако благодатію Божіею елицы *научишася грамотъ, отъ нихъ же бысть множество премудрыхъ философовъ*“ ²⁾. Научились грамотѣ, а вышли „премудрые философы“, то-есть, люди высокаго образованія.

То слово, которое изучалось въ древней нашей школѣ, которое „крѣпннть сердца и умн“, умудряло и простецовъ, дѣлало ихъ духовно совершенными, просвѣщало ихъ разумъ. Несомнѣнно, что при этомъ проявлялась съ особенною силою и природная даровитость Русскаго народа, его прирожденная способность къ самоуглубленію, къ воспріятію высокихъ идей христіанства, къ воплощенію ихъ въ жизни искренно, правдиво.

Изъ дальнѣйшаго изслѣдованія мы увидимъ, какіе благодатные плоды дала Руси древняя школа, и увидимъ также, что школа эта была простая *церковно-приходская школа*, вся оживотворенная, проникнутая и согрѣтая духомъ православної церкви. Школа эта была *повсемѣстная*, вполнѣ *народная*, общедоступная, — *для всѣхъ „дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ“* ³⁾.

2) Въ древнихъ Русскихъ училищахъ преподавалось не много предметовъ, но всѣ они были объединены, вѣрнѣе сказать—представляли *одинъ* предметъ. Какъ подъ словомъ *книги* въ древности разумѣли книги священныя, подъ *чтеніемъ* и грамотою разумѣлось чтеніе божественныхъ писаній, словомъ *начетчикъ* обозначался человѣкъ начитанный въ священныхъ книгахъ; такъ подъ словомъ „книжное ученіе“ разумѣлось духовное просвѣщеніе человѣка чтеніемъ священныхъ книгъ и отеческихъ писаній.

Собственно въ древнихъ нашихъ училищахъ преподавалось *три* предмета — *чтеніе, письмо и тѣніе*,—чтеніе *религіозное*, письмо—*священное*, тѣніе—*церковное*. Это наше исконное *trivium*, которое, явившись при Владимірѣ, сохранилось и до нынѣ въ церковной школѣ. Въ разное время къ этому курсу дѣлались прибавки.

---

¹⁾ Въ древней Руси *спеціальныхъ* училищъ вообще не было. Школа давала только образованіе общее и необходимое; для священниковъ же подготовкою затѣмъ служила всего болѣе *церковная практика*, также и для клириковъ; подобно тому и военное образованіе, судейское дѣло—изучались чисто практическимъ путемъ, первое—въ дружинѣ, второе—въ княжнхъ, вѣчевыхъ и земскихъ учрежденіяхъ. „Древне-русская школа, говоритъ Леонтовичъ, вовсе неимѣвшая профессиональнаго характера, была доступна для всѣхъ и каждаго, являлась православно-воспитательнымъ заведеніемъ, *общенародной школой*, приспособленной къ несложнымъ задачамъ и нуждамъ Русскаго просвѣщенія того времени“.

²⁾ Степ. кн. I, стр. 143. Слово *философовъ* въ древней Руси имѣло значеніе человѣка образованнаго, свѣдущаго въ книгахъ, — преимущественно въ разумѣніи божественныхъ книгъ. Такъ о Владимірѣ Ростиславичѣ лѣтописецъ говоритъ: „бѣ же разумѣя притчи и темно слово... зане бысть книжникъ великъ и философъ“. Во всякомъ случаѣ эта высшая степень тогдашняго образованія.

³⁾ Что касается князей, то они получали образованіе, по всей вѣроятности, *дома, въ семьяхъ*, но отъ тѣхъ же духовныхъ лицъ. Есть свидѣтельство о томъ, что князья вручали дѣтей своихъ для образованія владыкамъ, а тѣ поручали ихъ учителямъ—діаконамъ. Напр., такъ обучаемъ былъ князь Михаилъ Тверской.

дополненія, но основа церковной школы всегда оставалась неизмѣнною. Конечно, умѣющей читать, писать и пѣть могъ употреблять это умѣнье и для другихъ цѣлей,—но древняя школа не знала ихъ.

О томъ, что въ древнихъ училищахъ обучали именно чтенію, письму и пѣнію существуетъ не мало свидѣтельствъ. Въ первыхъ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ мы находимъ большею частію общія выраженія: отрокъ вданъ бываетъ—„грамотѣ учиться“, „книгамъ учиться“, „учиться книжному писанію“, „ученію книжному“, „азбукамъ и всякому написанному святыхъ книгъ слову“ и т. под. Въ этомъ смыслѣ лѣтописцы и книжную образованность мужей разума обозначали выраженіями: „бѣ любя словеса книжная“, „книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и дне“ (Ярославъ), „мужъ книженъ“ (Иларіонъ); „мужъ хытръ книгамъ и ученію“ (Кириллъ), „книгы разумно умѣеть“, „учителенъ и хытръ ученю божественныхъ книгъ“, „исполненъ книжнаго ученія“, „грамотѣ наученъ“.

Нѣтъ нужды доказывать, что подъ грамотою разумѣется *чтеніе* и *письмо*. Князья были *грамотны*, любили чтеніе, они писали другъ къ другу, писали завѣщанія, договоры.

Пастыри церкви, воспитавшіеся въ древнихъ училищахъ нашихъ, оставили весьма многочисленныя памятники письменности; свѣтскіе воспитанники тѣхъ же школъ вершили судъ и управленіе землею, по наряду князей, причемъ грамотность была необходимою, а нѣкоторые оставили и замѣчательныя труды письменныя.

Церковное пѣніе также входило въ обученіе; въ Кіевскомъ училищѣ Янки ему обучались даже дѣвочки; убійцы св. Бориса слышали его „*поюща* заутреню“ и псалмы; о св. Феодосіи пишется, что онъ тихо усты *пѣлъ* псалмы за работой.

Отцы собора 1551 г., собравшись, по наряду царя, между прочимъ для возстановленія образованія, въ виду его упадка, говорили: „а прежь сего въ Россійскомъ Царствѣ, на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по *инымъ градомъ многия* училища бывали, грамотѣ, и *писать*, и *пѣть*, и *читать* учили“. Избранные отцы собора, знали, конечно, исторію школъ своего отечества не только по памятникамъ, но и по живому преданію, а потому указаніе ихъ, чему учили въ древнихъ школахъ, имѣеть несомнѣнную достовѣрность; да и сами они назначили *тотъ же* курсъ и для училищъ своего времени ¹⁾.

Что касается *возраста*, въ какой начиналось обученіе, то о немъ свидѣтельствуеть постоянно встрѣчающееся въ лѣтописяхъ слово „дѣти“, которыхъ берутъ въ

¹⁾ Замѣчательно, что это наше *trivium* находитъ подтвержденіе даже въ древнѣйшихъ былинкахъ. Такъ въ былинѣ про Василія Буслаева говорится, что мать

Дала его учить грамотѣ,
Грамота ему въ наукъ пошла;
Посадила его перомъ *писать*,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала она его *пѣтью* учить,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло...

Въ духовномъ стихѣ „Алексѣй Божій человекъ“, по записи Т. П. Филиппова, пишется: „Сталъ Алексѣй свѣтъ на возрастѣ. Въ подъемѣ Алексѣй было *семь лѣтъ*“ — отецъ „отдалъ его *грамотѣ* учиться, скоро ему грамота далася, А скорѣй того ему *рукописание*“. Стихъ этотъ принадлежитъ къ былинной эпохѣ. Въ стихѣ „про Егорія храбраго“ пишется, что когда стали его топить въ морѣ, „онъ *пѣлъ* стихи херувимскіе“. Собр. нар. пѣсень Т. Филиппова, стр. 14. Такимъ образомъ *грамота*, *письмо* и *пѣніе*, по взгляду нашихъ предковъ, составляли необходимую принадлежность героевъ древности и святыхъ мужей.

училища. Значить, обученіе начиналось въ дѣтскомъ (точнѣе — въ отроческомъ) возрастѣ. Есть указаніе на 7-ми и 8-ми лѣтній возрастъ ¹⁾. Можно полагать, что дѣтей отдавали въ ученіе въ предѣлахъ отъ 7 до 9 лѣтняго возраста; но въ лѣтописяхъ срокъ начала книжнаго ученія столь считается общеизвѣстнымъ, что о немъ говорится въ общихъ чертахъ: „времени приспѣвшу“, „устрабившемуся *отроку* возрастомъ“ ...

Лавровскій, путемъ обстоятельныхъ изъясненій, доказываетъ, что начало ученія совпадало съ „постригами“, которые въ язычествѣ совершались и раньше, но со времени христіанства стали дѣлаться позднѣе ²⁾.

Къ глубокой древности слѣдуетъ отнести и обычай нашего народа начинать ученіе молитвой, служеніемъ молебна. У Грековъ св. Косма и Даміанъ почитались помощниками въ ученіи ³⁾, и къ нимъ обращались съ молитвою начинавшіе учиться. Естественно, что этотъ обычай могъ перейти и на Русь, тѣмъ болѣе, что книжное ученіе у насъ почиталось дѣломъ богоугоднымъ, полезнымъ для души. Молитвами начинались и наши древнѣйшія азбуки.

О способѣ ученія въ древнихъ школахъ извѣстій въ лѣтописяхъ не сохранилось. Дѣло это представлялось, вѣроятно, лѣтописцамъ слишкомъ извѣстнымъ и не настолько важнымъ, чтобы о немъ говорить подробно. Въ наказаніи м. Михаила рекомендуется „Частое послушиваніе“, то-есть, *повтореніе* изученнаго, говорится о *соотвѣтствіи* урока силамъ каждаго ученика. Отсюда видно, что въ школахъ были многіе ученики, разныхъ способностей, и уроки задавались имъ не одинаковые; значить, обученіе было не общее, а одиночное. Это весьма вѣроятно, потому что такъ дѣло велось и въ школахъ церковныхъ недавняго прошлаго. Зависѣло это отъ того, что книги не у всѣхъ были одинаковыя. При этомъ въ древнихъ школахъ едва ли было правильное раздѣленіе учащихся на группы, на классы, а учились въ одной избѣ вмѣстѣ и слабые, и успѣвающіе, и вновь поступившіе, и начавшіе ученіе раньше. И это бывало въ нашихъ школахъ грамоты, по старинѣ. Дѣлу при этомъ помогала любовь къ дѣлу учителя и усердіе учениковъ, а также семейный характеръ школы.

Печатныхъ книгъ тогда не было, слѣдовательно, не было и печатныхъ азбукъ, — тѣ и другія писались. Есть поводъ думать, что обученіе чтенію соединялось съ письмомъ. Объ этомъ есть позднѣйшее свидѣтельство Степенной книги, гдѣ говорится, что м. Петръ въ дѣтствѣ „елика *написоваше* ему учитель, малымъ *проученіемъ* изучеваше“ ⁴⁾, то-есть, учитель прописывалъ буквы, а можетъ быть слоги и слова, а ученикъ „проучивалъ“, прочитывалъ, списывалъ и усвоялъ, затверживалъ изучаемое. Приемъ этотъ исчезъ съ появленіемъ печатныхъ азбукъ, но онъ годится и для нашего времени ⁵⁾.

---

¹⁾ См. у Лавровскаго, стр. 114. Такъ о Петрѣ М. сказано: „рождшуся же отрочати и *седьмаго* лѣта возраста достигшу, вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися“ (ст. кн. 411). Кн. Михаилъ Тверской началъ учиться 8 л., Василько Константиновичъ обучался 9 л. (въ Ростовѣ, у крестнаго).

²⁾ Постриги (обрѣзываніе волосъ) служили обрядомъ признанія гражданской личности ребенка См. Лавровскаго, стр. 115 и далѣе.

³⁾ Лавровскій, стр. 119.

⁴⁾ Ст. кн. 1, 411.

⁵⁾ У насъ въ дидактикахъ соединеніе чтенія съ письмомъ въ обученіи грамотѣ усволяется обыкновенно пѣмцамъ, изобрѣтшимъ его въ 30-хъ годахъ, а на Руси онъ былъ издревле.

Все изучаемое *изъяснялось* и толковалось, то-есть, учителя заботились, чтобы чтение учащихся было не механическое, а разумное. Объ этомъ есть свидѣтельство въ разныхъ источникахъ. Такъ въ „Изборникъ Святослава“ (1076 г.) о чтеніи говорится: „Егда чѣтеши книги, не тпшися *бързо* иштисти до другыя главизны, нъ *поразумни*, что глаголютъ книги и словеса та, и тришды обраштяся о единой главизнѣ“. Иначе и чтение было бы бесполезно и не могло служить средствомъ просвѣщенія. „То мы, братия, *поразумьимъ* и послушаимъ *разумьныма ушима* и *поразумьимъ силу* и поучение святыхъ книгъ“, говорится далѣе. Объ этомъ характерѣ ученія говорятъ и позднѣйшія свидѣтельства. Такъ Геннадій, арх. Новгородскій, возвращаясь къ старинѣ и желая возрожденія школъ его времени, говоритъ, какъ надо „учить во училищѣ“: „первое — *азбука* граница *истолкована совѣтъмъ*, да и подтительные слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ *накрѣпко*“ и т. д. И Стоглавъ заповѣдуетъ учить учениковъ „и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести *со всякимъ духовнымъ наказаніемъ*“ (наставленіемъ); чтобы священники „учили грамотѣ, сколько сами умѣютъ, *и силы бы писанія* имъ (ученикамъ), сказывали“. Разумность обученія вытекала изъ высокаго взгляда нашихъ предковъ на грамотность, какъ увидимъ это далѣе.

VII. Обученіе чтенію, письму и пѣнію въ древне-русской школѣ.

О ходѣ *обученія чтенію* въ древнихъ училищахъ лѣтописныхъ сказаній у насъ не сохранилось, и потому приходится ограничиваться только соображеніями и свидѣтельствами позднѣйшаго времени. Первыми учителями у насъ были Греки и Болгары; у первыхъ не только начальное, но и высшее обученіе достигло значительнаго развитія; вторые же имѣли школы уже за сто лѣтъ до крещенія Руси. Вѣроятно и у насъ шло обученіе грамотѣ, какъ оно велось въ Византіи, велось въ православной Болгаріи и велось у насъ впоследствии.

Послѣ „обычнаго моленія“, дѣти садились за *азбуку*. Были ли въ это время у насъ особыя азбуки, и это неизвѣстно. Если были, то рукописныя; а можетъ быть и такъ, что азбука изучалась черезъ *прописываніе* буквъ учителемъ, на что есть указаніе въ житіи м. Петра. Азбука была, конечно, *Кириллица*; глаголическое письмо употреблялось только у западныхъ Славянъ. Послѣ отдѣльнаго изученія буквъ въ алфавитномъ порядкѣ, буквы сочетались въ слоги и слова. Такъ какъ съ чтеніемъ проходило и *письмо*, то изучалось и общепринятое правописаніе, знаки строчные и надстрочные. Пособіемъ при изученіи буквъ служили *акростихи*, то-есть, нарочито подобранныя изрѣченія, изъ коихъ каждое начиналось съ новой буквы, въ алфавитномъ порядкѣ ¹⁾. Въ житіи св. Стефана Пермскаго есть указаніе, что св. Кириллъ Философъ не только составилъ азбуку словенскую, но и сложилъ еще *грамоту*, подъ которою есть основаніе предполагать стихотвореніе св. Кирилла, замѣнявшее азбуку. Въ Псковскомъ хронографѣ *грамота* эта названа *литоцею*. Дѣйствительно такъ и называется это стихотвореніе въ нѣкоторыхъ древнихъ его спискахъ. Азбуковныя акростихи были въ употребленіи и въ греческихъ школахъ; по всей вѣроятности и *литоца* Константина была составлена по образцу грече-

¹⁾ Напр., Азь прежде о Господѣ Богѣ начинаю вѣщати.

Бога чту, Бога Сына славолю, Бога Духа Святаго проповѣдую.

Въ лица раздѣляемъ, но Божествомъ не растлимъ и т. д.

скихъ стихотвореній. Въ позднѣйшихъ азбукахъ XVI и XVII в. такіе акростики встрѣчаются нерѣдко. Они служили вспомогательнымъ средствомъ для запоминанія буквъ алфавита, какъ средство мнемоническое, и изучались съ толкованіемъ. По изученіи азбуки ученику давалась книга, по которой онъ и навывкалъ чтенію. Книга эта была *псалтирь*. На такой способъ обученія указываетъ ревнитель школьнаго образованія Геннадій, арх. Новгородскій. „А мой совѣтъ о томъ, что учить въ училищахъ, первое *азбука* граница истолкована совсѣмъ, да и подгительныя слова, да и *псалтыря* съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и конархати и *чести всякія книги*“.

Хотя это писалось въ XV в., но преданія древности были еще живы, да и самъ Геннадій обучался, вѣроятно, такимъ же способомъ. За достовѣрность такого хода ученія ручается и то обстоятельство, что онъ сохранился доселѣ у преданныхъ старинѣ старообрядцевъ и въ нашихъ церковно-приходскихъ школахъ; подтверждается онъ и дошедшими до насъ древнѣйшими рукописными азбуками XVI и XVII в.

Что первую учебною книгою была *Псалтирь*, а не другая книга,—для этого есть много оснований. Кромѣ живаго преданія и замѣчательнаго факта—сохраненія псалтири въ качествѣ учебной книги въ церковныхъ школахъ до нашихъ дней, есть лѣтописныя свидѣтельства, что псалтирь, какъ говоритъ Геннадій, „изучался накрѣпко“. Псалтирь былъ любимой книгой не только духовенства, но и князей и народа. При этомъ псалмы не только изучались наизусть, но и пѣлись.

У Нестора есть трогательный разсказъ объ убійствѣ св. Бориса злодѣями, подосланными Святополкомъ, на р. Альтѣ.

„Посланныи, говоритъ лѣтописецъ, придоша на Лѣто ночью, и подступиша ближе, и слышаша блаженнаго Бориса *поюща заутреню*: бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и. И вставъ *нача пѣти*, глаголя: „Господи! что ся умножиша стужающіи мнѣ? мнози встають на мя“. И *накы*: „яко стрѣлы твоя унызоша во мнѣ; яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть“. И *накы* глаголаше: „Господи услыши молитву мою, и не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живой, яко погна врагъ душу мою“. И кончавъ оксапсалма, увидѣвъ, яко послани суть губити его, *нача пѣти псалтырю*, глаголя: „яко обидоша мя унци тучни, и сборъ злобивыхъ осѣде мя, Господи Боже мой, на тя уповахъ, и спаси мя, и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя“. Посемъ же *нача канунъ пѣти*; таже кончавъ заутреню, помолися глаголя, зря на икону, на образъ Владычнь, глаголя сиче: „Господи Иусе Христе! иже симъ образомъ явился на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и пріимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби пріяти страсть; се же не отъ противныхъ пріимаю, но отъ брата своего, и не сотвори ему, Господи, въ семь грѣха“. И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша акы звѣрье дивін около шатра, и насунуша и копы, и прободоша Бориса“.

Предвидя смерть, страдалецъ искалъ успокоенія въ пѣніи псалмовъ, которые онъ зналъ, умѣлъ, очевидно, не только читать, но и пѣть. Въ этомъ разсказѣ превосходно выражено и высокое духовное значеніе псалмовъ для человѣка вѣры въ невыразимо тяжелыя, скорбныя до смерти, минуты жизни. Велика та школа, которая дала страдалцу такое утѣшеніе. По истинѣ Псалтирь книга несравненная, и предки наши хорошо понимали ея учительное и воспитательное значеніе.

Псалтирь былъ *путевою* книгою, которую предки наши брали съ собою въ дорогу и къ которой въ трудныя минуты они обращались. Вспомнимъ Мономаха, который находясь въ пути, отказался участвовать въ войнѣ противъ Ростиславича, считая это дѣломъ несправедливымъ, и въ скорби обратился къ Псалтири. „Усрѣтоша мя, пишетъ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ, послы отъ брата моего на Волзѣ, рѣша: „потѣснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отънимемъ; аще ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“; и рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступить. И отрядивъ я, *взъмь Псалтирю въ печали* разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя“? и проч.—

Пр. Несторъ пишетъ о св. Ѳеодосіи, что онъ любилъ псалтирь и пѣлъ псалмы за пряденіемъ волны. Вотъ трогательная картина келейной жизни XI в., по изображенію лѣтописца: инокъ Иларіонъ день и ночь *переписываетъ* въ келліи пр. Ѳеодосія книги. Другъ его Никонъ *переплетаетъ* ихъ, а Ѳеодосій, прядя волну, „*поетъ псалтирь* усты тихо“ ¹⁾.

О св. Спиридонѣ пишется, что онъ „труждашея о спасеніи души своей крѣпко, *безпрестанно псалтирь* поя и *весь на кійждо день* скончеваа“. Псалтирь имѣлъ у насъ всегда самое широкое распространеніе въ народѣ. Пергаменные списки его восходятъ къ XI в. и раньше. Если же справедливо, что онъ былъ и учебною книгою въ школахъ, то домашніе списки его были распространены по всей Руси.

Замѣчательнъ тотъ фактъ, что псалтирь, какъ это положительно извѣстно, служилъ учебною книгою въ школахъ не только Византійскихъ, но и западныхъ, гдѣ грамотные назывались даже „псалтирниками“ (psalterati); блаженный Иеронимъ считаетъ обязанностію монаховъ знать ее наизусть ²⁾. Тоже заповѣдуетъ и св. Ѳеодосій братіи.

Псалтирь служилъ руководствомъ жизни. Въ посланіи къ Мономаху митр. Никифоръ пишетъ: „И едино ти реку на конци, христолюбивый княже мой: воспоминаніе имѣи третіею *псалма* перьваго часа, иже есть р, и съ *вниманіемъ* его пою: Милость и судъ пою тебѣ, Господи, и прочая его; и тыи есть истинный икунникъ (изображеніе) царское и княжское икуны. А еже глаголемая отъ него испытывая и храняи, тотъ приближеніа улучать, иже и просвѣтитъ тя еще и еще разумѣи ти очи, и отвратить отъ нихъ всяку суету, и освятить ти слухъ, и очистить сердце, и исправитъ стопы, и изымѣтъ нозѣ твои отъ поплзена“. Такое высокое значеніе усвоилось псалтири нашими предками.

По изученіи псалтири ученикъ приготовленъ былъ къ чтенію другихъ божественныхъ книгъ и отеческихъ писаній. Грамота въ школѣ была *не цѣлью*, но средствомъ духовнаго просвѣщенія чловѣка.

О способахъ *обученія письму* въ лѣтописяхъ не сохранилось никакихъ указаній; но о томъ, что письмо было у насъ распространено и, слѣдовательно, ему обучали въ училищахъ, есть довольно свидѣтельствъ. Наши князья этой эпохи всѣ

¹⁾ Патер. печ., стр. 47.

²⁾ См. у Дюканжа, Glossar. Latin. подъ словомъ psalteratus, которое истолковывается такъ: *qui scit legere, psalterium scilicet*. Здѣсь же, въ наставленіи ищущему монашеству, Иеронимъ говоритъ: *nunquam de manu tua et oculis tuis recedat liber, discatur psalterium ad verbum*. Не знающій Псалтири не посвящался даже въ епископы.

были грамотны; въ монастыряхъ писаніе, списываніе священныхъ книгъ, было повсемѣстнымъ и считалось дѣломъ богоугоднымъ, какимъ оно считалось и на западѣ до книгопечатанія, — тамъ оно считалось какъ бы проповѣдью слова Божія ¹⁾). Переписывались книги священныя „собѣ на спасеніе и всѣмъ крестьяномъ на утѣху“. (въ утѣшеніе), какъ выразился одинъ древній писатель Евангелія. Бывали случаи, что взрослые, поступивъ въ монастырь, научались въ нихъ чтенію и письму, какъ это было, на примѣръ, съ св. Спиридономъ, который „невѣдый писанія, нача учитися книгамъ, аще и лѣты не младъ сый“.

Въ древней Руси біографіи имѣли только мужи святые, прославившіеся духовными подвигами ²⁾); поэтому только изъ этихъ житій и можно черпать нѣкоторыя подробности древняго быта и просвѣщенія. Такимъ образомъ о писаніи книгъ и книгодѣліи мы имѣемъ свѣдѣнія относительно Иларіона, Никона, Θεодосія; но тоже бывало, конечно, и въ другихъ монастыряхъ. Книгодѣліе на Руси было весьма распространено, — объ этомъ свидѣтельствуеетъ обиліе памятниковъ этой эпохи. Соображая лѣтописныя сказанія о книгодѣліи въ Печерскомъ монастырѣ, Лавровскій ставитъ вопросъ, не была ли келлія Θεодосія тоже, что *scriptorium* въ западныхъ монастыряхъ, то-есть, особая помѣщенія, съ приспособленіями для письма, гдѣ пишущіе были свободны отъ всякихъ помѣхъ своему дѣлу и имѣли подъ рукою все нужное для письма. Очень можетъ быть, что, при простотѣ тогдашней монастырской жизни на Руси, для этой цѣли могла служить и келлія просвѣщеннаго настоятеля.

Стефанъ Новгородецъ (въ половинѣ XIV в.), путешествовавшій на Аѳонъ, говоритъ, что нашелъ тамъ своихъ земляковъ — Новгородцевъ Ивана и Добрилу, которые жили въ монастырѣ, „списавши отъ книгъ Св. Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію“, — это искусство приобрѣли они, конечно, на родинѣ, въ школахъ или въ монастыряхъ русскихъ. Припомнимъ, что изъ Студійскаго монастыря „посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги“ ³⁾), гдѣ и трудились наши просвѣщенные иноки на пользу родной Церкви и образованія въ тишинѣ и въ неизвѣстности. Тоже дѣлали иноки и въ своихъ монастыряхъ. Каждое собраніе такихъ писцовъ представляло какъ бы особую школу, руководимую опредѣленными правилами, что можно замѣчать и на самыхъ рукописяхъ.

Письмо составляло особое искусство, къ изученію котораго относились весьма тщательно, о чемъ свидѣлствуютъ рукописи. Въ послѣсловіяхъ ихъ постоянно встрѣчаются прошенія писцовъ не осуждать ихъ за погрѣшности. „Аще кдѣ криво налѣзете, то исправивъше чѣтѣте же, а не кльнѣте“ (Еванг. 1144 г.); „аще кдѣ буду изгрубилъ, или у тузѣ, или въ печали, или въ бесѣдѣ коли съ другомъ, а вы Бога дѣла исправляюще чѣтѣте, зане грѣхъ кляти тружющагося Бога ради“ (Ев.

---

¹⁾ Quod ore non possumus, Dei verbum manibus praecedimus. Quot enim libros scribimus, tot nobis veritatis praesones facere videmur.

²⁾ Да и о тѣхъ затруднялись писать по скромности христіанской, какъ это можно видѣть изъ повѣствованій Поликарпа объ угодникахъ Печерскихъ. Только повинувъ желанію настоятеля, онъ рѣшается писать о подвижникахъ, но и то съ оговоркою, „чтобы и будущіе черноризцы увѣдали благодать Божію, бывшую на семь святомъ мѣстѣ и прославили Отца Небеснаго, показавшаго такіе свѣтильники въ Русской землѣ“. Говоря объ Антоніи, Поликарпъ замѣчаетъ: „если такое свѣтило угаснетъ по нашей небрежности: то какъ возсіяютъ отъ него лучи? Разумѣю отцовъ препод. нашихъ Печерскихъ... если я умолчу, то они останутся забвенными навсегда, и имена ихъ не помянутся, какъ было до сего дня“.

³⁾ Сказанія Рус. Нар., Сахарова. II, стр. 53.

1307). Монахъ Лаврентій такъ заключаетъ свою лѣтопись: „и нынѣ господа оци и братья! Оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените, зане книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ“. Это выраженіе скромности и недовѣрія къ себѣ вообще свойственно нашимъ писателямъ книгъ, смотрѣвшимъ на дѣло свое, какъ на дѣло Божіе. Но изъ этихъ и другихъ заявленій видно, что писцы имѣли опредѣленные понятія о своемъ искусствѣ,—пиша криво, переступая строку, допуская описки, переписки и недописки, они грѣшили противъ его правилъ. На одной рукописи XI в., заключающей въ себѣ слова Григорія Богослова, сдѣлана искусною рукою надпись: „чѣгле кривая главо пиши прямо“ (щеголъ, кривая голова, пиши прямо). Вѣроятно надпись сдѣлана руководителемъ писанія (на западѣ они назывались *argarius*).

Замѣчательно, что рукописи первой эпохи нашего просвѣщенія отличаются особыми достоинствами, какъ въ отношеніи правильности текста, такъ и изящества письма. Правильность письма относилась не къ начертанію только, но и къ правильному употребленію буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, что предполагаетъ уже болѣе или менѣе опредѣленное правописаніе. „Ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ древней нашей письменности, говоритъ Лавровскій, совершенно убѣждаетъ насъ въ справедливости такого заключенія: въ нихъ мы дѣйствительно находимъ правильное и послѣдовательное употребленіе буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, которое пріобрѣталось, безъ сомнѣнія, посредствомъ обученія“¹⁾. Поэтому справедливо полагать, что правила эти были предметомъ обученія въ тогдашнихъ школахъ при обученіи письму. Важнымъ пособіемъ въ этомъ дѣлѣ служила и практика—списываніе образцовыхъ рукописей, которыя могли служить и прописями при обученіи письму.

Пѣніе составляло излюбленное занятіе нашихъ предковъ, именно церковное, оно входило и въ курсъ нашей древней школы. Извѣстно, что пѣніе на богослуженіи въ Софіи Византійской глубоко тронуло и поразило нашихъ предковъ при испытаніи ими вѣръ, въ лицѣ десяти мужей избранныхъ. Съ вѣрою православною явилось у насъ и пѣніе, составляющее важную часть богослуженія. Въ лѣтописи еще въ XI в. упоминается о званіи *демественника*, уставщика и руководителя пѣнія²⁾; преемникъ преп. Θεодосія былъ *деместникъ* Стефанъ. Извѣстный Кирикъ, составитель „ученія, имже вѣдати челоуѣку числа всѣхъ лѣтъ“, именуеть себя „грѣшнымъ и худымъ калугеромъ Антоновскимъ (Антоніева Новг. мон.) Кирикомъ діакономъ, *деместникомъ* церкви Пресвятыи Богородицы“. Въ древнѣйшемъ житіи Бориса и Глѣба пишется: „архіепископъ же — постави попы и дьяконы и повелѣ имъ пѣти—и постави имъ старѣйшину“. Есть свидѣтельство, что и народъ самъ принималъ участіе въ церковномъ пѣніи. Такъ, при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба (1072 г.) народъ пѣлъ „Господи помилуй“, и „аки изъ пчель исхождаше гласъ „Господи милуй“³⁾. Пѣнію обучались ни только лица духовныя, для коихъ

¹⁾ Лавровскій, стр. 139. Авторъ дѣлаетъ даже опытъ системы древняго Русскаго правописанія, на основаніи рукописей (стр. 140—171). Изслѣдованіе это составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу налеографію. См. также „Судьбы церковнаго языка“ *Биллярскаго*, стр. 269 и далѣе. Биллярскій вмѣняетъ въ большую заслугу дьякону Григорію сохраненіе имъ въ его списокѣ *древняго правописанія*.

²⁾ *Domesticus*, qui curat ut recte sanatur, tantum imponit seu inhoat, опредѣляетъ Дюканжъ въ *Glossar. Graec.*, но это значеніе не исполнѣ точно. Доместики принадлежали собственно царскому двору и пѣніе ихъ было особенно изысканнымъ, нарочитымъ.

³⁾ Ст. книга, стр. 213. Причемъ пѣли погречески — „киріе эленсонъ“. Тоже пѣли и Звенигородцы въ 1146 г., освободившись отъ враговъ.

пѣніе было обязательно и составляло необходимость, но и лица свѣтскія. Такъ, св. Борисъ *тѣль псалмы* передъ кончиною. Въ походѣ на Половцевъ (1111 г.) „Володимеръ пристави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, *пѣти* тропари и кондаки Христа честнаго и канунъ Святой Богородицѣ“¹⁾. Игорь Ольговичъ былъ не только „читатель книгъ“, но и „въ пѣніи церковномъ ученъ“²⁾. Послѣ побѣды надъ Половцами м. Константинъ съ в. к. Мстиславомъ Изяславичемъ благодарственныя пѣсни *велегласно воспѣвшие* съ великою радостію, глаголюще: поимъ Господеви“. Михаилъ, кн. Тверской, мучимый Татарами, *тѣль псалмы*³⁾. Димитрій Красный при кончинѣ „нача *пѣти демествомъ*: Господа пойте“. И эта любовь князей къ пѣнію сохранялась въ послѣдующее время. Въ XI в. у насъ уже были свои пѣвчіе, уставщики пѣнія и даже пѣснотворцы. Такъ Георгій, „творецъ каноновъ“, написалъ службу преп. Θεодосію при открытіи мощей его (1095 г.), мученикамъ Борису и Глѣбу, великомученику Георгію. Кириллъ Туровскій также былъ извѣстенъ составленіемъ молитвъ и пѣснопѣній.

Первыми учителями нашими въ пѣніи были Болгарскіе пѣвцы, въ чемъ согласны всѣ изслѣдователи⁴⁾; впоследствии же, со временъ Ярослава, приняли въ этомъ дѣлѣ участіе и Греки⁵⁾. Обстоятельство это весьма важно. Принявъ Св. Вѣру и книжное просвѣщеніе на родномъ языкѣ, мы и пѣніе приняли отъ православнаго *Славянскаго народа*, близкаго намъ по духу творчества. Распѣвъ Болгарскій сохранился у насъ и доселѣ.

Къ сожалѣнію, о способахъ обученія пѣнію извѣстій мы не имѣемъ; судя же по его широкому распространенію, по необходимости его при православномъ богослуженіи, по любви къ нему народа русскаго, можемъ полагать, что пѣніе изучалось повсемѣстно, и по всей вѣроятности, болѣе *устно*, съ голоса, такъ какъ греческая нотація крайне сложна и затруднительна для изученія.

Преподавалась ли въ нашихъ древнихъ училищахъ *грамматика*? Прямыхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, но въ житіи св. Θεодосія пишется, что когда его отдали „на ученіе божественныхъ книгъ единууму отъ учителей“, то отрокъ „вскорѣ извыче *вся граматикія*, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмъ его ученіи“. Можетъ быть, грамматика не была предметомъ всеобщаго обученія, но предлагалась способнѣйшимъ. Пособія же по грамматикѣ у насъ тогда были. Переводъ первой у насъ грамматики, подъ заглавіемъ: „Книга Св. Ивана Дамаскина философская о осмихъ частѣхъ слова“, сдѣланный экзархомъ Болгарскимъ Іоанномъ, принадлежитъ X в. Этотъ трудъ былъ не столько переводъ, сколько *приспособленіе* Греческой грамматики къ языку Славянскому, о чемъ весьма ясно говоритъ самъ переводчикъ⁶⁾. Одно уже сравненіе славянскаго языка съ Грече-

¹⁾ Плат. л., стр. 2.

²⁾ *Татищ.* 11, 313.

³⁾ Степ. кн. 309, 432.

⁴⁾ Лавровскій, стр. 175. Ср. Чт. общ. ист. и древн. Рос. 1847 г., № 7, стр. 11.

⁵⁾ Въ 1137 г., по извѣстію лѣтописца, „поставленъ бысть скопецъ Мануило епископомъ Смоленску, *пѣвецъ гораздый*, иже пришелъ изъ грекъ *самъ третій* къ благолюбивому князю Мстиславу“. Подъ 1152 г.: „Въ Кіевъ пришли *тріе пѣвцы* изъ грекъ съ роды своими“. Отъ нихъ-то, по словамъ Степенной книги, началось *ангело-подобное* пѣніе, то-есть, *изрядное осмогласіе, трисоставное сладкогласованіе* (надо полагать — пѣніе на три голоса) и самое красное *демественное пѣніе* (пѣніе при двоѣное).

⁶⁾ Іоан., экз. болг., стр. 131. См. у *Калайдовича*, Памятн. Рос. слов., 1821 г.

скимъ могло служить выясненію грамматическихъ формъ перваго, содѣйствовать отчетливости и правильности рѣчи. Намъ извѣстно, что переводы Греческихъ книгъ на Славянскій языкъ и списываніе ихъ продолжались въ весь первый періодъ нашей школы и покровительствовались князьями ¹⁾, а для этой цѣли нужно было знаніе обоихъ языковъ. Самыя рукописи наши, представляющія точность и послѣдовательность въ правописаніи, правильность въ употребленіи формъ, въ построеніи предложеній и періодовъ, указываютъ на знаніе родного языка. Но за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о преподаваніи грамматики въ школахъ, мы должны отнести изученіе ея къ свободной любознательности особенно даровитыхъ писателей древности нашей, для которыхъ ученіе, начинаясь въ школѣ, продолжалось всю жизнь.

Имъ, этимъ избранныкамъ мысли и слова, могли быть доступны и грамматическія свѣдѣнія ²⁾. Школа же назначалась для дѣтей.

Преподавалось ли въ древнихъ училищахъ *счисленіе*, объ этомъ также нѣтъ свѣдѣній ни за, ни противъ. Лавровскій полагаетъ, что оно могло быть предметовъ обученія, „какъ сообщеніе практическаго умѣнья вести счетъ“, ³⁾ но это мнѣніе остается только предположеніемъ. Обученіе счисленію, вѣроятно, въ видахъ церковныхъ потребностей ⁴⁾, въ Византійскихъ и Западныхъ школахъ даже предписывалось постановленіями соборовъ. Основываясь на трудѣ Кирика, „Ученіе, имже вѣдати чловѣку число всѣхъ лѣтъ“, Лавровскій приходитъ къ заключенію, что у насъ были своя нумерація, свои названія числъ, свои приемы счисленія. У Кирика есть задачи до 10 милліоновъ. Такова, напр., задача „испытаніе часовное“ (сколько отъ Адама прошло часовъ до 1136 года). Десять тысячъ обозначались словомъ *тма*, а что выше того, называлось *невѣди*, какъ бы числа, выходящія изъ предѣловъ обычнаго *вѣдѣнія* и употребленія ⁵⁾. Цифрами, конечно, служили буквы Славянской

¹⁾ Зри о Ярославѣ Мудромъ. Для сына его Владиміра „попъ Уширь Лихній“ перевелъ толкованія на пророческія книги, что видно изъ надписи на рукописи: „Слава тебѣ Господи, Царю Небесный, яко сподоби мя написати книги си, ис Куриловицѣ, Князю Володимеру, Новгородѣ княжащю, синови Ярославу болшему“. Началъ писать 15 мая, а окончилъ 19 дек. 1046 г.

²⁾ Любопытно, что переводчикъ грамматики Дамаскина ясно сознавалъ оригинальность строя Славянскаго языка и потому невозможность полнаго приложенія къ нему грамматики Греческой. „Не бо равне ся можетъ присно полагати, говорить онъ, еллинскъ языкъ въ инъ прелагаемъ, и всякому языку, въ инъ прелагаему, тоже бываетъ“. Части рѣчи суть: имя, рѣчь (глаголь), причастіе, мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ. Чисель три (ед., мн., двойственное); надежей пять: правый (им.), родной (род.), виновный (винит.), дательный и звательный. Глаголы имѣютъ супружества (спряженія), видъ, залогъ, число, образы, времена. Лавровскій допускаетъ, что грамматика могла преподаваться, какъ практическое знаніе. Хмыровъ идетъ дальше. Утверждая, что въ школахъ преподавалась грамматика, онъ пишетъ: „въ связи съ грамматикою преподавались, какъ видно изъ письменныхъ русскихъ памятниковъ XI—XII в. (?), діалектика, риторика и философія, при чемъ первая смѣшивалась съ послѣдней“. Но памятники этого вовсе не доказываютъ. Отрывочныя свѣдѣнія изъ сихъ предметовъ въ „Изборникахъ“ и „Пчелахъ“ вовсе не могутъ служить доказательствомъ мысли Хмырова.

³⁾ Лавровскій, стр. 180.

⁴⁾ Потребности эти заключались въ опредѣленіи дня минейныхъ праздниковъ (Рожд. Хр., Благовѣщенія), въ опредѣленіи дня праздниковъ цвѣтной тріоди (Пасхи, Преполовенія, Вознесенія, Пятидесятницы), опредѣленіи періодовъ постовъ, въ приуроченіи зачалъ евангельскихъ къ гласамъ недѣли и т. д. У насъ это опредѣленіе называлось ученіемъ „о круговъ обхожденіяхъ“, потому что основывалось на солнечныхъ и лунныхъ кругахъ; вычисленія эти писались въ видѣ таблицы, съ изображеніемъ чловѣческой руки, называвшейся Дамаскиной, и называлось „пасхалией зрячей“.

⁵⁾ Позднѣе приняты были другія наименованія. Такъ въ одной ариѳметикѣ XVII в. находимъ такой счетъ: „начало великому числу сице: десятью десять то есть *сто*, десять сотъ есть *тысяща*

азбуки. Изъ ариѳметическихъ вычисленій Кирика видно, что ему были знакомы и обычныя ариѳметическія дѣйствія. Онъ вычисляетъ индикты, круги солнечные и лунные, количество часовъ и недѣль отъ Адама до 1136 г., годы высокосныя; есть задачи и на дробныя числа.

Но оставляя въ сомнѣніи обученіе счисленію въ древнихъ училищахъ, не можемъ не замѣтить, что нужда въ счисленіи, помимо церковной пасхалии, вызывалась самою жизнью. Достаточно почитать „Русскую Правду“ Ярослава, чтобы въ этомъ убѣдиться. Въ главахъ „о перевѣсѣхъ“, „о закладающихъ городъ“ и др., все основано на счетѣ; собираніе даней, десятины, дѣленіе земель также требовало счета ¹⁾; а если такъ, то школа могла удовлетворять и этому требованію.

Итакъ, курсъ ученія въ древне-Русскихъ училищахъ ограничивался *чтеніемъ*, *письмомъ* и *тѣнѣмъ*; это неоспоримо и не подлежитъ сомнѣнію; преподавались ли въ школѣ грамматика, счисленіе и другія знанія, для насъ это безразлично и твердыхъ свидѣтельствъ на это нѣтъ. Курсъ, по видимому, кратокъ и ограниченъ, но какіе благодатные плоды принесъ онъ древней Руси, ея просвѣщенію, ея внутреннему устроенію. Это кажущееся несоотвѣтствіе результатовъ съ причиною требуетъ нѣкотораго изъясненія.

Ключъ къ уразумѣнію этого историческаго явленія заключается прежде всего во взглядѣ нашихъ предковъ на книжное ученіе и чтеніе, о которомъ поэтому надлежитъ сказать обстоятельнѣе.

VIII. Взглядъ нашихъ предковъ на „книжное ученіе и чтеніе“.

Наши предки высоко цѣнили грамотность и самому чтенію придавали важное значеніе. Грамотность была для нихъ „дверію, отверзаемою къ уразумѣнію божественнаго писанія“, путемъ къ достиженію высшей мудрости, къ уразумѣнію божественныхъ таинъ, средствомъ къ самопознанію и совершенству духовному.

Откуда явился такой взглядъ?

Онъ представляетъ завѣщаніе великихъ и святыхъ Просвѣтителей Славянства. Мы находимъ его въ предисловіи къ переводу св. Евангелія св. Кирилломъ. Вотъ это величавое и полное глубокаго смысла святое завѣщаніе.

„Прогласъ св. Евангелія, какъ прорекли о немъ пророки: Христосъ грядетъ собрать языки, свѣтъ бо всему міру есть. Они сказали: слѣпые прозрятъ, глухіе услышатъ *слово буквое*, и Бога познаютъ, какъ должно. Итакъ, *услышите славяне всѣ*: даръ сей данъ отъ Бога... Внушите нынѣ отъ своего ума, *слышите славянскій народъ всѣ*: слово отъ Бога пришло,—слово, которое *питаетъ* души человѣческія: слово, которое *крѣпитъ сердца и умы*; слово, *уготавливающее* къ Богопознанію. Безъ свѣта не будетъ радости оку видѣть твореніе Божіе: такъ и всякой душѣ безсловесной, не видящей закона Божія... Душа *безбуквовная* мертва

тысяща тысящъ то есть *тма*, а тма темъ то есть *легеонъ*, а легеонъ легеонъ то есть *леодръ*, а леодръ леодровъ то есть воронъ, и больше сего числа нѣсть человѣческому уму разумѣти“. Но въ одной рукописной прописи 1643 г. послѣ *ворона* употребляется еще *колода*:

¹⁾ Шестнадцать статей Русской Правды (XVII—XXIII) содержатъ въ себѣ оцѣнку разныхъ предметовъ, представляющую для современныхъ изслѣдователей не малую трудность въ пониманіи денежной системы того времени.

является въ челоѣкахъ“. Такая возвышенная рѣчь могла относиться только къ высокому предмету. Св. Просвѣтитель предлагаетъ всему Славянскому народу *чтеніе*, но—чтеніе Слова Божія. Въ этомъ смыслѣ чтеніе, какъ и все „книжное ученіе“ понималось и нашими предками. Этотъ взглядъ на грамотность усвоенъ былъ и всѣмъ Русскимъ православнымъ народомъ.

Въ древнѣйшемъ Изборникѣ Святославовѣ (1076 г.) мы находимъ такую похвалу грамотѣ и чтенію.

„Добро есть, братіе, *почитанье книжное*; паче всякому хрѣстьяну: блажени бо, рече, *испытаяштии свидѣнія его*, всѣмъ сердцьмъ възвѣстуютъ его; что бо рече: испытаяштеи свидѣнья его. Егда чытеши книги, не тѣштся бѣрзо иштисти до другыя главизны, *нѣ поразумѣи, что глаголють книги* и словеса та, и *тришды* обраштяся о единой главизнѣ; рече бо: въ сьрдьци моемъ ськрыхъ словеса твоя, да не сьгрѣшу тебѣ. Не рече: усты тѣчю изглаголаахъ, нѣ и въ сьрдьци ськрыхъ, да не сьгрѣшу тебѣ; и *поразумѣвая ибо истинныи писания, правимъ есть ими*; реку же: узда коневи правитель есть и въздѣржаніе; *праведнику же книги*. Не сьставитъ бо ся корабль безъ *гвозди*, ни правѣдникъ бес почитанія книжнааго: и яко же плѣнникомъ умъ стоитъ у родитель своихъ, тако и правѣднику о почитаньи книжнѣмъ; красота воину оружие и кораблю вѣтрила, тако и правѣднику почитаніе книжное; открыи бо, рече, очи мои да разумѣю чюдеса отъ закона твоего, очи бо глаголетъ размыслъ сердечьными, и прочее.

Не ськрыи отъ меня заповѣди твоихъ, разумѣи, яко не отъ очию ськрыи, но отъ разума и сьрдьца. Тѣмъ же и похули не поучаюштяся, глаголя: проклѣти уклоняюштеися отъ заповѣди твоихъ; тѣмъ же и самъ ся похвали, глаголя: коль сладька словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысящта злата и сьребра, и възспѣтъ, глаголя: въздрадуюся азъ о словесьхъ твоихъ, яко обрѣтая користь многу; користь бо нарече словеса божія, глаголя: яко обрѣтохъ, недостойнъ сы, такъ даръ, еже ми ся поучяти словесьмъ твоимъ днь и ношть.

То мы братія, *поразумѣимъ и послушамъ разумьныма ушима и поразумѣимъ силу и поученіе святыхъ книгъ*. Послушан ты житья святааго василия и святааго іоанна златоустааго и святааго кирила філософа и инѣхъ много святыхъ, како и ти сьшрва, повѣдають о нихъ рекуште, измлада прилежааху *святыхъ книгъ*, тоже и на добрая дѣла подвигнушася; вижь; како ти начатъкъ добрымъ дѣломъ поученіе святыхъ книгъ, да тѣми, братія, и сами подвигнѣмъ ся на путь жития ихъ и на дѣла ихъ, и *поучимъся вгину книжньнымъ словесьмъ*, творяще волю ихъ якоже велятъ, *да и вѣчныи жизни достоини будемъ*, въ вѣки аминь“.

Здѣсь чтеніе является путемъ ко спасенію. Въ Пчелѣ (1199 г.), одномъ изъ древнихъ нашихъ сборниковъ, говорится: „Умъ безъ книгъ, *аки птица стѣшена* (безъ крыль). Якоже она възлетати не можетъ, такоже и умъ недомыслится сьвершена разума безъ книгъ. *Свѣтъ дневной есть слово книжное*, его же лишився безумный, акы во тмѣ ходитъ и погибнетъ въ вѣки“.

Кирилль Туровскій убѣждаетъ: „того ради молю вы—*потщитесь прилежно почитати св. книги*, да ся Божія наставивши словесъ, и будущаго вѣка неизрѣченныхъ благъ стяжете“. Обращаясь къ духовному чину, къ просвѣтителямъ народа, онъ говоритъ: „Аще бо міра сего властители, иже въ житейскихъ вѣщѣхъ труждаются, *прилежно требуютъ* книжнаго почитанія; колми паче намъ подобаеть учитися въ нихъ, и всѣмъ сьрдцемъ възскати свидѣнія словесъ Божіихъ о спасеніи душъ нашихъ писанныхъ“. Въ лѣтописи пр. Нестора мы находимъ такую похвалу

книгамъ и книжному ученію: „Велика бо бываетъ полза отъ ученя книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ хваля е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ. Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу душѣ своей; иже бо книги часто чететь, то бесѣдуетъ съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческія бесѣды и евангельскія ученія и апостольская житія святыхъ отецъ, воспріемлетъ душа великую пользу“ ¹⁾.

Такая похвала могла относиться только къ книгамъ Св. Писанія и писаніямъ свято-отеческимъ, и вообще къ книгамъ церковнымъ, религіознымъ.

„Аще не вѣси чести, говорится въ одномъ древнемъ поученіи, прилѣпися идеже есть *смышати* и пользоваться. Пишетъ бо, аще видиши мужа разумична, *утренной* къ нему и степенми двери да входитъ нога твоя“ ²⁾. Народъ нашъ дѣйствительно и доселѣ любитъ не только читать, но и слушать „чтеніе божественнаго“. И эта любовь преемственно переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Въ одномъ сборникѣ XV в. пишется: „якоже бо корабль безъ управляющаго вѣтромъ бурнымъ носимъ безвѣстно плаваніе творить и въ бѣдѣ пристанище приходитъ. Также и душа безъ почитанія книжнаго бурей помышленія злокозненнаго и волнами житія своего возмущаема, не можетъ постигнути пристанища“. Митр. Даніилъ (XVI в.) говоритъ, что чтеніе „печаль изгоняетъ, и радость всаждаетъ, и злобу убиваетъ, и страсти истерзаетъ, и къ добродѣтели воздвизаетъ, и отъ земныхъ на небесная преселяетъ“. Конечно, это можетъ совершать только чтеніе Слова жизни и благодати.

Эти позднѣйшія свидѣтельства говорятъ о томъ, какъ *крѣпко* установился на Руси взглядъ первыхъ просвѣтителей ея на чтеніе и книжное ученіе.

Первыми книгами на Руси были книги Св. Писанія, особенно псалтирь, богослужебныя книги, писанія отеческія, житія святыхъ, сборники религіознаго содержанія; по нимъ учились грамотѣ и ихъ читали въ школахъ и дома, списывали, сохраняли какъ драгоценность и передавали изъ рода въ родъ. Онѣ служили источниками духовнаго развитія и просвѣщенія нашихъ предковъ. „Книги св. Писанія, говоритъ одинъ изъ современныхъ ученыхъ, были силою умственно и нравственно возсозидающею и возрождающею древле-русскій народъ. Въ нихъ искали своего утѣшенія и укрѣпленія своей вѣры люди, принимавшіе христіанскую вѣру; по нимъ воспитывались люди, просвѣщенные крещеніемъ и преданные вѣрѣ; съ нихъ должны были начинать свое образованіе люди, желавшіе учиться грамотѣ. Самое высшее образованіе состояло также въ изученіи и знаніи книгъ Св. Писанія, книгъ церковно-богослужебныхъ и нравоучительныхъ, вслѣдствіе чего въ устахъ современниковъ заслуживалъ особенную похвалу тотъ, кто изучалъ книги Св. Писанія и *зналъ ихъ на память*. Самое служеніе книжному дѣлу—списываніе и распространеніе св. книгъ,—считалось дѣломъ богоугоднымъ, святымъ, приличнымъ монашескому служенію и достойнымъ занятіемъ cadaго челоуѣка, ревновавшаго о распростра-

¹⁾ Лаврент. лѣт., стр. 65 и слѣд.

²⁾ Прав. Собес. 58 г., стр. 177.

неніи и пользѣ просвѣщенія и образованія. Древніе сказатели съ особенною любовію останавливаются на разсказѣ о томъ, какъ князья, иноки и просвѣщенные іерархи трудились въ списываніи и дѣланіи книгъ“¹⁾).

Изъ такихъ источниковъ наши предки поучались знаніямъ, мудрости и благочестивой жизни; подъ ихъ вліяніемъ воспитывалась русская мысль и образовывался весь строй духовной жизни нашего народа. Вліяніе это было чрезвычайно сильно и благотворно. Подъ этимъ вліяніемъ воспитывались наши князья православные, начиная съ св. Владиміра; воспитывались великіе святители и подвижники земли русской, духовные отцы ея, славные писатели, духовный чинъ и свѣтскій, и весь народъ православный, ибо существовало глубокое единство ученія *школы и церкви*; на этой почвѣ развились и укрѣпились завѣтные преданія старины нашей, первой школы нашей и просвѣщенія народнаго.

При такомъ взглядѣ на „книжное ученіе“, на грамотность, кажущееся противорѣчіе между причиною и дѣйствиємъ исчезаетъ; курсъ нашей древней школы является вовсе не узкимъ, ограниченнымъ и недостаточнымъ, напротивъ является обширнымъ по объему, глубокимъ по содержанію, несравненнымъ по образовательной силѣ, а потому не только *просвѣтительнымъ*, но и *воспитательнымъ* въ высокой степени.

Этотъ взглядъ на книжное ученіе усвоилъ народъ нашъ и, принявъ отъ предковъ, сохранилъ его на всемъ протяженіи своей исторіи. Вотъ почему онъ и нынѣ такъ тяготеетъ къ *церковно-приходской школѣ*. Онъ инстинктивно понимаетъ, что эта школа ведетъ его „царскимъ путемъ“ къ истинному просвѣщенію.

Проф. Лешковъ такъ характеризуетъ значеніе древне-русской школы. „Ученіе, или умственное образованіе народа (въ древней Руси), говоритъ онъ, было въ рукахъ *духовенства*, въ рукахъ священниковъ и діаконовъ, слѣдов. распространялось по *приходамъ*, или общинамъ, было *общиннос*. Мы начинаемъ наше ученіе, такъ сказать, по порядку училищъ, съ ученія въ *школахъ приходскихъ*. Это значеніе и положеніе древнѣйшихъ русскихъ школъ подтверждается даже въ Стоглавѣ. Но для мыслящаго христіанина приходская школа, учившая его *читать и писать*, могла служить *основаніемъ и глубокой мудрости*; потому что онъ *читалъ* въ ней не *Иліаду*, не *Одиссею*, не вымыслы человѣческіе, какъ бы ни были они прекрасны, а *истинное ученіе* о сотвореніи міра, — о явленіи Промысла въ исторіи избраннаго народа древности, — объ искупленіи отъ грѣха всего человѣческаго рода самою Любовію. Потомъ читалъ онъ *проповѣди* и поученія св. отцовъ, — житія угодниковъ Божіихъ, — *днєписанія* своего народа, — сказанія своихъ паломниковъ и путешественниковъ. Высшія школы нужны были, для облегченія его труда; но и безъ нихъ, *при усиліи самомыслия*, христіанинъ могъ образоваться до степени *духовнаго вѣтїи, до безсмертія народнаго лѣтописателя*. Сколько великаго могла совершить школа временъ Правды, это видимъ мы изъ исторіи перваго Русскаго митрополита Іларіона, изъ житія св. Печерскаго Θεодосія, — изъ дѣятельности перваго лѣтописца Нестора и другихъ лицъ“²⁾).

Хомяковъ говоритъ, что „различіе между церковною и гражданскою письменностію заключается въ томъ, что первая *собираетъ умъ отъ окружности* къ центру, а вторая *разсыпываетъ его отъ средоточія* къ окружности“. Таково различіе и ученія

¹⁾ *Сольскій*, Употр. и изученіе библіи въ Россіи. Пр. Обозр. 1869 г. Окт.

²⁾ *Лешковъ*, стр. 208.

церковнаго и гражданскаго. Первое сосредоточиваетъ, ведетъ въ глубь сознанія; второе — разсѣиваетъ, разбрасываетъ умъ человѣка и самое знаніе часто дѣлаетъ широкою, но мелкою лужею; первое ведетъ къ самопознанію, къ уразумѣнію „еди-наго на потребу“, второе же,—сообщая знанія внѣшнія, разнородныя, только над-мекаетъ умъ; первое охватываетъ внутреннее существо человѣка, возводитъ его къ высшему идеалу жизни, второе же дѣлаетъ человѣка только внѣшне образованнымъ; первое имѣетъ глубокую и незыблемую основу, второе такой основы не имѣетъ и потому является шаткимъ, непрочнымъ.

Наша древне-русская школа, руководимая церковію, была прочна, устойчива и шла прямымъ и вѣрнымъ путемъ къ высшей цѣли духовнаго образованія народа.

IX. Воспитательный характеръ школы и идеаль древне-русскаго воспитанія.

О *характеръ обученія* въ древнихъ нашихъ училищахъ мало имѣется сви-дѣтельствъ. Извѣстіе Степенной книги о наставленіи м. Михаила учителямъ остается почти единственнымъ. Оно говоритъ о кротости и любви въ обученіи, и, какъ выше сказано, соотвѣтствовало патріархальнымъ нравамъ и особымъ условіямъ учре-жденія школъ своего времени. Обращеніе къ „жезлу“, къ суровой дисциплинѣ, принадлежитъ послѣдующему времени; въ памятникахъ же съ извѣстіями о пер-выхъ нашихъ школахъ мы не находимъ ничего такого, что бы опровергало наста-вленіе м. Михаила, а обращеніе съ дѣтьми Леонтія, еп. Ростовскаго, служитъ подтвержденіемъ его.

Но для насъ важнѣе всего *воспитательный* характеръ обученія, который несомнѣнно принадлежалъ нашимъ древнимъ училищамъ, которыя не были только *учебницами*, но прилагали заботу о христіанскомъ воспитаніи сердца учащихся. Главною цѣлію училища была не грамота, не книжность, но просвѣщеніе учащихся свѣтомъ ученія Христова, воспитаніе любви къ церкви православной, послушаніе ея заповѣдямъ, добрая жизнь по вѣрѣ; грамотность же служила только *средствомъ* для этой цѣли.

Объ этомъ воспитательномъ характерѣ ученія говорятъ всѣ свидѣтельства объ устроеніи училищъ; за него ручается самое учрежденіе ихъ при церквяхъ, подъ руководствомъ духовенства; о немъ говорятъ самые предметы ученія; на него указываютъ и послѣдующія извѣстія о школахъ. Такъ отцы Стоглава заповѣдуютъ, чтобы священники въ школахъ „учили учениковъ своихъ страху Божію“, „наипаче же берегли и хранили ихъ во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ растлѣнія“. М. Михаилъ повелѣваетъ учить не только „словесемъ книжнаго ученія“, но „*благонравію, правду и любви, и зачалу премудрости, страху Божію, чистоту и смиренно-мудрію*“, прилагати имъ *ученіе отъ закона Господня* на пользу души же и тѣлу“. Эти неопѣнныя черты нравственнаго воспитанія, составляющія высшее досто-инство нашей церковной школы, и объясняютъ ея глубокое вліяніе на воспитаніе русскаго народа, ея силу, крѣпость, живучесть и любовь къ ней самого народа, сохранившуюся до нашихъ дней; только изъ такой школы и могли выходить великіе свѣтильники церкви нашей, подвижники и просвѣтители русской земли.

Какой же *идеаль воспитанія* завѣщала намъ древне-русская школа?

Мы находимъ этотъ идеаль въ древнѣйшихъ поученіяхъ пастырей, въ лѣто-писяхъ и завѣщаніяхъ.

Это идеаль христіанскій-евангельскій, проникнутый любовію, правдою, вѣрностію, преданностію волѣ Божіей, смиреніемъ, любовію къ отечеству.

Прежде всего всѣ учителя наши говорятъ о *крѣпкой вѣрѣ православнои*. „Сестра брата, пишетъ Лука Жидята, *первѣе всего сію заповѣдь извѣстно должны есмы вси крѣстіане держати: вѣровати во единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, якоже научили апостоли, святіи Отцы утвердиша: Вѣрую въ единого Бога—до конца. Вѣруйте же ми крѣсенію (воскресенію), и жизни вѣчнѣй, и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй*“. Въ словѣ изъ „Златой цѣпи“ пишется: „Чада моя милая! *Первое имѣйте вѣру праву.., потомъ же и въ послушаніи Св. Апостолъ и Св. Отець*“. „Кто послушаетъ правила святыхъ отецъ и поживетъ лѣта своя, творя волю Божію, говоритъ Θεодосій, житель будетъ вѣчныя жизни“.

Замѣчательно, что это послушаніе церкви распространялось и на домашнюю молитву. Въ уставѣ, „како инокомъ жити“, говорится: „Вся же сія (чтеніе псалтири, молитву) твори съ совѣтомъ игумена твоего отца духовнаго, *безъ тѣхъ же совѣтовъ ничто же дѣлай духовнаго дѣла, да не отлучишися отъ церкви никакже*“. „Не буди лживъ, писалъ Симонъ Владимірскій Поликарпу Печерскому, вины ради дѣла коего *собора церковнаго* (собранія въ церкви, общей молитвы въ храмѣ) *не отлучайся*. Ибо яко дождь раститъ семя, тако и церковь влечетъ душу на добродѣтель. Елико бо твориши въ келіи, аще псалтирь чтеши, или обанадесять псалмы поеши, все то *ни единому Господи помилуй уподобится соборному*“. Такимъ образомъ обильное и усердное молитвословіе домашнее не можетъ никакъ сравниваться съ церковнымъ; одно возглашаемое соборно въ церкви *Господи помилуй* выше всякаго домашняго молитвословія ¹⁾. Здѣсь древность производитъ обличеніе самочиннымъ молитвеннымъ сборищамъ сектантовъ нашего времени.

Древнее воспитаніе наше было чуждо индиферентизма. Имѣя правую вѣру, надо ее защищать, исповѣдывать. „Если кто тебѣ скажетъ, говоритъ Θεодосій,—ту и другую вѣру далъ Богъ, ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли, что написано: Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе? И не сказалъ ли Ап. Павелъ: аще и ангель благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаема да будетъ“ ²⁾.

Особенно заповѣдывали предки наши *читать слово Божіе*, то Слово жизни, которое, по выраженію св. Кирилла, „питаетъ души человѣческія, которое крѣпитъ сердца и умы, слово уготовляющее къ богопознанію“. Этимъ завѣтомъ полны всѣ древнія наши поученія. Св. Кириллъ Туровскій пишетъ: „Скажите мнѣ, братія, если при восходѣ солнца станетъ кто-либо закрывать свои глаза, съ нежеланіемъ увидѣтъ свѣтъ и будетъ говорить: „лучши есть тьма свѣта“, одобрите вы его, или же осудите? Тоже и *слово ученія*. Свѣтъ бо слово Божіе въ писаніи наречеться и ть есть болій видимаго сего свѣта: се бо плѣтстѣи очи просвѣщаетъ, а онъ душевнѣи“. Предки наши не только изучали св. Писаніе, но и *толкованія*, и отеческія писанія, о чемъ свидѣлствуетъ литература того времени. Псалтирь изучалась въ школахъ *наизустъ*. Нѣкоторые же знали и другія книги. О Никитѣ затворникѣ (XI в.) Поликарпъ пишетъ: „не можаше никто стязатися съ нимъ книгамъ ветхаго завѣта: весь бо *изъ устъ* умѣаше — Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа,

¹⁾ А. Ванчакавъ, Псалтирь съ толкованіемъ. 1894 г. стр. 70. Тамъ же собранъ обильный матеріалъ свидѣлствъ объ употребленіи псалтири въ домашнемъ быту нашихъ предковъ.

²⁾ Приводимыя въ переводѣ мѣста изложены по переводу арх. Филарета и Погодина.

Судіи, Царство и вся пророчества по чину и вся книги жидовскія“. Въ посланіи Симона къ Поликарпу говорится: „вѣси ли, брате, яко благодатию Божіею могу *отъ всѣхъ книгъ* сказати тебѣ полезная“ ¹⁾.

Въ основаніи нравственнаго воспитанія полагался *страхъ Божій*. „Се же *въ конецъ* всему, страхъ Божій имѣйте выше всего“, заповѣдывалъ Мономахъ своимъ дѣтямъ. Этотъ страхъ есть страхъ любви, въ немъ нѣтъ устрашенія,—онъ лучшій охранитель челоуѣка на жизненномъ пути. „*Первое* Бога дѣля и души своея, страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ“. Итакъ, страхъ Божій есть начало и конецъ воспитанія.

Одну изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія составляло развитіе въ дѣтяхъ *духа церковности*, любви къ *богослуженію*, навыка въ исполненіи *заповѣдей* церковныхъ. „Не лѣнитесь къ *церкви* ходити,—учитъ Лука Жидята,—на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ своей клѣти хотя спати, Богу поклонився, толико на постели лязи. *Въ церкви* предстоите со страхомъ Божіимъ: не молви рѣчи, но ни мысли, но моли Бога всею мыслью, да отдасть ти Богъ грѣхы“.

Примѣромъ такого воспитанія является Св. Ѳеодосій, „иже влекъмъ на любовьъ божію, и хождаше *по вся дни* въ църковь божію, послушая божественныхъ книгъ съ всѣмъ вниманіемъ“ (Несторъ). „Васъ приходящихъ (въ храмъ) хвалю и благословляю, говоритъ Св. Кириллъ Туровскій,—каждо же васъ молю вы, приходящихъ сдѣ,—аще сусѣда имате или родичи, или жену, или дѣти, то *позывайте къ церкви* вся, и поучитесь душеполезнымъ словесемъ“. Пр. Ѳеодосій убѣждаетъ: „Молю вы, братіе, съ *страхомъ и любовію другъ другу* стоимъ на молитвѣ и *воистину* молящися, речемъ: „да ся исправитъ молитва моя, яко кадило предъ тобою, въздѣяніе руку моею, жертва вечерняя“. Да еще руцѣ твои ничто же имата грабленія: добрѣ то глаголеши, рѣка: „воздѣяніе руку моею. Оглядай убо руцѣ си и испытай о нею, да аще ничтоже имата грабленія и нечистаго рѣзоиманья (лихоимства)“. Краснорѣчиво говоритъ Мономахъ о дняхъ поста и покаянія: „Восіаетъ *весна* постная, и *цвѣтъ* покаянья: очистимъ себе, братья, отъ всякоя крови плотскія и душевныя, свѣтодавцю вопыюще рѣчьмъ: слава тебе, челоуѣколюбче!“

Говоря о соблюденіи *постовъ*, Ѳеодосій особенно заповѣдуетъ хранить св. Четырдесятницу: „се бо есть десятина, даемая отъ тѣла Богу, въ няже дни очистившися душа, празднуетъ свѣтло на воскресенъе Господне, веселящесея о Бозѣ. Постное бо время очищаетъ умъ челоуѣку“. М. Никифоръ съ истиннымъ краснорѣчіемъ пишетъ о постѣ цѣлое посланіе (Мономаху) ²⁾. Особенно заповѣдывалась *любовь къ монастырямъ*—къ *церкви* Божіей и къ *чину церковному*. „*Поминайта* монастыря, пишетъ Ксенофонтъ дѣтямъ въ завѣщаніи, чьрноризьцѣ стыдится и чьтета и милосерьдуита“. — „*Чтите* отъ всего сердца *іереа* Божія, чтите и *служы* церковныя“, пишетъ Лука Жидята. Вмѣстѣ съ тѣмъ заповѣдывалось исполнять *дѣла милости* тѣлесной и духовной, особенно заботиться о больныхъ, нищихъ, убогихъ, сиротахъ. „Всего паче, пишетъ Мономахъ, *убогыхъ* не забы-

¹⁾ Патер. печ., стр. 194 на обор.

²⁾ Строгое соблюденіе постовъ почиталось очень важнымъ, и когда возникъ вопросъ, какъ соблюдать посты въ среду и пятокъ, если на эти дни придется великій праздникъ, то русскіе іерархи собрали даже соборъ (1168 г.), а еп. Черниговскій Антоній пострадалъ отъ князя за свою строгость въ этомъ отношеніи.

вайте, но елико могуще, по силѣ кормите, и вдовицю оправдите сами“. — „И мило-
стыню творя нескудну, то бо есть начатокъ всякому добру“. Лука Ж. пишетъ:
„Помните и *милуйте* странныя, и убогыя, и гладныя, и темничны, и своимъ
сиротамъ милостиви будете“. „Болного присѣтите; *надъ мертвеца идѣте*, яко вси
мертвени есьмы; и человекъ не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите“
(Мономахъ). *Почитаніе родителей и старшихъ* считалось важнѣйшимъ долгомъ
дѣтей. „*Чтите стара человека и родителя своя*“, говоритъ Лука Ж. И Моно-
махъ: „старыя чти яко отца, а молодыя яко братью“. Дѣтямъ старались внушать
смирение и кротость: „*Будете смиренни и кротци*, да и послуж(ш)ници будете и
творци Божіимъ заповѣдемъ; въ гордаго бо сердце діаволъ сидитъ, и Божіе слово
не хоцетъ прилнути ему“. Всѣ эти качества христіанскія совпадали съ природными
нравственными качествами нашихъ предковъ, которые извѣстны были привѣтли-
востью, гостепрѣимствомъ, заботами о бѣдныхъ, недужныхъ, и вообще представляли
народъ миролюбивый, добрый, участливый.

Предки наши старались воспитать въ дѣтяхъ любовь къ *правдѣ, искренности,*
честности въ житейскихъ отношеніяхъ, *миролюбіе, вѣрность слову*. Лука Жидята
пишетъ: „Любовь имѣйте *со всякимъ человекомъ*, а болѣе зъ братією, и *не буди*
ино на сердце, а ино въ устѣхъ; но цодъ братомъ ямы не рый, да тебе Богъ въ
горшая тоя не вриветъ. Но *буди правдивъ*... претершите братъ брату и всякому
человѣку, а не вздайте зла за зло“. — „Не мози *свадити*, да не наречешися сынъ
діаволу; но смирай, да будеши сынъ Богу“. „Не осуди брата ни рѣчью, ни мыслию,
поминая своя грѣхы, да тебе Богъ не осудитъ“. „Другъ друга похвали, да и Богъ
вы похвалитъ“. — Мономахъ даетъ такія правила благовоспитанности: „при ста-
рыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными (рав-
ными) и меньшими любовь имѣти, бесъ лука бесѣдующе, а много разумѣти; не
сверѣповати словеса“. „Лже блюдитесь“... „Куда же поидете, идѣже станете,
напойте, накормите унеина; и *болѣе же чтите гостя*, откуда же къ вамъ придетъ,
или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ;
ти бо мимоходячи прославятъ человекъ по всѣмъ землямъ, либо добрымъ, либо
злымъ“.

„Цѣлуйте (крестъ, въ присягѣ или клятвѣ) и *цѣловавши блюдите*, да не
преступна погубите душѣ своеѣ“. Глубокая *вѣра въ Провѣденіе* научала предковъ
нашихъ терпѣливо переносить скорби, испытанія, въ сознаниі, что причиною всѣхъ
золь наша грѣховность, что только молитвою, покаяніемъ, исправленіемъ можно
отвратить гнѣвъ Божій. Это коренное воззрѣніе народа передавалось воспитаніемъ,
оно высказывается въ нашихъ лѣтописяхъ, передается въ поученіяхъ, въ завѣща-
ніяхъ.

„Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, казнь каку либо, или поганья, зане не
въстягнемся къ Богу; а усобная рать бываетъ отъ съблажненія діаволя и отъ злы-
ныхъ человекъ. Богъ бо не хоцетъ зла человекомъ, но блага...—Странѣ убо согрѣ-
шивши коей либо, казнить Богъ смертию, или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ,
или бездождіемъ, и инѣмъ различными казнями. Аще ли покаявшеся будемъ въ
немъ же ны Богъ велитъ быти, — глаголетъ бо намъ пророкомъ: обратитесь ко мнѣ
всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ (Іоил. 2, 12)“ (Св. Ѳеодосій).

„Въ напасти терпи, говоритъ Лука Жидята, на Бога упованіе имѣя“.

Этотъ взглядъ не велъ къ унынію и отчаянію, напротивъ, спасалъ отъ нихъ,
вливалъ бодрость и вѣру въ душу при испытаніяхъ. Мономахъ говоритъ своимъ

дѣтямъ: „Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, *како вы Богъ подасть*, оже бо язъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня спадаеся, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, *понеже не будетъ отъ Бога повельно*; а иже будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но отче добро есть блюсти, *Божіе блюденъе мѣлче есть челоувчскаго*“.

„Господь бо нашъ не челоувкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хочеть, въ мгновеньи ока вся створити хочеть, то самъ претерпѣ хуленъе и оплеванъе, и ударенъе, и на смерть влася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы челоувци грѣшніи? ли си день живи, а утро мертви, день въ славѣ и въ чти, а завтра въ гробѣ и безъ памяти, ни собранъе наше раздѣлять. *Зри, брате, отца наю*: что взяста, или чимъ има по ротѣ? но токмо оже еста створила души“.

Прежде всего заботься о душѣ своей; но трудись съ вѣрой, что Богъ охранить тебя. Не будь трусомъ, который всего боится: жизнь наша въ рукахъ Божіихъ,—Господь есть Владыка жизни и смерти.

Любовь къ труду, презрѣніе къ лѣности также составляли черты добраго воспитанія. „Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учитъ: добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели“ (Мономахъ).

Преподобный Феодосій завѣщаетъ „*добру быти* на пѣнье церковное, и на преданья отечьская и почитанья книжная“.

Мономахъ завѣщаетъ дѣтямъ: „Аще забываете всего, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ безъ сорама, и вамъ будетъ добро. *Его же умьючи, того не забываете добраго, а его же не умьючи, а потому ся учите*: яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣяше пять языкъ: въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земель“.

Такому правилу слѣдовалъ Даниилъ Заточникъ, который говоритъ о себѣ: „Азь бо, княже господине, ни за море ходихъ, ни отъ философъ научихся, но быхъ яко пчела падая по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя медведный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ избирая сладость словесную и разумъ, совокупнихъ яко мѣхъ воды морская, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла“.

Жажда знанія у нашихъ предковъ была велика и она удовлетворялась изъ чистыхъ источниковъ.

Въ посланіи м. Никифора (1104—1121) В. Мономаху мы находимъ *психологическое ученіе* о воспитаніи. Авторъ говоритъ о способностяхъ души — разумѣ, чувствѣ и волѣ, и затѣмъ—о правильной дѣятельности *пяти чувствъ*—„пяти слугъ души“. *Разумомъ* мы отличается отъ животныхъ: „имъ мы познаемъ небо и прочіи творенія; имъ, при правильномъ его употребленіи, восходимъ къ разумѣнію самого Бога“. Не правильное употребленіе разума ведетъ къ паденію, примѣръ — денница-ангелъ.

„*Чувство* выражается въ ревности по Богѣ и въ неприязни къ врагамъ Божіимъ“. Не правильное употребленіе его обнаруживается злобою, завистью, своекорыстіемъ. (Приводятся примѣры изъ исторіи).

Воля выражается въ стремленіи къ Богу. „При добромъ употребленіи ея, челоувкъ имѣеть постоянное желаніе къ Богу, забывая о всемъ прочемъ; ждетъ просвѣщенія отъ Него; наслаждается веселіемъ въ самыхъ злыхъ страданіяхъ ради Бога“. Душа въ тѣлѣ—какъ свѣтлое око, она „наполняетъ своею силою все тѣло“. Слуги души внѣшнія чувства должны быть здоровы, чисты и дѣйствовать пра-

вильно, иначе они могут вводить въ заблужденіе душу ¹⁾. По взгляду Никифора, совокупность дѣятельности душевныхъ силъ должна приводить человѣка къ Богу, къ правдѣ, къ высшей духовной жизни. Такой педагогическій взглядъ на душевную дѣятельность человѣка сдѣлалъ бы честь и нашему времени.

О внутреннемъ самоограниченіи и самоуправленіи Мономахъ въ поученіи къ дѣтямъ своимъ пишетъ: „Научися, вѣрный человѣче, быти благочестной дѣлатель! научися по евангельскому словеси, *очима управленье, языку удержанье, уму смьренье, тѣлу поработанье, тѣву погубленье, помысль чистъ* имѣти, *понужаяся* на добрая дѣла Господа ради: лишаемъ не мести, ненавидимъ, либо гонимъ — терши, хулимъ—моли“.

Для полной характеристики идеала древне-русскаго воспитанія слѣдуетъ еще сказать, что оно было *высоко-патріотическимъ*. Русская земля являлась общею отчизною для всѣхъ сыновъ ея. Св. вѣра, языкъ, преданія, быть все было общимъ для Руси. Вѣрность князю было вѣрностью народу ²⁾. „Бога ся бойте, говоритъ Лука Ж., князя чтите; раби—первѣе Богу, таже Господу“. Патріотическій характеръ древняго воспитанія особенно ярко обнаруживается на нашихъ князьяхъ, не смотря на то, что Русь переживала удѣльное время, когда интересы князей сталкивались. „Русская земля, замѣчаетъ Погодинъ, была безпрестанно на устахъ у князей, у духовенства, у лѣтописателей“. Благородныя мысли и чувства обнаруживались преимущественно при мысли *о всей Русской землѣ*, которой единство князья всегда сознавали, не смотря на свои междоусобія, чѣмъ доказывается развитіе въ нихъ гражданскаго чувства, любви къ отечеству ³⁾.

Св. Борисъ и Глѣбъ объявляются вездѣ „заступниками земли Русской“. Мономахъ предлагаетъ разсужденіе, „како быхомъ промыслили *о Русской землѣ*“. Василько желалъ сложить голову *за Русскую землю*. Въ 1097 г. князья собрались въ Любечъ на совѣтъ: „почто губимъ *русскую землю*, сами на ся котору (вражду дѣюще... *Блюдемъ Русскія земли*“. Митрополитъ, увѣщая Мономаха оставить осаду Кіева, говорилъ: „Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣтъ погубить *Русскіи земли*“. „Се слышавъ Володимеръ, росплакався и рече: поистинѣ *отцы наши и дѣды наши соблюли землю Русскую*, а мы хотимъ погубити“... Лѣтописецъ называетъ Мономаха „страдальцемъ *за Русскую землю*“. — „Мы вѣдаемъ милосердіе Ярославче, говорили Черниговцы своему кн. Всеволоду Ольг., тѣ бо *соблюдаютъ землю Русскую*“. В. Кн. Изяславъ Мстиславовичъ на войнѣ въ Галичѣ (1152) говоритъ: „Братья и дружино! Богъ всегда *Русскія земли и Русскихъ сыновъ* въ безчестіѣ не положилъ есть: на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть“. Тотъ же князь сзываетъ (1169 г.) другихъ князей на Половцевъ. Князья отвѣчали: „Богъ ти, брате, помози... а намъ дай Богъ *за крестьяны и за Русскую землю* головы своя сложити, и къ мученикамъ причтенными быти“. Онъ же соглашался на миръ

¹⁾ Никифоръ собственно имѣлъ въ виду неправильность *слуха* княжескаго. Князь самъ все не можетъ видѣть, служащіе же ему орудіями иногда представляютъ ему донесенія невѣрныя, ко вреду управленія.

²⁾ Въ словѣ изъ „Златой цѣни“ (Филаретъ приписываетъ его м. Кириллу) говорится: „князю земли вашей покаряйтеся; не рцѣте ему зла въ серци своемъ и пріяйте ему головою своею, и мечемъ своимъ, и всею мыслію своею, и не возмогутъ противитися князю вашему. Аще добръ пріяте князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша, и плодъ добръ объемете“. Авторъ сравниваетъ невѣрность князю съ измѣною жены мужу, называетъ ее дѣломъ Іуды.

³⁾ Погодинъ, Др. Р. Ист. II. стр. 743.

(1148 г.) „*Русскія дѣла земли и крестьянъ дѣла*“. Смерть за отечество считалась славною смертью, исполненіемъ долга предъ родною землею. „Лучше есть *на своей землѣ* костью лечи, нели на чюже славну быти“ (Волин. Лѣт.).

Въ такомъ духѣ крѣпкой любви къ отечеству, до готовности умереть за него, воспитывала наша древняя школа молодое поколѣніе.

Трогательнымъ выраженіемъ крѣпкаго единства *всей Русской земли*, въ сознаніи ея сыновъ, является рассказъ игумена Данила о томъ, какъ онъ просилъ Іерусалимскаго князя Балдуина о позволеніи повѣсить лампаду *за всю Русскую землю*.

„Азъ же рекохъ ему: господине княже, молюся тебѣ Бога ради и князей дѣлма Рускихъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити *кандило свое* надъ Гробомъ Господнимъ *за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Рускыя земля*“.

Разрѣшеніе было дано, и простой, невѣдомый монахъ, на далекой чужбинѣ, руководимый и побуждаемый единственно трогательнымъ національнымъ и религиознымъ чувствомъ, повѣсилъ свою скромную „стеклянную“ лампаду у Св. Гроба Господня „за всю Русскую землю“. Сколько величія въ этой простотѣ, и какъ безцѣнна эта простенькая лампада Русскаго человѣка, поставленная съ моленіемъ за весь народъ Русскій; какъ свята, крѣпка и жива эта благодатная связь народа вѣры! И куда ни приходилъ Данилъ, какой святыньѣ ни поклонялся, вездѣ первымъ движеніемъ души старца была молитва „за Русскую землю“, за народъ православный, и дѣлаетъ онъ это великое дѣло въ смиреніи, какъ святой долгъ. „Богъ тому послухъ и святой Гробъ Господень. Въ всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ *не забывахъ* именъ князь Рускихъ, и княгынъ ихъ, и дѣтій ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтій моихъ духовныхъ, *ни всѣхъ христіанъ николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ*. О семъ похваляю преблагого Бога моего, яко сподоби мя *написать* имена Рускихъ князь въ Лаврѣ у св. Савы, и нынѣ поминаются въ октеніихъ. — (имена ихъ);—толико бы есмь поминалъ именъ ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же *о всѣхъ Рускихъ князей и о боярехъ и о всѣхъ христіанехъ Рускыя земля*“.

Таковъ идеаль древняго Русскаго воспитанія и таковы его благодатные плоды. Наши *летописи*, простыя, безпристрастныя, правдивыя, полны любви къ отечеству, благочестивой вѣры въ охрану его Промысломъ, „за молитвъ святыхъ Богородица“ и угодниковъ Божіихъ. Это *живая школа для развитія національнаго чувства*. любви къ отечеству, вѣры въ его великое будущее, подъ покровомъ небснаго Промысла.

Замѣчательно, что въ завѣщаніяхъ дѣтямъ, отцы, давая имъ добрые совѣты, прямо говорятъ, чтобы дѣти слѣдовали *примѣру* ихъ—родителей. Значитъ, у родителей слово съ дѣломъ не расходилось; родители жили такъ, какъ вѣровали, и давали дѣтямъ примѣръ доброй жизни. Какъ высока школа, изъ которой выходили такіе отцы! Можетъ ли школа нашего времени похвалиться такимъ воспитаніемъ?

Въ такъ-называемомъ поученіи дѣтямъ Ксенофонта, „еже глагола къ сынома своимъ“, пишется: „Азъ чадѣ реку вама человѣчя житія отити хошу: *вста бо*, како въ житии семъ жихъ безлуки, како отъ всѣхъ чьстьнъ бѣхъ и любимъ, не сана ради велика, нъ по ровъмъ великъмъ: не укорихъ никого же, не вередихъ, и никогоже не оклеветахъ, ни завидѣхъ никомуже... не оставихъ церкви божия, вечеръ, ни заутра, ни полудне: не прѣзрѣхъ ништиихъ, ни оставихъ странна и

печальна не прѣзрѣхъ никогда же... *такъ и вы живота чадѣ мои, да и ваю Богъ ублажить и длѣголѣтна явить и сѣтворить*". Въ заключеніе завѣщанія Ксенофонтъ еще разъ говоритъ: „съ проста (искренно) реку, *еще мя видѣста творяштя, и вы творита*".

Такимъ образомъ *основою* воспитательнаго идеала древней православной Руси былъ законъ Евангельскій. Идеалы ветхозавѣтные, — воспитаніе жезломъ, розгою, суровостью, — явились *позднѣ*. Мы не имѣемъ ни одного памятника первой эпохи нашихъ училищъ, который бы говорилъ иное; а приведенныя свидѣтельства рисуютъ намъ идеаль воспитанія въ духѣ любви. Что наши предки хорошо разумѣли величіе *закона благодати* предъ закономъ Моисея, объ этомъ свидѣтельствуется слово митрополита Кіевскаго Иларіона: „О законѣ Моусеомъ даннѣемъ, и о благодати и истинѣ, І. Хр. бывшихъ, и како законъ *отъиде, благодать же и истина всю землю исполни*“ и пр. „И что успѣ законъ? Что ли благодать? Прежде законъ, потомъ благодать; прежде стѣнь ти, потомъ истина“, говоритъ Иларіонъ. Кто обладаетъ истиною, тому тѣнь не нужна. И нынѣ „все, ветхая отложше, — новая держать, по пророчеству Исаину: ветхая мимоидоша, и новая вамъ *возвѣщаю*. Пойте Богу *пѣснь нову*“... Эта „новая пѣснь“ *возвѣщалась* въ церкви, звучала въ школѣ, проходила въ жизнь и возвышала ее въ лучшихъ представителяхъ народа, до высокаго христіанскаго идеала ¹⁾).

Х. Значеніе церковно-приходской школы для древней Руси и плоды ея для образованія Русскаго народа.

Церковно-приходская школа есть неощенный даръ провидѣнія для православной Руси. Чуднымъ образомъ Господь просвѣтилъ Русскую землю свѣтомъ ученія Своего, устроилъ Свою святую церковь въ ней; чуднымъ образомъ, подъ сѣнію и руководствомъ этой церкви, Русь вступила на путь образованія. Школа церковная сразу и повсемѣстно охватила всю Русь. Народъ принялъ ее съ расположеніемъ, съ довѣріемъ и любовью; школа оправдала это довѣріе и глубоко вошла въ народную жизнь, какъ живой и неизъземлемый ея элементъ. Девять вѣковъ прошло въ смѣнѣ временъ надъ Россіей, но два учрежденія сохранились въ ней *незыблемо*: церковь и ея дитя — школа церковно-приходская. Эта школа живуча и крѣпка своею связью съ церковію, своими преданіями, любовью народа православнаго. Развѣ это не удивительное явленіе въ нашей исторіи! *Незыблемость* церкви понятна — она есть учрежденіе Господа Спасающаго, она вѣчна, и „врата адовы“ не сокрушатъ ее; но школа — дѣло рукъ человѣческихъ. И какія бури и невзгоды переживала эта школа: и татарское иго, и польское нашествіе, и стремленіе властителей *измѣнить* ее по западно-европейскому образцу, и въ наши дни — попытки замѣнить ее другою „*новою*“ школою, богатой матеріальными средствами, живущей

¹⁾ Могутъ сказать, что жизнь народа въ эту эпоху представляла не мало темныхъ сторонъ, съ которыми и боролись наши пастыри; каковы — двоевѣріе, суевѣріе, нравственные пороки. Все это такъ. Но мы изображаемъ не жизнь въ ея отрицательныхъ явленіяхъ, а *идеаль воспитанія*, начертанный въ литературной письменности той эпохи и *возвѣщавшійся* съ кафедры церковной и въ училищахъ того времени. *Осуществленіе* этого идеала предки наши видѣли въ жизни древнихъ святителей, подвижниковъ и лучшихъ людей своего времени. Идеаль воспитанія показываетъ, къ чему стремились наши предки въ образованія юношества, какихъ цѣлей желали достигнуть въ книжномъ ученіи и въ жизни.

инимъ духомъ; а она, эта бѣдная, скудная, скромная школа, жива и не только жива, но и охватываетъ всю Русь православную, вновь воскресаетъ, растетъ и хранимая церковію, поддерживаемая Государемъ и народомъ, вновь занимаетъ свое высокое просвѣтительное положеніе.

Мы видимъ и знаемъ, что выносилъ народъ Русскій изъ этой школы съ первыхъ поръ ея возникновенія.

Онъ выносилъ изъ ней *грамотность, любовь къ церкви православной, вѣрность государю и отечеству, здоровый, правильный взглядъ на жизнь и ея задачи, христіанскія понятія, о правдѣ, о любви, о послушаніи церкви, о долѣ, о совѣсти, о высшемъ призваніи человека.* Люди же высокихъ талантовъ и дарованій, посвящая себя и по выходѣ изъ такой школы чтенію св. Писанія и отеческихъ писаній, удовлетворяя свою любознательность; жажду ученія, достигали высокой степени образованія, о чемъ свидѣлствуетъ письменность этой эпохи.

Выше было сказано (см. введеніе) о благопріятныхъ историческихъ условіяхъ для начала нашего древняго образованія. Къ сказанному присоединимъ еще нѣсколько замѣчаній. *Связь съ Греціей и Болгаріей* была весьма благопріятна для нашего образованія. Византія обладала богатыми сокровищами духовной литературы, которыя привлекали вниманіе и любознательность русскихъ. Митрополиты, пріѣхавшіе изъ Греціи, были люди ученые, просвѣтительные, они привозили съ собою книги, имѣли переводчиковъ ¹⁾ и дѣятельно заботились объ устроеніи школъ, объ образованіи паствы.

Правда, творческій духъ Грековъ въ это время ослабѣлъ; Византійское образованіе этой эпохи не имѣло уже внутренней свѣжести, силы и жизненности, оно замкнулось въ сухія отвлеченныя формы. „Утонченная діалектика вмѣсто богословія, искусственныя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія, — вотъ что составляло предметъ ученыхъ занятій Византійскихъ Грековъ этой эпохи“ ²⁾. Но во первыхъ, церковь и тогда не оскудѣла жизнью; а во вторыхъ, она была хранительницею неумирающихъ, вѣчно живыхъ произведеній отеческихъ и преданій церкви вселенской, соборной, апостольской. Наконецъ, особенность славянской натуры спасала ее отъ сухой схоластики, изысканной діалектики и отвлеченныхъ умозрѣній. Народъ Русскій, полный жизненныхъ силъ, свѣжій, юный, искренно и правдиво увѣровавшій, всей душой отдался святой вѣрѣ, искалъ въ ней жизни и находилъ ее, и усвоилъ то изъ Византійской образованности, къ чему стремилась душа его. Запасъ же сокровищъ церкви Греческой былъ такъ великъ, что вполне могъ удовлетворять пробудившейся въ Русскомъ народѣ жаждѣ просвѣщенія. И онъ пользовался ими не скудно, а съ избыткомъ. При іерархическомъ союзѣ Русской церкви съ Константинопольскою, постоянно поддерживалось живое и дѣятельное общеніе между ними. Богатая письменность отцевъ церкви Греческой была живымъ источникомъ, высшимъ образцомъ и неистощимымъ матеріаломъ для только что возникавшей письменности Русской. „Усвоеніе нашею церковью богослужебныхъ книгъ и твореній св. отцевъ и учителей греческой церкви, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, было не внѣшнее только, въ переводахъ,

---

¹⁾ Краснорѣчивый м. Никифоръ не зналъ Русскаго языка и бесѣдовалъ съ паствою черезъ переводчиковъ. Въ словѣ въ нед. Сыропустную онъ говоритъ: „Не данъ мнѣ даръ языковъ..., отъ того стою я посредѣ васъ безгласенъ и безмолвенъ“.

²⁾ *Лавровскій.*

но проникало въ самую жизнь, въ самый духъ ученія и просвѣщенія Русской церкви, а за нею—(черезъ школу)—и *всего народа*. Они были источникомъ и первообразомъ ученія и твореній русскихъ учителей и писателей“.

Предки наши обладали яснымъ умомъ, здравымъ сужденіемъ, крѣпкою волею; они были люди дѣла, труда и подвига, люди жизни, а потому вѣчно живыя, неощѣненные сокровища они взяли и усвоили, а блестящую мишуру Византійской схоластики они отринули, какъ пчела, собирающая только медъ изъ цвѣтовъ.

О значеніи болгарской школы и литературы для нашего просвѣщенія было уже сказано.

Провидѣніе устроило такъ, что Русь православная восприняла св. Церковь, ея ученіе, преданія и великія сокровища ея отцевъ и учителей, отъ *Византіи* въ то время, когда ей уже готовилось паденіе; восприняла Русь и святыню завѣтовъ Кирилла и Меѳодія и плоды церковной образованности и письменности *Болгарии*, когда этой послѣдней готовился *разгромъ* и уничтоженіе свободной политической жизни. И Русь явилась *достойною наследницею обѣихъ*: она усвоила, свято сохранила и соблюдала завѣщанные ей Провидѣніемъ дары; но получивъ отъ Бога такіе „таланты“, она и приумножила ихъ въ мѣру силъ своихъ и дарованій.

Не безъ вліянія на наше образованіе были *внѣшнія сношенія* древней Руси. Извѣстно, что наши князья стояли въ брачныхъ союзахъ съ иноземными государствами Европейскими, не только съ Византійскими, но и съ императоромъ Германскимъ, съ королями Французскимъ, Венгерскимъ, Польскимъ и Чешскимъ. Рядомъ съ этимъ шли внѣшнія торговыя сношенія, которыя также усиливали потребность образованія, нужду въ грамотности ¹⁾. Наконецъ, важное образовательное значеніе имѣли *странствованія* нашихъ предковъ въ св. землю, на Аѳонъ и другія святыя мѣста. Эти путешествія начались рано. Побѣждая всѣ препятствія и затрудненія, паломники посѣщали чужія земли, знакомились съ жизнью другихъ народовъ, преимущественно Славянъ, умножали свои свѣдѣнія и приносили ихъ въ отечество. Какъ люди грамотные, они составляли *записи* своихъ хожденій, которыя среди нашихъ предковъ пользовались большимъ сочувствіемъ и распространеніемъ. Паломники же приносили и *рукописи*, которыя писались нашими же добронисцами въ монастыряхъ Аѳона и Византіи. Такъ Ефремъ, по порученію св. Ѳеодосія, принесъ изъ Византіи Студійскій уставъ; св. Варлаамъ ходилъ въ Іерусалимъ и Цареградъ, гдѣ покупалъ нужныя монастырю вещи; Даніилъ игумень (1115 г.), обошедшій всѣ св. мѣста, встрѣчалъ у гроба Господня много земляковъ; кн. Янка и Ефросинія были въ числѣ паломницъ. Изъ вопросовъ Кирика (1136 г.) видно, что въ его время паломничество до того усилилось, что требовались даже духовныя мѣры къ его ограниченію. Къ этой эпохѣ относятся основаніе русской Пантелеимоновской обители на Аѳонѣ, привлекавшей русскихъ богомольцевъ. Въ житіи Св. Ѳеодосія говорится о *странникахъ*, возвращавшихся изъ Палестины, рассказы которыхъ произвели на юношу глубокое впечатлѣніе, рѣшившее его стремленіе къ иночеству.

Таковы были условія, среди которыхъ возникло и развивалось впервые духовное образованіе нашихъ предковъ, жаждавшихъ книжнаго ученія и наполнявшихъ церкви и училища.

¹⁾ Кромѣ внутренней торговли, Русь торговала съ Византіей, Кіевъ—съ Половцами, Новгородъ съ Германіей, Даніей, Норвегіей, вообще съ сѣверомъ, черезъ Астрахань и Булгары шла торговля съ востокомъ.

Устѣхи просвѣщенія нашей школы въ первый періодъ ихъ возникновенія на Руси были поистинѣ поразительны; они превосходятъ все, что представляла намъ западная Европа въ эту эпоху, еще переживавшая свой „железный вѣкъ“.

„Благодаря особенно благоприятнымъ обстоятельствамъ, пишетъ Погодинъ, духовное и нравственное образованіе (въ первый періодъ его на Руси) стало на высокую степень и мы имѣемъ изъ этого періода множество письменныхъ произведеній, принадлежащихъ лицамъ *всѣхъ* званій и сановъ: князьямъ, митрополитамъ и епископамъ, архимандритамъ и монахамъ, боярамъ и простолюдинамъ,—о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, обнимающихъ жизнь почти во *всѣхъ* ея проявленіяхъ. Мы имѣемъ *лѣтописи*, *сказанія*, *законы*, церковные уставы; *грамоты* княжескія, монашескія, мирныя; торговые *договоры*, поучительныя *слова*, *разсужденія*, *житія*, *посланія*, *описанія* странствій, *вопросы* и *отвѣты* о церковныхъ предметахъ, *правила*, *притчи*, *молитвы*, *письма*, *похвалы*, даже *автобіографію*. Мы должны присоединить къ произведеніямъ духовной и церковной словесности и свѣтскія произведенія: *былины*, *пѣсни*, *пословицы*, *поговорки*, *слово о полку Игоревѣ*, *слово Данила Заточника*. Это такое обиліе сокровищъ, которому нельзя не удивляться, за которое нельзя не благодарить судьбу. *Никакая исторія не представляетъ ничего подобнаго*. Мы такъ счастливы, что можемъ разсматривать своихъ предковъ въ картинахъ, ими самими написанныхъ, вѣрно, живо и обстоятельно“¹⁾.

„Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержанія, пишетъ другой изслѣдователь, принятыхъ нами вмѣстѣ съ христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки уцѣлѣли до сихъ поръ,—переводы греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками русской литературной дѣятельности. Знаніе хронографовъ дало нашему первому лѣтописцу возможность представить, въ началѣ своего труда, короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ Малалы несомнѣнно принадлежитъ X-му вѣку; столь же древенъ и Амартоль, слѣды котораго въ Несторѣ указывалъ еще Альтеръ“²⁾.

Русскій языкъ усовершенствовался, благодаря вліянію греческаго. Греческій языкъ былъ близокъ русскимъ. Объ отличномъ его знаніи ими свидѣлствуютъ обильные переводы съ греческаго, оставленные намъ предками. Отъ этого знакомства съ греческимъ языкомъ и близости къ нему языкъ русскій получилъ грамматическую обработку, правильность формъ, особенно глагольныхъ, обиліе словъ и выраженій. О красотѣ, выразительности и изяществѣ этого языка можно судить по „Слову о полку Игоревѣ“, полномъ поэтическихъ картинъ. Самое преданіе о вѣщемъ Боянѣ и его творчествѣ выражено чрезвычайно картинно: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, растекашея мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакъ“... Это „соловей стараго времени“. О языкѣ былинъ слѣдуетъ сказать, что онѣ и доселѣ составляютъ *образецъ народнаго поэтическаго творчества*, равнаго которому не представляетъ *никакая европейская литература*.

Это языкъ нашихъ предковъ *общенародный*; языкъ *литературной письменности*, сохраняя силу и красоту языка народнаго, развился до выраженія самыхъ возвышенныхъ понятій, отвлеченныхъ идей.

¹⁾ Погодинъ, Др. Р. Ист., стр. 662.

²⁾ Учен. Зап. Ак. Наукъ, II отд. 58 г., кн. IV, ст. 23.

А какое богатство внутренняго содержанія представляетъ эта письменность. Какую простотою, искренностью и правдивостью дышатъ несравненныя произведенія нашего перваго лѣтописца; какую силою убѣжденія полны слова Луки Жидята, св. Федеосія; какое краснорѣчіе у Иларіона, смиреніе и простота у Поликарпа, глубокое знаніе сердца человѣческаго у Кирилла Туровскаго, умъ и пастырская ревность у Никифора. Чѣмъ больше вчитываешься въ эти произведенія древности, отдаленныя отъ насъ вѣками, тѣмъ болѣе проникаешься къ нимъ уваженіемъ. Это не схоластика, не слова ради краснорѣчія, а полныя жизни и силы произведенія глубокаго убѣжденія и вѣры.

Но литература этой эпохи была весьма разнообразною. „Пчелы“ представляли цѣлыя энциклопедіи, въ которыхъ помѣщались отрывки изъ замѣчательныхъ произведеній, съ извѣстіями о жизни авторовъ; а эти сборники, хотя дошли до насъ въ позднихъ спискахъ (XIV в.), но существовали гораздо раньше; выписки изъ нихъ у Даніила Заточника ручаются за существованіе ихъ въ XII вѣкѣ.

„Изборники“ также представляютъ самыя разнообразныя свѣдѣнія изъ риторики, логики, филозофіи и географіи того времени. „Русская Правда“ представляетъ замѣчательный юридическій памятникъ древности.

Но нѣтъ нужды останавливаться на этихъ внѣшнихъ умственныхъ приобрѣтеніяхъ, хотя и они характеризуютъ образованность нашихъ предковъ; важнѣе всего подъемъ и направленіе духовныхъ силъ народа.

Какъ слѣпы, узки и близоруки тѣ доктринеры, которые проповѣдуютъ, что школа церковная,—школа, руководимая духовенствомъ, „стѣсняетъ свободное развитіе умственныхъ силъ народа, ограничиваетъ и задерживаетъ его, ведетъ къ застою и односторонности“...

Какой роскошный расцвѣтъ получила наша древне-русская школа, руководимая духовенствомъ; какіе изумительные благодатные плоды принесла она народу русскому, а какая свѣтлая будущность ожидала ее впереди, еслибы не остановило ея свободное развитіе страшное двухвѣковое Монгольское иго, когда „плачь и туга“ разлились по всей землѣ русской, когда церкви разграблялись и разрушались, города и села разорялись до тла, гибли лучшіе сыны отечества въ битвахъ, земля безлюдѣла, отцы и матери „плакахуся чадъ своихъ, яко не суть“. Небесной Волѣ угодно было послать это тяжкое испытаніе Руси, чтобы она въ страданіяхъ очистилась, какъ „злато въ горнилѣ“, и изъ испытаній вышла крѣпкою, мощною, единою, сильною для исполненія цѣлей, назначенныхъ ей Провидѣніемъ. И Православная Русь сохранила ввѣренное ей сокровище св. Вѣры, сохранила и дорогую ей школу церковно-приходскую даже до нашихъ дней.

Общее обозрѣніе исторіи церковно-приходской школы въ первый періодъ ея существованія на Руси приводитъ насъ къ слѣдующимъ *заключеніямъ*.

1) Школа и книжное образованіе на Руси возникли при особенно благопріятныхъ историческихъ условіяхъ: а) *свободное* принятіе Русью христіанства, при единодушномъ согласіи князя, бояръ и народа, сдѣлало и принятіе церковной школы свободнымъ и благожелательнымъ, а вслѣдствіе того—быстрымъ и усиленнымъ; б) необходимость, съ принятіемъ христіанства, измѣненія обычаевъ, закона преданій языческихъ Русскаго народа вызвали необходимость книжнаго духовнаго просвѣщенія его; эту необходимость *одинаково* признавала церковная и гражданская

власть, которыя поэтому дѣйствовали въ устройствѣ школъ въ полномъ *единодушіи*; в) Русь получила крещеніе, „готово имуще св. писаніе и книги переведены съ греческаго языка на Русьскій“; слѣдовательно, обученіе въ школахъ и чтеніе могло производиться прямо на *родномъ языкѣ*; д) этнографическое единство Славянскихъ племенъ Руси, единство *языка* ихъ, дѣлало Славянскую книгу *понятною* *всѣмъ* и обезпечивало успѣхъ ученія; е) просвѣтительное вліяніе Болгаріи, за столѣтъ до крещенія Руси имѣвшей школы и письменность, было благопріятнымъ и для нашихъ школъ.

2) Учрежденіе и распространеніе школъ на Руси было *повсемѣстнымъ*. Лѣтописныя свидѣтельства говорятъ объ открытіи школъ „по всѣмъ селомъ и градомъ“. Школы учреждались прежде всего при епископіяхъ, затѣмъ при церквахъ и монастыряхъ. Школы были *всеобщими*, доступными для всѣхъ, учреждались *для всего народа*, для дѣтей „знатныхъ, среднихъ и убогихъ“.

3) Учрежденіе школъ на Руси было дѣломъ *единодушнаго соглашенія* князей и духовной власти. Первыя школы были открыты „по совѣту митрополита“.

4) Особенно важное значеніе въ дѣлѣ образованія народа Русскаго въ первую эпоху его просвѣщенія имѣли *монастыри*, гдѣ не только было книжное ученіе, но готовились и *учители*. Есть основаніе предполагать, что при монастыряхъ были учрежденія для призрѣнія сиротъ, которыя служили вмѣстѣ и школами.

5) *Устроители* древне-Русскихъ училищъ — князя, получавшіе образованіе отъ духовенства, были люди просвѣщенные, проникнутые христіанскимъ духомъ. Они любили книжное ученіе, высоко его цѣнили, устраивали и распространяли школы по всѣмъ областямъ древней Руси, жертвовали на нихъ даже собственныя средства, заводили библіотеки, покровительствовали монастырямъ и съ высокимъ уваженіемъ относились къ духовенству и его просвѣтительной дѣятельности.

6) По единогласному свидѣтельству лѣтописцевъ, учрежденіемъ школъ и образованіемъ древней Руси *завѣдывало и руководило* духовенство. Лица духовныя были *единственными учителями* народа — въ церкви и школахъ. Право и обязанность его учить народъ признавались безусловно князьями и народомъ. Православное русское духовенство, съ первыхъ поръ его существованія, при обширномъ, могущественномъ вліяніи его, никогда не злоупотребляло имъ, не домогалось власти, но ограничивалось нравственною сферою и ревностно трудилось на благо и духовное просвѣщеніе народа, — въ этомъ его величайшая заслуга. Школа, созданная, направляемая и руководимая духовенствомъ, была неотдѣлима отъ церкви. Здѣсь заключался источникъ благотворнаго просвѣтительнаго вліянія древне-Русской школы на народную жизнь. Духовенство перваго періода Русскаго просвѣщенія стояло вполнѣ на высотѣ своего призванія.

7) *Общинное начало* древне-русской жизни было благотворно для школъ. Церковь, явившись *новымъ средоточіемъ* Русской общины, образовала *приходъ*. Находясь при церкви, школа на Руси является *церковно-приходскою*. Приходъ, имѣя источникомъ и руководителемъ духовной жизни церковь, принимаетъ участіе въ попеченіи о благоустроеніи *храма*, обезпеченіи его *причта*, устройеніи и содержаніи приходской *школы* и *призрѣніи* бѣдныхъ и сиротъ. Живая *связь церкви, школы и прихода* сдѣлала школу учрежденіемъ вполнѣ *народнымъ*, содѣйствовала быстрому распространенію школы въ древней Руси и установила ту крѣпкую связь съ нею народа, которая сохранилась и до нашихъ дней въ отношеніи школы

церковно-приходской. Въ то же время эта связь содѣйствовала *всеобщности* народнаго образованія.

8) Древне-Русская церковно-приходская школа была учрежденіемъ *общеобразовательнымъ, элементарнымъ*; устроивалась она для обученія *дѣтей* и имѣла соотвѣтствующій элементарному образованію курсъ. Но служба христіанскому просвѣщенію народа, она въ то же время давала начальное образованіе и лицамъ, которые затѣмъ, дополнивъ свое образованіе въ монастыряхъ или путемъ самообразованія, занимали должности высшихъ и низшихъ чиновъ церковнаго клира.

9) Курсъ древне-Русскихъ училищъ ограничивался *чтеніемъ, письмомъ и церковнымъ пѣніемъ*. Этотъ курсъ имѣлъ *строго-церковный характеръ*. „Законъ Божій“, какъ особаго предмета не было, потому что все обученіе составляло одинъ Законъ Божій.

10) Дѣти принимались въ школу отъ 7 до 9 лѣтъ; но опредѣленныхъ правилъ на этотъ предметъ не было.

11) Способъ обученія направленъ былъ къ *сознательному* усвоенію преподаваемыхъ предметовъ, причемъ, употреблялось *повтореніе*, уроки соображались съ *силами* ученика. По недостатку печатныхъ книгъ, ученіе совершалось по *рукописямъ*; обученіе чтенію соединялось съ *письмомъ*. Главная забота прилагалась къ тому, чтобы чтеніе священныхъ книгъ было *сознательнымъ* и разумнымъ. Первою учебною книгою послѣ азбуки была *псалтирь*, которую предки наши цѣнили высоко. Ее не только читали, но и заучивали *наизусть*. Она была „путевою“ и руководственною въ жизни книгою для нашихъ предковъ. Обученіе *письму* цѣнилось высоко и сопровождалось изученіемъ правилъ тогдашняго правописанія. *Пѣніе* составляло любимое занятіе нашихъ предковъ, преподавалось во всѣхъ школахъ и въ древней Руси было весьма распространено. Первыми учителями пѣнія на Руси были Болгары, а затѣмъ Греки. О преподаванія въ школахъ *грамматики и счисленія* лѣтописныхъ свидѣтельствъ нѣтъ, но есть основаніе предполагать, что предметы эти могли сообщаться и въ школахъ, какъ практическія свѣдѣнія, — первое — при обученіи письму, второе—въ цѣляхъ церковныхъ, какъ пасхалія.

12) Предки наши имѣли высокій *взглядъ на грамотность*, на „книжное ученіе“ и чтеніе, завѣщанный Славянству св. Просвѣтителемъ его. Книги свящ. Писанія, на которыхъ воспитывались наши предки, были силою умственно и нравственно возрождающею народъ Русскій. Поэтому „церковно-приходская школа, которая учила читать и писать, могла служить основаніемъ и глубокой мудрости“. Здѣсь лежитъ причина и объясненіе какъ глубокаго вліянія школы на народъ, такъ и расцвѣта нашей письменности въ первую эпоху просвѣщенія древней Руси.

13) Древне-Русская школа не ограничивалась только обученіемъ, но имѣла живой *воспитательный характеръ*, основанный на Евангельскомъ ученіи. Грамотность и книжное образованіе были не цѣлью, но *средствомъ* къ достиженію высшихъ задачъ религіозно-нравственнаго воспитанія.

14) *Идеаль древне-Русскаго воспитанія* основанъ на *Евангельскихъ* началахъ правды, любви, мира, преданности волѣ Божіей, смиреніи, человѣколюбіи; въ то же время онъ заключаетъ въ себѣ строгую православную *церковность* и, какъ идеаль самобытно Русскій, имѣетъ характеръ высокаго *патріотизма*. Этотъ идеаль совпадалъ съ *природными* нравственными качествами нашихъ предковъ—Славянъ и поэтому глубоко проникъ и укрѣпился въ сознаніи народа.

15) *Значеніе* древней нашей церковно-приходской школы обусловливается близостью ея къ Церкви Православной. Народъ Русскій выносилъ изъ этой школы грамотность, любовь къ Православной Церкви, вѣрность государю и отечеству, здоровый; правильный взглядъ на жизнь и ея задачи, христіанскія убѣжденія о правдѣ, о любви, о послушаніи Церкви, о долгѣ, о совѣсти, о высшемъ призваніи человѣка.

16) Высокому *развитію* нашей древней *письменности*, кромѣ указанныхъ выше благоприятныхъ условій историческихъ (п. 1), содѣйствовали: близкая связь Руси съ Греціей и Болгаріей, духовныя сокровища которыхъ она унаслѣдовала предъ готовившимся паденіемъ обоихъ государствъ; внѣшнія сношенія древней Руси и паломничество. Успѣхи духовнаго просвѣщенія Руси въ этотъ періодъ и развитіе нашей письменности достигаютъ замѣчательно высокой степени и вызываютъ справедливое удивленіе историковъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ НА РУСИ.

ШКОЛЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ЭПОХУ МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

I. Неблагопріятныя условія для развитія школъ и образованія въ Монгольскую эпоху.

Нашествіе Монголовъ на Русь въ XIII вѣкѣ отмѣчалось лѣтописцами какъ Божія кара за грѣхи народа. Грознымъ ураганомъ пронеслось это нашествіе, начавшись у Приазовья и потомъ захвативъ почти всю Русь сѣверо-восточную, сокрушая молодые всходы образованія и начала самобытной гражданской жизни нашего отечества.

Въ 1224 году безчисленныя орды Чингисъ-хана вторглись въ Южную Русь. Въ кровавой битвѣ на Калкѣ пало до 45 т. русскихъ, однихъ князей убито 9. Не было недостатка въ мужествѣ и отвагѣ защитниковъ родной земли, но не было согласія въ князьяхъ, не шли они на помощь другъ другу, забыли преданія отцевъ о единствѣ страданья за русскую землю и всѣ потерпѣли „зависти ради: бѣ бо *котора* (вражда) велика межю има“¹⁾. Послѣ перваго разгрома, орды удалились въ глубь своихъ стеней, чтобы собраться съ новыми силами.

Черезъ 13 лѣтъ, осенью и зимой 1237 г., снова вторглись они въ Русь еще въ большемъ числѣ и, какъ огненная лава, все сожигая, прошли русскую землю. Разорили Рязань, Коломну, Москву, обратили въ развалины столичный Владиміръ, испепелили Переславль, Суздаль, Тверь, Торжокъ, Ярославль, озлобились передъ стойкимъ Козельцемъ, сожгли Муромъ, Гороховецъ и много другихъ городовъ, а 6 декабря 1240 г. до тла уничтожили Кіевъ и „люди отъ мала до велика убиша мечемъ“²⁾.

Судьба Руси была рѣшена. 1243 г. „в. кн. Ярославъ (Всеволодовичъ) *поуха въ татары къ Батыевѣ*“... Такъ утвердилось татарское иго, которое 200 лѣтъ тяжелымъ гнетомъ лежало надъ Русью.

¹⁾ Ипат. лѣт. стр. 164.

²⁾ Лѣт. Лавр. стр. 210. Дитмаръ, бывшій въ Кіевѣ въ нач. XI в., насчитывалъ тамъ 400 церквей, а Плато-Каринни, проѣзжавшій черезъ Кіевъ въ половинѣ XIII в., насчитываетъ тамъ едва 200 домовъ.

Къ удѣльнымъ неурядицамъ присоединилась зависимость отъ Татаръ. Престоль великаго князя сталъ добываться поклонами предъ безошадными завоевателями.

Батый принялъ Ярослава торжественно: „почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти и рекъ ему: Ярославе! Буди ты *старый вельмъ княземъ въ русскомъ языкѣ*“. Но Кіевъ уже не могъ возвратить себѣ прежняго величія и значенія. Вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, князья далѣе потянули къ Москвѣ, собирательницѣ Русской земли. Удѣльныя „которы“ не прекращались, желаніе получить Ханскій ярлыкъ не великокняженіе возбуждало зависть и интриги. Порою только выдвигались могучіе борцы за русскую землю, страдавшіе ея горемъ (Александръ Невскій).

Въ нашъ очеркъ не входитъ изслѣдованіе политической жизни этой эпохи, но необходимо сдѣлать замѣтку о Монголахъ. Въ религіозномъ и просвѣтительномъ отношеніи они отличались терпимостью ¹⁾, и это было великимъ счастіемъ для Руси. Объ этой терпимости свидѣтельствуютъ Ханскіе ярлыки, обезпечивавшіе неприкосновенность и свободу нашей церкви и ея служителей, говоритъ и обильное учрежденіе монастырей въ эту эпоху ²⁾. Конечно, Монголы разоряли ихъ, но точно также, какъ разоряли города, сожигали деревни, разрушали храмы въ своихъ набѣгахъ, оставляя по себѣ только „пепель и золу“, особенно ожесточаясь при сопротивленіи; но затѣмъ они не препятствовали возникать новымъ монастырямъ и храмамъ и даже охраняли ихъ ярлыками.

Тѣмъ не менѣе, Монгольское нашествіе, по описаніямъ современниковъ его, страшною грозою пронеслось надъ Русью. Вотъ какъ описываетъ его краснорѣчивый Серапіонъ Владимірскій: „Видя, что наши беззаконія умножились, видя, что мы отвергли Его заповѣди, Богъ навелъ на насъ народъ немилостивый народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей... Разрушены церкви Божіи, осквернены священные сосуды, поправа святыня; святители сдѣлались добычею меча; тѣла праведныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ вода многа, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха; а еще болѣе братьевъ нашихъ и дѣтей отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травой, и величіе наше смирилось; красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія сосѣдей нашихъ, посмѣяніемъ для враговъ нашихъ“ ³⁾.

¹⁾ Нѣкоторые писатели (см. проф. *Эрдмана* „Предки Чингисъ-хана“, въ Ж. Мин. Нар. Просв. 1843 г.) старались доказать, что Монголы этой эпохи были народъ образованный, имѣли уже гражданскія и духовныя учрежденія и законы, лѣтописи, торговлю, промышленность, свои преданія, золотые списки и нѣкоторую литературу. Отсюда является и терпимость ихъ. Но не истекала ли она изъ другихъ причинъ? См. *Макарія*, Ист. Р. Ц. т. IV, стр. 176 и д.

²⁾ При Гаюкѣ въ Ордѣ были уже христіанскіе священники, была часовня, гдѣ служили православные; при ханѣ Мангу была даже церковь. Въ ярлыкѣ Мангу-Темира сказано: „кто будетъ хулить вѣру русскихъ или ругаться надъ нею, тотъ ничѣмъ не извинится, а умретъ злою смертію“. Собр. госуд. грамотъ т. II, № 2. Берге дозволилъ учредить въ Сараѣ епархію. Чанибекъ былъ „добрь зѣло ко христіанству, многу льготу сотвори землѣ русской“. Кочака, сестра Узбека, приняла христіанство и вышла замужъ за Моск. Кн. Георгія Даниловича. Царевичъ Ордынскій Петръ, принявшій св. вѣру, былъ признанъ святымъ.

³⁾ По переводу *Макарія*, Ист. Р. Ц. т. V, стр. 141.

М. Кирилль II, говоря о гнѣвѣ Божіемъ за наши грѣхи, пишетъ: „Не взяты ли города наши? Не пали ли наши сильные князья отъ острія меча? Не отведены ли въ плѣнъ чада наши? Не запустили ли св. Божіи церкви? Не томимся ли мы каждый день отъ безбожныхъ и нечистыхъ язычниковъ? Все это намъ за то, что мы не хранимъ правилъ св. отецъ нашихъ“¹⁾.

Вообще условія этого періода были весьма неблагоприятны для школьнаго дѣла и просвѣщенія. Къ нашествію Монголовъ присоединились съ Юго-Запада—опасности отъ Литовскаго княжества, захватившаго древне-русскій Кіевъ съ Галичемъ и Волинью; съ Сѣверо-Запада отъ Шведовъ, Нѣмцевъ и Литовцевъ, дѣлавшихъ набѣги на наши города. Русь походила на военный лагерь, ежеминутно готовый къ битвѣ. Въ такое смутное и тяжелое время, когда каждый долженъ былъ опасаться за свою жизнь и собственность, школамъ трудно было расти и развиваться.

Къ этому присоединилась еще страшная моровая язва—„бичъ Божій“. Явившись въ 1352 г. въ Псковѣ, въ продолженіе почти 70-ти лѣтъ (1427 г.), она опустошала Русь. Села, деревни и цѣлые города безлюдѣли, трупы не успѣвали хоронить, въ иныхъ городахъ (Глуховъ, Бѣлозерскъ) люди вымирали совершенно.

Положеніе самой церкви было тяжелое, несмотря на охранные ярлыки Хановъ.

Византія клонилась къ паденію. Въ 1204 г. Латинскіе императоры овладѣли Константинополемъ. Это занятіе Цареграда иновѣрцами Запада было для Грековъ не легче нашего Татарскаго нашествія. Въ 1453 г. Константинополь палъ подъ ударами Османовъ, политическая жизнь Греціи прекратилась. Въ Литвѣ православіе должно было вступить въ тяжкую борьбу съ латинствомъ. Въ 1416 г. произошло раздѣленіе русской митрополіи на Московскую и Кіевскую, причемъ послѣдняя находилась подъ державою иновѣрцевъ, фанатически пропагандировавшихъ латинство. Происки папъ угрожали и Москвѣ. Не мало тревогъ перенесла Русская церковь и отъ Греческой патріархіи по поводу назначенія митрополитовъ въ Русь Московскую и Литовскую, пока обѣ митрополіи не соединились.

Пастырямъ русскимъ предстояло много заботъ и тяжелыхъ испытаній. Они должны были являться въ Орду, предстательствовать за Церковь. Положеніе паствъ на Руси было тяжелое. Подъ вліяніемъ Монгольскаго ига, княжихъ смуть и междоусобицъ, непрерывныхъ войнъ, народъ нравственно огрубѣлъ. Въ немъ развились нетерпимые пороки, грабежи, хищенія и убійства стали частыми явленіями, стала расшатываться семейная жизнь, развились суевѣрія; жестокость сердца, отсутствіе христіанской любви, подкупъ, угодничество, буйство и безчеловѣчіе, нетрезвость служили постояннымъ предметомъ обличенія со стороны пастырей церкви. Особенно развращающимъ образомъ дѣйствовали войны междоусобныя²⁾.

Пастырямъ церкви приходилось со всѣмъ этимъ зломъ бороться неустанно. Трудна была борьба эта и требовала много силъ, энергіи, самоотверженія, тѣмъ болѣе, что порча нравовъ прокралась и въ клиръ, а въ XV вѣкѣ появилась еще ересь стригольниковъ³⁾.

¹⁾ О порчѣ нравовъ въ Монгольскую эпоху см. у *Соловьева*, Ист. Рос. т. IV.

²⁾ Подъ 1376 г. въ лѣтописи записано: тогожь лѣта побѣша въ Новгородѣ стригольниковъ еретиковъ (Никиту и Карпа)... свергоша ихъ съ мосту, развратниковъ св. вѣры Христовы“. Полн. Собр. Лѣт. III, 231. Ересь называется „скверной и мерзкой“. Секта стригольниковъ рационалистическая секта, не только въ существѣ, но и въ подробностяхъ рѣшительно сходная съ нынѣшнимъ ученіемъ гр. Толстого. Борьба съ нею была нелегкая; она волновала православныхъ около 50 лѣтъ.

³⁾ Рус. Достоп. I, 106 стр.

Въ то же время — истреблялись города, разрушались церкви и монастыри, а вмѣстѣ съ ними гибли и школы. Приходилось все созидать вновь. Оскудѣвали и средства образованія.

Въ Монгольское нашествіе истреблено было множество книгъ. Такъ, въ нашествіе Тохтамыша на Москву „книгъ множество снесено было со всего града изъ селъ, въ соборныхъ церквахъ многое множество наметано, съхраненія ради спроваждено, то все безвѣстно сѣтвориша“, — то все татары погубили ¹⁾. Въ Ростовѣ была замѣчательная библіотека при соборѣ, — она сгорѣла (1408 г.) и погибли „книги старина многи ²⁾. Въ каждомъ разрушенномъ монастырѣ гибли и собранія книгъ.

Еслибы школа наша была учрежденіемъ гражданскимъ, *правительственнымъ*, преслѣдовавшимъ *внѣшнія*, хотя бы самыя „культурныя“ цѣли, то можно положительно сказать, что въ этотъ періодъ она исчезла бы совершенно и свѣточъ образованія погасъ бы неминуемо и безвозвратно. Но, къ великому счастью Руси, школы явились въ ней не для внѣшнихъ цѣлей, а *на утвержденіе вѣры*: вѣра святая и спасла нашу школу черезъ своихъ пастырей, какъ увидимъ далѣе.

Слѣдуетъ при этомъ сказать, что князья въ эту эпоху перестали заботиться о школахъ. „Споры князей, вмѣстѣ съ тягостною зависимостью ихъ отъ татарскихъ властителей, отвлекли князей отъ школы и дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи сокращается, такъ что съ половины XIII в. Лѣтописи умолкаютъ и не говорятъ больше о дѣятельности князей на пользу установленія школъ“ ³⁾. Между князьями этой эпохи были и люди высокихъ достоинствъ.

Александръ Невскій, „Солнце русской земли“, любилъ чтеніе св. книгъ, пѣніе церковное, посѣщеніе храма Божія; но онъ всю жизнь провелъ въ битвахъ за родную землю, въ путешествіяхъ въ Орду, въ умиротвореніи вражды въ родной землѣ. Тяжкіе подвиги и труды сокрушили силу могучаго богатыря, — не смотря на крѣпкое тѣло-сложеніе, Св. Александръ умеръ (на пути изъ Орды) всего 43 лѣтъ. Обстоятельства того времени были таковы, что онъ не могъ предаться мирной просвѣтительной дѣятельности, посвятить себя устройству училищъ, подобно своему предку Ярославу Мудрому, которому онъ не уступалъ въ доблести, въ умѣ и образованіи ⁴⁾.

Михаилъ Ярославовичъ Тверской былъ просвѣщенный князь. Св. Михаилъ любилъ книжное чтеніе и пѣніе, онъ умеръ (1318 г.), подобно Борису и Глѣбу, съ пѣніемъ псалмовъ на устахъ отъ руки подосланныхъ убійцъ, обнаруживъ при этомъ высокій героизмъ, какъ мученикъ ⁵⁾. Скончался онъ въ разцвѣтѣ силъ, 47 лѣтъ. При другихъ условіяхъ онъ навѣрное былъ бы ревнителемъ школъ и просвѣщенія; но, по условіямъ той эпохи, онъ провелъ всю жизнь въ борьбѣ за свою отчину и въ путешествіяхъ въ Орду.

Кн. Михаилъ Черниговскій и Романъ Рязанскій, принявшіе мученичество за вѣру православную въ Ордѣ, явили примѣры высокой доблести и христіанскаго героизма.

¹⁾ Полн. Собр. Лѣт. VIII, 46.

²⁾ См. *Лавровскаго*, стр. 114.

³⁾ *Лешковъ*, стр. 417.

⁴⁾ Мѣсяцесловъ русскихъ св. Под. 1894 г. т. III, стр. 111 и д.

⁵⁾ Въ день кончины онъ исповѣдался и приобщился Св. Таинъ, призвавъ сына, объявилъ ему свои распоряженія объ отчинѣ, о боярахъ и слугахъ и затѣмъ сказалъ: „дайте мнѣ *псалтирь*, вельми прискорбна душа моя“. См. Мѣсяц. Р. Св. т. III, стр. 108. Полн. Собр. Лѣт. V, 207—215.

О князѣ Владиміръ Волинскомъ († 1288 г.), лѣтописецъ отзывается какъ о человѣкѣ книжномъ, ученомъ, философѣ. „Володимеръ разумѣхъ притчѣ и темно слово, и повѣстивъ со епископомъ много отъ книгъ, зане бысть книжникъ велий и философъ, якоже не бысть по всей земли... глаголаше ясно отъ книгъ“¹⁾. Онъ снабжалъ церкви книгами, устраивалъ библіотеки. Благочестіемъ отличались *Василько* Волинскій, *Михаилъ* Ал. Тверской, *Романъ* Угличскій, *Теодоръ* Ярославскій, *Довмонтъ* Псковскій, *Даниилъ* Московскій. Князья того времени были люди религіозные, они строили храмы, воздвигали и обезпечивали монастыри, любили и чтили иноческій чинъ; но лѣтописи не сохранили извѣстій, чтобъ они учреждали школы. Книжное просвѣщеніе народа всецѣло было дѣломъ одного православнаго духовенства.

Князья были заняты войнами и путешествіями въ Орду. Ярославъ почти все время княженія своего убилъ на томительныя странствованія по степямъ Татаріи, гдѣ и умеръ; Александръ Невскій, какъ сказано, положилъ жизнь въ этихъ путешествіяхъ, Иванъ Калита ѣздилъ въ Орду десять разъ, а сынъ его— пять разъ.

При условіяхъ такой жизни домашнее воспитаніе княжихъ дѣтей не могло идти правильно, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ случаяхъ дѣти сопровождали родителей въ ихъ путешествіяхъ, слѣдовательно, не было и времени обучаться основательно. „Если прежде грамотность и книжное ученіе передавались, какъ завѣтъ родителей къ дѣтямъ, отъ отца къ сыну, то понятно, что теперь уменьшеніе грамотности между князьями также шло по нисходящей линіи: малограмотный отецъ могъ имѣть сына еще менѣе грамотнаго²⁾. Это заключеніе подтверждается и фактами. О Дмитріи Донскомъ пишется, что онъ „не былъ изученъ хорошо книгамъ“, а сынъ его Василій Темный „былъ не книженъ, ни грамотенъ“.

Таковы условія, въ которыхъ находилось наше образованіе въ Монгольскую эпоху.

II. Духовенство и его просвѣтительная дѣятельность въ Монгольскую эпоху.

Православное русское духовенство въ Монгольскую эпоху стояло на высотѣ своего призванія. Оно было единственное тогда на Руси образованное сословіе.

Хотя нѣкоторые изъ іерарховъ, изъ честолюбія и по эгоистическимъ интересамъ, производили даже временное смущеніе въ нашей церковной жизни, но зато большинство были истинными радѣтелями и страдальцами за Русскую землю, а нѣкоторые прославились и святостію жизни.

Епископы были люди образованные, начитанные, учительные³⁾. Они заботились объ образованіи и клира, и паствы. Въ то же время они были проникнуты патріотизмомъ, любовью къ народу; они защищали церковь и отечество передъ Мон-

¹⁾ Волинская Лѣт. стр. 218. Онъ пожертвовалъ въ Любомышльскую церковь два евангелія-апракосъ, апостоль, прологи за 12 м., минеи, тріоди, ирмологи, служебники и „самъ писалъ баше“.

²⁾ Б—въ, Участіе правит. въ нар. обр... стр. 930.

³⁾ Хотя м. Исидоръ на Флорентійскомъ соборѣ (1440 г.) и заявлялъ, что русскіе епископы „не книжны“; но этотъ отзывъ человѣка, который „отдалъ православную вѣру на златъ папѣ Римскому и возвратился въ Москву съ ересью“, не имѣетъ вѣроятія и достовѣрности, ибо противорѣчить фактамъ. Исидоръ высказалъ его въ свое оправданіе и въ виду твердости въ православии своихъ земляковъ на соборѣ.

гольскими владыками; старались водворить миръ и единодушiе на Руси, мирили враждующихъ князей, не боялись говорить имъ правду въ лицо,—правду, иногда очень непрiятную князьямъ, судили ихъ, судили и недостойныхъ епископовъ ¹⁾. Подъ охраною и руководствомъ пастырей продолжало развиваться наше образованiе въ духѣ завѣтовъ Владимiровыхъ и церкви православной.

Первою жертвою Монгольскаго погрома палъ митрополитъ Iосифъ, который погибъ подъ развалинами Кiева (1240).

Митрополитъ *Кириллъ*, почти сорокъ лѣтъ управлявшiй паствою (1243—80) „ис Кiева по обычаю своему прехожаше грады все Руси, учаше, наказуеше, исправляше“ ²⁾. М. *Максимъ*, перенесшiй катедру во Владимiръ, былъ умный, дѣятельный и дальновидный iерархъ ³⁾.

Св. м. *Петръ* (1308—1326) самъ ходилъ въ Орду, съ в. княземъ, отстаивать интересы паствы своей. Онъ былъ человекъ ученый, дѣятельный, высокiй подвижникъ. По словамъ лѣтописца, Св. Петръ „училъ заблужшаа крестьяны, ослабѣвшаа мужы ради поганыхъ иновѣрецъ, протолкуя евангельскаа писанiа и апостольскаа, якоже великiй Василей, Иоанъ Златоустый, Григорей, та ученья излагая и къ сеому свое смиренiе являя и тѣмъ утверждая истинную вѣру во крестьянѣхъ, переходя Волынскую землю и Кiевскую и Создальскую землю, уча вездѣ вся“.

Митрополитъ *Феоноста* дважды ходилъ въ Орду, потерпѣлъ истязанiа и достигъ подтвержденiя всѣхъ прежнихъ льготъ церкви и духовенства, дѣйствовалъ какъ миротворецъ, охранялъ православiе въ Галицiи отъ происковъ папы, отличался добродѣтельной и богоугодной жизнью.

Митрополитъ *Алексiй*, по высокому образованiю, праведной жизни и трудамъ на пользу церкви и русской земли, является примѣромъ для другихъ пастырей. О немъ пишется, что онъ еще съ дѣтства „изучися всей грамотѣ“ и въ ранней юности „всѣмъ книгамъ извыче“. Три раза ходилъ онъ въ Орду, гдѣ его встрѣчали съ почетомъ; защитникъ вѣры и отечества, онъ былъ совѣтникомъ в. князей, миротворцемъ и посредникомъ между удѣльными князьями. В. кн. Симеонъ, умирая, завѣщалъ братьямъ: „слушали бы есте отца нашего владыки Алексiя“ ⁴⁾.

Митрополитъ *Киприанъ* (сербъ) былъ „мужъ всякаго цѣломудрiя и разума божественнаго исполненъ и вельми книженъ“; онъ своею рукою писалъ книги ⁵⁾. У Татищева пишется о немъ: „книги своею рукою писаше, яко въ наставленiе душевное; переписа соборы, бывшiе на Руси, многiя житiя св. русскихъ и степени великихъ князей русскихъ... и лѣтопись русскую отъ начала вся по ряду и многи книги къ тому собравъ, повелѣлъ Игнатiю Спасскому докончити, аже и соблюдохъ“.

¹⁾ „Митрополиты, объѣзжая епархiи, сколько старались объ устроенiи церковнаго порядка, столько заботились о благосостоянiи государства, дѣйствуя въ евангельскомъ духѣ на совѣсть народа и князей. Ослабленiемъ пагубнаго многоначалiя и постепеннымъ водворенiемъ спасительнаго *единодержавiя* Россiя много обязана христiанскимъ подвигамъ пастырей. Не видимъ въ лѣтописяхъ почти ни одного раздора князей, ни одного порыва властолюбiя, которыхъ не старался бы усмирить митрополитъ или самъ, или чрезъ епископа“. *Филаретъ*, Ист. Р. Ц. т. II, стр. 149.

²⁾ Никон. Лѣт. III, 69. Въ „Поученiи къ попомъ“ Кириллъ проситъ пастырей заботиться о дѣтяхъ: „блюдите же и родимыхъ дѣтей“. Нѣтъ сомнѣнiя, что онъ заботился и о книжномъ ихъ ученiи. *Ит. Общ. Ист. и др. Рос.* 1846 г., № 8. Въ заботахъ о духовныхъ нуждахъ русскихъ плѣнныхъ въ Ордѣ, онъ основалъ въ ханскомъ Сараѣ епархiю.

³⁾ Максимъ „обходилъ всю землю русскую, повсюду уча и исправляя дѣла церковныя“. *Макарiй*, Ист. Р. Ц. т. IV, стр. 13.

⁴⁾ Собр. Госуд. грам. и договоровъ I, стр. 38.

⁵⁾ Никон. Лѣт. V, 2 и д.

Митрополитъ *Фотій* оставилъ многочисленныя сочиненія, свидѣтельствующія о его высокой образованности и пастырской ревности. Онъ былъ глубокой знатокъ каноновъ церковныхъ и сильный апологетъ православія въ борьбѣ съ латинствомъ.

Ставленникъ Литовскихъ князей (1416 г.) м. Кіевскій *Григорій Самвакъ*, хотя и явился нарушителемъ единства русской митрополии, но былъ человекъ ученый, книжникъ великій, краснорѣчивый и много потрудившійся для своей паствы.

Рядомъ съ митрополитомъ являются и епископы высокихъ достоинствъ и образованія, а многіе и святой жизни.

О Новгородскомъ еп. *Моисей* повѣствуется, что онъ „въ добрѣ пасяше свое стадо, многи писца изыскавъ и многія книги написавъ, и многи утверди ученіемъ своимъ“, и скончался, „многo писаніе оставивъ“¹⁾.

О св. *Исаіи* еп. Ростовскомъ извѣстно, что онъ былъ „истиннымъ пастыремъ и наставникомъ“. Особенно высоко современники его цѣнили учительность и миссіонерскіе труды.

Сераніонъ еп. Владимірскій занимаетъ высокое мѣсто въ исторіи русской духовной литературы, какъ писатель высокихъ дарованій. Его слова отличаются искренностью, правдивостью, живымъ, неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ. Онъ самъ о себѣ говоритъ: „азъ бо грѣшный всегда учу вы чада... Всегда сѣю въ ниву сердцеъ вашихъ сѣмя божественное“. Несомнѣнно, что онъ былъ покровителемъ книжнаго ученія. По словамъ лѣтописей, онъ былъ „зѣло учителень и силенъ въ божественномъ писаніи“²⁾.

Кириллъ, епископъ Ростовскій, отличался такимъ краснорѣчіемъ, что народъ изъ окрестныхъ городовъ стекался слушать его живое слово. Авторъ извѣстія о Кириллѣ говоритъ о себѣ, что онъ даже записывалъ поученія сего святителя, стоя въ узкомъ, уединенномъ мѣстѣ³⁾.

Симеонъ, епископъ Тверской, князюга рода (1271—1289), по сказанію современниковъ, былъ „учителень и силенъ въ книгахъ Божественнаго писанія“. Онъ „смѣло возвѣщалъ слово Христово, правое и истинное, предъ самими князьями и обличалъ всякую неправду; за слабыхъ и обижаемыхъ заступался и былъ „страшенъ всѣмъ неправду творящимъ“⁴⁾. Такой характеръ Симеона очерчивается и въ извѣстномъ разговорѣ его съ Полоцкимъ княземъ Константиномъ (Безрукимъ) на княземъ пиру⁵⁾.

¹⁾ Полн. Собр. Лѣт. III, 182.

²⁾ См. *Приб. къ Твор. Св. От.* I. стр. 92 и д.

³⁾ Любвиному ученію же и тщанію дивляся сего честнаго святителя Кирилла, со страхомъ и покореньемъ послушая, въ уздѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ, написанья себѣ вдахъ сего *перваго словесе дѣтеля написати.* (*Никон. Лѣт.*).

⁴⁾ *Никон. Лѣт.* III, 86.

⁵⁾ Разговоръ этотъ имѣетъ значеніе для характеристики отношенія епископовъ къ князьямъ той эпохи. „Князь Конъстантинъ спроси владыки Симеона Тферьскаго, гдѣ быти тиуномъ (судьямъ) нашимъ на ономъ свѣтѣ. И рече владыка: гдѣ и князь. Князь же о томъ не полюби на владыку, глаголя: тиунъ неправо судить, мѣзду емлетъ, зло дѣетъ; азъ, что дѣю? И рече ему владыка: аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ волостеля мужа добра, страха Божія полна, разумна и праведна: князь будетъ въ ран, а тиунъ его съ нимъ. Аще ли будетъ князь безъ страха Божія, и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща, только бы ему кунъ добывалъ; нанпустилъ его аки гладна пса на стерво (мртвечину), люди губити: и князь его въ адѣ, а тиунъ его съ нимъ. Но глаголю вамъ, царемъ, княземъ и намѣстникомъ: утѣшайте скорбящихъ, избавляйте многихъ отъ рукъ сильныхъ: сіи бо отъ богатыхъ обидими суть и

И не только между епископами, но и между иноками этой эпохи являются люди просвѣщенные, сильные словомъ и дѣломъ. Вспомнимъ Сергія Радонежскаго, Стефана Пермскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Сергія и Германа Валаамскихъ, просвѣтителей Кореловъ, Стефана, Арсенія, Авраамія Галичскаго и многихъ другихъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что церковь наша въ Монгольскій періодъ была нескучна просвѣтительными силами. Несмотря на тяжелыя вѣшнія условія, она крѣпла и развивалась. Къ началу XV в. число епархій возрасло до 18 ¹⁾. Каѳедры же епископскія, какъ прежде, такъ и теперь, были центрами образованія. Архипастыри заботились о книжномъ ученіи, о подготовкѣ членовъ клира, объ учрежденіи училищъ и библіотекъ, а также о списываніи и распространеніи богослужебныхъ книгъ. О Моисеѣ, арх. Новгородскомъ, пишется: „собра многия книгописцы и наятъ тыя переписывати многія святаыя книги, ко исполненію церковей Божіихъ“ ²⁾. „Основаніемъ Московской патриаршей библіотеки, извѣстной въ ученой Европѣ, пишетъ Карамзинъ, была митрополитская, заведенная во время господства ханскаго надъ Россіей, и богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими произведеніями греческой словесности“.

Не мало сохранилось книгъ, переписанныхъ повелѣніемъ Новгородскихъ владыкъ Давида, Алексія, Іоанна II-го и Евѳимія ³⁾. При епископахъ были особые писцы, которые посвящали себя исключительно книгодѣлію. Такъ, при еп. Алексіѣ упоминаются переписчики, владыченъ паробокъ Микула, Симеонъ и владыченъ писецъ Филица; при владыкѣ Іоаннѣ—дьякъ Василій и священникъ Θεодоръ; при владыкѣ Евѳиміи—игумень Діонисій и діаконы Діюмидъ и Іоаннъ ⁴⁾. Архипастыри заботились, чтобы переписка книгъ велась правильно и чтобы церкви были снабжены исправными книгами. Такъ, м. Кирианъ писалъ Псковичамъ: „да прислали бы есте ко мнѣ одинаго отъ священникъ, человекъ искусена, и азъ научю его о всѣхъ церковныхъ правилѣхъ, и о пѣніи церковнѣхъ, и что како потребно вамъ будетъ св. Писаніе, то все списавъ, пошлю къ вамъ“ ⁵⁾.

Ханскіе ярлыки свидѣтельствуютъ, какимъ уваженіемъ пользовалось наше духовенство у Монголовъ ⁶⁾. Ярлыки эти охраняли неприкосновенность вѣры, имущества, законовъ церковныхъ, личныя права духовенства, освобождали его отъ податей, пошлинъ и повинностей, отъ отвѣтственности предъ властями и судами гражданскими и такимъ образомъ ставили его въ привилегированное положеніе и выдѣляли его изъ другихъ сословій.

притекають къ вамъ, яко защитникомъ благимъ; но вы, цари, князи и намѣстницы, подобни есте тучи дождевней, иже истечетъ надъ моремъ во время ведра, а не надъ землею жаждущею: воды вы тѣмъ болѣе даете и помогаете, у нихъ же много злата и сребра, а не тѣмъ, иже не имуть ни пенязя; бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете“. Князь хотѣлъ обличить тиуна, но былъ самъ обличень на пиру. См. *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Р. т. IV, примѣч. 178.

¹⁾ *Макарій*, Ист. Р. Ц. т. IV: стр. 109.

²⁾ *Макарій*, Ист. Р. Ц. т. IV, стр. 273.

³⁾ *Макарій*, Ист. Р. Ц. т. IV, стр. 273.

⁴⁾ Изв. II отд. II. Ак. Н. VI, стр. 279 и д.

⁵⁾ Акты Истор. I. № 8.

⁶⁾ Считаютъ, что до насъ дошло семь ярлыковъ: четыре отъ Хановъ и три отъ Тайдулы, получившей исцѣленіе чрезъ св. Алексія митрополита. Ярлыки напечатаны „въ Др. Рос. Виеліюнкѣ“. М. 1787 г., въ соч. *Григорьева* „О достовѣрности Ханскихъ ярлыковъ. М. 1842 г., въ „Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ“. II, № 2, 7, 9—12. О другихъ ярлыкахъ есть упоминанія но они не дошли до насъ.

Такъ, въ ярлыкѣ Менгу-Темира пишется: „кто вѣру ихъ (русскихъ) похулитъ или ругаетъ, тотъ ничѣмъ не извинится и умретъ злою смертію“. — „Что въ законѣ ихъ иконы и книги или иное что, по чему Бога молятъ, того да не емлютъ, ни издерутъ, ни испортятъ“. Узбекъ подтверждаетъ: „Вся законы ихъ уложенные *старые отъ начала ихъ* — то вѣдаетъ митрополитъ или кому прикажетъ; да не будетъ ничто же перечинено, или порушено, или кѣмъ избижено“.

Хотя духовнаго сословія на Руси тогда небыло, но лица духовнаго званія, благодаря ханскимъ ярлыкамъ, выдѣлялись своими правами и постепенно обособлялись. Когда Монгольское иго стало ослабѣвать, то права церкви и духовенства опредѣлялись и обезпечивались уставными грамотами великихъ князей ¹⁾.

Духовныя должности могли занимать всѣ достойные люди, но непременно грамотные, образованные. Къ этой эпохѣ относится *изгойство* дѣтей духовенства, если они были безграмотны,—то-есть, они лишались тѣхъ правъ, которыя обезпечивались за духовнымъ званіемъ. Въ одной изъ грамотъ Новгородскаго князя Всеволода-Гавріила читаемъ: „Изгой трои: поповъ сынъ *грамотъ не умѣетъ*: холопъ изъ холопства выкупается; купецъ одождаетъ, а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ“ (лишится княженія). Отсюда можно заключать, что грамотность была для духовенства обязательною и составляла одно изъ условій пользованія правами. Только рабы-неотпущенники не могли получать священства ²⁾ Въ одномъ изъ посланій Константинопольскаго патріарха Германа пишется: „Приспѣ во слухѣ нашего смиренія, яко нѣци во русской странѣ прежде смѣющимъ мужи нѣкія куплящимъ и ко рабскому игу влекуще, аще и плѣнники нѣкія потомъ *оучителемъ ихъ предающе* — *оучити священныя грамоты и оученія священныя возрастъ*, возводятъ по чину ихъ ко священнодостоянію. Ко епископамъ сихъ приводяще, не прежде сихъ отпустивше работнаго ига“ ³⁾.

Это посланіе, по заключенію Лавровскаго, указываетъ на существованіе на Руси особыхъ училищъ или, по крайней мѣрѣ, обученія въ цѣляхъ приготовленія къ духовному званію, и что къ такому обученію допускались даже рабы и плѣнники; обучались не только дѣти, но и возрастныя и, по полученіи отпуска, могли достигать священнаго сана ⁴⁾. Но свѣдѣній о такихъ училищахъ мы не имѣемъ; предположеніе остается не доказаннымъ. Остается только фактъ, что нѣкоторые изъ лицъ, не отпущенныя изъ рабства, отдаваемы были въ ученіе „учителямъ“ учиться „священной грамотѣ“, каковой тогда и всѣ учились; по достиженіи „священнаго возраста“, этихъ лицъ желали сдѣлать священниками, не отпуская изъ

¹⁾ Въ уставной грамотѣ В. К. Василя Дмитріевича и м. Капріана предѣлъ между лицами духовными и мірянами выраженъ такъ: „а поповичъ, который живетъ у отца, и хлѣбъ ѣсть отцовъ, ино той митрополитъ: а который поповичъ отдѣленъ и живетъ опрочь отца, а хлѣбъ есть свой, а то мой Князя Великаго“. *Акты* Арх. Экспедиціи. I, стр. 5.

²⁾ Въ правилѣ м. Кирилла (1272 г.) постановлено: 1) раба на священство не привести, аще не прежде господинъ его отпуститъ предо многими послухы съ грамотою; 2) епископы да испытуютъ ставленниковъ потонку, аще житіе ихъ чисто и 3) *аще грамоту добръ свидѣтъ*“. Подъ *грамотою*, какъ извѣстно, въ древней Руси разумѣлась не одна грамотность, но образованіе и знаніе Священныхъ Писаній.

³⁾ Опис. рук. Рум. Муз. ССХХХШ, стр. 304.

⁴⁾ *Лавровскій*, стр. 50.

рабства. Не въ цѣляхъ ли эксплуатаціи такихъ лицъ?—Патріархъ это осуждаетъ. Несомнѣннымъ также остается, что грамотность составляла необходимую принадлежность клира; а такъ какъ церкви являлись по всей Руси, то по всей Руси были и школы для приготовленія грамотныхъ людей.

III. Училища въ Монгольскую эпоху. Возникновеніе школъ грамоты.

Въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ Монгольской эпохи мы находимъ мало прямыхъ извѣстій объ основаніи новыхъ училищъ; но имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что школы въ это время *существовали непрерывно* и находились въ разныхъ мѣстностяхъ Руси. Свидѣтельства объ *учрежденіи* училищъ мы имѣемъ только въ отношеніи Перми. Свидѣтельства о *существованіи* училищъ по всей Руси въ эпоху Монгольскую мы находимъ въ житіяхъ Святыхъ, которые всѣ были люди книжные и съ высокими нравственными добродѣтелями соединяли „словесную мудрость“ и образованіе. По прежнему монастыри были пріютами духовнаго просвѣщенія. На юго-западѣ сіяла Лавра Кіево-Печерская, на сѣверѣ возсіяла обитель Троицкая, основная преподобнымъ Сергіемъ. По прежнему продолжалось обученіе дѣтей въ школахъ при церквахъ, и народъ православный въ эту тяжелую эпоху получалъ не скудную духовную пищу отъ своихъ пастырей. Можно полагать, что лѣтописцы потому и умалчивали о школахъ, что грамота привилась народу и училища стали на Руси явленіемъ обычнымъ.

Въ житіи *Моисея*, архіепископа Новгородскаго († 1363) читаемъ: „*Изучися же грамотъ, измлада Христа возлюбивъ, и часто хождаше къ церкви Божіей, а еже къ дѣтямъ играющимъ не приближашеся*“. „Можно полагать, говоритъ Лавровскій, что игравшія дѣти обучались вмѣстѣ съ Моисеемъ“¹⁾. Иначе не было бы повода и упоминать о дѣтяхъ еслибы они не были товарищами его. Ниже увидимъ, что это фактъ не единственный.

Въ житіи св. *Стефана* Махрицкаго пишется: „*Времени приспѣвшу вданъ бываеть отъ родители своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ и вскорѣ извыче божественныхъ книгъ писанія*“²⁾. Въ житіи *Макарія* Калязинскаго: „егда же достигающу ему возрасту, вдаша его родителя въ *наученіе грамотъ*“.

Извѣстія кратки, но говорятъ о книжномъ ученіи такъ просто, естественно, что обученіе является дѣломъ обычнымъ. Подобное же извѣстіе объ ученіи св. митрополита Петра показываетъ, что грамота была *общедоступна*, безъ различія состояній, званій ибо св. Петръ вышелъ изъ крестьянской семьи, остался сиротою и бѣдною родственницею былъ отданъ въ ученіе. Въ житіи св. Петра, составленномъ еп. Ростовскимъ Прохоромъ († 1327), пишется: „Сей св. Петръ митрополитъ родися отъ родителю *крестьяну*... и бысть *седмь лѣтъ, нача учити грамоту сію*“³⁾. Въ Степенной книгѣ: „родшуся отрочати и седьмаго лѣта возраста достигшу вданъ бываеть родителема *книгамъ учитися*... Но убо учителеви съ прилежаніемъ ему прилежащу, отроку же не спѣшно ученіе творяшесе, но косно и всячески неприлежно“⁴⁾. Одинъ ли ученикъ былъ у „учителя“? Вѣроятно, многіе.

¹⁾ Лавровскій, стр. 59.

²⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. т. V, стр. 129.

³⁾ Сбоян. Новгород. Соф. биб. XIV в. л. 334.

⁴⁾ Ст. Ки. I, 411.

О *Нифонтъ* еп. Новгородскомъ пишется: „И по семь отроку оному устранившемуся мало нѣчто возрастомъ, и вданъ бываетъ родителями своими *оучитися божественнымъ книгамъ*. И абіе вскорѣ никакъ извыкшу книжное оученіе и немало нехождаше со сверстники своими на игры дѣтскія, но паче прилѣжаше церкви Божіей“ ¹⁾. Сверстники—соучастники въ школьномъ ученіи.

О *Евоиміи* архіеп. Новгородскомъ: „Таже божественною благодатию спѣшне отроку растущу, и времени пришедшу, *вданъ бываетъ учитися божественнымъ книгамъ*, тѣмже тому спѣшне писанія извыкнувшу, обаче же иныхъ не оупражняшея, развѣ иже въ Божественная вѣдущихъ“ ²⁾.

Въ житіи Іоны, архієпископа Новгородскаго, мы находимъ положительное удостовѣреніе, что школы того времени были *многочисленными*. Карамзинъ передаетъ слѣдующія подробности объ ученіи Іоны, сохранившіяся въ одной рукописи, въ разсказѣ отъ лица самого Іоны: „Егда бѣхъ еще младенецъ, оставшу ми *сиротою* отъ отца *седми лѣтъ*“... вдова нѣкая „вда мя въ наученіе грамотѣ дяку. Бысть же *въ училищѣ* томъ множество дѣтей учащихся: мнѣ же отъ убожества сущу тиху. Во единъ убо отъ днѣй, дѣтемъ играющимъ по вечернѣ, абіе пдяши по улицѣ блаженъ мужъ: дѣти же устремившеся на него и начаша метати каменіе и сметіе на очи его; а мнѣ стоящу недвижимо. Онъ же, оставя дѣтей, притече ко мнѣ, и возьмъ мя за власы, да поднялъ выше себе и нача звати именемъ, никакоже зная мя: „Иванецъ! учися грамотѣ: быти тебѣ въ Великомъ Новгородѣ архієпископомъ“ ³⁾.

Этотъ разсказъ подтверждается житіемъ Іоны, напечатаннымъ въ Памятникахъ старинной Русской Литературы ⁴⁾, гдѣ пишется: „Вдану ему (Іонѣ) бывшу—нѣкоему *діакону наказатися священнымъ книгамъ*, еще же и *нищеть къ сиротству* присовокупившис(я), не здрава тѣломъ творяшеть его, и чястое болезнемъ приложеніе худость ему придаваше, кротостное обычая и тихое нрава по многу снабдѣвати обычей добрый сей, радованію же и игранію дѣтей ни колиж(е) приблизатися изволи, и аще когда *отъ учителя отхождаше съ множествомъ съ ученическимъ* ему и улица граду къ дому приходити бываше, всѣмъ яко дѣтемъ игранію радующимся, той подалѣ стояти отъ нихъ обычно имяше, еда и случашеся когда яко дѣтски позоровати“.

Болѣзненный сирота-мальчикъ, бѣдный отъ нищеты, ходитъ въ школу, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ обучается „множество ученическое“. Учителемъ въ школѣ состоитъ „діаконъ нѣкій“. Ученики собираются въ школу изъ домовъ родителей и, возвращаясь изъ школы домой, по свойственной дѣтямъ рѣзвости, „играютъ“. Въ школѣ обучаются и сироты. По всей вѣроятности, въ школахъ церковно-приходскихъ, какъ и нынѣ, обученіе было бесплатнымъ и доступнымъ каждому желающему. Дѣтское „радованіе и играніе“ происходитъ „по вечернѣ“. Въ послѣдующій періодъ мы имѣемъ положительное удостовѣреніе, что обученіе въ церковно-приходскихъ школахъ происходило, съ перерывами для обѣда и послѣ отдыха, до вечерни, которую посѣщали ученики всегда неопустительно; послѣ вечерни былъ полный

¹⁾ Памятн. Стар. Р. Литер. изд. Кушелева. Повѣсть о Нифонтѣ, стр. 2.

²⁾ Тамъ же, Повѣсть о Евоиміи, стр. 16.

³⁾ *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Рос. т. V, прим. 386. Упомянутый здѣсь „блаженъ мужъ“ былъ Михайлъ Клопскій, Христа ради юродивый, Новгородскій чудотворецъ.

⁴⁾ Памятн. стар. Р. Литер. изд. Кушелева, 1862 г. стр. 28.

отдыхъ. Такимъ образомъ приведенное свидѣтельство представляетъ намъ бытовую картину древне-русской школы. Эта картина можетъ служить характеристикой вообще школъ церковныхъ этой эпохи, тѣмъ болѣе, что позднѣйшими свидѣтельствами она вполне подтверждается. Въ житіи св. митрополита Алексія, составленномъ Пахоміемъ Логоетомъ, говорится: „святому же отроку Елеуэерію преспѣвающу въ благочестнемъ возрастѣ, таже *времени приспѣвшу и книжному ученію вданъ бываетъ* и бысть яко *лѣтомъ двоюнадесяте, еще дѣтское имуще ему*“¹⁾.

Въ житіи св. Стефана Пермскаго пишется, что онъ, „еще дѣтищемъ сый, *измлада вданъ бысть грамотъ*: оучитію же вскорѣ извыче, всю грамоту яко до года, и конархати емоу тачей чтець бысть во соборнѣй церкви... Наоучи же ся въ градѣ Устьюзѣ всей грамотичней хитрости и книжней силѣ... и многи книги почитвшо ветхаго и новаго завѣта“²⁾.

Въ житіи преп. Сергія читаемъ, что когда его отдали въ школу, то братья его учились хорошо, „сему же отроку (Варѣоломею) не скоро выкнущу писанія, но медленно учащуся нѣкако и неприлежно. *Учитель* же его со многимъ прилежаніемъ учаше его: но отрокъ не внимаше и неумѣяше, и *не точенъ* бысть (не равенъ, т. е. отставалъ въ ученіи) *дружинѣ своей, учащимся съ нимъ*. О семъ же оубо много бранимъ бываше отъ родителю своею, болѣ же отъ учителя томимъ и *отъ дружины укаряемъ*“³⁾.

Здѣсь мы видимъ школу, какъ особое учрежденіе, въ которомъ обучаются три брата, съ другими учениками; учителя, какъ особое лицо, коему ввѣряются дѣти для обученія, за успѣхами которыхъ слѣдятъ и родители, и учитель; между учениками есть соревнованіе и лѣнливыхъ или малоуспѣшныхъ они укоряютъ. Изъ дальнѣйшаго разказа видимъ, что въ случаѣ неуспѣшности обученія, ученики и родители обращаются съ молитвою къ Богу. Обученіе началось съ семи лѣтъ („достиже до седьмаго лѣта возрастомъ и родители его (Сергія) вдаша его грамотѣ учить“). Братья св. Сергія „спѣшно изучали писанія“, конечно, Божественныя. Другому и не могли учить, ибо родители сихъ братьевъ, воспитавшіе ихъ „со всякимъ наказаніемъ въ благочестіи и чистотѣ“, въ иное обученіе ихъ не отдали бы.

Изъ различныхъ свидѣтельствъ въ житіяхъ святыхъ мы видимъ, что въ Татарскую эпоху училища были на *Волини*, гдѣ обучался св. Петръ, въ *Кіевѣ*, гдѣ обучался пр. Стефанъ Махрицкій, въ *Москвѣ*, гдѣ учился св. Алексій, въ *Твери*, гдѣ обучался св. Арсеній, въ *Ростовѣ*, гдѣ учился св. Сергій Радонежскій съ братьями, въ *Устюгѣ*, гдѣ учился св. Стефанъ Пермскій, въ *Кашинѣ*, гдѣ учился грамотѣ пр. Макарій Калязинскій, въ *Новгородѣ*, гдѣ учились Моисей, св. Евѣмій и Иона Новгородскіе архіепископы.

Такимъ образомъ въ Монгольской періодъ училища являются разсѣянными по всей Руси. Но житія имѣютъ на Руси только люди святые; поэтому и свѣдѣнія о школахъ сохранились только относительно тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти прославленные люди получили книжное образованіе; но это вовсе не значитъ, чтобы не было учи-

¹⁾ Степ. Кн. I, стр. 447.

²⁾ Памятн. Стар. Р. Лит., 1862 г., IV, стр. 119 и д.

³⁾ Житіе Сергія Радонежскаго, сост. Елифаніемъ.

Въ лицевомъ житіи преподобнаго (XVI в.) въ одной изъ миниатюръ изображается *училище* и въ немъ 11 учениковъ: на одной скамьѣ сидятъ рядомъ 5 учениковъ съ *книгами*, сзади—трое—слѣва еще двое; справа учитель объясняетъ урокъ преп. Сергію. Списокъ житія изданъ Троицкою Лаврою въ 1853 г.

лицъ въ другихъ мѣстахъ; скорѣе надо предположить, что они были по прежнему, „ради утверженія вѣры“, при церквахъ городскихъ и сельскихъ. Грамотность прежде всего нужна была для церковнаго клира, а затѣмъ и для гражданскихъ потребностей. Въ школахъ бывало „ученическое множество“, слѣдовательно дѣти наполняли ихъ и, конечно, свободно, по желанію родителей.

Свѣтлую и отрадную картину въ мрачную эпоху Монгольскаго ига представляетъ просвѣщеніе и утвержденіе книжнаго ученія въ странѣ *Пермской*. Книжное образованіе и подготовленіе просвѣтителя Перми св. Стефана къ миссіонерскому дѣлу можетъ служить и характеристикой книжнаго ученія въ Монгольскую эпоху.

Научившись грамотѣ, уразумѣвъ чтеніе Божественныхъ писаній, Стефанъ „*прилежно* имяше обычай *почитати почитаніе книжное*, и не бѣдно оучение радъ умедливая по оученіи, по да дондеже до конца по истиннѣ оуразумѣетъ о коемждо стисъ словеса, о чемъ глаголетъ, ти тако протолковаше; съ молитвою бо и съ молениемъ разоума сподобяшеся, и аще видяше *мужа мудра и книжна* и старци *разоумична и духовна*, то емоу совопросникъ и собесѣдникъ беаше, и съ нимъ *соводворяшеся и обнощеваше и оутрениваше*, распытая ищемыхъ скоропытнѣ“.

„Стефанъ же присно пребываше, но дѣлаше роукама своима всегда трудолюбнѣ, и *святыя книги писаше хитрнѣ гораздо и борзо*, и послоушествуютъ книги его многия, яже и до сего днѣ яже своима *роукама написалъ*, трудолюбнѣ счинивъ, яже соуть трудове его... *И изоучися самъ языкоу пермъскомоу и грамоту нову пермъскоую сложи и азбуки незнами счини*, по предложенною пермъскаго языка, якоже есть требѣ и *книги русскія на пермскій языкъ преведе и преложилъ и преписа*. Желая же болшаго разоума, яко образомъ *любомудриа изоучеся и греческой грамотѣ и книги греческія извыче добръ*, почиташе я и *присно имѣаше я оу себя*, и бѣше оумѣя *глаголати тремя языки*, такоже и грамоты три оумѣяше, яже есть роусскія, греческія и пермскія“.

Св. Стефанъ для книжныхъ занятій своихъ избралъ находившійся при епископѣ Ростовскій монастырь, гдѣ была значительная библіотека, и тамъ трудился день и ночь ¹⁾.

Такъ готовилъ себя къ великому миссіонерскому призванію св. Стефанъ. Чтѣ побуждало его покинуть родной край, обитель, гдѣ онъ воспитался, среду, гдѣ онъ благодаря высокимъ дарованіямъ, могъ подняться, достигнуть высокаго положенія, идти въ далекій невѣдомый край, на труды, испытанія и опасности? Того бо ради языкъ пермскій покушашеся изоучити, говорится въ житіи его, и того дѣля и грамотоу пермскоую створи. Понеже зѣло желаше и велми хотяше еже шествовати въ Пермь, и *оучити люди некрещеныя* и обращати невѣрныя челоуѣки и приводити я ко Христу Богу въ вѣроу христіанскую. Не токмо же помысли, но и дѣломъ створи“.

Святой просвѣтитель Пермскаго края положилъ основаніе въ немъ и *книжному ученію*. Таково исконное свойство церкви православной: гдѣ созидается церковь, тамъ устрояется и школа. Церковь православная благословляетъ всякому члену своему чтеніе слова Божія, всѣхъ привлекаетъ къ участію и въ богослуженіи, всѣхъ привлекаетъ и къ книжному ученію, по завѣту св. Владиміра, „на утверж-

¹⁾ Пам. стар. Р. Лит. 1862 г. т. IV. Житіе Св. Стефана, епископа Пермскаго.

деніе вѣры“. Этому завѣту слѣдовалъ и св. Стефанъ Пермскій. Поучителемъ разсказъ житія его объ основаніи книжнаго ученія въ далекой Перми.

Послѣ многихъ невзгодъ, истязаній, причемъ Стефанъ всѣхъ побѣждалъ кротостью и изумительнымъ для язычниковъ незлобіемъ, послѣ многихъ пререканій о вѣрѣ, устроена была церковь, которая привлекала всѣхъ, и даже некрещеныхъ своимъ благолѣпіемъ. Неутомимые труды миссіонера наконецъ тронули пермяковъ и они огромною массою—„людіе мнози, народъ, мужи и жены и дѣти“—явились къ нему принять новую вѣру. Стефанъ крестилъ ихъ и первымъ дѣломъ сталъ учить ихъ *грамотъ*. Ему нужны были сотрудники изъ туземцевъ; ибо кто изъ русскихъ рѣшился бы идти въ далекій, невѣдомый край, тѣмъ болѣе, что и языкъ пермскій на Руси былъ неизвѣстенъ. Мудрый просвѣтитель достигъ своей цѣли. „И научи ихъ (пермяковъ-зырянъ) *грамотъ* ихъ перемстѣй, юже бѣ дотолѣ ново сложилъ; но и *всѣмъ* имъ новокрещенымъ мужемъ и оуношамъ и отрокамъ младымъ и малымъ дѣтищемъ *заповѣда оучити грамоту* часословець явѣ и осмогласникъ и пѣсница Давыдова, но и *вся прочаа книги*, и въ тѣхъ разбираше: овыхъ въ пощѣ поставляше, овыхъ же въ дьяконы, другыя же въ подъяки, четци же и пѣвчи, *тѣмъ имъ перепѣваа и перелагаа и писати научая* ихъ пермскія книги, і самъ спомогаа имъ, *преводяще съ русскихъ книгъ на пермскія книги, і сва предасть имъ*. И такъ оттолѣ другъ *друга учазу грамотъ, и отъ книгъ книгу переписующе*, оумножаху, *исплъняюще*“¹⁾.

Въ малыхъ размѣрахъ въ Перскомъ краѣ совершилось то же, что совершилось при крещеніи Руси. *Св. Вѣра принесла краю и книжное ученіе*. Гдѣ ставились церкви; тамъ учреждалось и ученіе. Но здѣсь не было щедрыхъ князей, основателей школы; требовалось создать и письменность и учителей. Все это совершилъ, съ Божіею помощію, одинъ св. просвѣтитель Перми. Онъ путешествовалъ по всему краю, просвѣщалъ и крестилъ народъ. „И *грамотъ пермской учаше я, и книги писаше имъ*, и церкви святыя ставляше имъ и свѣщаше, іконами украшаше и *книгами* исполняше, и монастыри наряжаше, и въ черньци постригаше и игумены имъ устрояше и священники и попы и дьяконы самъ поставляше. И попове его *пермскимъ языкомъ служазу* обѣдню, заутреню же и вечерню, пермскою рѣчію *поязу* и канонархи его по пермскимъ книгамъ аконархаша и *чтецы* чтеніе чтяху пермскою бесѣдою, *тѣмъ же* всякое пѣніе пермскы возглашаху“.

Не токмо бо св. крещеніемъ просвѣти, а но и *грамотъ сподоби я и книжный разоумъ дарова* имъ и *писаніе предасть имъ*, еже новую грамотоу сложи, еже незнаемую азъбуку пермскую счини и тѣми письменными словесы кнѣги мнози написавъ, предасть имъ, его же дотолѣ вѣкъ свой не стяжаша. Прежде бо крещенія пермяне не имѣяху у себѣ грамоты“²⁾.

Были ли учреждены особыя „училища“ въ Перми, о томъ нѣтъ сказаній; но книжное ученіе было несомнѣнно и заключало въ себѣ чтеніе, письмо и пѣніе церковное, причемъ и здѣсь первою учебною книгою была псалтирь. И здѣсь, какъ на Руси, школы были учреждены „на утверженіе вѣры“. Объ успѣхахъ въ этихъ школахъ можно судить потому, что изъ нихъ выходили люди, способные занимать должности священниковъ и другихъ членовъ клира.

Къ этой же эпохи относится учреженіе *школъ грамоты*.

¹⁾ Пам. стар. Р. Лит. т. IV, Спб. 1862 г. стр. 119 и д.

²⁾ Лешковъ, стр. 418.

Въ ханскихъ ярлыкахъ (кромѣ одного) нѣтъ упоминанія о школахъ и объ учителяхъ. Лешковъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что значитъ, „школы не составляли предмета церковнаго управленія“. Но вѣрнѣе заключать, что школы и учителя не упоминались особо въ ярлыкахъ именно потому, что *учители*,—какъ *лица духовныя*, безъ наименованія ихъ учителями, обезпечивались ярлыками по духовному своему званію; тоже и о школахъ. Такъ какъ онѣ входили въ область вѣдѣнія и, управленія церковной власти, то и не было нужды о нихъ упоминать особо, когда ярлыки утверждали; „вся законы ихъ (русскихъ) уложенные отъ начала ихъ— *то все выдаетъ* митрополитъ или кому прикажетъ, да не будетъ ничтоже перечинено, или нарушено, или кѣмъ изобижено“... „*Вся своя церковная* (митрополитъ) *управляетъ* и судитъ и вѣдаетъ„ (Узбекъ). Ярлыками охранялось все, что находилось въ вѣдѣніи митрополитовъ, слѣдовательно и школы, такъ какъ онѣ находились подъ властію митрополитовъ.

Когда же явилось частное обученіе, явились особыя лица — не духовныя, занимавшіеся обученіемъ дѣтей, то явилась нужда именовать такія лица и въ ярлыкахъ даваемыхъ митрополитамъ, такъ какъ и это частное обученіе хотя и находилось подъ руководствомъ церкви, но учителями являлись и не духовныя лица. Дѣйствительно, въ одномъ изъ ярлыковъ, данномъ Узбекомъ митрополиту Петру (1313 г.), мы находимъ указаніе на такихъ учителей.

Здѣсь ханъ, между прочимъ, перечисляя должностныхъ лицъ, говоритъ о „*книжникахъ*, *уставодержальникахъ* и *учительныхъ людскихъ повѣстникахъ* 1). Такъ какъ ярлыки ханскіе устанавливали права и преимущества служилыхъ лицъ, то обозначеніе ихъ, надо полагать, было точнымъ, а при митрополитѣ, конечно, были люди, вполне знакомые съ различіемъ должностей. Лавровскій съ полною основательностію изъясняетъ, что „*учительные людскіе повѣстники*“ — были наставники наукъ 2). Разумѣть подъ этимъ именемъ учителей вѣры нельзя, потому что ярлыкъ и безъ того прямо утверждалъ права не только митрополита; но и всего духовенства: „*архимандриты, и игумены и попы и вся причты церковныя ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ*“, слѣдовательно, учителя вѣры обезпечены уже, а выдѣленіе учительныхъ людскихъ повѣстниковъ въ ярлыкѣ говоритъ о томъ, что во время татарскаго ига было *частное обученіе*, были особыя *учители* и они находились подъ покровительствомъ духовной власти, которая защищала ихъ предъ ханами.

Кто бы ни были эти учителя, но несомнѣнно, что они состояли въ вѣдѣніи духовной власти, равно какъ и школы, въ коихъ они обучали. Онѣ сохраняли церковный характеръ обученія и не выходили за предѣлы того курса, который былъ завѣщанъ школами Владиміра. Изъ этихъ то учителей, по всей вѣроятности, и выработались тѣ „*мастера*“, которые обучали при Геннадіи Новгородскомъ за „*могорцы и поминки*“. Когда школы размножились, потребность въ образованіи

1) Собр. Госуд. грамот. и договор. II, № 7.

2) Выраженіе *книжники*, замѣчаетъ Лавровскій, соотвѣтствуетъ *законовѣдцямъ* Саадеть-Гераяева ярлыка и Тохтамышева (Зап. Одес. Общ. I, 341) и *верховнымъ законовѣдцямъ* ярлыковъ Крымскихъ Хановъ; а „*учительные людскіе повѣстники*“ ярлыка Узбека—*наставникамъ наукъ* ярлыковъ Крымскихъ Хановъ. Еслибы учительные повѣстники соотвѣтствовали „*учителямъ вѣры*“, то переводчикъ, конечно, не затруднился бы употребленіемъ слова священникъ, проповѣдникъ; да тогда не было бы и нужды ихъ ставить отдѣльно, потому что „*архимандриты, игумены и попы*“ уже упоминаются особо. Да и изъ начала ярлыка видно, что ханъ обращается къ гражданскимъ званіямъ. См. Древне-Русск. уч. *Лавровскаго*, стр. 52 и д.

стала общею, явилась возможность уже требовать плату за обучение; а разъ учительское занятіе стало приносить выгоды, за него стали браться и посторонніе клиру грамотен. Эти то учителя и положили начало *школамъ грамоты*, которыя съ тѣхъ поръ сохранились и до нашего времени въ деревняхъ.

Школа церковно-приходская была всегда *безплатною школою для всѣхъ*. Школы грамоты устраивались малыми общинами, вдали отъ церквей, въ починкахъ деревняхъ. Община вступала въ *условія* съ грамотѣемъ, назначала ему или общее содержаніе отъ деревни, или частное — отъ родителей учащихся. Причемъ, какъ видно изъ посланія Геннадія, *плата* полагалась или вообще за выучку, или за каждую новую ступень обученія, — одна плата за вечерню, другая за утреню, третья, — за часы, какъ порядятся. Конечно, эти школы грамоты не могли равняться съ церковными, но онѣ служили распространенію грамотности въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Руси; а такъ какъ при этомъ онѣ сохраняли строго церковный характеръ обученія, то удовлетворяли потребности народа въ *грамотѣ* именно церковной. Другой грамоты народъ нашъ не желалъ, да ее тогда и не было на Руси.

Изъ представленнаго очерка видно, что Русь въ монгольскій періодъ; при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, имѣла училища, которыя служили прямымъ продолженіемъ эпохи Владиміровой.

Но кромѣ школъ, къ просвѣтительнымъ учрежденіямъ слѣдуетъ отнести *монастыри*. Какъ въ первую эпоху, такъ теперь особенно, они были пріютами грамотности и духовнаго образованія по преимуществу. Съ этимъ согласны всѣ историки.

При этомъ историка прежде всего останавливаетъ фактъ умноженія числа монастырей. Въ Монгольскій періодъ на Руси возникло болѣе 180 монастырей, изъ коихъ до 30 находились въ Юго-Западной Россіи, остальные 180 входили въ составъ Московской митрополіи ¹⁾. Фактъ этотъ требуетъ изъясненія.

IV. Монастыри, какъ пріюты просвѣщенія въ Монгольскую эпоху.

Умноженіе монастырей въ Монгольскую эпоху представляетъ явленіе замѣчательное. Среди общаго погрома, страданій и тяжелыхъ испытаній, когда цѣлые города обращались въ пепель, цѣлыя области безлюдѣли то отъ меча враговъ, то отъ „черной смерти“, обители наши росли и умножались, вездѣ утверждая добрые нравы, благочестіе и просвѣщеніе.

Нѣкоторые историки приписываютъ умноженіе монастырей тѣмъ преимуществамъ, которыя обезпечивались за ними ханскими ярлыками и княжими грамотами, сравнительной безопасности въ это трудное время и обезпеченности монашеской жизни ²⁾. Но это мнѣніе, составляющее одно предположеніе, ничѣмъ не подтверждается. Макарій, напротивъ, утверждаетъ съ ббльшею основательностію, что „умноженіе у насъ обителей въ Монгольскій періодъ было прежде всего прямымъ слѣдствіемъ естественнаго хода и дальнѣйшаго развитія у насъ религіозно-христіанской

¹⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. VII, гл. 4.

²⁾ Такой взглядъ впервые высказанъ былъ Карамзинымъ; за нимъ послѣдовали и другіе историки. Карамзинъ пишетъ: „кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о монашеской жизни, *одни мірскія преимущества* влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя обители, гдѣ слава благочестія награждалась не только уваженіемъ, но и *достоинствомъ*, гдѣ гражданинъ *укрывался* отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ — и пожиналъ“. Карамзинъ, Ист. Госуд. Рос. въ V томѣ.

жизни, которая, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе проникая въ сердца людей возбуждала ихъ болѣе и болѣе устремляться къ высшимъ степенямъ нравственнаго совершенства, представляемымъ иночествомъ¹⁾). Слѣдуетъ сказать, что основаніе монастырей въ то время происходило легко и безъ затрудненій. Всякій инокъ, по своему желанію, ища уединенія, могъ селиться въ пустыни, въ непроходной глуши, въ лѣсу, строить себѣ хижину и въ ней подвизаться. Добрая жизнь, незлобіе, молитва и труды подвижника привлекали къ нему другихъ благочестивыхъ людей. Возникалъ монастырь. Такъ возникла во времена Владиміровы лавра Печерская въ Кіевѣ, такъ возникла лавра Троицкая въ Московской Руси, послужившая, въ свою очередь, разсадникомъ монастырей на Сѣверѣ²⁾).

Ужели можно полагать, что выгоды, обезпеченіе, спокойная жизнь привлекли въ монастыри Авраамія Галичскаго, Макарія Унженскаго, Діонисія Глушицкаго, Ѳерапонта Бѣлозерскаго, Димитрія Прилуцкаго, Стефана Махрицкаго, наконецъ Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и ихъ послѣдователей³⁾? Всѣ они начинали съ уединенія, съ жизни, *полной мишеній*, скудости, подвижничества, самоотверженія и глубокаго смиренія. О томъ, что само по себѣ Монгольское иго пробуждало религіозную настроенность Руси, мы имѣемъ свидѣтельство въ поученіяхъ почти всѣхъ пастырей этой эпохи, призывавшихъ людей къ покаянію. Въ службахъ составленныхъ въ Монгольскій періодъ, постоянно возносились молитвы „о низложеніи безбожныхъ Агарянъ и о спасеніи отъ плѣненія поганыхъ“.

Нашествіе варваровъ было знаменіемъ гнѣва Божія на землю русскую. Такъ понимали наши предки смыслъ татарскаго ига. Естественно, что при этомъ въ благодатныхъ душахъ пробуждалось сознаніе грѣховности, покаянное чувство, увлекавшее ихъ на подвигъ иночества. Къ покаянію призывали народъ и пастыри. Объ этомъ краснорѣчиво и трогательно возвѣщаль Серапіонъ. Сказавъ, что, по Божію попущенію, мы за грѣхи подпали игу язычниковъ, и изобразивъ картину опустошенія родной земли и страданій народа, онъ продолжаетъ: „Дѣти! я чувствую въ сердцѣ своемъ великую скорбь о васъ: ибо вовсе не вижу вашего обращенія отъ дѣлъ незаконныхъ. Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами незаконными... Страшно, дѣти, подпасть гнѣву Божію! Умоляю васъ, братія, пусть каждый изъ васъ

¹⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. т. IV, стр. 165.

²⁾ Историческое и религіозно воспитательное значеніе Троицкой лавры и ея основателя преподобнаго Сергія такъ велико, что можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія. Даже самый скептическій изъ нашихъ историковъ — проф. Голубинскій признаетъ это значеніе во всей силѣ. „Преподобный Сергій, говоритъ онъ, явился на духовномъ небѣ нашей церкви совсѣмъ необычайно свѣтлою звѣздой... Величайшая слава его не ограничилась предѣлами Московскаго княжества, но распространилась по всей русской землѣ, такъ что въ немъ видѣли не мѣстнаго только Московскаго подвижника, а подвижника всероссійскаго. „Слава же и слышаніе, говоритъ жизнеописатель, пронесся о немъ повсюду... вси имѣяху его яко единаго отъ пророкъ. Что это дѣйствительно было такъ, въ томъ убѣждаютъ насъ наши лѣтописи“. Голубинскій, Преп. Сергій Радонежскій. 1892 г. стр. 42, 53 и др. Изъ духовной школы Преподобнаго прославились: Мееодій Песношскій, преп. Савва Сторожевскій, Павелъ Обнорскій, Сергій Нуромскій, Авраамій Галичскій, Іаковъ Желѣзноборовскій, Стефанъ Махрицскій, Димитрій Прилуцкій, Діонисій и Евѣмій Суздальскіе, Кирилъ и Ѳерапонтъ Бѣлозерскіе. Всѣ эти мужи высокой жизни и мудрости духовной были устроителями обителей, по образцу Троицкой.

³⁾ О монастыряхъ Монгольской эпохи и просвѣщенныхъ подвижникахъ см. обстоятельное изслѣдованіе у Макарія, Ист. Р. Ц. т. IV, гл. 3.

вникнетъ въ свои мысли, разсмотритъ сердечными очами дѣла свои, возненавидитъ ихъ и откажется отъ нихъ. *Прибѣгите къ покаянію, гнѣвъ Божій прекратится и милость Господня изліется на насъ.* Мы въ радости будемъ жить на землѣ нашей“...

Общее бѣдствіе, говоритъ Филаретъ, пробудило въ народѣ чувство покаянія ¹⁾. Такъ показываютъ памятники... Среди тяжкихъ бѣдъ преданность вѣрѣ Христовой образовала твердость въ характерѣ народа, стойкость въ своихъ правилахъ; тамъ, гдѣ духъ христіанскій благодатно проникалъ въ душу и давалъ высшее направленіе силамъ ея, любовь къ Богу не боялась подвиговъ самыхъ суровыхъ, трудовъ самыхъ тяжкихъ ²⁾. Къ такимъ подвигамъ слѣдуетъ отнести иночество, съ его обѣтами любви, послушанія, нестяжательности, самопожертвованія, отреченія отъ міра и его радостей.

Не забудемъ, что въ эту эпоху съ особенною силою господствовало убѣжденіе, что близка кончина міра...

Замѣчательно и то обстоятельство, что въ Монгольскую эпоху обители усиленно возникали въ самую тяжелую пору „ига поганыхъ“, но позднѣе, когда иго ослабѣло и не было уже для народа столь тяжкимъ, какъ въ первую пору. Достаточно ознакомиться съ исторіей обителей этой эпохи, чтобы убѣдиться, что основателями ихъ руководили не земныя выгоды.

Сохранили ли обители Монгольскаго періода прежнее свое *просвѣтительное* значеніе? Исторія даетъ утвердительный отвѣтъ. „Грамотность, пишетъ одинъ изслѣдователь, пала бы совершенно во всѣхъ слояхъ русскаго общества, еслибы не поддерживало ее и не направляло къ лучшему монашествующее духовенство, съ пастырями во главѣ... Можно представить цѣлый рядъ монашествующихъ, какъ свидѣтельство *прекраснаго состоянія духовнаго образованія въ монастыряхъ*... Отсюда только и могли заимствовать грамотность лучшія личности общества; здѣсь же получали и продолжали свое образованіе и будущіе пастыри церкви. Съ чистою любовью къ духовному просвѣщенію пастыри эти соединяли и заботливость объ обученіи подчиненнаго имъ духовенства“ ³⁾.

Что иноки монастырей Монгольской эпохи служили по прежнему дѣлу просвѣщенія, объ этомъ свидѣлствуютъ переводы ихъ. Такъ, въ обителяхъ переведены были „Діопра“ Филиппа Пустынника, Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, Творенія св. Діонисія Ареопагита, Толкованіе Олимпіодорова на кн. Іова, Бесѣды Златоуста на кн. Бытія, Житія святыхъ и др. Для списанія книгъ иноки ходили на Аѳонъ, занимались въ Студійскомъ монастырѣ. Аѳанасій, игумень Высогскій, другъ Кипріяна м., ходилъ въ Константинополь и занимался тамъ переводомъ и списываніемъ богослужебныхъ книгъ ⁴⁾.

Стефанъ Новгородецъ (XIV в.), посѣтившій Аѳонскіе монастыри, нашель тамъ южиковъ Ивана и Добрилу, которые жили въ Студійскомъ монастырѣ, „спи-

¹⁾ Русскій народъ никогда не озлоблялся общенароднымъ бѣдствіемъ, но всегда, скорбя, обращался съ молитвою къ Богу. Замѣчательно выраженіе современника-лѣтописца о „черной смерти“ „Бысть милость Божія надъ христіанами, посланъ отъ Бога моръ на люди“ (Новгор., II, 134). Богъ восхотѣлъ вразумить забывшихъ Его заповѣди....

²⁾ Филаретъ, Ист. Р. Ц. т. II, стр. 154.

³⁾ Б—въ, Участіе пр-ва въ нар. образ. до Петра В. С. От. 1858 г. № 32.

⁴⁾ Филаретъ, Ист. Р. Ц. т. II, стр. 97.

саючи отъ книгъ св. писанія, зане бо искусни зѣло книжному писанію“. Изъ этого монастыря посылали въ Русь много книгъ—уставъ, тріоди и инья книги“¹⁾.

Въ Кіево-пустынской обители писаніемъ книгъ завѣдывалъ инокъ Іона²⁾ (Балакиревъ). Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ писаніемъ книгъ занимались иноки Христофоръ и Мартиніанъ³⁾. Въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ инокъ Павелъ „писаше книги учительны многи“. Онъ былъ „книженъ вельми и философъ велій; егда же бесѣды время бываше ему, много разсуденъ и полезенъ зѣло и слово его солию божественною растворено“⁴⁾. Св. Кириллъ Бѣлозерскій писалъ посланія къ князьямъ, былъ книженъ, учителенъ и безбоязненно говорилъ правду князьямъ. Св. Алексій, живя въ монастырѣ, все время свое отдавалъ чтенію божественныхъ книгъ, такъ что „всяко писаніе ветхаго и новаго завѣта пройде“. При монастыряхъ были бібліотеки, которыми и пользовались иноки, жаждавшіе просвѣщенія.

Такъ, о Стефанѣ Пермскомъ извѣстно, что онъ, постригшись во иноки, остался жить въ Ростовскомъ монастырѣ, называемомъ Затворъ, „близь епископьи, яко книги многи бяху ту, довольны соуща емоу на потребу почитанія ради“⁵⁾. Здѣсь онъ „изучися и греческой грамотѣ“. Такъ какъ иноки занимались и переводами книгъ, то въ монастыряхъ поддерживалось и знаніе греческаго языка. Всѣ замѣчательные дѣятели на поприщѣ письменности и народнаго учительства выходили изъ монастырей.

Книжность составляла необходимую принадлежность монастырей; она поддерживалась обычаями и уставами. На монастыркой трепезѣ всегда читались книги, каковы-Патерикъ, соч. св. Ефрема Сирина, Аввы Дорофея, Шестодневъ св. Василия Вел.⁶⁾ Св. м. Петръ заповѣдывалъ „упражняйся въ чтеніи книгъ и въ ученіи день и ночь“. Въ рукописи этой эпохи „Завѣтъ мнихомъ“, послѣ нравственныхъ наставленій пишется: „утверждайся чтеніемъ книгъ, трудись въ послушаніи и рукодѣліи... передъ отходомъ ко сну много молись, *почитай книги*, займись рукодѣліемъ“⁷⁾. Вообще книжность не покидала монастыри⁸⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ производилось обученіе грамотѣ. По прежнему обители были пріютами для сиротъ. Сироты здѣсь питались и, вѣроятно, обучались,—таковъ былъ завѣтъ монастырей Владиміровыхъ по уставамъ святыхъ отцовъ. Такимъ образомъ, мало сказать, что монастыри *восполняли* школы; вѣрнѣе сказать, что монастыри въ Монгольскую эпоху служили главными пріютами просвѣщенія, а школы только восполняли ихъ и разносили грамотность по селамъ и деревнямъ. Монастыри были центрами духовнаго просвѣщенія, изъ которыхъ оно разливалось по округности.

¹⁾ Сахаровъ, Сказ. Р. Нар. II, стр. 53.

²⁾ Фундуклей, Обозр. Кіева и древн. стр. 105.

³⁾ Чт. М. Общ. Ист. и др. 1860 г., II, стр. 2.

⁴⁾ Никон. Л. V, стр. 141.

„Книги усердно переписывались иноками, переводились съ греческаго, составлялись сборники, вмѣстѣ съ книгами духовнаго содержанія, переписывались и лѣтописи“. *Велич—ій*, II. Оч. Общ. образ. въ Р. Пед. Вѣсти. 1861 г. № 4.

⁵⁾ Памятн. стар. Р. Литер. т. IV, 1862 г. Житіе св. Стефана.

⁶⁾ Истор. Акты. I, стр. 478. Посл. м. Кипріяна Аѳанасію.

⁷⁾ Завѣтъ мн. напечатанъ при *Дух. Вѣсти*. 1862 г. X.

⁸⁾ О знаменитыхъ просвѣщенныхъ инокахъ, вышедшихъ изъ монастырей Монгольской эпохи (см. *Макарія* Ист. Р. Ц. т. IV, стр. 226 и д.

V. Воспитаніе и обученіе въ школахъ Монгольской эпохи.

Училища Монгольскаго періода на Руси были прямымъ продолженіемъ школъ Владиміра и Ярослава. Школы эти, какъ тогда, такъ и теперь, были церковныя и устраивались „на утверженіе вѣры“. Такъ какъ завѣдываніе и руководство школами принадлежало исключительно духовенству, которое само и производило въ нихъ обученіе, то курсъ ихъ, характеръ обученія и духъ воспитанія остались неизмѣнными.

Въ училищахъ дѣти обучались чтенію, письму и церковному пѣнію, что все разумѣлось подъ именемъ „грамоты“. Учебною книгою служила Псалтирь; матеріаломъ для чтенія служили книги божественныя. О ходѣ обученія и его приемахъ лѣтописи не даютъ намъ свѣдѣній, но они оставались, вѣроятно, тѣ же, что были и въ предшествующій періодъ. Обученіе грамотѣ соединялось съ письмомъ. Письменность въ этотъ періодъ развилась значительно. Не только духовныя лица посвящали себя перепискѣ книгъ, но встрѣчались и міряне, которые всю жизнь свою посвящали этому дѣлу ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, рукописи этой эпохи уступаютъ предыдущей въ исправности. Отъ поспѣшности или небрежности, а быть можетъ, и отъ невѣжества и своеволія переписчиковъ, въ богослужебныхъ книгахъ являлись ошибки, недописки, пропуски, измѣненія словъ. Такъ всегда бываетъ, когда искусство изъ рукъ немногихъ знатоковъ, распространяясь, перейдетъ въ массы и станетъ уже не дѣломъ призванія, а средствомъ обезпеченія, выгоды.

Что касается пѣнія, то оно сохранялось по практическому навыку и преданію. Въ лѣтописяхъ упоминается о *демественномъ пѣніи* ²⁾; подъ 1387 г. упоминается о *демественникѣ* Новгородскаго Софійскаго собора ³⁾; подъ 1244 г. говорится о „словутномъ пѣвцѣ“ Перемышльскаго владыки *Митусь* ⁴⁾. Въ рукописныхъ стихираряхъ этой эпохи встрѣчаются напѣвы и ноты Кіевскаго митрополита Григорія Самвлака. Въ житіи царевича Петра повѣствуется, что когда онъ, желая видѣть „божницу рускыя земли“, прибылъ въ Ростовъ, то въ соборной церкви его поразило умиленное пѣніе, причемъ „въ церкви св. Богородицы лѣвый клиръ гречески пояху, а правый русски“. Значитъ и греческое пѣніе еще не исчезло изъ употребленія. Отъ этой эпохи осталось много крюковыхъ рукописей. Значеніе пѣнія въ нашемъ богослуженіи такъ велико, что пѣніемъ называлось даже все богослуженіе. Выраженіе — „остались церкви безъ пѣнія“ значило, что въ нихъ прекратилось богослуженіе. Естественно, что пѣніе преподавалось въ школахъ и поддерживалось постоянною церковною практикой.

Въ нѣкоторыхъ школахъ преподавалось и иконописаніе, которое существовало на Руси и въ первую еще эпоху просвѣщенія. Въ Монгольскій періодъ иконописаніе усовершенствовалось, образовались даже школы иконописи. Особенно прославились этимъ искусствомъ Даніилъ иконникъ и Андрей Рублевъ, „чудные и пресловущіе иконописцы“. Произведенія ихъ и теперь высоко цѣнятся знатоками.

¹⁾ Такъ, на одной Псалтири 1296 г. нѣкто писецъ Захарія сдѣлалъ помѣтку, что онъ много переписалъ книгъ, занимаясь этимъ дѣломъ съ издѣтства до старости. *Опис.* Р. Синод. б. I, 184.

²⁾ Подъ 1440 г. II. Собр. Л. II, стр. 180.

³⁾ П. С. Л. IV, стр. 95.

⁴⁾ П. С. Л. VIII, стр. 110.

Не измѣнился и идеаль древне-русскаго воспитанія въ эту эпоху, что можно видѣть изъ ея памятниковъ. Воспитаніе заповѣдывалось вести путемъ кротости и добраго примѣра. Несмотря на огрубѣніе нравовъ подъ вліяніемъ „ига поганыхъ“, безчеловѣчныхъ и жестокихъ побѣдителей, ни въ одномъ изъ памятниковъ этой эпохи не упоминается о розгѣ и жезлѣ, какъ воспитательныхъ средствахъ,—они явились у насъ позднѣе, подъ вліяніемъ западныхъ іезуитскихъ школъ. Вездѣ первымъ воспитательнымъ средствомъ является страхъ Божій, но этотъ страхъ основанъ на любви и чуждъ жестокости. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ памятниковъ Монгольской эпохи для характеристики ея воспитательнаго идеала, который возвѣщался съ церковныхъ кафедръ. Св. Петръ заповѣдывалъ священникамъ „духовныхъ дѣтей своихъ поучать сперва страху Божію, потомъ покаянію во грѣхахъ, любви, кротости, смиренію и милостынѣ“.

Святой Алексій митрополитъ пишетъ: „имѣйте, дѣти, въ сердцахъ своихъ страхъ Божій: ибо при немъ человѣкъ можетъ стяжать всякую добродѣтель“. Князей убѣждаетъ: „судите милостиво, судъ бо безъ милости“ не сотворившему милости. „Судите праведно, не обижайте вдовъ и сиротъ и пришельцевъ, да не возопіютъ на васъ къ Богу. А люди простые — Бога бойтесь и князя чтите“. „Къ церковной службѣ будьте поспѣшны, стараясь предварить другъ друга“... не говорите: отпоемъ себѣ дома. Такая молитва не можетъ имѣть никакого успѣха безъ церковной молитвы“. „Когда, приходите, дѣти, въ церковь, то имѣйте со всѣми миръ и любовь. Стоите вы въ церкви, помышляйте о своихъ грѣхахъ... Не смѣйте, дѣти, прогнѣвлять Бога разговорами въ церкви“¹⁾.

„Имѣйте же, чядя, въ сердцахъ своихъ страхъ Божій присно, писано бо есть: начало премудрости страхъ Господень. Поне бо Господь не велитъ ничтоже лихо творити... страха ради Божія, чядя, вся добро творите, спасенія ради своего. — Тѣмже доволите сироты своа всѣмъ и учите я на крещеніе, покаяніе и на весь законъ Божій²⁾“.

Въ „поученіи къ попомъ“ митрополита Кирилла II пишется: „Разумѣйте, како духовныя дѣти учити: ни слабость, да не ленивы будутъ; ни жестоко, да ся не отчають; ни дару дѣля прощающе, ни невзятыя ради горко наускающе“.

Въ „поученіи владыки Матѳея Сарайскаго къ дѣтямъ моимъ“ говорится совершенно въ духѣ Мономаха и Кирилла Туровскаго: „Чада мои милаа! Първое—имѣйте вѣру праву къ Богу, Отца и Сына и Святаго Духа, потомъ же и въ послушаніи святыхъ его апостолъ и святыхъ отецъ... Любовь же имѣйте ко всѣмъ, богату и убогу, къ нищимъ и бѣднымъ, въ узахъ страждущихъ“.

„Се и еще молю вы, слушайте, постъ имѣйте чистъ, егда достойтъ въ постныя дни поститися, да приметъ свѣтлость... постящеса, нищимъ раздробляете хлѣбъ свой и убогыя милуйте, нищимъ и немощнымъ, и на улицахъ лежащихъ и сѣдящихъ, посѣщайте суцая въ темницахъ, и въ бѣдахъ милуйте, нагья одѣвайте, босыя обувайте, правымъ же помогайте а грѣшныя милуйте: странныя въ домъ свой вводите и отъ трапезы своеа напитайте, старца чтите, попы и діаконы, яко служители Божія суть... сусѣда же не обидите... монастыри же блюдите, чада моя, та бо суть долове святыхъ и пристанище сего... всяку скорбь отженѣте, къ святымъ мѣстамъ приходите, у тѣхъ благословеніе просите и *дѣти* своя къ нимъ по-

¹⁾ Приб. къ Твор. Св. От. V, стр. 30.

²⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. т. V, стр. 423 и д. Прил., изъ Сборн. Кирилло-Бѣлозерской библіотеки.

сылайте, благословенія имъ хотяще. Бѣльцы же чытите попы достойно и діаконы, яко слугы Божія: ти бо за молитву творять къ Богу по вся дни. Князю же земли своеа покаряйтеся и не рцѣте ему въ сердцѣ своемъ; приясте ему головою своею, и мечемъ своимъ и мыслию своею и възмогутъ противитися на войнѣ князю. Аще ли добрѣ приасте своему князю, и обогатѣтъ земля ваша и плодъ многъ воспріимете отъ нея“. Измѣну князю и родной землѣ епископъ считаетъ дѣломъ Іуды, измѣною жены мужу, дѣломъ проклятія и осужденія.

VI. Какіе плоды дала церковная школа въ Монгольскій періодъ?

Такъ какъ училища Монгольской эпохи составляли непрерывное продолженіе школъ Владиміровыхъ, причемъ они удержали вполнѣ свой основной характеръ, духъ и нравственную основу; служили тому же высокому идеалу просвѣщенія народа; руководились по прежнему пастырями церкви православной, то и плоды ихъ были столь же плодотворны для народа Русскаго. Въ этихъ школахъ народъ получалъ не одну грамотность, но и утверженіе вѣры, укрѣплялся духомъ, воспитывался нравственно, учился въ вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанской трудиться и жить по христіанскому закону, любить свою церковь, свое отечество, смиренно переносить невзгоды, испытанія и надѣяться на помощь Божію.

Всѣмъ этимъ земля русская обязана была православному духовенству, которое теперь *одно* строило училища, обучало дѣтей и учило всѣхъ въ школѣ и въ церкви. Духовенство спасло намъ образованіе въ эту годину испытаній.

Высоко ли было это образованіе? — Историкъ Макарій говоритъ: „Мы не видимъ никакого основанія утверждать, будто просвѣщеніе *ушло* въ русской церкви при Монголахъ или даже *ослабѣло*; напротивъ, намъ кажется, что оно оставалось все *на той же степени*, на какой было и до Монголовъ,—хотя, быть можетъ, находило менѣе сочувствія со стороны народа, постоянно бѣдствовавшаго подъ тяжелымъ игомъ“ ⁴⁾. Обращаясь къ *духовной литературѣ* Монгольскаго періода, пишетъ историкъ, мы находимъ ее отнюдь *не бѣднѣе* литературы предшествовавшаго времени. Если собственно по талантамъ, которые даются отъ Бога, едва ли можно указать писателей, равныхъ митрополиту Иларіону, или преподобному Нестору, или Кириллу Туровскому; зато *по образованію* писатели настоящаго періода были вообще *нисколько не ниже* прежнихъ.—Что же касается *литературы переводной*, то она оказывается у насъ даже *богаче*, чѣмъ была прежде“ (Макарій).

Дѣйствительно, даже общее ознакомленіе съ письменною литературой этой эпохи убѣждаетъ читателя въ несомнѣнности этого положенія.

Такъ отъ XIII-го вѣка мы имѣемъ сочиненія митрополита *Кирилла II-го* и *Серапіона* Владимірскаго, многія сказанія и житія святыхъ; отъ XIV-го в. имѣемъ учительныя *посланія* митрополитовъ св. *Петра*, *Алексія*, *Василія* Новгородскаго, *Матвія* Сарайскаго, житія святыхъ, сказанія и путешествія *Стефана* Новгородца, *Игнатія*, іеродіакона Смоленскаго, дьяка *Александра*; отъ первой половины XV в.—замѣчательные труды митрополитовъ *Кипріяна*, *Фотія* и краснорѣчиваго *Григорія Самвлака*, *Симеона* епископа Новгородскаго, посланія *Кирилла* Бѣлозерскаго, „Ксе-носъ“—путешествіе *Зосимы*, много житій святыхъ, прологи, патерики. Отъ этой же эпохи сохранилось не мало писаній догматическихъ, нравственныхъ, словъ, бесѣдъ

⁴⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. т. V, стр. 129.

и поученій, сборниковъ, толкованій на Священное Писаніе. Труды святого *Стефана* Пермскаго составляютъ явленіе выдающееся: онъ одинъ былъ просвѣтителемъ цѣлаго края и далъ зырянамъ Священное Писаніе и богослужебныя книги на родномъ ихъ языкѣ.

Святская литература Монгольской эпохи довольно обильна по количеству, хотя въ ней нѣтъ такихъ высокохудожественныхъ произведеній, какъ Слово о Полку Игоревѣ. „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“ и „Похвала Дмитрію Донскому“ носятъ характеръ подражанія и риторики (Карамзинъ приписываетъ эти произведенія Софронію, попу Рязанскому).

Въ Монгольскую эпоху продолжали составляться, переписываться и дополняться *лѣтописи*. Частію въ лѣтописяхъ, частію отдѣльно появлялись разнаго рода *сказанія* историческаго характера: „Повѣсть о Щелканѣ“, „Повѣсть объ Александрѣ Невскомѣ“, „Сказаніе о Довмонтѣ“, „Рукописаніе Магнуши, короля свѣйскаго, „Рязанское сказаніе о Батыевѣ нашествіи, и о смерти Батые“, „О московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша“, „Повѣсть преславнаго чудеси отъ иконы Владимірскія“, „Повѣсть о Мустафѣ царевичѣ“, „Сказаніе о кн. Дмитріѣ Ивановичѣ“, „Повѣсть о житіи Михаила Тверскаго“. Всѣ эти сочиненія служили отголоскомъ народныхъ воззрѣній на политическія событія Монгольской эпохи. Въ эту же эпоху много появилось переводовъ и передѣлокъ баснословныхъ *повѣстей*, сказочныхъ произведеній, легендъ и произведеній *отреченной* литературы. Но *народное творчество* не изсякло,—оно выражалось въ пѣсняхъ, былинахъ, сказкахъ и преданіяхъ, передаваемыхъ устно отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Особенно обильны были въ эту эпоху *переводы*, надъ которыми преимущественно трудились наши иноки. Знаніе греческаго языка не изсякло въ нашихъ обителяхъ. Судя по тому, что въ эту эпоху въ церквахъ нашихъ слышалось и греческое пѣніе ¹⁾, можно полагать, что греческій языкъ не чуждъ былъ и народу. Связь Руси съ Греціей продолжалась.

Историки сѣтуютъ, что русская духовная литература мало имѣла самостоятельности, что учителями нашими все еще являлись греки, что митрополиты Кипріанъ, Фотій, Григорій Самвлакъ пришли съ Востока, что мы не имѣли высшихъ образовательныхъ заведеній, подобныхъ западнымъ.

Но, во-первыхъ, надо принять во вниманіе эпоху. Русь счастлива была тѣмъ, что въ Монгольское иго *сохранила* свое образованіе, и не только сохранила, но и развила его. Во-вторыхъ, источникъ, изъ котораго она черпала свой духовно-образовательный матеріалъ, былъ *чистымъ* источникомъ. Мы брали изъ Византіи то, что навсегда сохраняло свою цѣнность, и при этомъ источникъ былъ такъ обилень и неизсякаемъ, что его съ избыткомъ доставало на удовлетвореніе духовныхъ нуждъ Руси православной. Наконецъ, что касается главнаго предмета нашего очерка — *начальныхъ училищъ*, то въ эту эпоху Западная Европа еще *не имѣла народныхъ школъ*; онѣ тамъ явились только со временъ реформаціи, когда откры-

¹⁾ Сборн. Новг. Соф. библ. № 503, л. 333.

Въ житіи ордынскаго царевича Петра пишется, что онъ пожелалъ видѣть „божницу рускыя земли“ и съ владыкою (Кирилломъ) пришелъ въ Ростовъ, увидѣлъ церковь, украшенную золотомъ и жемчугомъ, „въ ней же *пнїя* доброголасная: бѣ бо въ церкви святыя Богородица тогда *лвбый* клиросъ гръческый пояшу, а правый рускый“. Царевичъ умиллся душею и просилъ крестить его. Онъ послѣ былъ инокомъ.

лась возможность для народа читать св. книги на родномъ языкѣ ¹⁾. У насъ же грамотность и школа были *всеобщими*. И когда подумаешь, что все это совершило *одно* духовенство, предоставленное своимъ силамъ, то нельзя не проникнуться къ нему чувствомъ признательности, нельзя не признать его великія заслуги дѣлу родной школы нашей.

Что въ народѣ пробудилась любознательность, охота къ чтенію, къ самообразованію, объ этомъ говоритъ широкое распространеніе „четьихъ“ книгъ, куда относятся различные сборники поученій, словъ, бесѣдъ, „пчелы“ (или „рѣчи мудрости отъ Евангелія и отъ Апостолъ и отъ св. мужъ и разумъ внѣшнихъ философъ“), „измарагдъ“, „златая цѣнь“, во множествѣ списковъ распространявшихся по всей Руси ²⁾. Эти сборники не всѣ еще собраны, не всѣ описаны, не всѣ даже извѣстны, но, тѣмъ не менѣе, они и нынѣ представляютъ обширную литературу, указывающую на обиліе читателей.

Правда, среди пшеницы сѣялись и плевелы,—на Русь проникали изъ Греціи и Болгаріи книги *отреченныя*, „болгарскія басни“ ³⁾; но пастыри церкви запрещали чтеніе такихъ книгъ; даже перечисляли ихъ въ индексахъ и старались доставлять народу здоровую духовную пищу. Во всякомъ случаѣ, приведенные факты свидѣтельствуютъ, что народъ русскій того времени *любилъ читать* и читалъ много,—значить, *грамотность* была общераспространенною и въ этотъ періодъ.

„Самымъ прочнымъ способомъ къ духовному просвѣщенію, пишетъ Филаретъ, оставалась любовь къ вѣрѣ, искушенная опытами жизни. Бѣды времени Монгольскаго не ослабляли, а усиливали любовь къ свѣту Христову, а опытная любовь передавала свои опыты уму и сообщала мыслямъ его крѣпость и твердость“ ⁴⁾.

Время лишило насъ многого, чѣмъ пастыри наши учили, наставляли, возвышали и укрѣпляли нравственно русскій народъ, страдавшій подъ игомъ татаръ; но изъ дошедшихъ до насъ словъ, посланій, лѣтописей мы видимъ, что связь народа и пастырей была тѣсна, что русскій народъ не переставалъ жить духовною жизнью, ученіемъ церкви, не переставалъ учиться въ школахъ и храмахъ, и этому ученію Русь обязана своимъ спасеніемъ въ рабствѣ, сохраненіемъ самобытности, внутренней

¹⁾ Школа Карла Великаго и Алкуина, его сотрудника, Альфреда Великаго (въ Англіи) Фридриха II (въ Италіи), гдѣ все обученіе шло на Латинскомъ языкѣ, не были школами *народными*. Вообще школы этой эпохи на Западѣ имѣли специальную цѣль — приготовленіе ученаго Латинскаго духовенства. *Artes liberales* были только *ancillae theologiae*.

²⁾ „Книги, говоритъ одинъ изслѣдователь, не могли укротить своего значенія, какъ вмѣстѣ лище религиозныхъ сокровищъ; ученіе книжное не могло не оставаться желанною цѣлю для лучшихъ людей, какъ сообщавшее имъ познаніе вещей божественныхъ, дававшее средство къ религиозному совершенствованію“. *Велич—ій*, Ист. Очеркъ Общ. образ. въ Р. *Пед. Вѣстн.* 1861 г. № 4. Что книги цѣнились высоко, объ этомъ говоритъ фактъ пожертвованія ихъ вкладами въ церкви, причемъ въ надписяхъ похищеніе или утрата книги считались преступленіями, за которыя взыщеть Богъ. Такія надписи встрѣчаются нерѣдко. Такъ на одной, Псалтири 1431 г., данной на поминъ души, пишется: „И кто книгу сію отыметъ, погубить нашу память, самаго его погубить Христомъ, Сынъ Бога живаго“.

³⁾ Число такихъ книгъ въ Монгольскій періодъ значительно. Сюда относятся: *Палея*, *Сказаніе Афродитіаны*, *Книга Еноха*, *Откровеніе Авраама*, *Завѣты 12 патріарховъ*, *Молитва Іосифова*, *Варвономеевы вопросы Богородицѣ*, *Повѣсть о Макаріи Римскомъ*, *Хожденіе Засимы къ Рахманомъ*, *Хожденіе св. Іоанна Богослова*, *Исаака видѣніе*. *Повѣсть о спасенномъ древѣ крестномъ* и др. Все это книги переводныя; но были и русскаго происхожденія: *Громовникъ*, *Болядникъ*, *Китоврасъ*, *Вороноградъ*, *Тихонравовъ*, Пам. отреч. Р. Лит. т. I, 1863 г.

⁴⁾ *Филаретъ*, Ист. Р. Ц. 1888 г. т. II. стр. 58.

силы и единенія среди домашнихъ раздоровъ. Она не сокрушилась, не распалась, не слилась съ иновѣрцами, не измѣнила своимъ завѣтамъ, выдержала тяжкое испытаніе, пришла къ сознанію своихъ силъ, постепенно объединяясь, окрѣпла, явилась мощною, побѣдила враговъ, свергла иго иноземцевъ, и вышла свободною къ исполненію своей исторической миссіи. Все это совершилось силою вѣры и церкви православной, которая просвѣщала народъ свѣтомъ ученія чрезъ своихъ пастырей въ храмахъ и въ училищахъ.

З а к л ю ч е н і е.

Общее обозрѣніе состоянія училищъ и образованія въ Монгольскую эпоху на Руси приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Условія для развитія школъ и образованія въ Монгольскую эпоху были крайне *неблагопріятны*. Города, села, церкви и монастыри, а съ ними и школы, были разрушены; *погибли* богатая *собранія книгъ* при монастыряхъ и церквахъ; народъ разоренъ, лучшіе сыны его пали въ битвахъ. Опустошительная моровая язва довершила бѣдствіе. Къ вѣшнимъ опасностямъ отъ Татаръ, Литвы, Нѣмцевъ и Шведовъ присоединились внутренніе *раздоры князей*, междоусобицы. При такихъ условіяхъ не было мѣста спокойному ходу и развитію просвѣщенія.

2) *Князья*, занятые вѣшной и внутренней борьбой, путешествіями въ Орду, не имѣли времени приложить заботы къ *устроенію школъ*. Образование въ княжескихъ родахъ стало упадать. Между ними уже не было устроителей школъ.

3) Просвѣщеніе народа всецѣло было *дѣломъ духовенства*. Но *положеніе церкви* православной было трудное. Византія приходила къ упадку. Крестоносцы, овладѣвъ Константинополемъ, внесли на Востокъ *латинскій* элементъ, съ которымъ приходилось бороться. Съ Литвы также наступало латинство. Появились *ереси* и внутри Руси. Народъ огрубѣлъ, одичалъ,—требовались особенныя усилія для его нравственного просвѣщенія.

4) Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, *церковь* православная, въ лицѣ своихъ пастырей, *спасла Руси ея духовное просвѣщеніе и „книжное наученіе“*. Какъ единственное образованное тогда на Руси сословіе, *духовенство* не переставало *учить народъ въ храмъ и въ школь*, малыхъ и взрослыхъ, продолжая устроить и поддерживать училища „*на утвержденіе вѣры*“. Между архипастырями этой эпохи были люди высокаго образованія, святой жизни, ревностные просвѣтители, патриоты, самоотверженно служившіе отечеству. Ханскіе ярлыки *обезпечивали* духовенству личную и имущественную неприкосновенность, церковное управленіе и права.

5) Особыя историческія условія постепенно *выдѣляютъ* духовенство изъ другихъ сословій и дѣлаютъ грамотность для дѣтей духовенства *обязательной*, подъ страхомъ лишенія всѣхъ правъ своего званія (*изгойство* безграмотныхъ поповичей). Грамотность составляла необходимую принадлежность *кмира*, и на Руси было достаточно училищъ для его подготовки.

6) Хотя въ лѣтописяхъ свидѣтельства объ *основаніи* школъ скудны, но есть несомнѣнныя свидѣтельства (преимущественно въ житіяхъ святыхъ), что *училища* въ Монгольскую эпоху *существовали непрерывно по всемъ областямъ Руси*, какъ и въ первую эпоху. Училища эти, устрояемые *при церквахъ*, были общедоступны

для *всѣхъ сословій*; обучали въ нихъ *духовныя лица*. О нѣкоторыхъ училищахъ существуютъ свидѣтельства, что въ нихъ обучалось „*ученическое множество*“.

Просвѣщеніе христіанствомъ *Перми* и *устройство* въ этомъ дикомъ и далекомъ краѣ *училищъ* трудами св. Стефана Пермскаго составляетъ свѣтлую и отрадную картину, напоминающую просвѣщеніе Руси св. Владиміромъ.

7) Нѣкоторыя историческія данныя даютъ основаніе предположенію, что въ Монгольскую эпоху на Руси явилось *частное обученіе*—*школы грамоты*, въ коихъ обучали „*книжные людскіе повѣстники*“, „*мастера*“. Училища эти, находясь въ *завѣдываніи духовенства*, подъ его *охраною* и *руководствомъ*, хотя были и ниже церковно-приходскихъ школъ, но удовлетворяли развивавшейся въ народѣ потребности въ *церковной грамотности*.

8) *Монастыри* въ Монгольскую эпоху служили *пріютами просвѣщенія*, гдѣ получали и продолжали свое образованіе пастыри церкви, знаменитые просвѣтительною дѣятельностію иноки и всѣ люди, жаждавшіе книжнаго ученія. При монастыряхъ устроились *книгохранилища*, *списывались* и *переводились* священныя и богослужебныя *книги*, устроились *пріюты для сиротъ*, которыя отъ монастырей питались и вдавались въ книжное ученіе.

9) Такъ какъ школы Монгольской эпохи служили *продолженіемъ* школъ Владиміра и Ярослава, устроились духовенствомъ, которое и обучало въ нихъ дѣтей, то курсъ ученія, духъ и задачи его оставались тѣми же. Въ школы поступали дѣти „*возрасту приспѣвшу*“, отъ 7—10 лѣтъ; обучались *чтенію*, *письму* и *церковному пѣнію*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ *иконописанію*; учебною книгою служила *Псалтирь*. Все обученіе направлено было „на утвержденіе вѣры“.

10) *Идеаль древне-русскаго воспитанія* остался также неизмѣннымъ. Воспитаніе совершалось въ духѣ *евангельской любви*, кротости и страха Божія. Пастыри церкви въ храмѣ и въ школахъ учили любить ближнихъ, помогать бѣднымъ, защищать сиротъ, крѣпко хранить св. вѣру, любить церковь Божию, свято блюсти ея заповѣди, чтить служителей Божіихъ, между собою жить по правдѣ, въ мирѣ и любви, сосѣда не обижать, князю своему быть вѣрнымъ и безропотно переносить несчастія. Ни въ одномъ изъ памятниковъ этой эпохи не упоминается о *жезлѣ и розгѣ*, какъ *средствахъ воспитательныхъ*.

11) Школы церковныя имѣли *плодотворное вліяніе* на Русскій народъ. Приводя дѣтей къ церкви Божіей, онѣ укрѣпляли въ немъ *православіе*, утверждали вѣру, возвышали его *нравственно*, давали ему *духовную пищу*, объединяли его, поддерживали *любовь къ отечеству*, предохраняли его отъ *вреднаго вліянія* „поганыхъ Агарянь“, суевѣрій и нравственнаго растлѣнія. *Духовная литература* Монгольской эпохи не уступаетъ въ количествѣ и качествѣ литературѣ предыдущей эпохи и давала обильный матеріалъ для удовлетворенія любознательности, любви къ чтенію и самообразованію. Такимъ образомъ *школа церковная спасла Руси просвѣщеніе въ самую трудную годину ея испытаній*—въ эпоху ига Монгольскаго.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ НА РУСИ.

ОБРАЗОВАНИЕ И ШКОЛЫ НА РУСИ ВЪ XV—XVII ВѢКАХЪ.

Единая и нераздѣльная Русь Владимірова, въ силу особыхъ историческихъ условій, съ XIV вѣка распадается на *Западную* и *Восточную*. *Юго-Западная* Русь, заключающая въ себѣ Воынь, Галицію, Кіевъ и Подолію, сначала подпадаетъ *Литвѣ*, а потомъ, вмѣстѣ съ Литвой, присоединяется къ Польшѣ. *Восточная* — Московская Русь крѣпнетъ и, достигнувъ единой державы, образуетъ могущественное Государство. Образование и школы Руси Московской развивались свободно, подъ вліяніемъ церкви православной; образование и школы Руси Юго-Западной и Литовской должны были вынести тяжкую борьбу съ латинствомъ, которое стремилось насильственно окатоличить православный русскій народъ и стереть его національность. Поэтому судьбы православной школы на Руси Восточной и Западной въ XV—XVII вѣкахъ не одинаковы и должны разсматриваться *отдѣльно*. И тамъ, и здѣсь основой для школъ русскихъ служило *православіе*, руководительницею ихъ являлась *церковь*, дѣятелями — *духовенство* и крѣпкіе въ вѣрѣ *православные люди*, но разность историческихъ условій положила особый отпечатокъ на школы Руси Западной и школы Руси Восточной. При этомъ школы Руси Юго-Западной имѣли несомнѣнное вліяніе на Московскія школы, особенно XVII-го вѣка (Кіевская ученость и схоластика). Поэтому историческое обозрѣніе школъ данной эпохи мы начинаемъ съ Руси Юго-Западной.

А. Русь Юго-Западная и Литовская.

І. Условія исторической жизни Юго-Западной Руси. Братства. Школы и образование въ XV—XVII вѣкахъ.

Русь Юго-Западная находилась въ особыхъ, исключительныхъ и очень неблагоприятныхъ условіяхъ исторической жизни.

Владиміръ-Воыньскій былъ удѣломъ одного изъ сыновей вел. кн. Владиміра Мономаха. Умный и мужественный кн. Владимірко, захвативъ города Червенскіе (съ стольнымъ Галичемъ—1141), образуетъ обширное княжество Галицкое. Романъ Мстиславовичъ присоединяетъ къ нему Кіевъ. Даніилъ Романовичъ распространяетъ княжество на Подолію, часть Молдавіи, Минскую, Гродненскую и Люблинскую земли.

Такимъ образомъ *Владимірска-Галицкая Русь*, занимая обширныя и плодородныя земли Юго-Западной Руси, образовала могущественное княжество, имѣвшее, повидимому, всѣ задатки политической будущности. Но въ то время, какъ Сѣверо-Восточная Русь, перенося тяжкія испытанія, крѣпла и объединялась подъ властію Московскихъ князей, Юго-Западная Русь не имѣла этой объединяющей силы,—она раздробляется и подпадаетъ власти сперва великихъ князей Литовскихъ, а потомъ и владыкъ Польскихъ, что обрекаетъ страну на борьбу и страданія за вѣру и народность.

Галиція находилась на границѣ иновѣрныхъ земель. Съ Юга Угры, съ с.-запада Литва и Польша служили постоянными источниками опасностей, не только въ политическомъ, но и въ религіозномъ отношеніи. Литва уже въ XIV вѣкѣ образовала могущественное княжество. Ея знаменитые князья Гедиминъ (1315 — 1340), Ольгердъ (1345 — 1377) и Витовтъ (1392 — 1430) создали ея величіе. Овладѣвъ Юго-Западной Русью, Литва стала могущественнымъ государствомъ; оно заключало въ себѣ, кромѣ собственно Литовскихъ земель, Волыни и Подоліи, княжества Полоцкое, Туровское, Кіевское, Смоленское и Сѣверскую землю.

Какъ Юго-Западная Русь, такъ и Литва были изначала земли *православныя*. Владиміро-Волынская земля получила православную вѣру еще при св. Владимірѣ; съ вѣрой, какъ и во всей Руси, получила она и образованіе, и *школы*. Въ областяхъ Галицко-Владимірскаго княжества было пять древнихъ православныхъ епархій — Владимірская, Перемышльская, Холмская, Галицкая и Луцкая ¹⁾. Русь Литовская, получившая христіанство отъ русскихъ, которыми она первоначально была завоевана, также была православною. Только съ отложеніемъ Литвы отъ Руси (въ половинѣ XIII вѣка) здѣсь является католичество; но браки литовскихъ князей съ русскими князьями, распространеніе русскаго языка и постоянныя сношенія съ Русью поддерживали православіе.

Литва, завладѣвъ южно-русскими областями, не тѣснила ни вѣры, ни народности русской; напротивъ, она сама усвоивала ту и другую. Литовская *письменность* еще не существовала, а русская имѣла церковно-славянскія книги, все богослуженіе на родномъ языкѣ, лѣтописи, законодательныя, дипломатическія и судебныя акты, наконецъ и *школу* при церкви. Христіанская вѣра проникла въ Литву чрезъ русскихъ проповѣдниковъ. Русскій языкъ сталъ языкомъ государственнымъ. Такъ было до соединенія Литвы съ Польшей (1386 г.), когда Ягайла получилъ польскую корону, съ клятвеннымъ обязательствомъ привести Литву въ послушаніе Риму.

Самая Польша первоначально тоже была православною. Историческими памятниками несомнѣнно доказывается, что христіанство въ этой странѣ введено было еще при Кириллѣ и Меодіѣ, за 100 л. до крещенія Мечислава (по восточному обряду). Преслѣдованіе и уничтоженіе православія въ Польшѣ началось при Болеславѣ Храбромъ. Народъ любилъ православную вѣру, богослуженіе на род-

¹⁾ Начало христіанства на Волыни историки возводятъ къ временамъ св. Меодія, епископа Моравскаго, посылавшаго проповѣдниковъ въ Силезію, Польшу и Русь. При этомъ паденіе Моравскаго царства въ IX вѣкѣ привлекло православныхъ славянъ изъ Панноніи и на Волынь, гдѣ они являлись проповѣдниками св. вѣры. См. *Карашевичъ П.* „Очеркъ исторіи Православной Церкви на Волыни“. Спб. 1855 г. О православныхъ епископахъ Волыни и Галиціи. *Теодоровича Н.* Историко-статистическое описаніе церквей и приходоу Волынской епархіи. Почаевъ, 1888 г., а также *Петрушевича А.* „Краткое историческое извѣстіе о времени введенія христіанства въ Галицкой Руси“. Львовъ.

номъ языкѣ и школу церковную; латинство было ему противно, и потребовалось много времени и насилія, пока заставили его олатиниться, измѣнить вѣрѣ предковъ и родному языку въ церковномъ богослуженіи ¹⁾). Орудіемъ латинизаціи явились пришлые католики-нѣмцы, къ ученію которыхъ, изъ политическихъ видовъ, примкнули князья и паны. Особенно ревностнымъ распространителемъ католичества въ Русскихъ земляхъ былъ король Казиміръ Великій (1333—1370).

Въ началѣ XV вѣка въ Руси Литовской было 9 православныхъ епархій; но къ этому же времени, въ цѣляхъ пропаганды, учреждено было уже 6 епархій латинскихъ. Православіе преслѣдовалось, какъ политическая измѣна, со всею нетерпимостью и беспощадностію. Оставляя въ сторонѣ политическую исторію Юго-Западной и Латинской Руси и подробности невыносимыхъ преслѣдованій латинствомъ православія и русской народности, скажемъ только, что русскій народъ долженъ былъ вести почти непрерывно тяжелую и непосильную борьбу за свою вѣру съ католичествомъ, представители котораго, пользуясь поддержкою королей и пановъ, дѣйствовали насиліемъ, ложью, обманомъ, угрозами,—*vi et armis*. „Гдѣ не дѣйствовало слово Павла, они пользовались мечемъ Петра“, по выраженію іезуитовъ.

Особенно тяжелыя испытанія православія начались съ призывомъ въ Польшу іезуитовъ ²⁾). Въ 1564 г. ихъ вызвали, по настоянію бискупа Гозіи, въ Польшу, а въ 1569 г.—въ Литву.

Политика іезуитовъ извѣстна. Оставляя пока въ сторонѣ массу, они прежде всего обратили вниманіе на дворъ и высшую аристократію. Они сразу оцѣнили положеніе. Въ литвѣ и Польшѣ народъ былъ подавленъ и безправенъ; шляхта шла за панами, а паны — за дворомъ. Первыми жертвами ихъ пронирыливости въ Литвѣ были знаменитые роды Ходкевичей, Радзивиловъ и Сапѣгъ, измѣнившіе православію. Побѣда іезуитовъ была облегчена тѣмъ, что и раньше (съ XIII вѣка) аристократическая молодежь ѣздила учиться въ заграничныя университеты, гдѣ вліяніе католичества всегда было сильно.

Вторымъ орудіемъ іезуитовъ явились *школы*: Еще въ 1364 г. Казиміръ основалъ въ Краковѣ академію, которая имѣла свои филиальныя колоніи во многихъ мѣстахъ Польши и Литвы (въ Бѣлѣ, Красноставѣ) (Холмскомъ), Ольмѣ (Волинскомъ). На другой же годъ прибытія въ Литву, іезуиты основали въ Вильнѣ коллегію, которую Стефанъ Баторій переименовалъ (1572) въ академію, со всѣми правами и привилегіями университетовъ. Въ 1586 г. въ ней уже было 700 учениковъ. Въ 1571 г. іезуитская коллегія является въ Червонной Руси—въ Ярославѣ; затѣмъ іезуиты открыли свои школы въ Львовѣ, Перемишлѣ, Станиславовѣ и другихъ мѣстахъ.

Іезуитовъ поддерживали короли, папскіе нунціи, бискупы; на сторонѣ іезуитовъ была гражданская власть, громадныя средства: удивительная дисциплина этого ордена и даровитые дѣйствительно его представители (ученый Скарга, Посевинъ) сдѣлали орденъ могучою силою, которую поддерживали также Доминикане,

---

¹⁾ Русская лѣтопись говоритъ, что по смерти Болеслава народъ возмутился противъ латинства: „бѣ мятежъ въ землѣ лядскѣ: вставше люди избиха епископы и попы и бояры и бысть въ нихъ мятежъ“. Полн. Собр. Л. I, подъ 1030 г.

²⁾ Іезуиты были призваны въ Польшу не для борьбы только съ православіемъ, но также съ реформатами, такъ какъ въ это время распространилось въ Польшѣ ученіе кальвинистовъ, соципіанъ, унитаріевъ, антитринитаріевъ и другихъ сектъ.

Францискане, Кармелиты, Базиліане, наводнившіе страну, составлявшіе армию враговъ православія.

Иезуиты старались привлечь въ свои коллегіи юношей знатныхъ родовъ и богачей. Они давали имъ всякія льготы, льстили ихъ суетности, оставляли безъ взысканій ихъ проступки, старались приблизить ихъ алтарю, одѣвая въ стихари, поручая звонить въ колокольчикъ, украшая вѣнками и т. д. Болѣе же всего старались подчинить ихъ волю и совѣсть, пробудить фанатизмъ и ненависть къ православію, презрѣніе ко всему русскому. Быстро іезуиты овладѣли положеніемъ и ряды ихъ пополнялись лучшими туземными силами. Съ Люблинскаго сейма (1569 г.), на которомъ окончательно были присоединены къ Польшѣ Литва, Волынь и Западно-русскія области, начинается рядъ тяжелыхъ испытаній православнаго народа. Официальное употребленіе русскаго языка отмѣняется, дворянство принимаетъ католичество и польскіе обычаи; Брестская унія (1596 г.),—хитрый и коварный замыселъ папизма,—поддерживаемая правительствомъ, составила эпоху въ этой борьбѣ. Цѣль уніи была религіозно-политическая: поляки стремились не только окатоличить издревле-православный русскій народъ, но и стереть его національность¹⁾.

Древніе знаменитые роды православныхъ князей измѣнили вѣрѣ предковъ,—одни изъ политическихъ видовъ, другіе — обманутые лестью и обѣщаніями мира и любви. Таковы князья Чарторыйскіе, Четвертинскіе, Корецкіе, Сангушки. Народъ православный оставался одинокимъ покинутымъ и безпомощнымъ, тѣмъ болѣе, что унія увлекла даже многихъ представителей церкви. Русская церковь, русская народность и православная школа, казалось, были на краю гибели. Но Провидѣніе избрало свой путь для спасенія ихъ. На защиту вѣры и православной школы выступилъ самъ народъ, въ лицѣ *братствъ*, при поддержкѣ восточныхъ патріарховъ.

Православныя братства Юго-Западной Россіи возникли въ половинѣ XV вѣка. Братства эти образовались первоначально среди городскихъ обществъ. Въ Галиціи во Львовѣ — мѣщане, въ Литвѣ, въ Вильнѣ, купцы и ремесленники (кушнари) собрались въ союзы, выстроили себѣ дома для совѣщаній по своимъ дѣламъ и бесѣды. По большимъ праздникамъ они дѣлали складчину, покупали и сытили медъ, который и пили съ гостями; остатокъ меда и воскъ продавали, а вырученныя деньги употребляли на церковное строеніе, на милостыню бѣднымъ, призрѣніе больныхъ, на погребеніе убогихъ покойниковъ. Такъ возникли первыя, такъ называемыя *медовыя*, „братства народа русскаго греческой вѣры“²⁾. Мало-по-малу они получили правильную организацію, выработали свои уставы. Ежегодно избираемые старосты изъ среды братчиковъ завѣдывали братскимъ имуществомъ, имѣли наблюденіе за порядками и дѣлами братства и особенную заботу о потребностяхъ церковей Божіихъ и благотвореніи.

Такъ какъ подобные союзы свободно существовали въ Литвѣ и Польшѣ и, наравнѣ съ другими обществами, пользовались правами собственности, признаніемъ

¹⁾ *Кояловичъ*, Литовская церковная унія. Спб. 1862 г. Его же, чтенія по исторіи Западной Россіи. Спб. 1884 г. изд. 4. Наглядно и живо выражены цѣли уніи въ „*Апелляціи* къ папѣ Льву XIII“ свящ. Наумовича. См. также *А. Хайнацкаго*, Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни. Житомиръ. 1878 г. Обильный историческій матеріалъ о судьбѣ православія на Волыни собранъ въ соч. *Н. Теодоровича*, „Историко-статистическое описаніе Волынской епархіи. Почаевъ. 1888 г.

²⁾ Первыя извѣстія о Львовскомъ братствѣ относятся къ 1453 г., а о Волынскомъ—къ 1458 г.

властей и самоуправленіемъ, то польское правительство безпрепятственно разрѣшало ихъ учрежденіе, не предвидя въ нихъ той силы, какую они получили впоследствии, когда приняли характеръ церковный.

Въ управленіи Западно-русской церкви огромное значеніе имѣло право *патроната*, по которому короли и магнаты въ своихъ имѣніяхъ имѣли право устраивать церкви и монастыри, обезпечивать ихъ средствами (*jus donandi*), избирать настоятелей и священниковъ (*jus praebendi*), охранять и защищать ихъ (*jus patronandi*). Это право патроната въ отношеніи церквей и монастырей на городской землѣ принадлежало городскому обществу, или братствамъ. Такимъ образомъ Львовское, на примѣръ, братство имѣло патронатъ надъ монастыремъ святаго Онуфрія и Уніевскимъ, стоявшими на городскихъ земляхъ. Они были изъяты изъ вѣдѣнія Львовскаго епископа и подчинялись Кіевскому митрополиту. Права эти подтверждались грамотами королей, вмѣстѣ съ другими привилегіями¹⁾. Такія привилегіи и права получило и Троицкое Виленское братство, образовавшееся при Свято-Троицкомъ монастырѣ.

Патронатъ православныхъ братствъ имѣлъ важное значеніе. Онъ дѣлалъ ихъ *самостоятельными* учрежденіями церкви, которыя могли противостать потомъ и мѣстнымъ епископамъ, когда они уклонялись въ унію, и даже королямъ, когда они нарушали свободу вѣроисповѣданій и начинали угнетать православную церковь, какъ это и было впоследствии.

Но полную силу и права въ нравственномъ и церковномъ отношеніи братства получили отъ восточныхъ патріарховъ. Въ 1588 г. прибылъ въ Литву Цареградскій патріархъ Іеремія II. Какъ верховный глава Юго-Западной церкви²⁾, озабоченный ея положеніемъ и будущностью, ясно увидѣлъ, что православная церковь находится здѣсь въ опасности и что братства могутъ составить для нея надежную опору. Въ этихъ цѣляхъ онъ рѣшился дать имъ новое устройство и предоставилъ имъ неслыханныя дотолѣ права, — онъ возвелъ Львовское и Виленское братства на степень *патріаршихъ ставропигій*, то-есть учрежденій, зависящихъ прямо и непосредственно отъ патріарха. Въ то же время онъ утвердилъ для нихъ новые уставы и благословилъ учреждать новыя братства, по образцу Львовскаго, на всемъ пространствѣ Львовской митрополіи и православной паствы. Сигизмундъ III-й вынужденъ былъ утвердить новыя права братствъ грамотой³⁾.

Братства измѣнили свою дѣятельность, они стали „церковными или духовными“. Вмѣсто меду на собраніяхъ является теперь Евангеліе, зажженные свѣчи, молитва и пѣніе подъ руководствомъ братскаго священника; каждое братство имѣетъ свой синодикъ и ларець для сбора пожертвованій на церкви и школы. Частое посѣщеніе богослуженія, строгое соблюденіе заповѣдей и обрядовъ православной церкви, молитвы за братство и за все христіанство, безукоризненная

¹⁾ *Зубрицкій*, Лѣт. Льв. братства, подъ 1522 г. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1849 г. апр.

²⁾ Отдѣленіе южно-русской митрополіи отъ Московской совершилось въ 1416 г., когда Витовтъ, по соображеніямъ политическимъ давно стремившійся къ этому отдѣленію, настоялъ предъ соборомъ южно-русскихъ епископовъ на избраніи Григорія Цамвлака Кіевскимъ митрополитомъ; но митрополія оставалась по прежнему въ вѣдѣніи Константинопольскаго патріарха.

³⁾ *Флеровъ*, О православи. церк. братствахъ. Сиб. 1857 г. стр. 57 и д. Грамота патріарха, Львовскому братству напечатана въ *Чт. Общ. Ист.* 1848 г. № 6.

жизнь—были обязательны для братчиковъ. Проступки противъ вѣры и благочестія судились братствомъ полномочно, отступники отлучались отъ церкви ¹⁾).

Но права братствъ въ этомъ отношеніи были расширены патріархомъ до права наблюдать за церковной жизнью православной паствы всего края, не исключая духовенства и даже епископовъ ²⁾). „Братія, по уставу Львовскаго братства, должны были наблюдать, не отступаютъ ли отъ закона вѣры міряне или духовные при какой-либо церкви или въ иномъ какомъ-либо братствѣ, и если таковые окажутся, то напоминать имъ словесно или письменно, а въ случаѣ неисправления, доносить епископу. Если же и епископъ пойдетъ противъ закона истины и станетъ править церковію не по правиламъ св. Апостоловъ и св. Отцевъ, то такому епископу должны противиться всеѣ, какъ врагу истины“ ³⁾). При этомъ права братства патріархъ охранилъ клятвою за нарушеніе ихъ, отлученіемъ отъ церкви и вѣчнымъ судомъ Божиимъ. Такія полномочія имѣли нравственную и церковную силу для всеѣхъ православныхъ.

Виленское и Львовское братства, имѣя такія права отъ патріарха и привилегіи отъ королей, какъ старѣйшія изъ братствъ, служили средоточіемъ другихъ братствъ, и всеѣ они вмѣстѣ составляли *братскій союзъ* на благо православной церкви, какъ-бы патронать надъ всей православной церковію Юго-Западной Россіи.

Имѣя автономію, наблюденіе надъ духовенствомъ, находясь въ прямыхъ отношеніяхъ съ патріархомъ, братства были грозою для отступниковъ-іерарховъ; на членовъ этихъ братствъ стали смотрѣть, какъ на „старѣйшихъ“ изъ народа русскаго, обязанныхъ защищать права всей націи; представителямъ братствъ дано было мѣсто на сеймахъ, даже на соборахъ.

Къ братствамъ примкнули знатныя русскія фамиліи, не чуждаясь простыхъ людей, въ сѣрыхъ свиткахъ, застѣдавшихъ на собраніяхъ: всеѣхъ соединяло сознание опасности православія и народности русской. Такъ, въ Львовскомъ братствѣ братчиками являются господа Молдавскіе и Валахскіе, князья Острожскіе, Слуцкіе, Олельковичи, Вишневецкіе, Каширскіе, Заславскіе. Высокія цѣли и дѣятельность братствъ привлекли щедрыя пожертвованія деньгами и имуществомъ ⁴⁾).

Сильны были враги православія; но сильны были и братства, они покрыли собою всю Русь Литовскую, объединяя населеніе братскимъ союзомъ въ борьбѣ за вѣру. Гражданскому насилію братства противопоставляли свои права; интригамъ уніатской іерархіи — непосредственныя сношенія съ патріархомъ; дѣятельности іезуитовъ—свои школы и союзы; когда изгоняли братскихъ священниковъ, братства

---

¹⁾ „Когда какой либо братъ будетъ отлученъ братствомъ, чрезъ священника отъ церкви, тогда ни протопопъ, ни епископъ не вправѣ благословить отлученнаго, пока не покорится братству“. Уст. Льв. братства.

²⁾ Самъ Іеремія низложилъ митроп. Кіевскаго и Галицкаго Онисифора Дѣвочку, „двоеженца и вѣры сомнительной“, подозрѣваемаго въ разныхъ преступленіяхъ, склоннаго къ папизму, крайне распущеннаго и вреднаго для церкви.

³⁾ *Макарій*, Ист. Русск. Церкви, т. IX. Со введенія уніи (1596) до 1620 г. западно-русская церковь не имѣла у себя православнаго митрополита и оставалась подъ гнетомъ митрополитовъ уніатскихъ. Только въ 1620 г. былъ поставленъ на Кіевскую митрополію защитникъ православія Іовъ Борецкій патріархомъ.

⁴⁾ О средствахъ братствъ можно судить по тому факту, что одно Виленское братство въ первые 25 л. по введеніи уніи израсходовало на борьбу съ нею 200,000 флоринновъ. *Макарій*, Ист. Русск. Цер. т. IX. Братства имѣли каменные дома, фольварки, бани, доходныя аренды.

находили новыхъ; назначали униатскаго епископа, братства противились ему и не принимали въ свою среду. Когда польское правительство, увлекаясь фанатизмомъ, попирало всѣ права, преслѣдовало, заключало православныхъ въ тюрьмы, братчики стояли за нихъ, а при невозможности отстоять, противопоставляли насилію силу христіанскаго терпѣнія и безбоязненно шли на истязанія, поруганія, какъ мученики первыхъ временъ христіанства. Когда вельможные братчики измѣняли вѣрѣ и покидали братство, оно еще тѣснѣе сплочивалось и крѣпко стояло за вѣру.

Братское знамя, которое обносилось обыкновенно по братчикамъ для созыва собранія, стало знаменемъ православія и русской народности. Въ тяжкое смутное время, когда Западно-Русская іерархія наполнилась униатами, православные храмы разграблялись, запечатывались, отдавались жидамъ на откупъ, тѣла умершихъ православныхъ выбрасывались съ надалью, когда измученные, преслѣдуемые, ограбляемые православные падали духомъ и, страха ради, исповѣдывали ненавистную унию, — въ это страшное время испытаній одни братства остались непричастными измѣнѣ, не пали духомъ, но „говорили слово Божіе съ дерзновеніемъ и имѣли одно сердце и одну душу“. Братскія посланія, братская проповѣдь, братская школа — все это было запечатлѣно духомъ беззавѣтной любви и преданности святой вѣрѣ и всему родному, русскому, православному ¹⁾).

Дѣятельность братствъ имѣла историческое значеніе и представляетъ обширный матеріалъ, изложеніе котораго не входитъ въ задачу нашего труда; мы остановимся только на просвѣтительной сторонѣ этой дѣятельности.

Православныя братства спасли южно-русскому народу *школу церковную*. Полномочія въ этомъ дѣлѣ братства получили прямо отъ патріарха, который предписалъ имъ заводить школы и типографіи, въ цѣляхъ охранить чистоту православія. Въ школахъ должны были обучаться даромъ дѣти членовъ братствъ и сироты; въ типографіяхъ должны были печататься книги, потребныя для церкви и обученія. Чтобы возвысить значеніе братскихъ школъ, патріархъ только однимъ братствамъ предоставилъ право воспитанія православнаго юношества, только братскія школы были признаны имъ законными общественными школами ²⁾).

Братства дѣятельно и энергично выполняли завѣтъ патріарха, и рядомъ съ школами и типографіями іезуитскими являются школы братскія, покрывающія весь край. Такимъ образомъ исторія церковной школы Юго-Западной и Литовской Руси въ эпоху XVI—XVII вѣковъ есть собственно *исторія братскихъ школъ*.

Пока православіе не подвергалось опасности, школы въ этомъ краѣ, какъ и во всей Руси, устроивались при церквахъ и были приходскими. Свѣдѣній объ этихъ школахъ сохранилось мало; но мы знаемъ, что въ числѣ князей Галицкихъ и Волынскихъ были люди образованные, начитанные, покровители наукъ и образованія, — о нихъ сказано было въ своемъ мѣстѣ. Курсъ этихъ школъ былъ не обширенъ, но удовлетворялъ цѣли. Братскія школы поставлены были въ другія условія. Имъ приходилось состязаться съ образованіемъ іезуитскихъ школъ, назначаемыхъ для пропаганды папизма и для высшихъ сословій.

Поэтому въ школѣ Львовскаго братства, открытой еще по благословенію Антиохійскаго патріарха Іоакима (1586 г.), по уставу ея, обучали не только чтенію

¹⁾ О подвигахъ и страданіяхъ братчиковъ см. у *Кояловича*, „Лѣт. церк. униѣ“, т. II; *Макарія*, *Ист. Русск. Церк.* т. X; *Флерова*, О православныхъ братствахъ. О значеніи братствъ—*Можаровскаго* въ Воронеж. епарх. вѣд.; *Мальшевскаго*, Труды Кіевской Акад. за 1878 г.

²⁾ *Флеровъ*, О православныхъ братствахъ, стр. 107.

и письму, но и грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, латинскому и греческому языкамъ, арифметикѣ, музыкѣ; но больше всего евангелію, книгамъ апостольскимъ, а также пасхалии, церковному пѣнію, учили дѣтей страху Божию и обязанностямъ въ отношеніи къ родителямъ и другимъ людямъ. Въ числѣ учителей, а потомъ и ректоровъ этой школы былъ знаменитый Іовъ Борецкій, впоследствии митрополитъ Кіевскій. О немъ въ одной рукописи пишется, что онъ „бѣ благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языкъ добръ умѣвый и тѣхъ языковъ инья въ школахъ учивый и учащихся студентовъ всякими потребамъ довольствовавый“¹⁾. Изъ учителей Львовскихъ извѣстенъ также Гавріиль Дорошеевичъ своими переводами съ греческаго. Первымъ начальникомъ училища былъ Еласонскій митрополитъ Арсеній, по назначенію патріарха. Такое назначеніе само собою подняло авторитетъ училища и придало ему первенствующее значеніе. За Львовскимъ братствомъ шли другія.

Гдѣ учреждалось братство, тамъ возникала и братская школа, бесплатно обучавшая дѣтей.

Въ училищѣ Виленскаго братства при Троицкомъ монастырѣ преподавался греческій, латинскій и русскій языкъ. Ипатій Поцѣй отнялъ Троицкій монастырь у братства, тогда оно съ училищемъ перешло въ Свято-Духовскій монастырь, гдѣ продолжало свою плодотворную дѣятельность. Лишенное средствъ и возможности завести типографію, оно печатало нужныя ему книги то въ Евю, помѣстьѣ князей Огинскихъ, то въ Вильнѣ.

Въ Минскѣ было 7 братствъ. Сохранились свѣдѣнія о школѣ Петропавловской, устроенной по образцу Львовской.

Гедеономъ, еп. Львовскимъ, основано училищѣ въ Стрятинѣ; здѣсь была типографія, въ которой печатались книги²⁾.

Въ 1597 году Могилевское братство основало школу въ Могилевѣ, гдѣ и другое братство тоже имѣло школу³⁾.

Православныя братства Виленскія имѣли школы въ Вильнѣ, въ Мстиславѣ, въ Росѣ (предмѣстьѣ Вильны)⁴⁾.

Въ 1572 г. братская церковная школа была въ Туровѣ. Въ 1577 г. основана школа во Владимірѣ на Волыни⁵⁾.

Въ 1633 г. братства Пинское, Богоявленское, Минское, Петропавловское и Николаевское получили дозволеніе завести школы.

Въ 1589 г. Братство Кіевской Богоявленской церкви открыло школу въ Кіевѣ⁶⁾. Братство это патріархъ Іерусалимскій Теофанъ утвердилъ грамотою; Па-

¹⁾ П. Вихуль, Кіев. митроп. Іовъ Борецкій. Подол. епарх. вѣд. 1894 г. № 24 и слѣд.

²⁾ Филаретъ, Русск. Церк. Ист. т. IV, стр. 128.

³⁾ Тамъ же, стр. 131.

⁴⁾ Макарій, Ист. Русск. Церк. т. IX.

⁵⁾ Макарій, Ист. Русск. Церк. т. IX, стр. 410.

⁶⁾ Вопросъ о времени основанія Кіево-Братской школы является спорнымъ. Митроп. Евгений и первые историки Кіевской Академіи Макарій и Аскоченскій, относятъ его къ 1589 г., т. е., ко времени пребыванія патр. Іереміи II въ Кіевѣ; а другіе — Максимовичъ, Малышевскій, Голубевъ — считаютъ началомъ достовѣрной исторіи школы 1615 г., когда Гулевичъ внесла богатый фундушъ для устроенія монастыря и школы. Первымъ ректоромъ ея былъ Іовъ Борецкій. См. Голубева, Ист. Кіев. Дух. Акад. I, гл. 1, а также Приб. къ Твор. св. Отцевъ, 1841 г. кн. 1. Малышевскій и Голубевъ подвергаютъ вопросъ о началѣ Кіевской академіи обстоятельному разбору.

тріархъ Іеремія снова утвердилъ его своею властію. Кіево-братская школа развившаяся вполсѣдствіи въ Коллегію и Академію, имѣла громадное вліяніе на просвѣщеніе не только Западной, но и Восточной Руси, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Іовъ Борецкій, состоя ректоромъ Кіево-братской школы и священникомъ Воскресенской церкви, открылъ въ собственномъ домѣ приходскую школу, самъ обучалъ школяровъ и лучшихъ изъ нихъ содержалъ своимъ коштомъ ¹⁾. Быть можетъ, многіе изъ православныхъ священниковъ также трудились, обучая дѣтей въ домахъ своихъ. Предположеніе это имѣетъ вѣроятность потому, что простые сельскіе священники, вмѣстѣ съ паствою, были самыми ревностными защитниками православія и народа русскаго, выносили невѣроятныя истязанія отъ враговъ ихъ и не оставляли назидать и учить свою паству, укрѣпляя ее въ православіи.

Въ 1617 г. Луцкое братство св. Креста учредило училище, въ которомъ преподавались греческій и славянскій языкъ, грамматика, церковный уставъ, риторика и діалектика ²⁾.

Замѣчательно по своей дѣятельности было Острожское училище (на Волыни). Князья Острожскіе были вѣрными и могущественными защитниками православія. Князь Константинъ Ивановичъ († 1533 г.), по отзыву Курбскаго „былъ свѣтлымъ въ правовѣрныхъ догматахъ и во всякомъ благочестіи сіяющимъ“. Крѣпкій въ православіи ³⁾, занимая высокое положеніе, онъ пользовался своею силою и вліяніемъ на пользу православнаго народа, — строилъ церкви, монастыри, учреждалъ типографіи и заводилъ школы при церквахъ и крѣпко отстаивалъ права православія и народности въ Литовско-русскомъ княжествѣ. Латинство, несмотря на всѣ усилія его представителей, не могло распространиться и укрѣпиться въ его княжествѣ. Умеръ онъ 70 лѣтъ (1533 г.), оплакиваемый народомъ. Сынъ его Константинъ былъ достойнымъ преемникомъ славнаго отца ⁴⁾.

Онъ учредилъ въ *Острогѣ* высшее православное училище (*академію*), гдѣ получали образованіе защитники вѣры и народности русской, сначала подъ наблюденіемъ извѣстнаго ученостію Кирилла Лукариса ⁵⁾, а потомъ Герасима Смотрицкаго, отца Мелетія, который тоже былъ учителемъ въ этой школѣ. Здѣсь обучались славянскому, греческому и латинскому языку и „свободнымъ наукамъ“. О важномъ значеніи этой школы для православія имѣется свидѣтельство отъ враговъ его. Іезуитъ Поссевинъ писалъ, что кн. Острожскій имѣетъ типографіи и школы, „которыми давно и широко поддерживалась схизма“, то есть православіе. Кромѣ

¹⁾ *Закревскій*, Описаніе Кіева, стр. 517. *Макарій*, Ист. Кіев. Акад., стр. 20.

²⁾ *Филаретъ*, Ист. Русск. Церк. т. IV, стр. 130.

³⁾ Папскій легатъ писалъ о немъ папѣ: „Кн. Острожскій такъ приверженъ къ греческой церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что ни на волосъ отъ нихъ не отстуетъ. Будучи дома благочестивѣ Нумы, онъ на полѣ брани не уступаетъ въ храбрости Ромулу. По единогласному свидѣтельству всѣхъ, онъ во всемъ безукоризненъ; при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ, онъ имѣетъ одинъ только недостатокъ — онъ русскій и схизматикъ: но это какъ бы по ошибкѣ принято имъ отъ родителей. Если бы мнѣ удалось привести сего князя въ лоно католической церкви, то примѣръ его увлекъ бы множество народа: такъ велико его вліяніе на соотечественниковъ“.

⁴⁾ Хотя онъ и подписалъ на Люблинскомъ сеймѣ 1596 г. актъ политической уніи Литвы съ Польшею, но противился уніи церковной и всегда былъ ревностнымъ защитникомъ православія.

⁵⁾ Бывшаго потомъ патріархомъ Константинопольскимъ. По наущенію іезуитовъ, этотъ великій ревнитель православія былъ утопленъ въ морѣ 1638 г.

Острожской школы, кн. Константинъ основалъ училище и типографію въ Дерманскомъ монастырѣ; пожертвовалъ землю въ Туровѣ, „чтобы школу держать“.

Къ концу XVI в. мы находимъ братства въ Замостьѣ, Оршѣ, Пинскѣ, Брестѣ, Бѣльскѣ, Кобринѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и не только въ городахъ, но въ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ учреждались и школы. Арх. Филаретъ пишетъ, что „всѣ эти братскія училища, особенно Кіевское, оказали много услугъ св. православной церкви; они приготовляли достойныхъ священниковъ, просвѣщенныхъ архипастырей, ревностныхъ защитниковъ православія“¹⁾. И дѣйствительно, въ числѣ воспитанниковъ этихъ школъ мы находимъ имена знаменитыя, каковы: Іовъ Борецкій, Леонтій Карповичъ, Исаія Копинскій, Лаврентій Зизаній, Петръ Могила, Кириллъ Транквилионъ, Мелетій Смотрицкій, Епифаній Славинецкій, лексикографъ Памва Берында, Исаія Трофимовичъ, Сильвестръ Косовъ, Іоанникій Голятовскій, Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, Захарія Копыстенскій, Тарасій Земка, Іоаннъ Максимовичъ, Адамъ Зерникавъ, Іоаннъ Витенскій и др. Все это люди высокихъ дарованій, обширной учености, ревностные защитники православія, оставившіе по себѣ память въ потомствѣ. Хотя Мелетій Смотрицкій и омрачилъ свою славу временнымъ переходомъ въ унию, но возвратившись въ православіе, онъ оставилъ по себѣ много почтенныхъ трудовъ. Эти писатели и проповѣдники составляли обличенія противъ католичества и протестантства, писали апологіи православія, дѣлали переводы, писали учебники, иные прославились какъ ораторы, и вообще оставили обширную литературу.

Братскія *типографіи* дѣйствовали съ рѣдкою энергіей. Типографія одного Львовскаго братства за время своего существованія успѣла выпустить 300,000 печатныхъ изданій различныхъ церковныхъ и учебныхъ книгъ²⁾.

Нужды церкви и школы были велики. Іезуиты не щадили средствъ на изданія. Они портили православныя богослужебныя книги и, въ цѣляхъ пропаганды латинства и униі, старались наводнить церкви и школы своими изданіями. Братства поняли эту тактику и сами усиленно издавали книги. Кн. Острожскій издалъ (въ 1581 г.) библію; въ типографіяхъ печатались бугослужебныя книги. Въ исправленіи ихъ особенно трудились Гедеонъ Львовскій и Петръ Могила³⁾. Типографіи Львовская, Виленская, Могилевская, Заблудовская и Луцкая печатали въ громадномъ количествѣ Евангелія, Апостолы, Псалтири, Часословы, Требники, Тріоди и рассылали эти изданія бесплатно по бѣднымъ церквамъ и монастырямъ. Въ книгахъ была крайняя нужда. Первоначально богослужебныя книги печатались къ Краковѣ, гдѣ тогда были православныя церкви; въ 1491 г. изданы были псалтирь, часословъ, шестодневъ, тріоди. Въ 1517 г. докторъ Скорина (изъ Полоцка) издалъ Библію⁴⁾. Но эти изданія были рѣдки. Начавшееся печатаніе церковныхъ книгъ на Москвѣ (1551 г.) было пріостановлено. Печатникъ Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Мстиславецъ должны были бѣжать,—они пріютились въ Литвѣ—сперва у Хоткевича, въ Заблудовѣ, гдѣ напечатали Евангеліе учительное (1569) и Псалтирь (1570), потомъ Мстиславецъ въ Вильнѣ, гдѣ завелъ типографію, а Ѳеодоровъ въ Львовѣ, откуда потомъ былъ вызванъ въ Острогъ, гдѣ напечаталъ Псалтирь, Новый Завѣтъ и

¹⁾ *Филаретъ*, Ист. Русск. Церк. т. IV, стр. 133.

²⁾ *Флеровъ*, О правосл. брат., стр. 118.

³⁾ *Филаретъ*, Ист. Русск. Церк. т. IV, стр. 135 и дал.

⁴⁾ *Чистовичъ*, Очеркъ Ист. Западно-Русск. Церк. 1882 г., стр. 217 и дал.

Библию. Такимъ образомъ русскіе первопечатники послужили дѣлу православія въ Юго-Западной Руси. Обиліе церковно-богослужебныхъ книгъ, издаваемыхъ братствами, удовлетворяло насущной потребности народа и церкви.

Но такъ какъ и школы братскія требовали *учебниковъ* и пособій, дабы не учиться по книгамъ іезуитскимъ, то братства широко удовлетворяли и этой нуждѣ. Они печатали азбуки, буквари, грамматики, пособия по изученію краснорѣчію, словари, ариѳметики, книжки для чтенія—преимущественно апологетическаго и обличительнаго характера. Между прочимъ, въ братскихъ школахъ впервые началась разработка грамматики церковно-славянскаго языка ¹⁾. Вышедшая во множествѣ изданій грамматика Мелетія Смотрицкаго въ теченіе почти вѣка считалась образцовымъ произведеніемъ, которому слѣдовали составители грамматикъ позднѣйшихъ.

Такимъ образомъ братства давали нескучную духовную пищу народу православному и школѣ.

Плодотворная дѣятельность православныхъ братствъ оказала неисчислимыя заслуги церкви и народу русскому, подавленному на Западѣ силою чуждой ему цивилизаціи и религіи. Братства выработали идеаль религіознаго служенія родинѣ на началахъ православной вѣры и народности. Въ трудную годину испытаній братская школа сохранила народу воспитаніе и образованіе юношества въ церковномъ духѣ. Школа эта, поддерживаемая народомъ, стойко выдержала напоръ сильныхъ враговъ и сохранилась до того времени, когда единоплеменная и единовѣрная Восточная Русь приняла ее подъ свое покровительство и когда „отторгнутые насиліемъ соединились любовію“ съ своей родной матерью.

II. Воспитаніе и обученіе въ братскихъ школахъ Юго-Западной и Литовской Руси.

Братскія школы возникли въ борьбѣ православныхъ за вѣру и народность. Вступая въ борьбу съ папизмомъ и іезуитизмомъ, братства должны были бороться ихъ же оружіемъ. Поэтому *курсъ* братскихъ школъ выходилъ за предѣлы обычной школы церковной. Слѣдуя примѣру школъ латинскихъ, братства, кромѣ чтенія, письма, пѣнія и изученія молитвъ и слова Божія, вводили въ свои школы обученіе греческому и латинскому языкамъ, грамматикѣ языка славянскаго, риторикѣ, диалектикѣ и ариѳметикѣ; Кіево-братская же школа, послѣ преобразования ея Петромъ Могилой, стала въ разрядъ высшихъ богословскихъ учебныхъ заведеній. Но этотъ курсъ не былъ одинаковъ во всѣхъ школахъ. Такъ, въ Львовской, Луцкой и Кіевской школахъ онъ былъ болѣе полонъ, а въ другихъ — сокращенъ. Несмотря на это, онѣ оставались школами *церковными*. При этомъ, такъ какъ братства продолжали поддерживать тѣсную связь съ Греціей, откуда они получили первыхъ заправителей школьнаго дѣла, то вслѣдствіе этой связи развилось *еллино-славянское* образованіе, и самыя школы иногда назывались греко-славянскими не только на западѣ, но и на востокѣ Руси. Изученіе греческаго языка не оскудѣвало въ школахъ; по мѣстамъ даже причетники обучались ему и пѣли по гречески ²⁾.

¹⁾ Львовское братство издало одну изъ первыхъ словено-еллинскихъ грамматикъ въ 1591 г. „Грамматика сложена отъ различныхъ грамматикъ спудеями, иже въ Львовской школѣ. Въ друкарни братской“. Такъ какъ учебники братскихъ школъ перешли потомъ въ Русь Московскую, то обозрѣніе этой литературы будетъ представлено въ исторіи школъ Руси Московской.

²⁾ *Зубрицкій*, Лѣтоп. Львовскаго брат. стр. 8.

На братскихъ школахъ отразился нѣсколько духъ Запада. XV — VII вѣка составляли эпоху возрожденія наукъ въ Западной Европѣ. Нѣкоторые изъ дворянъ православныхъ слушали науки въ Краковѣ, въ Прагѣ, въ Ольмюцѣ и др. мѣстахъ. Возвращаясь домой, они привозили понятія объ организаци и ученіи школъ западныхъ. Все это могло вліять и на братскія школы; но ихъ спасало отъ полной подражательности сознаніе прямыхъ задачъ братскихъ школъ и то обстоятельство, что братскія школы завѣдывались и управлялись *духовенствомъ*. Братства имѣли *церковный* характеръ, и священники занимали въ нихъ первенствующее положеніе. Это подтверждаютъ уставы братствъ. Такъ, въ первомъ пунктѣ устава Луцкаго братства, утвержденнаго Вселенскимъ Патріархомъ Кирилломъ, пишется: „*Пресвитеръ* церкви ихъ (братій) *отъ рукъ паствырства нашего, избравъ* четырехъ старшихъ братій, имѣеть учредить съ ними засѣданіе; и когда кто въ братское общество ихъ вступить пожелаетъ, имѣеть объявить о себѣ братству чрезъ того же *пресвитера*; и если онъ согласится на всѣ нижеписанныя правила, тогда долженъ цѣловать честный крестъ изъ рукъ *пресвитера* и руку іерейскую“ ¹⁾. Жалобы на братчиковъ приносятся „*пресвитеру*, какъ *старшему*, который властію паствырства нашего (т. е. патріарха) долженъ подвергнуть его законному наказанію“ ²⁾.

Такимъ образомъ патріархи грамотами ввѣряли священнику власть управленія и суда въ братствахъ, при чемъ, какъ уже сказано, уставы охранялись клятвами патріарха ³⁾.

Поэтому духовенство являлось *руководителями* братскихъ школъ по уполномочію вселенскихъ патріарховъ, по желанію и согласію братствъ, а не самоволіемъ или происками. И духовенство стояло на высотѣ своего призванія. Поэтому же, хотя школы братскія и приняли нѣкоторыя *формы*, курсъ и организацию школъ западныхъ, но крѣпко сохранили духъ и направленіе православія.

Иезуитскія школы, съ ихъ стройною организацией и удивительною дисциплиной, въ сущности основаны были на лжи, фарисействѣ, фанатизмѣ (*qui non parista—est satanista* было любимымъ изреченіемъ Гозія), недовѣрїи и вѣщности. Но справедливость требуетъ сказать, что они достигали своихъ цѣлей мастерски, тѣмъ болѣе, что иезуитскій пробабиллизмъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ „*ad majorem Dei gloriam*“. Систематически и преднамѣренно приучая новиціатовъ къ выдержкѣ и разнаго рода лишеніямъ, путемъ нравственнаго и физическаго искуса, иезуитизмъ воспитывалъ въ ученикахъ терпѣливость, спокойствіе, самообладаніе. Новиціатъ приучался систематически подавлять въ себѣ человѣческія чувства и движенія сердца, онъ привыкалъ быть безропотнымъ орудіемъ чужой воли. Для этого служили такъ-называемыя *exercitia spiritualia*, цѣль которыхъ состояла въ отверженіи своей воли, сужденія. Упражненія эти точно регулировались, назначалось определенное время, когда обязательно нужно размышлять (*meditationes*) о грѣхѣ, когда о страшномъ судѣ, когда объ искупленіи, когда объ адѣ и т. д. При точномъ испол-

¹⁾ Памятники, изд. Врем. Комисс. 1848 г. т. I, стр. 40.

²⁾ Тамъ же, стр. 41 п. 2 устава.

³⁾ Такъ, патріархъ Кирилль, утвердивъ Луцкій братскій уставъ, пишетъ: „Весь тотъ вышеписанный уставъ Смиреніе Наше о Духѣ Святомъ постановивши, укрѣпляемъ и утверждаемъ нашею соборною грамотою, заповѣдуя, чтобы ни одно лицо ни изъ свѣтскаго сословія, ни изъ *начальства духовнаго*, подъ страхомъ *проклятїя* не отваживалось быть противникомъ его... Каждый таковой да будетъ отъ всей вселенской церкви и отъ Смиренія Нашего проклятъ и непощень—доколѣ въ раскаяніе не приидеть. Тамъ же, стр. 53.

ненію росписанія такихъ упражненій, требовалось имѣть самое строгое вниманіе къ каждому движенію мысли. Новиціаты приучались видѣть въ начальникѣ земного бога, безусловнаго распорядителя собою, а себя считать трупомъ, палкою (*bacula, sicut cadaver*) въ рукахъ его. Въ школахъ было учреждено взаимное, систематическое шпіонство другъ за другомъ. Въ школахъ ставились алтари и производились постоянныя службы и моленія. Исповѣдь служила средствомъ овладѣть совѣстію новиціата и управлять ею по произволу. Чаше всего заставляли размышлять о предметахъ, потрясающихъ душу, — о мученіяхъ, объ адѣ, о казни за невѣріе и особенно иновѣріе и даже сочувствіе къ схизмѣ; въ опредѣленный часъ обязательно назначалась молитва „со слезами“, хотя бы насильственными, по преимуществу молитва о томъ, чтобы Господь нещадно каралъ Своихъ враговъ, противниковъ латинской вѣры (*supplicationes*), для болѣе совершенныхъ назначались бичеванія, сѣченія (*flagellationes*), до изнуренія силъ. Родство, дружба, пріязнь тщательно вытравливались изъ души; личная жизнь совершенно подавлялась. При этомъ внушалась внѣшняя благовоспитанность, мягкость и вкрадчивость въ обращеніи, рѣчь размѣренная, поступъ ровная, скромность и даже убогость въ одеждѣ.

Таковъ воспитательный идеалъ іезуитскихъ школъ. Образование у іезуитовъ было блестяще по обилію предметовъ, по внѣшности, но односторонне и ненаучно. Они преподавали въ школахъ богословіе, философію и особо діалектику, ораторство, піитику, латинскій, греческій и мѣстный языки, исторію, математику, музыку, но все согласно только съ своими цѣлями фанатической пропаганды папизма. Напримѣръ, Священное Писаніе, отеческія творенія изучались только какъ подборъ текстовъ для доказательства главенства папы и правильности догматовъ римской церкви. Аристотель, Альваръ и Аквинатъ служили также для доказательства истинности латинскихъ доктринъ и превосходства ихъ предъ иновѣріемъ. Къ этой же цѣли направлены были публичныя и домашніе диспуты и ученическія представленія, діалоги, на которыхъ происходило всегда пораженіе (словесное) противниковъ папизма, причемъ мнѣнія ихъ извращались, доказательства искажались намѣренно. Постоянныя религіозныя церемоніи, праздники, іезуитскія торжества поддерживали въ учащихся настроенность, какой добивались іезуиты. Учебники, составленные іезуитами (напр. Канизиємъ, Суарецомъ, Толедо) отличались отсутствіемъ безпристрастія и правды, а иногда намѣленною ложью, гдѣ требовалось выставить заслуги папизма. Изученіе классиковъ заключалось въ томъ, что послѣ усвоенія грамматики (Альвара) ученики затверживали наизусть множество фразъ и сентенцій, подобранныхъ искусно іезуитами въ своихъ цѣляхъ. Рѣчь воспитанника іезуитской школы пересыпалась цитатами Горація, Цицерона, Овидія и даже Гомера и давала высокое понятіе объ ораторахъ, хотя въ сущности эти „цвѣты“ краснорѣчія были пустоцвѣтомъ. Схоластика находила здѣсь свой пріютъ и имѣла широкое примѣненіе. Истинной науки въ школахъ іезуитскихъ не было и она даже преслѣдовалась, ибо не было правды во всемъ ихъ ученіи, хоть оно награждалось высокими учеными дипломами и правами. Но благодаря іезуитской дисциплинѣ, изъ школы выходили люди, готовые умереть за папизмъ; яростные, безпощадные фанатики; хитрые, вкрадчивые, пронырливые дѣятели, не останавливающіеся ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей и сильныя сплоченностію и дисциплиной.

Таково было воспитаніе и обученіе въ іезуитскихъ школахъ, и съ такими дѣятелями приходилось бороться скромной, правдивой православной школы братской.

Духъ православія охранилъ ее отъ лжи іезуитизма. Школа братская отсталась простою, почти семейною школою народною, проникнутою теплою, сердечною религіозностью, взаимнымъ довѣріемъ и любовію. Нигдѣ такъ ярко не обнаруживается противоположность латинства православію, какъ въ воспитаніи и обученіи въ школахъ.

Въ братскихъ школахъ богатые и бѣдные не различались, всѣ одинаково жили, всѣ одинаково приводились къ истинѣ. Дѣти воспитывались въ святой вѣрѣ не для внѣшнихъ цѣлей, не для пропаганды, а ради спасенія души; воспитывались не для того, чтобы угнетать другихъ, но чтобы самимъ остаться крѣпкими въ вѣрѣ, до готовности пострадать за нее. Для этихъ цѣлей православные соединялись въ братства, этимъ цѣлямъ служила и школа. „Мы, свѣтскія братія церковнаго братства, пишется въ „порядномъ постановленіи“ Луцкаго братства, собравшись, и по апостольски во взаимности любви духовно соединясь² на служеніе матери нашей церкви и нашему собственному спасенію, и къ твердѣйшей и вѣрнѣйшей безопасности и оборонѣ, разсудили“... Такъ какъ оба члены тѣла Христовой церкви, ни свѣтскіе безъ духовныхъ, ни духовные безъ свѣтскихъ, въ служеніи человѣческому спасенію не могутъ быть совершенно и вполнѣ удовлетворительны, то мы и вступили въ единство любви и равенство чести,—ибо всѣ мы одно во Христѣ Іисусѣ“¹).

Въ достиженіи цѣлей религіозно-нравственнаго воспитанія учащихъ братская школа не употребляла средствъ искусственныхъ, но обращалась къ тѣмъ, какія употребляетъ церковь. На первомъ мѣстѣ—неопустительное посѣщеніе богослуженія, принятіе св. таинствъ, благоговѣйная молитва. Въ уставѣ Луцкой школы пишется: „Такъ какъ все добро должно начинаться отъ Бога, притомъ каждый ученикъ, между свободными науками (межи науками вызволенными) прежде всего долженъ учиться тому, что ведетъ его ко спасенію; то постановляемъ, чтобы въ каждый воскресный и каждый святой день, по обыкновенію празднуемый церковію, именно, въ праздники Господскіе, Богородичные и Апостольскіе и въ другіе дни, во храмѣ при богослуженіи, то-есть, на вечерни, утрени на божественной литургіи и опять на вечерни присутствовали *всѣ*, не исключая никого и не смотря ни на какія причины, кромѣ болѣзни. И тамъ стоя со страхомъ божіимъ, какъ на небѣ, со всевозможною тишиною внимать молитвамъ и поученіямъ. Тоже и въ простые дни, опредѣленные лица, которымъ, по составленному списку, пріидеть очередь, такимъ-же образомъ должны ходить въ церковь“²).

Въ § 11-мъ устава пишется: „Если кто хочетъ утвердиться въ мудрости, тотъ непремѣнно долженъ имѣть общеніе и единеніе съ Предвѣчною Мудростію, то-есть, съ Сыномъ Божіимъ, посредствомъ частаго причащенія тѣла и крови Его. Почему набожнѣйшимъ изъ нашихъ учениковъ совѣтуемъ, чтобы они наичаще, то-есть, если можно, въ каждый Господскій праздникъ и въ каждый постъ принимали исповѣдь

¹) Памяти, изд. Врем. Комисс. стр. 56.

²) „Права школы греко-латинско-словенской Артикулы“. § 10. Въ „Памятникахъ, изд. Временной Комиссіей для разбора древнихъ актовъ“ (изд. 2. 1818 г.) напечатаны два устава братской Луцкой школы, съ подстрочнымъ ихъ переводомъ, которымъ мы пользуемся, дабы не обременять читателя чтеніемъ словяно-бѣлорусскаго не всѣмъ понятнаго текста той эпохи. Уставы относятся къ 1624 г. Такъ какъ Луцкая школа явилась позднѣе другихъ братскихъ школъ, но по образцу ихъ, причемъ пользовалась и ихъ уставами, то организацію Луцкой школы можно признать типичною для братскихъ школъ вообще.

и св. причастіе; а болѣе безопаснымъ и слабымъ, и всѣмъ вообще приказываемъ, чтобы во всѣ четыре годовые поста, именно: въ Великій — въ началѣ весны, въ Петровъ — въ началѣ лѣта, въ Спасовъ — въ началѣ осени и въ Филипповъ — въ началѣ зимы, каждый изъ нашихъ учениковъ (спудеевъ), отбывши надлежащимъ образомъ исповѣдь передъ священникомъ, котораго назначить старшій (священникъ), содѣлался достойнымъ причастникомъ Пречистыхъ Таинъ“.

Ученіе начиналось молитвою: „Поутру всѣ, сошедшись въ назначенный часъ (на годину назначенную), не должны начинать ученія, пока не прочтутъ молитвъ и обычнаго наставленія“ (предисловіе обычны) ¹⁾.

Суббота посвящалась повторенію уроковъ за недѣлю и особенно религіозному наставленію, въ виду предстоящаго праздника. „Послѣ обѣда въ субботу, пишется въ ст. 14 устава, учитель обязанъ не малое время, и гороздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, *бесѣдовать* съ дѣтьми, поучая ихъ *страху Божию* и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть *въ церкви* предъ Богомъ, *въ домъ* — предъ родными своими, и какъ имъ *вездѣ* сохранить добродѣтель и цѣломудріе, то-есть, предъ Богомъ и святыми Его почитаніе и страхъ, предъ родными и учителемъ (даскаломъ) послушаніе, предъ всѣми вообще покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель“.

Праздникъ долженъ былъ проводиться по христіански, въ слушаніи богослуженія и духовномъ назиданіи: „Въ воскресеніе и въ праздники Господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ или святомъ днѣ и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное евангеліе и апостоль. Ибо сказано: Блаженъ, иже въ законѣ Господни поучается день и ночь“ (ст. 15 уст.).

Весь строй братской школы проникнутъ былъ религіозностью, но эта религіозность, искренняя, простая, безыскусственная, исходящая отъ души, правдивая и основанная на уставахъ церкви, была совершенно чужда іезуитизма.

Никому въ братской школѣ не дѣлалось предпочтенія, богатые и бѣдные, знатные и простые, даже сироты и убогіе содержались и воспитывались одинаково, — всѣ дѣти, и всѣ призывались къ царству Христову, а къ сиротамъ даже предписывалось особенное вниманіе. Въ 4 ст. устава пишется: „Богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности (плотію) равны всѣ. Ибо всѣ мы братія во Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа, и ни одинъ членъ, на примѣръ, глазъ рукъ и рука ногъ, не можетъ сказать: „ты мнѣ не нужна“.

Ст. 5: „Учитель долженъ и *учить* и *любить* дѣтей *всѣхъ одинаково*, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія. Учить ихъ, сколько кто по силамъ научиться можетъ — только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ (только не пилнѣй одинаго, ниже другого учить). Ибо сказано: „просящему у тебе дай и хотящему у тебя занять, не отврати“. И еще: „Богъ хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити“.

Самыя школы строились на пожертвованія всѣхъ православныхъ ²⁾, всѣмъ онѣ и должны были служить. Духъ ея выражается въ основныхъ правилахъ, гдѣ гово-

¹⁾ Памятники, стр. 103. Ст. 8 втор. уст.

²⁾ Такъ Луцкая школа основана „иждивеніемъ и заботою мѣшанъ Луцкихъ русскаго рода, святаго исповѣданія Греческаго, и пожертвованіями *всѣхъ* православныхъ христіанъ, какъ духовнаго сословія, такъ и особъ княжескихъ, господскихъ и дворянскихъ и *всего простаго народа*, даже и до убогихъ вдовницъ“. „Памятники“, стр. 96. Школы іезуитскія не могли о себѣ этого сказать.

рится, что греко-русская школа устроилась „по стародавнимъ обычаямъ и правиламъ святыхъ отецъ исповѣданія Греческаго“, то-есть, по обычаямъ, завѣщаннымъ отъ временъ Владиміра святаго, устроителя церковной школы на Руси. Братская школа устраивалась, „чтобы восполнить недостатокъ надлежащаго ученія, подвигнуть людей нерадивыхъ, а противникамъ (вѣры) заградить уста; дабы отселѣ, съ прекращеніемъ злобы, воспріяло начало благихъ дѣлъ и по всей братіи распространилось спасеніе: измѣненіе бо злобы начатокъ есть во спасеніе; близъ бѣды спасеніе“. Не о враждѣ, а о мирѣ, объ утоленіи злобы, о любви заботилась школа; не фанатизмъ, а терпимость и твердость въ вѣрѣ воспитывала она въ учащихся: какъ это далеко отъ задачъ школы іезуитской.

Отъ учителя братской школы требовались прежде всего нравственныя качества, чистая вѣра, добрая жизнь. Требованія эти изложены въ 1-й ст. устава школы. „Даскаль или учитель сей школы долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиреномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не интльивъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ (т. е., человекъ легкомысленный, вызывающій смѣхъ пустыми рѣчами), не басносказатель (враль), не пособникъ ересей; но споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляющій собою *образецъ* благихъ дѣлъ. Въ такихъ добродѣтеляхъ пребываютъ и ученики, какъ ихъ учитель“.

Дисциплина іезуитскихъ школъ отличалась суровостью. Розги и бичъ, угрозы и страхъ служили въ нихъ воспитательными средствами, которыя взяты были изъ западныхъ школъ латинскихъ. На западѣ развился даже культъ розги. Въ честь ея были праздники. Въ извѣстное время дѣти всѣхъ школъ извѣстной мѣстности собирались, подъ руководствомъ учителей, шли за городъ, въ рошу, гдѣ нарѣзывали розги, связывали ихъ въ пучки, пѣли въ честь ихъ пѣсни и съ торжествомъ возвращались домой, при чемъ каждый родитель спѣшилъ заготовить праздничными розгами, пучекъ которыхъ вѣшалъ въ своемъ домѣ, на страхъ и напоминаніе дѣтямъ. Отсюда почитаніе розги перешло въ польскія школы, гдѣ составлялись въ честь ихъ стихи, которыя помѣщались въ азбукахъ.

Но дисциплина братскихъ школъ была чужда жестокости, и не на розгѣ, а на добромъ воспитаніи и примѣрѣ утверждалась она. Наказанія въ школахъ допускались, но только въ крайнихъ случаяхъ и съ осмотрительностію. Въ школьномъ уставѣ пишется (ст. 2): „А учитель, взявъ порученное ему дитя, долженъ заботливо учить его полезнымъ наукамъ; за непослушаніе наказывать (карать, взыскивать), но *не тирански*, а наставнически; не сверхъ мѣры, но по силамъ, не съ буйствомъ, а *кратко* и тихо, не только мірски, но и выше мірскаго (выше мірскихъ), И чтобы онъ, по своей небрежности, зависти и лукавству, не остался виновнымъ *ни за одного* ученика предъ Богомъ Вседержителемъ, а также передъ родственниками ученика и передъ нимъ самимъ, если бы отнял у него время и занялъ его чѣмъ инымъ. Ибо сказано: „лукавый рабе и лѣнивый, подобаше ти вдати сребро мое торжникомъ и пришедъ азъ, взяхъ бы свое съ лихвою“. И еще: „иже щадить жезль, ненавидитъ сына своего“¹⁾. Въ основу дѣятельности учителя полагается сознаніе нравственнаго долга и отвѣтственности за ввѣренныхъ ему дѣтей предъ Богомъ и людьми.

Ходъ обученія въ школахъ по уставу излагается такимъ образомъ: „школы словенской ученіе начинается такъ: сперва научаются *складывать буквы*; потомъ

¹⁾ Памятн. изд. Врем. Комис. стр. 100.

обучаются *грамматикъ*, притомъ учатся *церковному порядку* (уставу), *чтенію, пѣнію*. Также приучаютъ ежедневно, чтобы дѣти одинъ другаго спрашивали *по гречески*, а отвѣчали бы по словенски; и также чтобы спрашивали *по словенски*, а отвѣчали бы на простомъ языкѣ. Вообще они не должны между собою разговаривать на одномъ *простомъ* языкѣ, но на словенскомъ и греческомъ. И такимъ образомъ учатся, приступая къ высшимъ наукамъ: къ *діалектикъ* и *риторикъ*, которыя переведены *по словенски*. На русскомъ языкѣ написаны діалектика, риторика и другія *философскія* сочиненія, принадлежащія школѣ¹⁾. По ст. 12-й „учитель обязанъ учить учениковъ и на *письмъ* имъ предлагать: отъ святаго Евангелія, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія святыхъ отецъ, отъ философовъ, поэтовъ, историковъ и прочая. Елика бо преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася“. Курсъ ученія довольно обширенъ, но онъ былъ согласованъ съ тѣми потребностями, какія вызывала защита церкви православной отъ латинства. Православные должны были пользоваться въ защитѣ тѣмъ оружіемъ, какими пользовались и враги.

Братскія школы имѣли правильную *внутреннюю организацію*. Вступленіе въ школу требовало соблюденія нѣкоторыхъ условій. „Каждый, кто вступаетъ въ школу для обученія, пишется въ уставѣ, явившись къ ректору, съ его дозволенія, присматривается сначала три дня къ ученію и порядку, а бѣдный—и къ содержанію, не бывъ еще допущенъ вполне ни къ какому школьному занятію. Это для того, чтобы успѣшно начавъ, не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія; ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ курсъ,— и только съ такимъ условіемъ будетъ принятъ“.

Значитъ, братская школа была школой *для всѣхъ* и школой *свободною*; обязательнымъ являлось только полное прохожденіе курса для тѣхъ, кто поступилъ въ школу. „Такъ присмотрѣвшись, если кто не захочетъ вступить, отходить съ благословеніемъ; а если согласится на порядокъ и правила наши, то долженъ объявить старшему, по распоряженію котораго, внести въ школьную кружку 4 гроша, будетъ записанъ *пентархомъ* въ большой школьный списокъ и такимъ образомъ зачисляется въ ученики“.

Новичекъ поручается старшимъ (пресвитеромъ) особому руководителю, съ требованіемъ полного *послушанія*, но „добровольно, безъ всякаго принужденія и ропота, какъ человѣку, который обязанъ наставлять его и учить всему приличному и полезному“. Ибо, говорится въ объясненіе этого требованія, „если добродѣтель послушанія имѣетъ цѣну въ ремеслахъ самыхъ низкихъ и притомъ первѣйшую; то тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ, которыя всѣ прочіи науки, искусства и ремесла далеко превышаютъ“²⁾.

При этомъ не было стѣсненія въ выборѣ специальности въ занятіяхъ. „Такъ какъ въ школѣ учатся разнымъ языкамъ и наукамъ и опредѣлены часы, въ какіе чему должно учиться; то каждый, поступивши въ школу, и не могши вскорости узнать ни наукъ, которые здѣсь преподаются, ни того, къ какой онъ способенъ, долженъ просить совѣта у начальника школы; за какую науку ему взяться. И что онъ, сообразивъ его лѣта, наклонность и способности, посоветуетъ ему, за то съ охотой и долженъ приняться“. Судя по этому, въ братскихъ школахъ, при обшир-

¹⁾ Памяти., стр. 115.

²⁾ Памятники, стр. 84.

ности ихъ курса, не всѣ ученики проходили всѣ науки, но по выбору. Это относится, конечно, не къ грамотности и церковнымъ предметамъ, а къ языкамъ и высшимъ занятіямъ.

Въ другомъ уставѣ говорится о приѣмѣ въ школу: „когда кто-либо приходитъ къ учителю, приводя и отдавая въ науку сына и другихъ (sic), то долженъ взять съ собою одного или двухъ сосѣдей, да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь; и сдѣлать съ учителемъ условіе о наукѣ и о всемъ порядкѣ по уставу. И долженъ прежде всего быть прочитанъ ему тотъ уставъ, дабы зналъ, какимъ образомъ будутъ учить его сына и чтобы не препятствовалъ ему въ соблюденіи установленнаго порядка, но всѣми мѣрами *содѣйствовалъ* дѣтямъ въ наукѣ приводя ихъ въ послушаніе учителю, какъ истинный отецъ, желающій видѣть утѣшеніе и благой плодъ трудовъ“.

Здѣсь, при свободѣ поступленія въ школу, является желаніе установить тѣсную связь между нею и семьей и въ семьѣ находить помощь школьному ученію и воспитанію. Видится и довѣріе къ народу,—ему предоставляется свобода выбрать, что онъ считаетъ лучшимъ для дѣтей. Поучительный примѣръ и для нашего времени.

Школа дѣлилась на *группы*, причемъ за основаніе дѣленія приняты слова апостола: „Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ; яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смысляхъ, егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая“. Къ первой группѣ относились дѣти, которыя учились распознавать *буквы* и *складывать* (словъ познавати и складати); къ второй группѣ причислялись тѣ, которые учились *читать* и *выучивать наизустъ* разные уроки; въ третьей группѣ обучались, которые пріучались *объяснять* читанное, *разсуждать* и *понимать* (читаючи выкладати, разсуждати и разумѣти) ¹⁾.

Это дѣленіе, очевидно, принадлежало младшему классу школы, собственно „русской школѣ“. Здѣсь видится систематическая послѣдовательность въ занятіяхъ и разумный способъ обученія въ переходахъ отъ легкой степени къ трудной. Распределеніе группъ и занятій таково, что оно годилось бы и для нашего времени.

Въ школахъ былъ установленъ строгій порядокъ во времени и въ занятіяхъ.

„Сходиться въ школу мальчики должны были въ определенное время,—въ „большіе дни“ чтобы всѣ были къ 9-му часу, а въ „меньшіе“,—какъ установить учитель. И отпускать ихъ послѣ ученія домой—также въ определенннй часъ; ибо сказано: все да совершается во славу Божию и въ подобное время“ (ст. 6). Въ классъ всѣ должны приходиться въ пору (въ часъ приходити). Сидѣть во время занятій всѣ должны тихо, безъ разговоровъ, шептаній, перемигиванья и переходовъ другъ къ другу (з тихостію вшеліякою, безрозмововъ, и шептовъ, миговъ); каждый, сидя на своемъ мѣстѣ, долженъ слушать, уразумѣвать и замѣчать все, что учитель будетъ *читать*, *разсказывать* и *диктовать* (читати, повѣдати и диктовати); стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное передать подобно учителю (жебы все слышанное подобне учителю выразити). При этомъ строго запрещалось носить въ классъ посторонніе предметы (военные снаряды, инструменты для разныхъ ремеслъ и т. под.), могущіе отвлекать учениковъ отъ дѣла и развлекать во время классныхъ занятій: „такъ какъ наши ученики, пишется въ уставѣ, кромѣ наукъ и добродѣтели ничему учиться не будутъ, то предостерегаемъ, чтобы они не имѣли у себя

---

¹⁾ Памятники, стр. 103.

для сихъ двухъ предметовъ никакого препятствія (жадной препоны). Строго запрещалось также ученикамъ имѣть у себя иновѣрческія и еретическія книги (не маюють—книжекъ иновѣрскихъ и геретитскихъ), за чѣмъ долженъ имѣть старшій учитель (протодидаскаль) особенное наблюденіе ¹⁾.

Въ классѣ садиться долженъ былъ каждый на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначаеомъ по успѣхамъ: кто больше будетъ знать, тотъ долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма бѣденъ былъ (бы и барзо нищъ былъ); а кто меньше будетъ знать, долженъ сидѣть на низшемъ мѣстѣ (ст. 3 втор. уст.).

Каждое утро учитель долженъ тщательно наблюдать, чтобы если какой мальчикъ не явится, тотчасъ же послать за нимъ и узнать причину, по которой не пришелъ: не занялся ли игрою; не залѣнился ли дома; не спалъ ли сверхъ мѣры (надъ потребу) и потому не пришелъ въ школу. Обо всемъ этомъ должно разузнать и привести его. Ибо написано: „овѣхъ страхомъ и нуждею спасайте“ (ст. 76 т. уст.). Опаздывать въ школу и прежде времени выходить изъ нея строго запрещалось. Если же случилась бы какая важная причина для отсутствія, или опозданія, или ухода, то надо было объявить это учителю, и отъ него, ради нужды своей, испросить позволеніе. „Ибо кто опоздаетъ, или разъ не будетъ въ школѣ, строго будетъ наказанъ; а кто два дня безъ разрѣшенія (не оновѣдне, не увѣдомивъ) пропуститъ, не будетъ принятъ въ школу“ (ст. 7 перв. уст.).

По утру, послѣ молитвъ; прежде всего каждый долженъ рассказать (мовити) свой вчерашній урокъ и показать свое писаніе, что написалъ дома и *изложеніе* урока своего (выкладъ науки своей); а потомъ должны учиться по частямъ (дроблѣ) псалтири или грамматикѣ, съ разборомъ (з' розвіязованіемъ) и инымъ полезнымъ наукамъ, какъ усмотритъ на то время учитель, сообразно съ потребностію (ст. 10).

Послѣ обѣда мальчики, каждый для себя, должны *списывать* на таблицѣ свои уроки, заданные имъ учителемъ, исключая малолѣтнихъ, которымъ учитель самъ обязанъ писать. Выучивъ въ школѣ трудныя слова (научившись о трудныхъ словѣхъ), ученики должны другъ друга спрашивать (спытовати); отходя домой, или собираясь въ школу. А вечеромъ, придя изъ школы домой, дѣти—передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики живущіе на квартирахъ,—передъ своимъ хозяиномъ, должны прочесть тотъ урокъ, который учили въ школѣ, съ объясненіемъ его (зъ выкладомъ), какъ то дѣлается обыкновенно въ школѣ (по обычаю науки школьное). А что учили въ тотъ день, должны списать вечеромъ на дому, принесть въ школу поутру и показать своему учителю, дабы плодъ ученія былъ извѣстенъ (ст. 11 вт. уст.).

Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіе недѣли. И должны учиться *пасхали* и лунному теченію и *счету* и *вычисленію* (личбы и рахованія) ²⁾ и правиламъ церковнаго пѣнія (ст. 13).

О церковномъ пѣніи братства прилагали особенныя заботы. Въ постановленіяхъ объ общежитіи братскомъ въ Луцкомъ монастырѣ мы находимъ такую статью: „такъ какъ пѣвчіе принадлежатъ къ внѣшней церковной красотѣ (до позверховой церковной оздобы належатъ), то мы (братство), и того, чтобы игумень содержалъ на общемъ столѣ *протопсалта*, то есть, старшаго пѣвца, и школьнаго учителя; и о другихъ отрокахъ *способныхъ къ пѣнію* заботился бы огечески, и если окажутся

¹⁾ Памятники, стр. 86, 89.

²⁾ Памятники изд. Врем. Комисс. стр. 67 и дал.

такіе отроки, то представлялъ бы ихъ намъ и совмѣстно съ нами старался бы о ихъ продовольствіи. А для смотрѣнія за всѣми тѣми отроками и за всею школою (она была въ монастырѣ) и для наблюденія за ихъ порядкомъ, игумень съ братією имѣютъ выбрать изъ среды себя способнаго на то ректора, который, не требуя за науку никакой платы, долженъ повседневно наблюдать за исполненіемъ обязанностей, какъ учителями, такъ и учениками, и въ каждые четыре недѣли производить испытаніе, чему научатся; дабы молодые годы порученныхъ имъ дѣтей напрасно не тратились, за что учителя должны дать отвѣтъ Богу“. Повидимому, школа эта при монастырѣ и возникла ради ученія отроковъ, способныхъ къ цѣлю,—такъ высоко цѣнилось это искусство.

Въ школахъ были *дежурные* или очередные ученики, по два или по четыре въ каждую недѣлю. Обязанности ихъ состояли въ томъ, чтобы пораньше придти въ школу, подмести ее, затопить печку и сидѣть у дверей, чтобы знать обо всѣхъ, кто входитъ и выходитъ. На нихъ лежала обязанность наблюдать за поведеніемъ учениковъ, и если кто не учится, шалить, безчинно стоять въ церкви, или идя домой, ведетъ себя неприлично, такихъ записывать и доносить о нихъ начальству (ст. 16 уст.).

Учитель и братія, строители школьные, обязаны были напоминать родителямъ о ихъ дѣтяхъ, а хозяевамъ — о порученныхъ стороннихъ ученикахъ, чтобы дѣти *дома* поступали согласно съ установленнымъ порядкомъ ученія въ школѣ, и держали себя, какъ благовоспитанные. Все, что могло вредить ихъ образованію, подвергалось разслѣдованію, и если бы случилось, что учитель своимъ нерадѣніемъ, или родственники хозяина — безпорядкомъ жизни мѣшали ученю и доброму поведенію учениковъ, то виновные подлежали отвѣтственности (ст. 18 уст.).

Еслибы самъ учитель, или кто изъ учениковъ, оказался виновнымъ въ нетерпимыхъ проступкахъ, такой удаляется. „Да не соблазните, сказалъ Спаситель, ни единого отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ во имя мое. Ибо учитель, будучи самъ нарушителемъ заповѣдей Господнихъ, какъ можетъ другихъ сохранить въ чистотѣ и наставить на пользу? Самъ Господь сказалъ: Не можете добрѣ глаголати зли суще. И еще: Всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ и во огнь вметають“ (ст. 20 уст.).

Вообще заботы о добромъ воспитаніи учащихся въ братскихъ школахъ стояли на первомъ планѣ, и къ охранѣ его принимались всѣ мѣры.

Между прочимъ, ученикамъ строго воспрещалось входить въ какія-нибудь денежныя сдѣлки, ни въ училищѣ, ни внѣ его, запрещалось закладывать, покупать, торговать, продавать безъ вѣдома учителя, и такія дѣла въ уставѣ прямо называются кражей (крадежемъ) (ст. 6).

Въ одной статьѣ (8) говорится, что никто изъ учениковъ не долженъ выносить за школьный порогъ то, что говорится или дѣлается въ школѣ. Правило это, вѣроятно, вызвано шпіонствомъ іезуитовъ, которые пользовались всякимъ случаемъ, чтобы дѣлать доносы правительству на православныхъ.

Одно выраженіе устава даетъ предполагать, что въ школѣ были „субботники“, какіе бывали въ Малороссіи еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія и даже позднѣе. Именно, сказавъ, что дѣтямъ въ дни субботніе дѣлаются наставленія, уставъ говоритъ: „и сіи наставленія должны быть снова внушаемы дѣтямъ“ (и тые речи снова вливаны въ дитинку быти мають) и затѣмъ прибавлено: „для чего не будетъ имъ мѣшать и *памятнаго по школьной чаши испивать*. Ибо написано: любяй сына при-

лежнѣ наказуеть, а не любяй щадить жезла“ (ст. 14). Можно думать, что это испиваніе „школьной чаши“, если оно было, заимствовано отъ школъ латинопольскихъ.

Школьные уставы даютъ намъ полную и живую картину быта, воспитанія, ученія и порядковъ братскихъ школъ. Изъ предложеннаго ихъ очерка видно, что школы эти, при правильной организаціи, совсѣмъ не походили на школы іезуитскія, а были чисто-русскими православными, народными школами. Хотя организація ихъ развилась подъ вліяніемъ школъ западныхъ, но онѣ сохранили духъ православной церковности и достигали благихъ цѣлей ихъ учрежденія и оказали великія услуги православію и русской народности въ тяжелой борьбѣ съ католицизмомъ.

Нельзя однакоже сказать, что братскія школы избѣгли совершенно вліянія школъ латинскихъ, польско-католическихъ. Это вліяніе обнаружилось особенно на школахъ братскихъ, достигавшихъ высшаго развитія, какова, напримѣръ, школа Кіево-братская, послѣ преобразованія ея Петромъ Могилой. „Могила, получившій западно-европейское образованіе, былъ недоволенъ еллино-славянскимъ направлениемъ русскихъ школъ; онъ всталъ за другую, увлекавшую его образованность — іезуитскую съ ея всемірнымъ латинскимъ языкомъ и всеоружіемъ схоластики. Окруживъ себя дружиною молодыхъ ученыхъ, такихъ же воспитанниковъ латинскихъ западныхъ школъ, онъ преобразовалъ Кіевскую братскую школу по образцу іезуитскихъ коллегій и ввелъ въ нее преобладаніе латинскаго схоластическаго элемента“¹⁾. Это преобразованіе братской школы вызвало противъ него шумные и грозные протесты какъ противъ измѣны національному дѣлу. Но Могила отстоялъ свою реформу, и по своимъ взглядамъ заводилъ школы въ другихъ мѣстахъ²⁾. Ученость въ этихъ школахъ возвысилась, но латинская образованность не обошлась даромъ. Вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ внѣдрялась и латинская мысль, усвоивалось и схоластико-латинское воззрѣніе на догматы. Схоластическая діалектика обратила живую проповѣдь въ школьно-риторскія упражненія³⁾. Проповѣдники стремились „блистать краснорѣчіемъ“ и тою „тщетною“ ученостью, которою славились іезуиты.

Такъ какъ школы юго-западной Россіи имѣли вліяніе на школы Руси Московской, то и послѣднимъ пришлось вести борьбу съ латино-схоластическимъ направлениемъ (во второй половинѣ XVII в.). Съ Запада же появилось на Руси и риѣмство, которымъ особенно славился Симеонъ Полоцкій и его послѣдователи.

---

¹⁾ Проф. *Знаменскій*, Духовныя школы въ Россіи. Казань, 1881 стр. 4.

²⁾ Могила былъ человекъ замѣчательной учености и рѣдкой энергіи. Въ актѣ 1631 г. онъ, заявляя о недостаткѣ образованія южно-русскихъ священниковъ, какъ митрополитъ рѣшается восполнить ихъ образованіе заведеніемъ новыхъ школъ. Могилянскія школы вызвали одобреніе даже противниковъ. Такъ врагъ православія Саковичъ пишетъ о школахъ Кіевской и въ Гушчѣ, что „еслибы въ нихъ не преподавалось еретическихъ наукъ и отщепенства, то современемъ имѣли бы чѣмъ утѣшить Русь“. Архіеп. *Антоній*, „Гомил. I. Голятовскаго“. Изъ исторіи христ. пропов. изд. 2. стр. 374.

³⁾ Теофанъ Прокоповичъ называетъ Польскія гимназіи „фабриками испорченнаго краснорѣчія“. Въ основѣ этой „новой“ проповѣди лежали общія мѣста (*loci topici*), причѣмъ ораторъ, „отрѣшавшійся отъ всякой живой и исторической дѣйствительности, держался только за голыя логическія схемы и отвлеченныя логическія приемы, разлагая общее понятіе, находящееся въ темѣ, на частныя и видовыя“. Такія проповѣди могли быть произносимы, съ нѣкоторыми измѣненіями, на любой день и праздникъ. Архіеп. *Антоній*, Изъ ист. древн.-русс. проп., стр. 376. Въ ст. „Гомилетика Іоан. Голятовскаго“ весьма обстоятельно изложена эта порча русской проповѣди вліяніемъ іезуитизма.

Прослѣдивъ исторію церковной школы юго-западной Руси, мы видимъ, что школа эта, явившись вначалѣ элементарной, постепенно развивается въ высшую форму общеобразовательной школы, сохраняя въ то же время духъ церковности и религіозно-нравственный характеръ воспитанія. То же явленіе замѣчаемъ мы и въ исторіи церковной школы XV—XVII вѣковъ Руси Восточной.

Б. Русь Восточная.

I. Школы и просвѣтительныя мѣры на Руси Московской въ XV—XVI вѣкахъ.

XV вѣкъ считался доселѣ вѣкомъ крайняго упадка просвѣщенія на Руси. Полагалось такъ, что Монгольское иго почти заглушило его начатки и привело русскій народъ въ состояніе одичанія и невѣжества; только кое-гдѣ оставались жалкіе проблески прежняго просвѣщенія, при чемъ историки ссылались на извѣстное посланіе Геннадія, Архіепископа Новгородскаго, свидѣтельствующее будто бы объ отсутствіи школъ въ Новгородской землѣ, прежде столь славной просвѣщеніемъ; на свидѣтельство Стоглава объ упадкѣ школъ; на отзывы иноземцевъ, посѣщавшихъ въ то время русскую землю.

Такого взгляда держится Соловьевъ. Основываясь на посланіи Геннадія. Лавровскій находитъ, что училища наши съ XV вѣка пришли въ полный упадокъ; при рѣшительномъ недостаткѣ средствъ получить какое-либо образованіе, говоритъ онъ, явилось гибельное убѣжденіе, что образованія нельзя и получить: „земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздо былъ грамотѣ“. Историкъ находитъ утѣшеніе только въ томъ, что „объединеніе Руси имѣетъ важное значеніе для исторіи древне-русскихъ училищъ: правительственныя распоряженія, имѣвшія силу для всего пространства русскаго, должны были отличаться большею дѣйствительностію и вносить единство въ самое образованіе“¹⁾.

Хмыровъ говоритъ, что „образовательная дѣятельность на Руси Ивана III-го пала ниже того уровня, на которомъ она находилась даже подъ ярмомъ Татарскимъ²⁾“, причемъ замѣчаетъ, что „главная причина упадка русскаго просвѣщенія въ XV вѣкѣ лежитъ въ системѣ дѣйствій тогдашняго Московскаго правительства, цѣли котораго, своекорыстно-политическія, были совершенно чужды дѣлу народнаго образованія, даже книжнаго“. Имѣя въ виду посланіе Геннадія Новгородскаго, митр. Макарій говоритъ: „первый взглядъ на духовное просвѣщеніе и литературу этого періода не встрѣчаетъ почти ничего утѣшительнаго: всѣ средства къ просвѣщенію находились у насъ въ жалкомъ состояніи“³⁾.

Филаретъ высказываетъ прямо безотрадный взглядъ на образованіе этой эпохи, опять таки ссылаясь на Геннадія⁴⁾.

Отзывы иностранцевъ, приводимые обыкновенно для доказательства упадка школъ и образованія на Руси въ эту эпоху, представляютъ Русь безграмотною⁵⁾.

¹⁾ Лавровскій, О древн.-русс. училищахъ стр. 9.

²⁾ Хмыровъ, Учил. на Руси до Петровской, періодъ IV. Нар. шк. 1869 г. № 7.

³⁾ Макарій, Ист. Русск. Церк., т. VII, стр. 108.

⁴⁾ Филаретъ, Ист. Русск. Церк. II, стр. 134 и д.

⁵⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что отзывы эти—Фаёра, Кобенцеля, Поссевина, Одеборна, Маржерета относятся къ XVI вѣку и началу XVII-го. См. Собраніе этихъ отзывовъ у Макарія, Ист. Русск. Церк. VII, стр. 108 и д. Въ этихъ отзывахъ, какъ увидимъ далѣе, есть много противорѣчій.

Только проф. Лешковъ и Соболевскій смотрятъ не такъ безотрадно на образованіе Руси въ XV вѣкѣ.

Такъ какъ исходною точкою установившагося взгляда на эту эпоху является посланіе Архіепископа Новгородскаго Геннадія къ митрополиту Симону, то надлежитъ внимательнѣе разобратъся въ этомъ памятникѣ, который при томъ же считается классическимъ и заносится во всѣ хрестоматіи и учебники по русской исторіи ¹⁾.

Вотъ текстъ этого посланія. „Да билъ есми челомъ Государю вел. князю, чтобъ велѣлъ училища учинити; а вѣдь язъ своему Государю воспоминаю на его же честь да и на спасеніе; а намъ бы просторъ былъ: занеже вѣдь толко приведутъ кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одни октеніи учити, да поставивъ его, да отпушаемъ боржае (скорѣе), и научивъ, какъ ему божественная служба совершати: ино имъ на меня ропту нѣтъ. А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему Апостоль дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, а язъ ему велю псалтырю дати и онъ и потому одва бредеть, и язъ ему оторку (откажу) и они извѣтъ творять: земля, господине, такова, не можемъ добыти кто-бы гораздъ грамотѣ“. „Ино-де вѣдь то всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого-бы избрати на поповство. Да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй де и, господине, вели учити; и язъ прикажу ихъ учити октеніи; и онъ и къ слову не можетъ пристати; ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучився мало азбуки, да просятъ прочь, а и не хотятъ ее учити. А инымъ вѣдь силы книжные немощно достати, толко же азбуку границу и съ подтительными словы выучити, и онъ силу познаетъ въ книгахъ велику; а они не хотятъ учитись азбукѣ, хотя и учатся, а не отъ усердія; и онъ живетъ долго; да тѣмъ-то на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія, а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. А язъ того для бью челомъ Государю, чтобъ велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеньемъ то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, Государемъ нашимъ, а своимъ дѣтемъ Великимъ Княземъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити. А мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ: первое азбука граница, истолкована совсѣмъ, да и подтительные слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякыя книги. А се мужики невѣжи учятъ робятъ да рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтренья также, а и свыше того; а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидеть, и онъ ничего не умѣетъ, толко-то бредеть по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ. Толко-жъ Государь укажетъ псалтырю съ слѣдованіемъ изучити да и все, что выше писано, да что отъ того укажетъ имати, ино учащимся легко, а сякъ не смѣютъ огурятится. А чтобы и поповъ ставленыхъ велѣлъ учити, занеже то неродѣніе въ землю вошло; и толко послышать то учащіяся, и они съ усердіемъ примутъ ученіе. А нынѣ у меня побѣтали ставленики четыре: Максимка, да Куземко, да Овонаска, да Омельяно мясникъ, а тотъ съ недѣлю не поучився, ступилъ прочь съ нимижъ. А и православны ли тѣ будутъ“.

¹⁾ Посланіе это, помѣщенное въ Актахъ Историческихъ (т. I, № 104), относится Археогр. Комиссіей къ 1496—1504 году.

Картина печальная; но смыслъ ея далеко не тотъ, какой обыкновенно придаютъ ей толкователи, принимающіе какъ *фактъ* даже оправдательное выраженіе— „извѣтъ“ „мужиковъ-невѣждъ, стремящихся въ поповство: „земля, господине, такова, не можетъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ“, хотя здѣсь же Геннадій замѣчаетъ, что мужики эти—*излаяли*, выбрали, оболгали землю, оправдывая свое невѣжество. Прежде всего надо имѣть въ виду лице писателя и условія вызвавшія его посланіе. Архіепископъ Геннадій былъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени. Онъ извѣстенъ, какъ составитель полнаго списка библіи, который высоко цѣнятъ ученые изслѣдователи (Горскій, Буслаевъ, Соловьевъ); при высокомъ образованіи, онъ былъ не только ревнителемъ просвѣщенія, но и сильнымъ обличителемъ еретиковъ. Гдѣ получилъ Геннадій образованіе? Конечно, въ школѣ церковной (другихъ и не было).

Въ тревожное и тяжелое время пришлось дѣйствовать Геннадію. Въ Новгородѣ появилась ересь жидовствующихъ ¹⁾. Эта ересь имѣла быстрое распространеніе и увлекла многихъ ²⁾ Появленіе этой ереси вызвало небывалое оживленіе въ духовномъ мірѣ того времени. Первымъ борцомъ явился Геннадій, но онъ былъ одинокъ. Онъ видѣлъ, что для противодѣйствія этой ереси недостаточно однихъ внѣшнихъ средствъ; нужно учительство, нужно образованіе и притомъ такое, которое дѣлало бы защитниковъ православія способными діалектически, потонку, опровергать лжеучителей. Въ самой церковной средѣ образовались партіи ³⁾ шли споры. Все это волновало и тревожило Геннадія. Опасенія за паству естественно вызывали у него желаніе имѣть достойныхъ священниковъ и въ приходскихъ церквахъ. Простая, наивная вѣра, достаточная для спасенія, была безмолвною передъ тонкими софизмами кривотолковъ Писанія. Видя, что дѣйствительность неудовлетворяетъ новымъ требованіямъ отъ пастырей, онъ старался поднять ихъ образованіе. Что Геннадій предъявлялъ очень высокія требованія къ священникамъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ установленныя имъ испытанія кандидатовъ священниковъ. Въ Степенной книгѣ говорится: „И хиротонисаше (Геннадій) презвитеры, и діаконы, иже довольно время у себѣ въ изученіи держаше, дондежу постигнуть въ разумъ вѣданія священническаго исправленія, и толико научени быша тогда новопоставляемы пресвитеры и діаконы, яко видѣти ихъ иже быша яко *свѣтила міру истинныя* пастыріе и учителяе порученной имъ паствѣ, и *вси людіе многу пользу получаху* отъ нихъ“ ⁴⁾. Это идеальный взглядъ на священника. Теперь обратимся къ самому посланію Геннадія.

¹⁾ Появленіе этой ереси также указываетъ на доказательство тогдашняго упадка просвѣщенія. Но ереси рационалистическаго характера служатъ скорѣе признакомъ начитанности, но дурно направленной, односторонней и отторгнутой отъ руководства церкви, а не невѣжества.

²⁾ Ересь жидовствующихъ основалъ иноземецъ—жидъ Схарія, пріѣзжавшій въ Новгородъ въ 1470 г. По сказаніямъ, онъ занимался алхиміей и магіей. Въ Новгородѣ совратились три священника Діонисій, Алексѣй и Гавріиль. Два первые, перейдя въ Москву, совратили дьяка Курицына и другихъ. Ересь открылъ Геннадій Новгородскій и началъ ея преслѣдованіе. Гнѣздо ереси было въ Москвѣ. Соборъ 1490 г. осудилъ еретиковъ. Но они имѣли силу и поддержку даже при дворѣ. На защиту православія выступилъ знаменитый *Іосифъ* Волоколамскій, написавшій книгу «Просвѣтитель». Соборъ 1504 г. окончательно анаемствовавъ и осудилъ еретиковъ. Многіе были казнены.

³⁾ Къ Геннадію примкнули *Іосифъ* Волоколамскій; въ числѣ противниковъ его были *Вассіанъ* Косой, попъ *Георгій* Скрипица и архим. *Серапіонъ*.

⁴⁾ Степ, кн. I, 475.

Изъ исторіи церковно-приходской школы въ Монгольскій періодъ намъ извѣстно, что рядомъ съ этими школами явились на Руси школы грамоты, гдѣ учили грамотей, мастера. Въ посланіи весьма ярко характеризуется та и другая школа. Въ отношеніи къ первой не заявляется недовольства: какъ только приведутъ „грамотѣ горазда“, епископъ велитъ ему „одни октеніи учить“, и наставивъ, какъ совершать божественную службу, скоро отпускаетъ, и ропоту на епископа нѣтъ. Значитъ, эта школа достигала своей цѣли. Древняя наша школа была общеобразовательною; при хорошей подготовкѣ въ ней, легко было научиться и тому, что требуется совершеніемъ церковныхъ службъ, ибо школа имѣла характеръ церковный.

Совсѣмъ иное было съ „мужиками“, которые обучались въ школахъ грамоты у мастеровъ. На эти-то школы собственно и жаловался Геннадій. „А вотъ, приведутъ ко мнѣ мужика, говоритъ онъ, и я велю ему дать читать апостолъ, а онъ не умѣетъ и ступитъ; я велю ему псалтирь дать, а онъ и по немъ едва бредетъ; я ему откажу, а онъ оправдывается, „извѣтъ“ творя: земля, господинъ, такова, что нельзя найти гораздаго грамотѣ“. Такъ-то вѣдь всю землю опозорилъ, обогалъ, будто нѣтъ въ землѣ человѣка, кого бы избрать на священство. Станутъ просить меня, вели, господинъ, учить“. Но ученіе такимъ „мужикамъ“ не давалось. Отсюда жалобы мужиковъ, а епископу затрудненіе. Такихъ неучей онъ не могъ и не имѣлъ права ставить въ попы. Геннадій въ данномъ случаѣ руководился правилами церкви, которыя были постановлены еще въ 1274 г. ¹⁾ „Лѣность и невѣжество, замѣчаетъ Лешковъ, не давали епископу простора и творили противъ него *извѣтъ*, такъ что онъ долженъ былъ просить Государя дѣло исправить и, сверхъ ученія при домѣ епископа и кромѣ школъ у мастеровъ, мужиковъ, открыть ученіе въ мѣстахъ княжескаго управленія, то есть, въ городахъ“, такъ какъ школы не достигали цѣли—приготовленія къ священству. Здѣсь въ первый разъ высказывается необходимость устройства школъ духовныхъ „въ надежду священства“. Доселѣ школы, имѣя церковный характеръ, были общеобразовательными; обстоятельства времени выдвинули вопросъ объ учрежденіи школъ для подготовленія специально членовъ клира. Таковъ смыслъ посланія Геннадія. Онъ не говоритъ, что школъ *не было*, но заявляетъ, что для подготовленія къ священству онѣ *не годились*. При этомъ кандидаты изъ школъ церковно-приходскихъ требовали краткой подготовки и ропоту отъ этихъ кандидатовъ не было; кандидаты изъ школъ грамоты — мастеровъ совсѣмъ не годились. Геннадій представляетъ яркую бытовую картину обученія въ этихъ школахъ. Ученіе въ нихъ стало ремесломъ и требовало могоарычей (могорцы) и подарковъ (поминки). Ученіе шло не по порядку, начиная съ азбуки, подтительныхъ словъ, псалтири и т. д. „Мужики-невѣжи“ начинали прямо съ „вечерни“, за которую требовалось принести каши да гривну денегъ; потомъ шла заутреня, опять съ такою же платой, „а и свыше того“; а за „часы“ — особо плата, кромѣ рядныхъ подарковъ, магарыча. По неумѣнью и невѣжеству мастеровъ, ученики ничему не выучивались: отойдетъ отъ мастера, ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, а церковнаго устава совсѣмъ не знаетъ.

---

¹⁾ Въ такъ называемомъ правилѣ митр. Кирилла, гдѣ прямо сказано, чтобы ставленниковъ „испытывать потонку, аще житіе ихъ чисто и аще грамоту добрѣ свѣдятъ“. Русск. Достоп. I, 107 и д.

Между тѣмъ нужды церкви росли, народонаселеніе увеличивалось, потребность въ священникахъ также росла, а обстоятельства времени требовали отъ нихъ бѣльшого знанія, чѣмъ прежде, въ видахъ борьбы съ ересями.

Что Геннадій ставилъ вопросъ собственно объ учрежденіи школъ для приготовленія духовенства, это видно изъ той программы, которую онъ начертываетъ для нихъ.

„А мой совѣтъ о томъ, что учить во училищѣ, первое—азбука-граница, истолкована совсѣмъ, да и подтительные слова, да псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко, и коли-то изучать можетъ послѣ того проучивая и конархати и честі всякія книги“. Эта краткая программа требуетъ истолкованія.

Во первыхъ, что такое „азбука-граница“? Переводчики посланія одни благо-разумно оставляютъ этотъ терминъ безъ перевода, а другіе курьезно переводятъ: „азбуку съ гранями“, чѣмъ повергаютъ читателя въ недоумѣніе. Прибавленіе „истолкована совсѣмъ“ показываетъ, что рѣчь идетъ не объ азбукѣ, въ смыслѣ букварномъ, а о чемъ-то другомъ,—въ азбукѣ, заключающей только алфавитъ, простой перечень буквъ, толковать нечего.

Выраженіе *граница* указываетъ на *акростихъ* (ἄκρος-крайній, στίχος-стихъ, строка), переводимый по славянски выраженіями—краегранесіе, краестрочіе, начало-строчіе. Это въ древности очень употребительная форма изложенія въ стихахъ религіознаго ученія, причемъ каждый стихъ начинается съ буквы, въ порядкѣ алфавита, такъ что все стихотвореніе (обыкновенно безъ конечныхъ рифмъ) начальными буквами стиховъ представляетъ азбуку. Древнѣйшій образецъ такой азбуки-границы представляетъ „Молитва Константина Философа сѣтворена азбукою“, иначе называемая лицицею ¹⁾. Въ спискѣ XII вѣка Срезневскимъ найдена такая же азбука-акростихъ подъ названіемъ „Гранеса“ („граница“ у Геннадія) св. Григорія Богословца ²⁾. Содержаніемъ азбучныхъ акростиховъ служило ученіе догматиче-

¹⁾ Приводимъ текстъ этого памятника, напечатаннаго болѣе исправно въ соч. архіеп. Антонія, „Изъ исторіи христ. проп.“ стр. 162.

а. „Азъ словомъ симъ молюся Богу:
 б. Боже всеа твари зижителю
 в. Видимма и невидимма!
 г. Господня Духа послѣ живоущаго,
 д. Да вдохнетъ въ сердце мое слово,
 е. Еже будетъ на оуспѣхъ всѣмъ
 ж. Живоущимъ въ заповѣдехъ твоихъ.
 з. Зѣло бо суть оуспѣшнѣ къ жизни,
 и. Иже ишетъ евангельска слова.
 ї. И лѣтѣти бо нынѣ словенско племя,
 к. Къ крещенію обратшася вси,
 л. Людіе твои нарецися хотяще.
 м. Милости твояе Боже просятъ зѣло.
 н. Но мнѣ нынѣ пространно слово даждь,
 о. Отче, Сыне, и всесвятѣй Душе.
 п. Просящему нищю оу тебе,
 р. Руцѣ свои выспрь въздѣю присно
 с. Силу пріати и мудрость отъ тебе.
 т. Ты бо даеші достойнымъ силу

ѳ. Оупостась же всю цѣлиши.
 ф. Фараоня мя злобы избави.
 х. Херувимску ми мысль и оумъ подаждь.
 у. О честнаа и всесвятаа Троице, печаль мою на радость преложи.
 ц. Цѣломудрено начноу писати
 ч. Чюдеса твоя предивная.
 ш. Шестокриль сілоу въсприемъ,
 цр. Шествіе твоя послужь оучителю,
 з. Имени его и дѣлоу послѣдоуа,
 ы. Явѣ сѣтворю евангельское слово
 ѳ. І хвалу въздаю Троици въ Божествѣ,
 ю. Юже поетъ всякъ възрасть.
 ѿ. Юнъ и старъ своимъ разумомъ,
 я. Языкъ новъ хвалоу въздая присно Отцоу и Сыну и всесвятому Духу, емоуже честь и дрѣжава и слава отъ всеа твари и дыханія, въ вся вѣкы и на вѣкы, аминь“.

²⁾ Напечатаны въ „Древн. Памяти. Русскаго письма и языка“. Спб. 1863 г. Подробнѣе о такихъ азбукахъ см. у Петрова „Къ исторіи букваря“. Форма акростиха заимствована нами у Грековъ, которые употребляли ее очень часто въ составленіи богослужебныхъ пѣсноуѣнній, особенно

ское, нравственное, молитвенное обращеніе къ Богу, иногда восхваленіе грамоты, подь которою, какъ извѣстно, разумѣлось въ древности не одно чтеніе, но образованіе въ духѣ церкви, изученіе св. книгъ.

Въ Погодинскомъ сборникѣ Императорской Публичной бібліотеки находятся азбуки-границы, направленные къ обличенію жидовъ ¹⁾. Хотя эти азбуки въ сборникѣ являются въ спискахъ XVII вѣка, но происхожденіе ихъ древнѣе; съ вѣроятностію можно отнести ихъ составленіе ко времени Геннадія, который боролся съ жидовскою ересью, на что указываетъ содержаніе азбукъ. „Азбука первая начало о Бозѣ“ представляетъ изложеніе догматическаго ученія православной церкви:

А. Азь прежде о Господѣ Бозѣ начинаю вѣщати.

Б. Бога чту, Бога Сына славлю, Бога Духа Святаго проповѣдаю.

В. Въ двѣ лица раздѣляемъ, но божествомъ не растлимъ, и т. д.

„Азбука вторая, имущи главы азбуковны трисоставны, имиже прѣти жидовина“.

А. Азь отъ начала повѣствую съ тобою, евреянине.

Б. Богъ исперва всю тварь сотвори рукою отъ небытія въ бытіе...

Далѣе излагается Божіе попеченіе о еврейскомъ народѣ; въ заключеніе говорится: „Яже первую работу повѣдахъ ти азбучную, а другое, жидовине, послушай“. Слѣдуетъ „Азбука третья: „о исхожденіи вашемъ изъ Египта и о вавилонстемъ плененіи и о работѣ ихъ при Антисѣ“ (sic).

Содержаніе этой азбуки-границы историческое. Здѣсь раскрывается, какъ Богъ возлюбилъ Евреевъ, охранялъ ихъ, наказывалъ и миловалъ, чтобы привести къ покаянію; но глаголетъ Господь ко Израилю—„Елико добрыхъ отъ Мене пріясте, сугубая Ми опять злая воздасте... Ущедрихъ вы, добра Моего не разумѣете. Юже вину отдахъ вамъ, и опять пушщая сотвористе. Оттолѣ предахъ васъ Римляномъ“...

Азбука четвертая — „О отверженіи вашемъ и на васъ новыхъ людей призваніе“. Это обличительная рѣчь.

А. Азь любяй васъ и безъ числа отдая, не познахъ, жидове, добра вашего.

Б. Богъ твой Израилю, но за многия твоя злая уже не пощадѣхъ тебе.

В. Вѣдый жестокосердіе твое, лишихся и паки не помилую тебе, и т. д.

Такимъ образомъ эти азбуки-границы представляютъ сокращенное изложеніе догматическаго и обличительнаго ученія и конечно, такіа азбуки требовали истолкованія.

Выраженіе азбука-граница правильнѣе перевести *азбука толковая*. Полное и разумное усвоеніе такой азбуки дѣйствительно могло служить хорошею подготовительною школою для кандидатовъ на священство и для борьбы съ ересью.

Далѣе слѣдуетъ „псалтирь со слѣдованіемъ“. Псалтирь, какъ извѣстно, была учебною книгою. „Слѣдованная“ же псалтирь служитъ для изученія „церковнаго постатія“, то-есть устава и порядка церковныхъ службъ, что необходимо для членовъ клира. Послѣ такой подготовки, говоритъ Геннадій, всякій можетъ умѣло „конархати“. Канонархъ не просто головщикъ, возглашающій стихиры, но руководитель клироснаго чтенія и пѣнія.

въ канонахъ, причемъ въ первыхъ буквахъ стиховъ выражается прославленіе праздника или угодника, иногда имя автора. Слѣдуя грекамъ, и русскіе пѣсотворцы изобрѣтали краестрочія.

¹⁾ Бычковъ, „Опис. сборн. Имп. Публ. Библ.“ г. I, № 87.

Итакъ, изъ посланія Геннадія нельзя заключать объ отсутствіи у насъ школъ въ XV вѣкѣ. Школы были и ихъ было довольно; объ отсутствіи или недостаткѣ ихъ Геннадій не говоритъ; но худо то, что обученіе сдѣлалось доходнымъ ремесломъ. Потребность книжнаго ученія сдѣлалась столь настоятельною для народа, что за ученье стали платить деньги; въ „школахъ грамоты“, ради наживы, стали обучать „мужики-невѣжи“. Тотъ же матеріальный расчетъ привлекалъ мужиковъ и къ занятію должности священниковъ. Заплативъ „мастеру“ десятки гривенъ и переносивъ ему не мало горшковъ каши, довольно израсходовавшись на магарычи и поминки, за выучку вечерни, заутрени и часовъ, мужики считали себя вправѣ на мѣсто въ клирѣ, хотя были сущими невѣждами. Противъ этихъ-то злоупотребленій и писалъ Геннадій, хлопотавшій объ устройствѣ специальныхъ школъ для приготовления священниковъ,—а такихъ школъ на Руси еще не было.

Іоаннъ III не былъ въ числѣ ревнителей образованія, это справедливо; но его отвлекали важныя задачи государственныя: утвержденіе власти княжеской и единоподержавія на Руси, совершенное освобожденіе отъ власти Татаръ и возведеніе Руси на степень государства самобытнаго ¹⁾.

Но школы и до Іоанна не имѣли въ предыдущую эпоху князей-покровителей. О нихъ заботилась лишь церковь и духовная власть, которая продолжала свои заботы о просвѣщеніи и теперь.

Духовно-просвѣтительное значеніе монастырей продолжалось. Число ихъ умножилось. Въ послѣ-Монгольскій періодъ, въ теченіе менѣе полутора ста лѣтъ вновь основано было до 300 монастырей ²⁾, которые были уже богаты способами къ духовному образованію и нескучно дѣлились ими съ народомъ. Они по прежнему оставались центрами просвѣщенія. Въ нихъ были бібліотеки, писались книги; сюда шли за разрѣшеніемъ вопросовъ вѣры сомнѣвающіеся. Братія любила вести бесѣды о вопросахъ религіозныхъ. Составитель житія препод. Сергія, Пахомій говоритъ, обращаясь къ преподобному: „нѣкогда спирахся съ тобою о нѣкоихъ приключеніяхъ, или о словѣ етерѣ, или о коемждо стисѣ или строцѣ“. Къ Максиму Греку приходили любители просвѣщенія—„говорить съ нимъ книгами“ и „спираться о книжномъ“. Иногда иноки одной обители обращались съ религіозными вопросами къ другой, гдѣ славился мудростію кто-либо изъ братіи. Таково посѣщеніе иноками Старорусскаго монастыря Зиновія Отенскаго, которое хотя и относится къ позднѣйшему времени (1565 г.), но служитъ прекрасною характеристикой общенія обителей въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія. Клирошане-монахи Герасимъ и Аванасій съ иконописцемъ Θεодоромъ явились къ Зиновію высказать свое сомнѣніе по поводу новаго ученія (Θеодосія Косого). Они явились въ церковь, отслушали богослуженіе, потомъ обмѣнялись привѣтствіями и сказали, кто они. Затѣмъ Герасимъ, сотворивъ три метанія, молилъ старца: „Бога ради не отринь отъ себе, не скрый пользы, рцы како спастися“. Зиновій удивился такой просьбѣ и спокойно отвѣчалъ, что клирошане должны знать св. книги, гдѣ указано ясно, какъ намъ спастись. Клирошане сказали: „книги писаны закрыто“. Зиновій отвѣтилъ: „Открыто зило божественное евангеліе и отеческая словеса и всякому хотящему готово разумѣти есть“. Тѣ отвѣчали, что разумѣніе книгъ доступно только людямъ высокаго обра-

¹⁾ Къ этому присоединялись заботы о возвышеніи производительности Россіи, о заведеніи ремеслъ и художествъ. Въ Москвѣ тогда уже отливали пушки, чеканили монету, возводили замѣчательныя постройки, знали каменностѣчную хитрость.

²⁾ *Макарій*, Ист. Русск. Церк. т. VII. гл. IV.

зованія. Зиновій: „Всякому и неучену суццу кому книгамъ удобъ разумно боже-ственное евангеліе и отеческая словеса“. Тогда клирошане должны были сказать, что они пришли узнать его сужденіе о новомъ ученіи. Зиновій сказалъ, что новаго ученія онъ не слыхалъ, и согласился его выслушать. Узнавъ, что это ученіе еретическое, не смотря на дряхлость и утомленіе, началъ вести съ пришедшими бесѣды, которыя тянулись много дней; онъ не бросилъ дѣла обличенія лжи, пока не довелъ его до конца, и не ограничиваясь устною бесѣдой, написалъ замѣчательный, огромный трудъ, свидѣтельствующій о глубокомъ и обширномъ знаніи старца.

Обители XV вѣка дали намъ такихъ дѣятелей церкви, какъ Вассіанъ (Рыло) Ростовскій архіеп., Іосифъ Волоцкій¹⁾, Діонисій Глушецкій, Савватій, Германъ и Зосима Соловецкіе, Павелъ Обнорскій, Савва Вишерскій, Нилъ Сорскій, Пафнутій инокъ.

Правда, жизнь монастырская въ эту эпоху, вслѣдствіе близкаго и даже необходимаго отношенія къ обществу, восприняла въ себя долю нравственной порчи²⁾; но противъ этого принимались мѣры; монастыри же по прежнему служили просвѣщенію; такія же обители, какъ Сергіева, Кириллова, Іосифова, отличавшіяся богатыми бібліотеками, славились образованными иноками³⁾. Въ жизни Св. Григорія Пельшемскаго говорится, что онъ „книги чтяше“, а о Св. Корниліи Комельскомъ пишется, что онъ „книги писаше въ церковь“.

При монастыряхъ сохранился еще обычай—принимать дѣтей для обученія книжнаго. Изъ житія Св. Іосифа Волоцкаго видно, что онъ отданъ былъ „на ученіе грамотѣ“ „старцу“ въ монастырь.

Св. Мартиміанъ Бѣлозерскій, поступившій въ Кирилловъ монастырь въ дѣтствѣ, былъ отданъ игуменомъ для обученія грамотѣ „мірскому дьяку“, занятіемъ котораго „беаше“ *книги писати и учити ученики грамотныя хитрости*. Надо полагать, что это былъ благочестивый человѣкъ, возлюбившій уединеніе и науку и удалившійся въ монастырь, гдѣ ему поручили писаніе книгъ и завѣдываніе школой при монастырѣ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые стали злоупотреблять этимъ дѣломъ; почему потребовались ограниченія этого обычая⁴⁾.

Школы были разсѣяны даже по деревнямъ, такъ что желающему обучиться грамотѣ не было нужды ихъ разыскивать; объ этомъ говорятъ факты въ житіяхъ святыхъ. Такъ въ XV вѣкѣ, Св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ Новгородскій, научился грамотѣ, повидимому, въ своей деревнѣ, близъ Москвы; для Св. Алексан-

---

¹⁾ Іосифъ былъ знаменитымъ сотрудникомъ Геннадія въ борьбѣ съ жидовствующимъ. Въ „Провсвѣтителѣ“ онъ является человѣкомъ сильнымъ умомъ, крѣпкимъ живою вѣрою, пламеннымъ защитникомъ православія, обладающимъ обширными и глубокими знаніями.

²⁾ См. *Макарій*. Ист. Русск. Церк. т. VII.

³⁾ Что въ монастыряхъ бывали люди любознательные, желавшіе получить высшее образованіе, объ этомъ говоритъ слѣдующій фактъ. Нѣкоторые изъ братіи Сергіева-Троицкаго монастыря пожелали учиться у Максима грека, изучили греческій языкъ, и въ свою очередь стали ему обучать братію, такъ что образовалась какъ бы нѣкая школа, и до половины XVII в. здѣсь знатоки греческаго языка не переводились (Арсеній Сухановъ, Арсеній Глухой).

⁴⁾ Въ одномъ уставѣ монастыря (преп. Евфросина, около полов. XV в.) говорится: „не принимайте въ обитель дѣтей и вообще *голоусыхъ*, *подъ предлогомъ учить ихъ книгамъ* или имѣть своими прислужниками, но трудитесь сами“. Значитъ, былъ обычай давать дѣтей для обученія въ монастыри. Если теперь явилось запрещеніе жить въ монастыряхъ „отрокомъ“, „хотя бы они шли на ученіе грамотѣ“, то по особымъ, временнымъ, причинамъ, и не во всѣхъ случаяхъ. *Макарій*, Ист. Русск. Церк. VII, стр. 60 и д. Ср. *Прав. Собес.* 1862 г. № 2.

дра Свирскаго нашлось училище въ родной деревнѣ въ Обонежьѣ; для Св. Зосимы Соловецкаго—въ родномъ селѣ, тоже въ Обонежьѣ; для Св. Антонія Сійскаго—въ селѣ близъ Бѣлаго моря; для Св. Александра Ошевенскаго—въ деревнѣ близъ Бѣлаго озера; Св. Маргиніанъ Бѣлозерскій былъ отданъ въ училище близъ Кириллова монастыря. Слѣдовательно въ этомъ вѣкѣ, пишетъ проф. Соболевскій, не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ поселенія нашего далекаго сѣвера, не было недостатка въ училищахъ“¹⁾.

Вообще называть этотъ вѣкъ *темнѣйшимъ* въ исторіи русскаго просвѣщенія“²⁾ нѣтъ основаній. Несомнѣнно, что монгольское иго имѣло неблагоприятное вліяніе на развитіе нашего просвѣщенія; но какъ тогда, такъ и теперь духовенство учило народъ, устраивало школы; монастыри служили дѣлу просвѣщенія, школы грамоты росли, хотя обученіе въ нихъ понизилось, попавъ въ руки ремесленниковъ—мужиковъ; а новыя условія церковной жизни вызвали вопросъ объ устроеніи училищъ по городамъ, съ цѣлію приготовленія кандидатовъ „въ надежду священства“. Пастыри церкви не бездѣйствовали. Принимая живое участіе въ политической жизни отечества³⁾, они вели дѣятельную переписку съ греческими Патріархами, писали посланія къ князьямъ Русскимъ, Литовскимъ и королямъ Польскимъ въ интересахъ церкви православной, заботились о возвышеніи религіозно нравственной жизни народа и о его духовномъ книжномъ просвѣщеніи. Образованные люди нынѣ являются не только въ средѣ духовной, но и между лицами свѣтскими. Такъ въ числѣ сподвижниковъ Геннадія были Нилъ Полевъ и Димитрій Герасимовъ⁴⁾.

Грамотность стала для народа дѣломъ обычнымъ, и мы теперь не слышимъ ни отъ кого ни кому похвалъ за простую грамотность; напротивъ, свидѣтельства говорятъ, что одно умѣнье читать и писать многихъ неудовлетворяло⁵⁾, и Геннадій ищетъ людей не просто „грамотѣ гораздыхъ“, но знающихъ „силу въ божественномъ писаніи“ и „церковное постаніе“. „Не се есть книжная писанія умѣти, пишется въ одномъ словѣ, еже токмо о словесѣхъ прочитанія поспѣшати“.

Преемникъ Іоанна III-го Василій Іоанновичъ, повидимому, любилъ книжное дѣло. Желая привести въ порядокъ обширную бібліотеку, вывезенную изъ Рима Софіей Палеологъ и заключающую въ себѣ драгоценныя рукописи⁶⁾, а также озабочиваясь и переводомъ ихъ, Василій вызвалъ съ Аѳона въ Москву (1506 г.) ученаго инока Максима, родомъ Албанца, мужа просвѣщеннаго, слушавшаго курсы разныхъ наукъ въ Парижѣ, Флоренціи и Венеціи⁷⁾.

¹⁾ А. Соболевскій, Образованность Руси Московской XV—XVII в., стр. 14.

²⁾ Хмыровъ, IV пер., стр. 38.

³⁾ См. у Макарія, Ист. Русск. Церк. т. VII, стр. 121 и д.

⁴⁾ Герасимовъ былъ толмачемъ, получилъ европейское образованіе, много разъ былъ за границей. Онъ обличалъ ересь жидовствующихъ, изъ Рима привезъ „осмочастную книгу“ (грамматику) и миротворный кругъ (пасхалию), переводилъ, по порученію Геннадія, книги для обличенія еретиковъ. Макарій, Ист. Русск. Церк. т. VII, стр. 231 и д.

⁵⁾ Соболевскій, стр. 12.

⁶⁾ Богатство этой бібліотеки было таково, что увидавъ собраніе рукописей, Максимъ воскликнулъ: „Государь! вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства, ни Италия, гдѣ латинскій фанатизмъ обратилъ въ пещель многія творенія нашихъ богослововъ, спасенныя моими единоземцами отъ варваровъ Магаметовыхъ.“

⁷⁾ По свидѣтельству современниковъ, Максимъ „наученъ бѣ философіи въ своемъ языкѣ, и второе—римскій языкъ и грамотѣ умѣлъ; третіе, нашъ языкъ зналъ и грамотѣ умѣлъ весьма разумно, и былъ вельми мудръ и не только же переводити, но и творити мѣроу пройски и ямвйски.“ Опис. рук. Царскаго, № 327.

Прибытіе Максима Грека въ Москву вызвало умственное движеніе въ духовномъ мірѣ. Заслуги его для нашей церкви и просвѣщенія духовнаго весьма важны. Максимъ отличался высокимъ образованіемъ не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ, основательно зналъ греческій и латинскій языки и ихъ литературу, философію. Онъ сдѣлалъ много переводовъ различныхъ толкованій на св. книги и участвовалъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Къ сожалѣнію, сначала онъ плохо владѣлъ славянскимъ языкомъ и долженъ былъ прибѣгать къ посредничеству другихъ. Сотрудниками его были Власъ и Димитрій, толмачи великокняжескіе, Михаилъ Медоварцевъ „писчикъ“ и Сильванъ инокъ. Обстоятельство это говоритъ о томъ, что на Руси и въ эту эпоху не угасло знаніе иноземныхъ языковъ¹⁾. Овладѣвъ русскимъ языкомъ, Максимъ писалъ противъ ересей, обличалъ иновѣрцевъ, писалъ поучительныя слова и посланія къ властямъ. Какъ „свѣтильникъ чистой вѣры, онъ обличалъ ложь и невѣжество; но невѣжды были сильны, они стали говорить, что Максимъ „отмѣняетъ слова писанія по своему произволу, безъ согласія и воли великаго князя“. А такъ какъ кн. Василій былъ недоволенъ Максимомъ за то, что тотъ не одобрялъ его развода съ вѣрною женою и вступленія въ бракъ съ другою, то дѣло приняло худой оборотъ. Максима осудили, какъ еретика, „богодухновенныя книги растлѣвающа“, отлучили отъ церкви, бросили въ темницу, запретили даже читать и писать книги. Цѣлмя 30 лѣтъ страдалъ невинный ученый и умеръ въ Сергіевой лаврѣ (1556 г.). Православная церковь причислила его къ лику святыхъ, а въ исторіи нашего просвѣщенія онъ занимаетъ видное мѣсто.

Учениками его считаются—Савва Святогорець, инокъ Ниль (Курлятевъ), знаменитый и ученый обличитель ереси Косого инокъ Зиновій Отенскій, св. Германъ, архіеп. Казанскій, а также князья Курбскіе. Максимъ оставилъ по себѣ цѣлую школу здраво и твердо мыслящихъ, образованныхъ богослововъ. Для нашихъ школъ онъ написалъ первый опытъ грамматики.

Ему принадлежитъ первоначальный опытъ исправленія церковныхъ книгъ, замѣчательныя обличенія латинства и раскрытіе лжи и суевѣрія въ нашихъ апокрифахъ. Съ чистотою вѣры, стойкостью въ убѣжденіяхъ, Максимъ соединялъ чистоту жизни и служилъ истиннымъ типомъ древне-русскаго богослова.

Современные Максиму митрополиты Варлаамъ и Даніилъ были люди просвѣщенные, заботливо относившіеся къ образованію народа и духовенства²⁾.

Митрополитъ Даніилъ извѣстенъ былъ начитанностію, обширностію богословскихъ свѣдѣній и даровитостію. Онъ былъ вполне достойный ученикъ Іосифа Волоцкаго. „Сборникъ Даніила“, обильный содержаніемъ и представляющій замѣчательный памятникъ письменности той эпохи, служитъ какъ-бы продолженіемъ „Просвѣтителя“ Іосифа.

„Митрополитъ Даніилъ прежде всего былъ любитель просвѣщенія. Едва-ли какую мысль повторялъ онъ такъ часто и съ такою настойчивостію, какъ мысль о

¹⁾ Когда въ 1518 г. были отправлены послы къ императору Максимилиану, то онъ самъ лично „всталъ и съ мѣста отступивъ и призвалъ къ себѣ Володимера (Племянникова) и Истому (Малаго посла), говорилъ самъ по латынски“. Значитъ послы разумѣли латынь. Богословъ Фабри имѣлъ бесѣду съ русскими послами (1525 г.) чрезъ русскихъ толмачей, знавшихъ по латыни и по нѣмецки.

²⁾ О Варлаамѣ извѣстно, что онъ былъ искусенъ и въ иконописаніи и „самъ многожды своими руками маяся и трудися святымъ иконамъ“ П. С. Лѣтоп. VIII. Воскресенскій списокъ.

необходимости читать „божественныя писанія“, подъ именемъ которыхъ разумѣли тогда, въ обширномъ смыслѣ, не одни книги Ветхаго и Новаго Завѣта, но и книги отеческіи и церковныя, книги вообще благочестивыя и назидательныя, или вообще всю духовную письменность, за исключеніемъ апокрифовъ, книгъ отреченныхъ и лживыхъ. Онъ убѣждалъ, чтобы не только пастыри и иноки, но и міряне какъ можно чаще читали божественныя писанія и не просто читали, но испытывали ихъ, упражняясь въ нихъ съ великимъ любомудріемъ. Объяснялъ, что чтеніе это доставляетъ намъ познаніе не только обо всемъ, относящемся къ вѣрѣ и благочестію, но и вообще просвѣщаетъ умъ, направляетъ волю, успокоиваетъ и веселитъ сердце, укрощаетъ страсти, возбуждаетъ къ добродѣтели и что все зло между нами, всѣ заблужденія и пороки зависятъ главнымъ образомъ отъ незнанія нами божественныхъ писаній ¹⁾).

Такимъ образомъ просвѣщеніе на Руси въ эту эпоху имѣло достойныхъ дѣятелей, но главное вниманіе іерарховъ было обращено на приготовленіе членовъ клира, которые были и учителями въ школахъ.

Іоаннъ IV-й „Грозный“ вступилъ на престолъ (1533 г.) малолѣтнимъ, и это обстоятельство было большимъ несчастіемъ для него и для Руси. Опекуны не дали ему добраго воспитанія. Въ отношеніи книжнаго ученія Іоаннъ былъ, по своему времени, человѣкомъ образованнымъ и замѣчательно начитаннымъ. Онъ зналъ наизусть почти всю библію,—его сочиненія испещрены текстами, имѣлъ большія свѣдѣнія въ греческой и русской исторіи, сочинилъ „Судебникъ“, писалъ широко-вѣщательныя посланія къ Курбскому, къ Гурію, архіепископу Казанскому, въ Кирилловъ монастырь, написалъ обличеніе лютеранства, гдѣ обнаружилъ не только знаніе богословское, но и тонкую діалектику ²⁾ и недаромъ заслужилъ эпитетъ „въ словенской премудрости ритора“. Онъ цѣнилъ образованіе и умѣлъ привить охоту къ литературнымъ занятіямъ даже сыну своему Ивану, безвременно погибшему отъ руки отца ³⁾. Библіотека Іоанна IV, хранившаяся подлѣ его покоя, въ двухъ каменныхъ палатахъ, заключавшая въ себѣ до 800 рукописей, частью пріобрѣтенныхъ, частью подаренныхъ, въ драгоценныхъ переплетахъ, представляла истинное книжное сокровище ⁴⁾.

Но у Грознаго былъ просвѣщенъ только умъ, сердце же его было не только не воспитано, но испорчено дурными примѣрами и воспитаніемъ, воля его была подчинена страстямъ. Отсюда противорѣчія во всемъ: религіозность и кощунство, благія намѣренія и худыя дѣла, геройскіе подвиги и злодѣянія, любовь, переходящая въ ненависть и надъ всѣмъ — необузданная распущенность и свирѣпая кровожадность дикаря. Не вдаваясь въ оцѣнку историческихъ дѣяній Грознаго, его внутренней и внѣшней политики, мы должны только отмѣтить три важныя событія его царствованія въ отношеніи просвѣщенія: Соборъ 1551 г., гдѣ состоялось постановленіе объ училищахъ на Руси; заведеніе въ Москвѣ типографіи и учрежденіе школъ въ царствѣ Казанскомъ, завоеванномъ Іоанномъ.

¹⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. т. VII, стр. 378.

²⁾ Подлинный автографъ этого обличенія мы видѣли въ библіотекѣ Холмской дух. семинаріи.

³⁾ Царевичъ Иванъ написалъ „Службу“ и „похвальное слово Антонію Сійскому. Уч. Зап. II Отд. II. Ак. Наукъ, 1856 г. кн. III, стр. 156. Но по жестокости сынъ не уступалъ отцу.

⁴⁾ Блоссіусъ, Библ. Ц. Іоанна IV. Ж. Мин. Пр. 1834 г. Іюнь. Эта библіотека исчезла безвозвратно; поиски ея въ наше время остались тщетными.

Освободившись отъ ненавистныхъ опекуновъ (1543 г.), Іоаннъ, по его словамъ, „самъ ялся царство свое строити“ ¹⁾. Послѣ времени разгула, женившись на кроткой Анастасіи Романовнѣ, подѣ влияніемъ Сильвестра и Адашева, въ періодъ временнаго просвѣтлѣнія, Іоаннъ пожелалъ собрать соборъ для того, чтобы исправить погрѣшности, вкравшіяся въ общественную и церковную жизнь. Соборъ этотъ, именуемый Стоглавомъ, собрался въ 1551 г., подѣ предсѣдательствомъ м. Макарія. Мы приведемъ здѣсь опредѣленія собора, касающіяся только образованія и училищъ.

Какъ извѣстно, царь предложилъ собору рядъ вопросовъ о „нестроеніяхъ“ на Руси, въ томъ числѣ и вопросъ „о діацѣхъ, хотящихъ въ діаконы и попы ставитися“ и, въ связи съ тѣмъ, общій вопросъ объ обученіи: „Ученики учатся грамотѣ небрегомо“ ²⁾.

Въ XXV главѣ соборъ начинается съ исторической справки и почти повторяетъ слова посланія Геннадія. Существо вопроса состояло въ приготовленіи достойныхъ членовъ клира. Вотъ какъ ставится вопросъ: „*Ставленники*“, хотящія въ попы и во діаконы ставитися, а *грамотъ мало умѣють*. И святителемъ ихъ поставити, и то сопротивно священнымъ правиломъ; а не поставити, и то святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православныя христіане учнутъ умирати безъ покаянія. И святителемъ избирати по священнымъ правиломъ: въ попы ставити 30 лѣтъ, а въ діаконы ставити 20 лѣтъ. А грамотѣ бѣ умѣли, могли церковь Божию содержать, и дѣтей своихъ духовныхъ православныхъ христіанъ управити могли по священнымъ правиломъ. Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ: *почему мало умѣють грамотѣ*. И они отвѣтъ чинятъ: *мы де учимся у своихъ отцевъ и своихъ ма(с)теровъ*, а инде учитися намъ негдѣ; токмо де отцы наши и ма(с)теры умѣють, тому и насъ научили. И тако отцы и ма(с)теры сами мало умѣють и *силы въ божественномъ писаніи не знаютъ*. А кромѣ ихъ учитися имъ негдѣ. *А прежь сего въ Россійскомъ царствіи, на Москвѣ, въ Великомъ Новѣградѣ, и по инымъ градомъ многе училища бывали; грамотъ и писатъ, и пѣти и чести, гораздыхъ было много; тако пѣвцы и четцы и доброписцы славны бывали по всѣй земли, и инде днесъ есть*“.

Въ XXVI главѣ опредѣленіе Стоглава „О училищехъ книжныхъ по всѣмъ градомъ“ излагается такъ: „И мы о томъ по царскому совѣту соборнѣ уложили: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всѣми священники и діаконы, кійждо во своемъ городѣ (а въ наказѣ во Владимірѣ — „и на посадѣ, и по волостемъ и по погостамъ), по благословенію своего святительства, избрати доблихъ духовныхъ священниковъ и діаконъ и дьяковъ же наученныхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ инѣхъ ползовати, и грамотѣ бы и чести и писати горазды были, у тѣхъ священниковъ и у діаконъ и у дьяковъ *учинити въ домъхъ училища*, чтобъ священники и діаконы и *всѣ православныя христіане въ коемждо градѣ (по наказу — „и по волостемъ и погостамъ“)* предавали имъ своихъ дѣтей наученію грамотъ и на ученіе книжнаго писанія и церковнаго пѣнія, и псалтырнаго пѣнія на-

¹⁾ Сказ. Курбскаго, ч. I, стр. 5.

²⁾ Стоглавый соборъ не признается каноническимъ, и клятвы его (на сложеніе перстовъ) отмѣнены соборомъ 1667 г., при патріархѣ Іосифѣ; но тѣмъ не менѣе соборныя опредѣленія объ ученіи и школахъ имѣли свою силу и, дѣйствуя въ теченіе столѣтія, вліяло на ходъ нашего образованія; по существу они вполне каноничны, по практичности—разумны.

лойнаго; и тѣ бы священники и дьяконы и дьякѣ выбранные, учили своихъ учениковъ страху Божию и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ. Наипаче же сего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія и отъ всякія нечистоты... Чтобъ имъ вашимъ береженіемъ и поученіемъ, пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину. Да учениковъ же бы есте своихъ во святыхъ церквахъ Божиихъ наказывали и поучали страху Божию и всякому благочинію, псалмопѣнію и чтенію, пѣти и конархати по церковному чину; а учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ доволно, сколько сами умѣютъ. И силу бы имъ въ писаніи сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, *ничтоже скрывающе*, чтобъ ученицы ваши книги учили всѣ, которыя Соборная Святая Церковь приемиетъ, чтобъ потомъ и впредь могли не токмо себѣ, но и прочихъ ползовати и учити страху Божию о всѣхъ полезныхъ. Тако же бы учили своихъ учениковъ чести и пѣти и писати, сколько сами умѣютъ, ни что же скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести приемиюще, по ихъ достоинству“.

Документъ этотъ представляетъ большую важность. Школа на Руси здѣсь *впервые* является предметомъ заботливости цѣлаго собора, царя и русскихъ іерарховъ. Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, въ какой мѣрѣ были осуществлены опредѣленія собора объ учрежденіи школъ по всей Руси; но что постановленія соборныя не остались мертвою буквою, въ этомъ убѣждаютъ насъ „наказы“, разосланные по епархіямъ ¹⁾.

Между прочимъ, въ исторической справкѣ говорится, что *прежь сего* въ Русскомъ царствіи, на Москвѣ, въ Великомъ Новѣградѣ и по инымъ градомъ многіе училища бывали“ и обученіе въ нихъ шло успѣшно. На какое время здѣсь указывается? Не на Монгольское во всякомъ случаѣ; по всей вѣроятности, здѣсь имѣются въ виду тѣ школы, которыя возникли вслѣдствіе настойчиваго ходатайства Геннадія, причемъ указывается и курсъ ихъ: грамота, письмо, пѣніе и чтеніе, замѣчается также, что такія школы по мѣстамъ и теперь есть. Опредѣленіе Стоглава относится не только къ Москвѣ, но и *ко всѣмъ городамъ*; въ наказахъ же сюда присоединяются *посады, волости и погосты*,—такимъ образомъ требованіе устройства школъ распространяется на всю Русь, дѣлается повсемѣстнымъ. Въ опредѣленіи однако не говорится, что школъ было мало, или ихъ не было, но заявляется, что существующія школы непригодны для спеціальной цѣли приготовленія священниковъ. Школы должны устраиваться въ домахъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ (дьячковъ), вообще въ домахъ церковнаго причта, причемъ руководителями школъ избираются люди благочестивые, имѣющіе въ сердцѣ страхъ Божій и образованные, могущіе „инѣхъ ползовати“. Въ школахъ должны обучаться дѣти не только клира, но и всѣхъ православныхъ христіанъ. Курсъ школы остается издревле установленный, то есть, наученіе грамотѣ и „наученіе книжное“ (чтеніе божественныхъ книгъ), церковное пѣніе и чтеніе клиросное, „конарханіе“ (ознакомленіе съ уставомъ церковнымъ), наконецъ, письмо, причемъ особенно требуется, чтобъ учили учениковъ страху Божию и всякому благочинію (доброй жизни) и самое ученіе вели съ духовнымъ наказаніемъ (наставленіемъ), а больше всего берегли и хранили учениковъ въ чистотѣ и блюли отъ всякаго растлѣнія. Требованіе добраго нравственнаго воспитанія въ опредѣленіи собора предлагается повторительно, какъ дѣло самое важное

¹⁾ См. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. изд. 1863 г.

существенное. Въ заключеніи говорится, чтобы учителя учили, сколько сами умѣютъ и „силу бы въ писаніи сказывали“ своимъ ученикамъ. „Сила въ писаніи“ — это здоровое, согласное съ ученіемъ церкви, разумѣніе Слова Божія, которое такъ высоко цѣнилось нашими предками и которое въ то время имѣло особенную важность, въ виду возникновенія на Руси рационалистическихъ ересей, основанныхъ на самовольномъ, неправильномъ толкованіи Св. Писанія.

Наученные и воспитанные такимъ образомъ, пришедъ въ возрастъ, могли быть достойны „священническому чину“, могли бы не только себя, „но и прочихъ пользовати и учити страху божию о всѣхъ полезныхъ“, то-есть, быть учителями народа. Слѣдовательно, каждому доступно священство, если онъ пройдетъ успѣшно школу, курсъ и воспитаніе, указываемые соборомъ. Здѣсь цѣли общеобразовательныя совпадаютъ съ цѣлями спеціальными — подготовки къ священству. Такого именно образованія желалъ и искалъ самъ народъ Русскій для себя и своихъ дѣтей. Поэтому-то школа церковная и есть школа вполне національная, въ глубокомъ смыслѣ *народная*.

А церковь требовала въ эту эпоху вполне просвѣщенныхъ служителей. Не прошло полвѣка, какъ низвержена была ересь жидовствующихъ, возникла новая смута отъ ереси Башкина и Косого. Ересь эта была также рационалистической, западнаго происхожденія, и опроверженіе ея требовало глубокаго богословскаго знанія и тонкой діалектики. Хотя соборъ 1553 г. осудилъ ересь, но она оказалась очень живучею ¹⁾ и борьба съ нею длилась долго. Сильнѣйшимъ обличителемъ ея явился знаменитый инокъ Зиновій ²⁾, обличительныя сочиненія котораго занимаютъ видное мѣсто въ исторіи нашей духовной литературы и свидѣтельствуютъ, что на Руси въ то время „не оскудѣ преподобный“. Глубокое знаніе св. Писанія и святоотеческихъ твореній, обширная начитанность даже въ свѣтскихъ наукахъ того времени, научная пытливость, стойкость въ убѣжденіяхъ, литературная талантливость составляютъ черты этого скромнаго, истинно-ученаго старца.

Гдѣ онъ получилъ образованіе? Зиновій былъ Новгородецъ, и съ вѣроятностію можно полагать, что онъ получилъ первое образованіе въ школахъ Геннадія, а дополнилъ его, какъ извѣстно, у Максима Грека. Во всякомъ случаѣ школа церковная подготовляющая такихъ учениковъ, не была школою невѣжества, какъ думаютъ нѣкоторые.

Къ просвѣщеннѣйшимъ дѣятелямъ этой эпохи слѣдуетъ отнести митрополита Макарія. Кромѣ его собственныхъ сочиненій, онъ стяжалъ себѣ славу собирателя памятниковъ нашей древней письменности, переводной и оригинальной, какими пользовались наши предки. Его *Четы-Минеи* въ 12 томахъ представляютъ громадный трудъ и обильный матеріалъ для чтенія (откуда и названіе *Четы*) православныхъ, требовавшій около 20 л. занятій. Содержаніе этого труда весьма разнообразно. Макарій трудился также надъ продолженіемъ и дополненіемъ Степенной книги, начатой Киприаномъ ³⁾.

¹⁾ Кромѣ Башкина, особенно дерзкими ея пропагандистами были Феодосій Косой и Игнатій (Вассіантъ); къ ней примкнули многія духовныя лица.

²⁾ См. почтенный трудъ *Θ. Калужина*, Зиновій Отекскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія, 1894 г.

³⁾ Правда, что на Стоглавѣ, подъ руководствомъ Макарія, постановленія объ обрядахъ были односторонни и послѣ отмѣнены; но митрополитъ въ данномъ случаѣ подчинился духу времени и обрядовѣрью религіозной жизни народа русскаго. Это былъ большой промахъ и неосмотрительность.

Но слѣдуетъ вообще сказать, что представители высшей духовной іерархіи во времена Грознаго были крайне стѣснены и часто мѣнялись. Послѣ Даниила, при Грозномъ перемѣнилось 8 митрополитовъ (Іосафъ, Макарій, Аѳанасій, Филиппъ, Кирилль, Антоній, Діонисій). Судьба умнаго, образованнаго и родовитаго, подвижника и страдальца за Русь, св. м. Филиппа ярко показываетъ, причины такой смѣны....

Тѣмъ не менѣе пастыри церкви трудились и радѣли о просвѣщеніи народномъ. Школы множились и улучшались. Книжность развивалась. Количество письменныхъ памятниковъ этой эпохи рукописей историческаго, учительнаго, богословскаго, нравственнаго и смѣшаннаго содержанія превосходитъ предыдущія, даже въ совокупности предшествовавшихъ вѣковъ ¹⁾.

Списываніе книгъ сдѣлалось почти всеобщимъ; но такъ какъ оно уже прежде для многихъ обратилось въ выгодное занятіе, то списываніемъ занимались и невѣжды, вслѣдствіе чего явилась порча книгъ. Уже на Стоглавѣ было сдѣлано собору предложеніе по этому предмету: „Божественныя книги писцы пишутъ съ несправныхъ переводовъ, а написавъ, несправливаютъ же, описъ къ описи прибываетъ, и недописи и точки непрямыя, и по тѣмъ книгамъ чтутъ и поютъ и учатся“ ²⁾.

Когда на Москвѣ стали покупать книги для новыхъ церквей и тщательно разсмотрѣли ихъ, оказалось: „мали обрѣтошася потребніи, прочіе же растлѣни отъ преиссующихъ, ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и неисправленіемъ пишущихъ“ ³⁾.

Чтобы положить предѣлъ этому злу, требовалось печатаніе. Нужна была типографія. Грозный просилъ Датскаго короля прислать ему печатника, и въ 1552 г. прибылъ Гансъ Бокбиндеръ (переплетчикъ). Нашлись и русскіе типографы. Діаконъ Иванъ Федоровъ и Петръ Тимофеевъ взяли за устройство типографіи; въ Новгородѣ отыскался рѣзчикъ буквъ Василій Никифоровъ. „Царь повелѣ устроить домъ отъ своея царскія казны, идеже печатному дѣлу строится, и нещадно даяше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлательемъ„. „И повелѣ составить въ Москвѣ штанбу, сиречь дѣло печатныхъ книгъ, ко очищенію и ко исправленію ненаученныхъ и неискусныхъ книгописцевъ„. 1564 г. явился первопечатный у насъ Апостоль.

Злонамѣренные и темные люди возстали противъ печатанія. Первые кормились перепискою книгъ и возстали противъ печатныхъ книгъ въ своихъ интересахъ, они старались заподозрить ихъ въ ереси, а вторые по невѣжеству увлекались первыми ⁴⁾. Напечатавъ въ 1565 г. Часовникъ, наши первопечатники должны были бѣжать изъ Москвы за границу, типографію сожгли. Но царь велѣлъ возобновить дѣло печатанія въ Москвѣ, а въ 1578 г. типографія явилась въ Александровской слободѣ, гдѣ любилъ пребывать Грозный. Наши же изгнанные первопечатники, какъ извѣстно, продолжали свое дѣло во Львовѣ и Острогѣ.

¹⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. т. VII, стр. 118.

²⁾ Стоглавъ, въ V-й гл. 5-й вопросъ. Соборъ постановилъ — поповскимъ старостамъ имѣть наблюдение за исправностью текста священныхъ книгъ.

³⁾ Послѣсловіе къ первопеч. Апостолу—1564 г.

⁴⁾ Въ послѣсловіи Апостола 1564 г. говорится, что первопечатниковъ изгнали „презлѣнаго ради озлобленія отъ многихъ начальниковъ и священноначальникъ и *учитель*, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотѣли благое въ зло притворити... ниже грамматическія хитрости навъкъше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туе и всеу слово зло пронесоша“.

Основаніе школъ въ *Казани* явилось вмѣстѣ съ покореніемъ ея (1552 г.). Окончилась вѣковая борьба русскихъ съ казанскими татарами, крестъ возсіалъ среди невѣрныхъ „бесермень“ и для церкви русской открылось новое поприще для миссіонерской просвѣтительной дѣятельности. На Московскомъ соборѣ 1555 г. положено было учредить въ Казани епархію и первымъ епископомъ ея, по жребію, былъ назначенъ игумень Гурій, а помощниками ему явились Варсанофій въ Казани и Германъ въ Свіяжскѣ. Изъ житія архіепископа Гурія видно, что уже въ половинѣ 1557 г. онъ основалъ монастыри—Зилантовъ, Спасо-Преображенскій и Свіяжскій и при нихъ школы, въ которыхъ установилъ монахамъ обучать дѣтей „не точію читати, но читаемое разумѣти право, и да могутъ инья научати и обращати басурманы“ Въ этихъ школахъ учились новокрещенные магометане и другіе инородцы—Черемисы, Мордва, Чуваши, Вотяки, а равно и дѣти русскихъ, поселившихся въ Казанскомъ краѣ, по его завоеваніи. Большинство учившихся помѣщалось въ монастыряхъ, которые давали имъ содержаніе. Въ „наказной памяти“ поручалось св. Гурію: „а которые татарове учнутъ къ нему приходити, челомъ ударяти, и ему ихъ велѣти кормити и поити ихъ у себя на дворѣ, квасомъ же и медомъ ихъ поити у себя на дворѣ, такожде и въ монастырехъ, чтобы невѣрные, видя таковое ихъ береженье и жалованье ихъ преосвященнымъ, поревновали праведному христіанскому закону“ ¹⁾. Такимъ образомъ приведеніе невѣрныхъ къ православію и къ ученію совершалось не насиліемъ, не принужденіемъ, но свободно, въ духѣ евангельской кротости и любви ²⁾.

Учились въ школахъ азбукѣ, псалтири, часослову, закону христіанскому, русскому языку ³⁾. Азбуки для учащихся изготовлялъ самъ св. Гурій. Достойнымъ помощникомъ ему былъ Варсанофій. Будучи въ молодыхъ годахъ плѣнникомъ татаръ, онъ хорошо изучилъ ихъ языкъ и законъ ⁴⁾, поэтому бесѣдуя съ татарами на родномъ ихъ языкѣ, онъ опровергалъ ихъ ученіе на основаніи корана; и дѣтей старался обучать такъ, „дабы они, взшедши въ возрастъ, могли съ успѣхомъ поганыхъ обращати и басурманъ научати“. Учителями въ школахъ были иноки-старцы, получавшіе отъ монастырей полное содержаніе ⁵⁾.

Св. Гурій служилъ для всѣхъ образцомъ. Онъ „всякими добрыми дѣлы угождая Богу и крѣпкимъ житіемъ въ Бозѣ живя, и къ вѣрнымъ слово здраво и немятежно и учительно имѣя и невѣрныя наказуя познати истиннаго Бога.... многія невѣрныя въ вѣру приводя и крещаху ихъ множество жены и дѣти“.

По мѣрѣ распространенія христіанства среди невѣрныхъ, онъ сооружалъ для новокрещенныхъ инородцевъ церкви, опредѣляя къ онимъ въ причтъ воспитанни-

¹⁾ Акты Археогр. Эксп. I, № 241.

²⁾ „Святитель Гурій совершалъ свое служеніе апостольски. Пастырскимъ ученіемъ онъ просвѣщалъ умы невѣрныхъ, а святостію жизни, любовію къ нищимъ и подсудимымъ смягчалъ сердца, не знавшія христіанской любви. Скоро увидѣлъ онъ необходимость открыть *училища*, и открылъ ихъ въ Казани и въ Свіяжскѣ, какъ для христіанскихъ дѣтей, такъ для дѣтей язычниковъ и магометанъ“. *Филар.* III, 65.

³⁾ Царь одобрилъ учрежденіе школъ и писалъ (1564 г.) св. Гурію: „надобно, чтобы дѣти не только умѣли читать и писать, но и разумѣть, что читають, дабы впоследствии могли поставлять другияхъ, еще не обратившихся къ Господу. *Филар.* III, 66. Письмо напеч. въ *Др. Рос. Визлѣовикъ*.

⁴⁾ Бѣ бо навькъ писанію срацинску и Моамеѡова скверныя преданія добрѣ вѣдѣи и языки многи умѣяше глаголати и стязаяся съ невѣрными и укоряя ихъ и препирая и ко крещенію приводя“. Рукон. житіе Гурія и Варсанофія, *Филаретъ* III, стр. 66.

⁵⁾ *Др. Рос. Визлѣов.* V, стр. 243.

ковъ своихъ школъ, подобно тому, какъ дѣлалъ это св. Стефанъ Пермскій. Царь поддерживалъ эти причты, церкви и школы отъ казны и отъ монастырей.

По кончинѣ св. Гурія (1564 г.), преемникомъ его былъ Германъ, „мужъ разума многого и чистаго, и во истину святаго жительства, и священныхъ писаній послѣдователь и ревнитель по Богѣ, и въ трудахъ духовныхъ много, великъ помощникъ въ напастехъ и бѣдахъ объятымъ и къ убогимъ милостивъ зѣло“¹⁾. Онъ ревностно продолжалъ дѣло Св. Гурія въ проповѣди и ученіи. Св. Варсанофій хотя и былъ вызванъ на епископство въ Тверь, но по любви къ начатому дѣлу просвѣщенія иновѣрныхъ Срацинъ, возвратился въ Казань и здѣсь до смерти подвизался въ миссіонерствѣ и просвѣщеніи инородцевъ.

Таковы были основатели школъ и ученія въ Казанскомъ краѣ.

Въ 1557 г. покорено царство Астраханское. Свѣтъ вѣры Христой и просвѣщеніе проникли и въ этотъ край: въ 1558 г. туда посланъ былъ игумень Кирилль, усердно потрудившійся въ дѣлѣ вѣры Христовой и просвѣщеніи магометанъ.

„И крестися мужіе и жены, старіи и юноши, отъ крымскихъ и астраханскихъ ордъ“. Игумень Кирилль обучалъ дѣтей грамотѣ и закону Божію²⁾.

Со временъ Грознаго усиливается въ Москвѣ приливъ иноземцевъ Запада; нѣкоторые изъ нихъ являлись съ предложеніемъ услугъ и въ дѣлѣ просвѣщенія. Такъ хитрый іезуитъ Анатоній Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ (1580—82 г.) легатомъ папы Григорія XIII-го, предлагалъ, между прочимъ, русскому правительству, „чтобы послати (въ Римъ) на время нѣкоторыхъ людей, хотя изъ младыхъ, которые бы умѣли читать и писать по русски, а папа наки ихъ возвратитъ; а тамъ — въ Римѣ — самъ обѣщаетъ въ вѣрѣ греческой у старыхъ отцевъ учить, которые въ Римѣ съ востока присланы; а желаетъ для того, чтобъ языка прямого Московскаго его люди переняти могли и чтобы не всегда были надобны съ обѣихъ сторонъ толмачи“.

Но Грозный хорошо понималъ, въ чемъ дѣло; ему, безъ сомнѣнія, были вѣдомы дѣянія Поссевина въ Польшѣ и Литвѣ на пользу папства, и потому онъ отвѣчалъ уклончиво: „А чтобы послати въ Римъ людей учиться римскому языку, и такихъ *вскорѣ* избрати невозможно, которые бы къ такому дѣлу были годны; а какъ люди такіе обраны будутъ, и впредь такихъ людей къ папѣ пришлютъ“³⁾. Люди такіе, конечно, были, но ихъ не послали; отказать прямо царь не хотѣлъ и — положилъ дѣло „съ долгій ящикъ“. Самъ Грозный былъ не противъ изученія языковъ на Руси, только не отъ папы и іезуитовъ. Въ польскомъ приказѣ въ эту эпоху было довольно людей, знающихъ иноземные языки. Царь еще до Поссевина самъ предпологалъ открыть въ Новгородѣ и Псковѣ училища, гдѣ молодые люди обучались бы латинскому и нѣмецкому языкамъ⁴⁾, хотя намѣреніе это и не осуществилось.

Англичанинъ Коллинзъ сообщаетъ, что въ 1560 г. была заведена въ Москвѣ латинская школа, но духовенство своимъ вліяніемъ, *vi et armis*, скоро ее уничтожило⁵⁾.

¹⁾ Сказ. Курбскаго, изд. Соловьева, 1883 г. стр. 161.

²⁾ *Филаретъ*, III, стр. 67.

³⁾ *Др. Русск. Визіювика*, 1778 г., т. IV. „Извѣстіе историческое о послѣ отъ папы“.

⁴⁾ *Сухомлиновъ*, О языкознаніи въ древней Россіи, стр. 230 и д.

⁵⁾ Состояніе Россіи 1659 — 68 г. *Чт. въ Общ. Ист. и др. Рос.* 1846 г. Матеріалы иностранныхъ.

Русскимъ небезызвѣстно было положеніе православія и школъ въ Юго-Западной Руси и Литвѣ, они не безъ причины недовѣряли „папезскимъ“ проискамъ и бережливо уклонялись отъ латинскихъ школъ, учителей и даже книгъ. Частію этимъ обстоятельствомъ, а частію опасеніемъ бывшихъ ересей, можно объяснить и предубѣжденіе нашихъ предковъ того времени отъ *многочтенія*, подъ которымъ надо разумѣть чтеніе книгъ неодобряемыхъ церковію, на что сѣтуетъ кн. Курбскій и что историками приводится въ доказательство якобы невѣжества нашихъ предковъ. Вотъ эти жалобы Курбскаго, изложенныя въ предисловіи къ переведенной имъ книгѣ Дамаскина „Небеса“; „Бога ради не потакаемъ безумнымъ, пачеж лукавымъ, мнящимся быти учителями, паче ж прелестникомъ. Яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи въ оной русской землѣ подъ державою Московскаго царя. Глаголютъ бо они, прельщаючи юнош тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навикати писанія, понеже въ оной земли еще многіе обрѣтаются, пекущися о своемъ спасеніи, и съ препреніемъ заповѣдаютъ ихъ глаголюще: *не читайте книгъ многихъ*, и указуютъ на тѣх, кто *ума изступилъ*, а онсица (тотъ) *въ книгахъ зоашился*, а онсица (другой) *въ ересь впал*“. О бѣда! Отъ чего бѣси бѣгаютъ и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отъемлютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ ¹⁾.

Замѣчательно, что Курбскій самъ утверждаетъ, что въ его время на Руси было *много юношъ*, „тщаливыхъ къ науцѣ: тутъ не невѣжество, а преувеличенная, быть можетъ, но и небезъосновательная осторожность — не попасться въ сѣти иновѣрія. О словѣ Божіемъ и отеческихъ твореніяхъ ничего подобнаго не говорилось.

Отъ Запада Русь не видала добра, но видѣла происки папъ и оберегалась отъ нихъ, а вмѣстѣ и отъ опасной западной культуры, построенной на чуждыхъ намъ началахъ.

Тѣмъ не менѣе западный элементъ уже вторгался въ Русь. При Годуновѣ начинается посылка русскихъ людей за границу въ Любекъ, Англію, Францію и Австрію, хотя совершенно безплодно: уѣхавшіе за границу 18 человекъ не возвратилась домой, что еще болѣе увеличивало недовѣріе русскихъ къ иноземной наукѣ. По сказанію Бера, Борисъ Годуновъ хотѣлъ завести на Руси университетъ, съ приглашеніемъ иноземныхъ профессоровъ. Но духовенство, справедливо опасаясь вторженія иновѣрцевъ въ нашу школу, заявило государю, что „доселѣ на Руси господствовало единовѣріе и единоправіе, если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ“ ²⁾. Такъ дѣло это кончилось ничѣмъ. Царь Борисъ былъ человекъ образованный и умный. Онъ и до царствованія еще „цареваль“. Ибо царь Феодоръ, слабый тѣломъ и духомъ, былъ болѣе постникъ и молчальникъ на тронѣ, чѣмъ царь. Все совершалось при немъ по распоряженію и волѣ Бориса, о которомъ лѣтописецъ повѣствуетъ, что онъ „одаренъ бысть отъ Бога возрастомъ и человѣчествомъ и умомъ паче всѣхъ человекъ: образомъ своимъ и дѣлы множество людей превосшелъ и многое дивное о себѣ творяше“. При немъ производилась перепись и измѣреніе земель, явилась „Книга большаго чертежа“, первая русская географія; онъ далъ прекрасное образованіе своимъ несчастнымъ дѣтямъ. Царевичъ Феодоръ „наученъ бѣ отъ отца свое книжному почитанію; во

¹⁾ Опис. Рук. Рум. Музея, № 376, стр. 557.

²⁾ Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самозванцѣ, ч. I. стр. 12.

отвѣтъхъ дивенъ и сладкорѣчивъ велми; пустошное же и гнилое слово никогда же изъ устъ его исхождаше; о вѣрѣ и поученіи книжномъ со усердіемъ прилежаше“. Сестра его, царевна Ксенія, не уступала въ образованіи брату: „отроковица чюднаго домышленія, *писанію книжному* искусна; многимъ цвѣтуще благорѣчіемъ, гласы воспѣваемыя любляше и пѣсни духовныя“¹⁾.

Дѣти пали умиловителною жертвою за грѣхи отца. Тревожныя обстоятельства Борисова царствованія, голодъ, морь, смуты, не давали возможности ему проявить свою дѣятельность въ народномъ образованіи. Есть свѣдѣніе, что онъ открылъ было къ Москвѣ училище (для обученія иноземнымъ языкамъ), но оно было разрушено²⁾.

XVI-й вѣкъ заканчивается при Борисѣ учрежденіемъ на Руси патріархата. Замѣчательно, что установленіе патріархіи послужило поводомъ для вселенскихъ патріарховъ высказать желаніе о преуспѣяніи образованія на Руси. VII-я глава соборнаго опредѣленія, утверждавшаго русское патріаршество, гласила: „Св. соборъ вмѣняетъ въ обязанность *каждому* епископу, въ е о епархіи, заботиться и употреблять всевозможные способы, чтобы кто можетъ, изучалъ божественныя и священныя писанія, и оказывать посильную помощь какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться“³⁾.

Очевидно, патріархи восточные, подпавшіе игу невѣрныхъ, видѣли въ Россіи пріютъ православія и истиннаго духовнаго просвѣщенія, которому они и сочувствовали. Сознаніе, что православная Русь является преемницею Византіи въ дѣлѣ храненія истины вселенской, апостольской церкви, пробудилось и на Руси. Старецъ Филофей пишетъ великому князю: „*два Рима пали, третій (Русь) стоитъ, а четвертому не быть.* Церкви Римскія пали отъ невѣрія, отъ аполлинаріевой ереси; втораго Рима церкви Константинова града разрушены Агарянами, и двери ихъ разсѣчены сѣкирами и мечами. Только одного нашего государя царство Божіей благодатію стоитъ, и этого нынѣ новаго державнаго царства *третьяго Рима* святая соборная и апостольская церковь во всѣхъ концахъ вселенной по всей поднебесной яснѣ солнца сіяетъ“⁴⁾.

Прямыхъ указаній собственно о начальныхъ школахъ этой эпохи сохранилось мало; но это потому, что онѣ стали явленіемъ всеобщимъ, обычнымъ. Напримѣръ, въ „Домостроѣ“ Сильвестра подробно говорится о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей, но объ обученіи ихъ ничего не говорится, безъ сомнѣнія, потому, что объ этомъ и говорить было нечего, какъ о дѣлѣ установившемся и всѣмъ извѣстномъ, особенно въ духовномъ званіи (Сильвестръ посвящалъ Домострой сыну своему Анфиму, тоже священнику). Что это такъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Говоря сыну о томъ, чтобы онъ слѣдовалъ примѣру отца, Сильвестръ, между прочимъ, пишетъ, что онъ самъ призрѣвалъ „многихъ пустошныхъ сиротъ“, мальчиковъ и дѣвочекъ, въ Новгородѣ и въ Москвѣ, „вспоилъ, векормилъ, изучилъ, кто чего достоинъ: многихъ *грамотъ, и писати, и тѣти*, иныхъ иконнаго писма, иныхъ *книжнаго рукодѣлія* (переписываніе книгъ) — изучилъ“⁵⁾. Если онъ сиротъ поки-

¹⁾ *Кубасовъ*, написаніе вкратце о царѣхъ Московскихъ, о образѣхъ ихъ и о возрастѣ и о Русск. нравахъ. *Достопамят.* I, стр. 174.

²⁾ *Татищевъ*, *Ист. Р.* т. I, стр. 575.

³⁾ Скрижалъ патр. Никона, 1656 г.

⁴⁾ Посл. Филофея, старца Псковскаго Елеазарова м. *Пр. Собес.* 1861 г. Май.

⁵⁾ Домострой, посланіе отца къ сыну, гл. 64.

нутыхъ обучалъ чтенію, и письму, и пѣнію и книжному рукодѣлію, то тѣмъ болѣе эти знанія и искусства онъ считалъ необходимыми для своего сына и дѣтей, и если онъ не говоритъ объ этомъ, значить, это предполагалось само собою.

Церковно-приходская школа дѣлала свое дѣло, она давала народу грамотность и церковное воспитаніе; но потребности жизни постепенно разширяли ея задачи. Всѣми сознанная нужда въ подготовкѣ болѣе образованныхъ кандидатовъ священства выдвигалась на первый планъ. Духовенство не было еще сословіемъ; священникомъ могъ быть каждый благочестивый, образованный мірянинъ. Поэтому, вопросъ объ улучшеніи школъ для приготовленія пастырей былъ въ сущности вопросомъ о возвышеніи церковной школы вообще. Это требованіе вызывалось духовною жизнью той эпохи. Въ XV—XVI в. мы видимъ уже возбужденіе религіознаго сознанія и направленіе его къ уясненію чистой вселенской, христіанской истины, чего прежде еще не появлялось въ русской жизни. Теперь, съ появленіемъ раціоналистическихъ лжеученій, является потребность уясненія основаній вѣры, является сравненіе ея съ исповѣданіемъ инославныхъ обществъ, является нужда въ опроверженіи лжеученій, а слѣдовательно, въ болѣе глубокомъ изученіи самыхъ источниковъ вѣры. Пренная простая, наивная, хотя живая и искренняя вѣра ¹⁾ считается недостаточною. Іосифъ Волоколамскій, въ посланіи къ Нифонту Суздальскому, по поводу ереси жидовствующихъ пишетъ: „Съ того времени, какъ возсіяло солнце православія въ землѣ нашей, у насъ никогда не бывало такой ереси. Нынѣ и въ домахъ, и на дорогахъ, и на рынкахъ, всѣ—иноки и міряне—съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ“ ²⁾. Артемій, игумень Троицкаго Сергіева монастыря, изъ Пскова ѣздилъ въ нѣмецкій городокъ „говорить книгами“, то-есть, научно бесѣдовать о вѣрѣ. Бакшинъ, которымъ овладѣло сомнѣніе, идетъ къ священнику и проситъ съ заклинаніемъ: „Бога ради, пользуй мя душевно!“ и старается отыскать истину. Иноки Старорусскіе, въ тревогѣ сомнѣній, идутъ къ Зиновію и просятъ разрѣшенія недоумѣнныхъ истинъ. Таковъ былъ духъ времени. Пренныхъ простецовъ было немного ³⁾. „Духъ пытливости и критики, пишетъ проф. Николаевскій о XV и XVII вѣкахъ, такъ сильно выразившійся въ появленіи ересей и господствѣ ихъ въ продолженіи двухъ вѣковъ, имѣлъ же для себя поддержку въ чемъ нибудь,—и его поддерживала именно *книжность*, развившаяся въ это время. Въ это время уже смѣялись надъ простодушными людьми, боявшихся книжнаго образованія... Теперь даже *по городамъ и селамъ ходило много книжныхъ людей*, знакомыхъ съ греческимъ и римскимъ образованіемъ, между которыми одни были по тому времени очень образованными людьми, а другіе были шарлатанами, „отнюдь не вкусившими вѣдѣнія

¹⁾ Вотъ какъ характеризовалъ эту вѣру архіеп. Геннадій: „людіе прости поселяне, на Госнода Бога надежду возлагающе и на Пресвятую Богородицу,—ово просто, со въздыханіемъ сердца тайно въ себѣ, горе умъ простирающе, прости челоуѣцы, не умѣюще писанія... прости челоуѣцы—мужи и жены, и иніи просто люди всякъ возрастъ, послѣдствующе сему въ себѣ тайно, елико кто умѣюще, молящеса глаголють“. Рук. Солов. библи. № 857.

²⁾ „Просвѣтитель“, изд. Каз. Дух. Академіи, стр. 60.

³⁾ Такимъ былъ старецъ Филофей, писавшій князю дьяку Мисюрю Мунехину, который обращался къ старцу съ запросами вѣры: „прислалъ ты, Государь, ко мнѣ грамоту, а въ ней писано, чтобы мнѣ внутренній твой списокъ *истолковать*. И тебѣ, государю моему, вѣдомо, что я *сельскій челоуѣкъ*, учился *буквамъ*, а эллинскихъ борзостей не текохъ, и риторскихъ астровомій не читалъ, ни съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывалъ, *учился* буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ“. *Пр. Собес.*, 1861 г., май.

книжнаго.... обаче хвалятся вѣдѣти вся, *корыстловати* желающе и *кормитися* ¹⁾. Значить, потребность образованія въ народѣ чувствовалась такъ сильно, что ею воспользовались даже шарлатаны, и народъ кормилъ ихъ охотно“ ²⁾. Ниже мы увидимъ, что распространеніе грамотности на Руси въ эту эпоху было почти всеобщимъ.

Мысль о невѣжествѣ и застоѣ образованія у насъ въ XV — XVII в. доказывается обыкновенно свидѣтельствами *иноземцевъ*.

Дѣйствительно, въ отзывахъ ихъ заключается много безотраднaго, но къ нимъ надо относиться осмотрительно, тѣмъ болѣе, что въ нихъ много противорѣчій, а иногда явныхъ несообразностей. Приведемъ нѣкоторые.

Іоаннъ Фабръ, писавшій со словъ русскихъ пословъ, возвращавшихся въ 1524 г. изъ Испаніи, пишетъ, что у насъ тогда были *гимназій*, хотя и немногія, въ которыхъ „обучались дѣти бояръ добрымъ наукамъ, преимущественно священнымъ наукамъ, на русскомъ языкѣ“, причеиъ заявляетъ, что хотя иноземные языки знали не многіе, „но греческимъ языкомъ прилежно занимались многіе“ (*Graese plerumque incumbunt*).

Кобенцель, бывшій въ Россіи въ 1576 г., пишетъ, что „во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ: потому изъ тысячи людей едва найдется одинъ, умѣющій читать или писать“ ³⁾.

Антоній Посевинъ, бывшій на Руси въ 1581 г., говоритъ: „нѣтъ здѣсь ни *коллегій*, ни *академій*, а есть только кое-какія школы, въ которыхъ учатся дѣти читать и писать“.

Бывшіе въ ту же эпоху у насъ англичане идутъ еще дальше и говорятъ о *полномъ невѣжествѣ* и даже нерасположеніи русскихъ къ ученью. „*Humaniores literas omnino respunnt, cognitionis vel latinae, graecae, aut hebraicae linguae sunt ignari*“.

Протестантъ Одеборнъ, бывшій въ Вильнѣ (1581 г.) свидѣтельствуеъ: „*русскіе всегда имѣютъ при церквахъ школы; здѣсь 30-лѣтній юноша (!) обучаетъ дѣтей первымъ начаткамъ грамоты; алфавитъ ихъ весьма похожъ на древній греческій. Катихизиса не преподають никакого, а предлагаютъ дѣтямъ только молитвы къ Пресвятой Дѣвѣ и святому Николаю, написанныя въ книгахъ; впрочемъ изучають апостольскій символъ, нѣсколько измѣненный. Затѣмъ слѣдуютъ *псалмы* Давидовы, которые они употребляютъ и днемъ и ночью“ ⁴⁾. „Народъ русскій не зналъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляють юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе впрочемъ занимаются“, писалъ Маржеретъ.*

„Проповѣдниковъ не имѣють“, писалъ о русскихъ Герберштейнъ (1526 г.). „Проповѣдей русскіе никогда не говорятъ“, записалъ Датскій посолъ въ Москвѣ Улефельдтъ (1578 г.). „Москвитяне не позволяютъ говорить въ церквахъ проповѣдей“, писалъ Іовій, со словъ Димитрія, русскаго посланника въ Римѣ ⁵⁾.

Въ какой степени эти свидѣтельства вѣрны? Иноземцы, живя въ Москвѣ, вращаясь въ придворныхъ кругахъ, живя въ нѣмецкой слободѣ, не могли знать хо-

¹⁾ Свидѣтельство Максима Грека.

²⁾ Св. П. *Николаевскій*, Р. пропов. XV—XVII в. *Журн. Мин. Пр.*

³⁾ Письмо І. Кобенцеля о Россіи XVI в. *Журн. Мин. Пр.* 1842 г. Сентябрь.

⁴⁾ *Odeborn*, De Sussorum religione. У *Старчевскаго*, Ист. Р. II, 39.

⁵⁾ См. собраніе этихъ отзывовъ у *Макарія*. Ист. Р. II, т. VII и у *Николаевскаго*.

рошо внутренній бытъ русской земли и составляли свои отзывы на основаніи или случайныхъ встрѣчъ и наблюденій, или основываясь на слухахъ, вслѣдствіе чего они часто говорили о русскомъ народѣ много невѣрнаго, даже нелѣпаго. Да и какъ имъ было узнать народъ, который сторонился отъ нихъ, какъ зачумленныхъ, языка котораго они не разумѣли. При томъ же иноземцы судили по своему и мѣряли насъ мѣрою запада, гдѣ были особыя школы и университеты, какихъ у насъ дѣйствительно не было. Фабръ нашель у насъ „гимназіи“, Кобенцель ничего не нашель и высокомѣрно отзывается о монастыряхъ и ихъ просвѣтительной дѣятельности, о которыхъ онъ ничего не зналъ; Поссевинъ не нашель у насъ „коллегій и академій“ и презрительно говоритъ о нашихъ школахъ, которыя для него и не могли быть пріятны, ибо онѣ служили оплотомъ православія; Англичане, льстя своей великой Елизаветѣ, говорятъ явную неправду, ибо знатоки латинскаго и греческаго языковъ у насъ были. Протестантъ Одеборнъ правдивѣе,—онъ прямо заявляетъ, что русскіе *всегда имѣютъ при церквахъ школы*; Маржеретъ, не нашедшій на Руси школъ—западныхъ и университетовъ, говоритъ, что *одни священники учатъ народъ грамотѣ*.

Уже одно знакомство съ книжными памятниками этой эпохи убѣждаетъ насъ въ широкомъ распространеніи книжнаго образованія на Руси. Заявленія иноземцевъ объ упадкѣ и даже отсутствіи проповѣдничества и учительства на Руси также преувеличенны, односторонни и невѣрны, что блестящимъ образомъ разъяснилъ и доказалъ проф. Николаевскій въ изслѣдованіи „Русская проповѣдь въ XV и XVII вѣкахъ“. Иноземцы и церковное учительство понимали по своему, тогда какъ православная Русь выработала самобытныя ея формы, которыя вытекали изъ условій и потребностей жизни русскаго народа. „Письменныхъ памятниковъ русской проповѣди XV и XVII в., пишетъ проф. Николаевскій, для насъ сохранилось больше, чѣмъ отъ вѣковъ предыдущихъ; а по указаніямъ оставшихся памятниковъ можно судить, что проповѣдниковъ и проповѣдей существовало больше, чѣмъ теперь мы знаемъ. Русская проповѣдь въ XV—XVII в. понималась въ самомъ обширномъ смыслѣ и не ограничивалась тѣми узкими рамками, въ какихъ понятіе о ней заключено въ наше время. Она состояла не только изъ поученій, произносимыхъ съ церковной кафедры народу, но изъ похвальныхъ словъ и житій святыхъ, учительныхъ посланій къ частнымъ лицамъ или отдѣльнымъ областямъ, изъ переводовъ отеческихъ твореній“ ¹⁾.

Въ дополненіе къ сдѣланному нами очерку образованія на Руси XV—XVII в., слѣдуетъ еще сказать объ успѣхахъ въ эту эпоху иконописанія и церковнаго пѣнія, которыя входили въ курсъ обученія тогдашнихъ школъ.

На *иконописаніе* обращено было вниманіе Стоглаваго собора. Въ XXIII главѣ соборныхъ опредѣленій иконники поручались епископу наравнѣ съ членами клира. Отъ иконописцевъ требовалось не только искусство, но и добрая жизнь: „подобаетъ быти живописцу смиренну, кротку, благоговѣину, съ превеликимъ тщаніемъ

¹⁾ Николаевскій, Русск. проп. Авторъ прекрасно характеризуетъ все виды этой проповѣди, которая для своего времени была наиболѣе пригодной. Но у насъ въ эту эпоху были поученія и устные, и не только въ городахъ, но и въ далекой глуши. Такъ, свящ. Орловскій (Вятскій) пишетъ: „люди этой страны весьма просты... посему я грубый началъ выдавать самыя простыя бесѣды частію устно, частію на письмѣ“. Священникъ этотъ самъ былъ простецъ, „изъ навозогребовъ“, по его словамъ.

писати образъ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери и святыхъ Пророковъ и Апостолъ и другихъ святыхъ“. „Архіепископомъ и епископомъ по *всѣмъ градомъ, весемъ и селамъ* и монастыремъ (значить это искусство было очень распространено, если и по деревнямъ и по селамъ были иконописцы) испытывати мастеровъ, и избравши нарочитыхъ мастеровъ, имъ приказывати, надо всѣми иконописцами смотрѣть, чтобы въ нихъ худыхъ не было“. „Живописцамъ пріимати *учениковъ*, ихъ разсмотреть и *учити*, и такъ *отъ мастеровъ со вниманіемъ да учатся*“.

„А иже отъ хитрыхъ и отъ гораздыхъ мастеровъ живописцевъ укрьеть талантъ, иныхъ не научить и не укажетъ, да будетъ отъ Христа осужденъ“. „Которому открываетъ Богъ такое руководѣіе, и приводитъ того мастеръ къ святителю, Святитель разсмотрѣвъ, аще будетъ написанное отъ ученика, по образу и по подобію (то-есть, согласно съ „подлинниками“, образцами), абіе благословивъ, наказуетъ (наставляетъ) и вопредъ благочестиво жити, и пріемлетъ ученикъ честь, якоже и учитель. Аще кому Богъ не дастъ такого руководѣія, а учитель скажетъ его горазда, и покажетъ написаніе, произведеніе иного, а не того; Святитель, обыскавъ (то-есть, сдѣлавъ разслѣдованіе) полагаетъ мастера подъ запрещеніе“.

Такъ какъ иконы составляютъ предметъ религіознаго поученія, то соборъ, прямо запрещалъ иконопись невѣждамъ самочиннымъ, самоучкамъ писать иконы „А которые по се время писали неучась, самовольствамъ и самоловкою, тѣмъ запрещеніе положити, чтобы училися у добрыхъ мастеровъ. Да и о томъ святителемъ великое попеченіе и бжеженіе имѣти, чтобы гораздые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образовъ, а отъ самумышленія бы, своими догадками, Божества не описывали: Христосъ бо Богъ нашъ описанъ плотію, а Божествомъ не описанъ“. Но за то мастера пользовались почетомъ и покровительствомъ: „Вельможамъ и простымъ челоувѣкомъ во всемъ почитати и честно имѣти. И царю такихъ живописцовъ жаловати и святителемъ ихъ беречи и почитати паче простыхъ челоувѣкъ“. Отсюда видно, что не только книжное ученіе, но и искусство у нашихъ предковъ имѣло религіозное значеніе, и только искусство служившее Богу и церкви, пользовалось уваженіемъ, а служители его почтеніемъ.

„Аще кто на такое святое дѣло, еже есть иконное воображеніе, всяко сподобится искусень быти, тогда не подобаеть ему, кромѣ святыхъ изображеній, ничто же начертавати, рекше вообразати, еже есть на глумленіе челоувѣковъ. — Отъ невѣрныхъ иностранныхъ Римлянъ иконнаго воображенія православнымъ пріимати не подобаеть“.

Что такой взглядъ не стѣснилъ развитія иконописанія на Руси, можно судить потому, что въ эту именно эпоху иконописаніе оказало такіе успѣхи, что образовались у насъ школы, стили или „пошибы“, изъ которыхъ *Московскій* отличался отъ стараго стилиа болѣе свѣтлымъ колоритомъ и мягкостію выраженія лицъ, а *Строгоновскій*—точностію обрисовки, тщательною отдѣлкою подробностей, яркостію красокъ и богатою позолотою.

Народъ нашъ былъ консервативенъ въ дѣлѣ религіи, особенно въ эту эпоху, и не любилъ новшествъ даже въ живописи. Поэтому требованіе—строго держаться старинныхъ образцовъ ему было по душѣ ¹⁾.

¹⁾ Когда въ 1547 г. сгорѣла Москва, царь „послалъ по иконописцевъ въ Новгородъ и Псковъ и въ иные грады, и иконники съѣхалися; и велѣлъ царь Государь имъ иконы писати, кому что

Будучи предметомъ особеннаго вниманія духовнаго и свѣтскаго правитель-ства, иконописаніе получило болѣе правильную постановку и выработало свой стиль православнаго иконнаго письма.

Монгольское иго не коснулось уснѣховъ нашего *церковнаго тннія*; перейдя въ область частнаго обученія, оно даже развилось и создало замѣчательныхъ дѣятелей. Въ одной рукописи, относимой къ концу XV или началу XVI в. „Откуда и отъ коего времени начася быти въ нашей Русѣй земли осмогласное пѣніе, и отъ коего времени, и отъ кого пошло на оба лики пѣти въ церкви“, говорится, что пѣніемъ занимались особые *мастера*, пѣти зѣло горазды, *распѣвщики* и *творцы*, которые собирали учениковъ по городамъ и учили ихъ пѣнію ¹⁾. „Слухи своими отъ нѣкоихъ слышахомъ про *старыхъ мастеровъ*, глаголю же про *Федора* попа, прозвище *Христіанинъ*, что былъ здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ *славенъ* и пѣти гораздъ знаменному пѣнію, и мнози отъ него *научишася* и знамя его и до днесь славно. И отъ его ученикъ слышали, которіи съ нами знахуся, что де онъ Христіанинъ сказывалъ своимъ ученикомъ, что въ Велицемъ Новѣ-градѣ были *старые мастера: Савва Роговъ*, да братъ его *Василей*, въ иноціяхъ *Варлаамъ*, родами Корѣяне. И послѣ того тотъ Варлаамъ въ Ростовѣ митрополитомъ былъ, мужъ благоговѣинъ и мудръ, зѣло пѣти былъ гораздъ знаменному и трестрочному и демественному пѣнію былъ *роспѣвщикъ* и творецъ. И у того брата его, у Савы были ученики вышереченный попъ *Христіанинъ*, да *Иванъ Носъ*, да *Стефанъ*—слылъ *Голышъ*. И тотъ Иванъ Носъ да Христіанинъ были во царство благочестиваго царя и В. Кн. Ивана Васильевича всея Русіи. И были у него, съ нимъ, въ любимомъ его селѣ въ слободѣ Александровѣ; а Стефанъ Голышъ тутъ не былъ, *ходилъ по градомъ* и *училъ* Усольскую страну, и у Строгановыхъ училъ *Ивана*, по прозвищу *Лукошка*, а во иноцѣхъ былъ *Исаія*, и мастеръ его Иванъ Голышъ *много знаменнаго тннія ростыль*. А послѣ его ученикъ его *Исаія*, тотъ велми знаменнаго пѣнія распространилъ и наполнилъ. И отъ тѣхъ же христіаниновыхъ учениковъ слышахомъ, что де онъ имъ сказывалъ про стихѣры евангельскія, нѣкто де во Твери *Діаконъ* зѣло былъ мудръ и благоговѣинъ тотъ-де *ростыль* стихѣры евангельскія; а псалтирь роспѣта въ Великомъ Новѣградѣ: нѣкто былъ инокъ именитъ, *Маркель*, слылъ Безбородой, онъ-де ея распѣлъ. Да онъ же Канонъ сложилъ *Никитѣ* Архіепископу Новгородскому велми изященъ. А *триоди* роспѣлъ и изъяснилъ Иванъ Носъ, будучи въ слободѣ у царя Ивана Васильевича, и святымъ многимъ стихѣры и славники роспѣлъ онъ же. Да тотъ же Иванъ роспѣлъ крестобогородичны и Богородичны минейныя“. Такимъ образомъ какъ въ иконописаніи, такъ и въ пѣніи образовались *школы*, причемъ въ области церковнаго пѣнія были замѣчательные *мастера*, обнаружившіе даръ творчества и оставившіе по себѣ славу знаменитыхъ пѣвцомъ и роспѣвщиковъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что въ эту эпоху развилось у насъ составленіе церковныхъ пѣснопѣній.

приказано, и инымъ повелѣлъ полаты подписывати и у града на враты образы писати“. При обновленіи живописи въ Благовѣщенскомъ соборѣ были написаны новыя иконы. Защитники старинны, руководимые дякомъ Висковатымъ, вызвали открытое волненіе въ Москвѣ. Дѣло дошло до собора, который осудилъ Висковатова и заявилъ, что ни на какомъ соборѣ не было запрещенія новымъ иконамъ, а потому нѣтъ нужды запрещать новыхъ иконовъ, потому что онѣ новы. *Филар.* Ист. Р. Ц. Ш, 207.

¹⁾ См. Ундольскаго, *Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1846 г. № 3. Приложение. Предисловіе къ крѣковому рукописному Стихирарю.

Вторая половина XV в. особенно обильна церковными пѣснописцами, составителями службъ, акаѳистовъ и различныхъ церковныхъ пѣснопѣній преимущественно въ честь русскихъ святыхъ ¹⁾. Извѣстно, что церковныя пѣснопѣнія составлялъ даже и царь Іоаннъ Грозный.

II. Школы и образование на Руси XVII вѣка.

(Въ патріаршій періодъ).

XVII-й вѣкъ принято считать *переходною эпохой*. Здѣсь подводились итоги и дѣлался пересмотръ тому, что пережилъ русскій народъ за шесть вѣковъ своей исторической жизни. Многіе историки раздѣляютъ ту мысль, что Петръ Великій былъ необходимымъ явленіемъ своего времени, послѣдовательно вытекшимъ изъ переходнаго настроенія умственной дѣятельности Русскаго народа въ XVII вѣкѣ, что не только сближеніе съ Западомъ, но и потребность реформъ были подготовлены въ эту эпоху. Дѣйствительно, приливъ въ Москву иноземцевъ увеличивается, усиливается ихъ умственное вліяніе, ученые Юго-западной Руси являются на Москву массами. Умственная жизнь приходитъ въ движеніе. Сознаніе необходимости церковнаго исправленія въ обрядахъ и богослуженіи рождаетъ смуту въ умахъ древляго благочестія, — протестъ выражается въ формѣ раскола. Въ то же время между представителями тогдашней учености идутъ богословскіе споры, которые дѣлать противниковъ на партіи.

Въ литературѣ этой эпохи замѣчаются три направленія, которыя іеродіаконъ Дамаскинъ ²⁾ характеризуетъ названіями: *восточники*, *западники* и *пестрые* (люди средняго направленія).

Первые были людьми образованными, чуждыми увлеченій, крѣпкими вѣрой и любовью къ старинѣ, изъ которой они сохранили лучшія преданія. Они не преклонялись предъ западными новшествами, неустрашимо боролись за свои идеи и служили центромъ, около котораго группировались люди истинно-русскаго, строго-православнаго направленія.

Западники увлекались латинскою ученостью, діалектикой іезуитизма. Представителями этого направленія были у насъ выходцы Юго-западной Россіи, частію воспитавшіеся на Западѣ, частію вынесшіе изъ школы расположеніе къ латинской духовной литературѣ. Они готовы были измѣнить преданіямъ предковъ, и при этомъ отличались хитростію, склонностью къ интригамъ, искательствомъ и заботою о личныхъ выгодахъ и положеніи.

„Пестрые“, люди практической жизни и дѣла, старались смягчить крайности первыхъ двухъ направленій и провести въ жизнь то, что казалось имъ наилучшимъ. Чуждые односторонности, они въ то же время сохраняли любовь къ преданіямъ старины и старались дѣйствовать примирительно. Борьба между партіями разгоралась и были жертвы этой борьбы.

Въ области просвѣщенія вопросъ шель уже не о *грамотности*, которая тогда на Руси стала дѣломъ обычнымъ, но о *вышемъ образованіи*. На Москвѣ явились

---

¹⁾ Въ числѣ ихъ были: еп. Питирима Пермскій, м. Феодосій, Пахомій Логоѣтъ, иноки Иннокентій, Пахомій, мнхъ Ілія, Пресвитеръ Филоѣей, инокъ Григорій и многіе неизвѣстные по имени иноки. См. *Макарій*, Ист. Р. Ц. т. VII, 51 и д.

²⁾ *Яхонтовъ* пр., „Іерод. Дамаскинъ“, Русскій полемистъ XVII в. 1884 г.

ученія общества. Церковная школа, развиваясь постепенно въ высшую форму, впервые является на Москвѣ въ видѣ *академіи*.

Въ буряхъ, смутахъ и тяжкихъ испытаніяхъ начался XVII вѣкъ. Уже при Борисѣ были смуты, голодъ и моръ на Руси; потомъ явились самозванцы, смѣна царя, междуцарствіе. Самозванщина грозила не только государству, но и церкви.

Въ 1604 г. Самозванецъ далъ обѣщаніе: „И мы сами соединеніе сіе (съ латинствомъ) приняли и станемъ накрѣпко промышлять, чтобы все Московское государство въ одну Римскую вѣру привести“¹⁾. Вступивъ въ Москву, самозванецъ призвалъ іезуитовъ, далъ имъ церковь и предоставилъ папскому послу гр. Рангони полный просторъ; но дѣло оказалось даже іезуитамъ непосильно. „Обратить Москву къ папѣ также не легко, какъ заставить Волгу течь съ востока на западъ“, писалъ онъ въ объясненіе неудачи своей миссіи. Долго іезуиты лили кровь русскую, домогаясь власти надъ русскою церковію, но ничего не успѣли. Присяга Владиславу наводнила Москву поляками и создала слишкомъ двухлѣтній періодъ, краснорѣчиво называемый современниками „Московскою разрухою“. Представитель Русской церковной власти—доблестный святитель, страдалецъ за Русскую землю, патріархъ Гермогенъ томился въ оковахъ и явилъ высокую твердость духа, которая поразила враговъ и подняла защитниковъ. Русь воспрянула, объединилась, земская народная сила нашла вождя и побѣдоносно изгнала враговъ. 21 февраля 1613 г. Русь получила избраннаго православнаго царя въ лицѣ Михаила Романова.

Трудныя задачи предстояли 16-ти лѣтнему царю-юношѣ. На развалинахъ Москвы, среди пожарищъ и пустырей земли русской, разоренной своими и чужими, надлежало вести строеніе царское; надо было успокоить землю, умирить вражду, создать ей лучшее будущее. Первымъ совѣтникомъ царя по возвращеніи изъ плѣна, былъ патріархъ-отецъ. Филаретъ былъ человѣкъ высокаго ума, крѣпкой воли, закаленной въ тяжкихъ испытаніяхъ жизни; онъ „не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ, привелъ въ порядокъ управленіе, исправилъ судъ и прилагалъ заботу объ образованіи народа.

Патріархи Русскіе обязаны были заботиться о народномъ просвѣщеніи, объ учрежденіи школъ, по грамотѣ патріарховъ восточныхъ²⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и теперь они радѣли объ этомъ важномъ дѣлѣ. Хотя мы не имѣемъ свидѣтельствъ объ учрежденіи школъ въ это время, но иноземецъ Олеарій удостовѣряетъ, что обученіе у Русскихъ было при церквахъ, а въ Москвѣ, подлѣ патріаршаго двора существовала греко-латинская школа. Къ сожалѣнію, другихъ извѣстій о ней нѣтъ.

Къ этому времени относится начало исправленія книгъ церковныхъ. Въ 1615 г. было поручено иноку Арсенію (Глухому) и архимандриту Троице-Сергіева монастыря исправить и приготовить къ печати „Потребникъ“. Товарищами имъ въ этомъ дѣлѣ попъ Иванъ Насѣдка и старецъ Антоній, каонархъ того же монастыря. Исправители, сличивъ 12 рукописей съ печатнымъ экземпляромъ книги, нашли въ немъ нѣкоторыя погрѣшности. Здѣсь уже обнаружилась неразумная приверженность нашихъ предковъ къ буквѣ, которая впоследствии выразилась раско-

¹⁾ Собр. Госуд. грамотъ, II, 160.

²⁾ При учрежденіи русскаго патріархата, вселенскіе патріархи „завѣтоваша, да здѣ (на Москвѣ) училищный соборъ сотворится къ расширенію ученій и юныхъ хотящихъ учиться умноженію, вѣдуще велику быти отсюда церкви и царству пользу“. *Твор. Св. Отцовъ*, Прибав. 1845 г., стр. 165.

ломъ. Дѣло въ томъ, что исправители въ молитвѣ на водоосвященіе сочли нужнымъ вычеркнуть прибавку *и огнемъ*: „Приди, Господи, и освяти воду сію Духомъ Святымъ и огнемъ“. Такой прибавки въ древнихъ рукописяхъ не было. Но защитники старины стали говорить, что исправители еретичествуютъ, „Духа Святаго не исповѣдуютъ, яко огонь есть“. Исправители потеряли тяжкія притѣсненія, оскорбленія и страданія, пока прибывшій въ Москву патриархъ Іерусалимскій Теофанъ не призналъ исправленія правильнымъ, а исправителей невиновными. Арсеній Глухой, находясь въ заключеніи, писалъ боярину Салтыкову оправдательную челобитную, которую обыкновенно приводятъ для характеристики просвѣщенія въ эту эпоху.

Онъ пишетъ, что хулители и клеветники его, „не зная ни православія, ни кривославія, точію по чернилу проходили божественная писанія; иные едва азбукѣ умѣютъ; а то вѣдаютъ, что не знаютъ, кои въ азбуцѣ письма гласныя, согласныя и двогласныя; а еже осьмь частей снова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь, роды и числа и времена, званія же и залого, то имъ ниже на умъ всхаживало. Священная же философія и въ рукахъ не бывала, ея же кто въ искусѣ не бывалъ, удобъ можетъ погрѣшати не точію въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлѣхъ, аще и естествомъ остроумень будетъ. Ни родовъ, ни временъ, ни лицъ не разумѣя, невозможно право и здраво въ божественныхъ писаніяхъ слогу знати“¹⁾.

Отсюда дѣлается выводъ, что на Руси было крайнее невѣжество, что образованіе духовенства было въ жалкомъ состояніи. Но, во первыхъ, тотъ уже фактъ, что на Руси явилась группа справщиковъ, людей образованныхъ, изучившихъ грамматику и „священную философію“, знающихъ греческій языкъ, показываетъ, что на Руси тогда были люди высокаго, по тому времени, образованія; во вторыхъ, Арсеній пишетъ не о всѣхъ, а обличаетъ невѣжество своихъ клеветниковъ, а много ли ихъ было? Не тогда только, а и теперь есть люди, хотя ихъ и немного, привязанные къ буквѣ и формѣ, готовые изъ за несоблюденія обряда метать громы и провозглашать нарушителей нечестивцами. Наконецъ, челобитная писалась въ защиту, подъ вліяніемъ тяжкихъ оскорбленій и обвиненій, при этомъ трудно соблюсти мѣру и безпристрастіе. Противники называли Арсенія еретикомъ, а онъ ихъ круглыми невѣждами. Но дѣло было вовсе не въ грамматикѣ, а въ фанатической сильной привязанности къ старинѣ, которая богослужебныя книги считала наравнѣ съ свящ. писаніемъ непогрѣшимыми, „и въ тѣхъ книгахъ, писалъ старецъ Филоѳей, ни у какого слова, ни у какой рѣчи ни убавить, ни прибавить ни единого слова не должно“.

Эта та почва на которой впоследствии развился расколъ. Но что далеко не всѣ раздѣляли отрицательный взглядъ на образованіе, въ томъ насъ убѣждаютъ свидѣтельства современниковъ.

Въ одной рукописи XVII вѣка авторъ ставитъ вопросъ: „учитися ли намъ полезнѣе *грамматики, риторики, философіи и теологіи* и *стихотворному художеству* и отгуду познавати божественная писанія, или *не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ* Богу угождати и *отъ чтенія* разумъ святыхъ писаній познавати и что лучше учитися російскимъ людямъ греческаго языка, а не латинскаго“. Авторъ отвѣчаетъ: „*простота* сугуба есть; она незлобіе глаголется, еже есть добро-

¹⁾ Твор. Св. Отцовъ, Прибавл. „О дух. учил. въ Москвѣ XVII в.“.

дѣтель терпѣнія и непамятозлобія и немщеніе обидящимъ; она же *невѣжество*, рекше *неученіе*, въ немъже содѣржителя невѣжество Божіею закона, еже *злѣба есть преглубока*“. „Невѣжество есть *тьма*, ослѣпляющая умныя очи, и есть, и глаголется, *ученіе же ясная луча* есть, еуже невѣжества тьма разрушается и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются, и *есть велие благо*“¹⁾.

Что изученіе грамматики и „священной богословіи“ еще не было во времена Арсенія всеобщимъ, это возможно допустить, но дѣлать отсюда выводъ о крайнемъ невѣжествѣ духовенства и народа—едвали справедливо.

Михаилъ Θεодоровичъ радѣлъ о просвѣщеніи народа. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, посылая „для своего государева и земскаго дѣла къ Англинскому Якубу королю“ пословъ, въ наказѣ посламъ Зюзину и Виговтову онъ настойчиво требуетъ возвращенія—Григорія Григорьева съ товарищами, въ числѣ пяти человекъ, отправленныхъ еще при Борисѣ „въ аглицкую землю *для науки, латынскому и анлинскому и иныхъ разныхъ нѣмецкихъ государствъ языковъ и грамотъ* учитца“, такъ какъ они „царскаго величества къ посольскому дѣлу надобны... а *позадавитьми* онѣ въ анлинскомъ государствѣ, потому, что въ Московскомъ государствѣ, по грѣхѣ, отъ злыхъ людей была смута и нестроеніе. „А царскому величеству тѣхъ подданныхъ отцы и матери безъ престани, съ великою доукою, бьютъ челомъ, чтобы царское величество ихъ пожаловалъ, велѣлъ ихъ изъ анлинскія земли взять къ Москвѣ, чтобы они будучи долгое время въ чужихъ государствахъ, вѣры крестьянскія греческаго закона не отбыли и съ нимъ ся не разлучили“. При этомъ указывалась, что „съ анлинскими гостями малые робята, *для науки русскому языку и грамотъ*, бывали“, жили въ наукѣ по шти (6) и десяти лѣтъ“ и свободно возвращались въ свое отечество²⁾.

Но просьба царя не была уважена. „Тѣ дѣти боярскіе въ анлинской землѣ задержаны *неволею*, а Никифорій Олферьевъ и вѣры нашае православныя отступилъ и невѣдомо по какой прелести *въ поны* сталъ... Якубъ король тѣхъ людей не отпустилъ... и то противно государевой братской дружбѣ и молебѣ“.

Замѣчательно, что обученіе сына своего царевича Алексія царь Михаилъ довѣрилъ людямъ не духовнаго чина, какъ то бывало прежде, а дьякамъ ученымъ. Значитъ, въ то время образованіе распространилось и внѣ духовнаго чина. Обученіе *часовнику* началось 6 сент. 1635 г. дьякомъ Василиемъ Прокофьевымъ; февраля 21-го дьякъ началъ учить *псалтири*; мая 28-го—„*апостольское дѣяніе*“. 1637 г. Ноября 21-го дьякъ Львовъ училъ царевича писать. *Пѣнію* царевича учили пѣвчіе дьяки Лука Ивановъ (по октоиху), Иванъ Семіоновъ да Михаилъ Осиповъ³⁾.

Знаніе иноземныхъ языковъ на Москвѣ въ эту эпоху процвѣтало, благодаря особенной способности русскихъ къ ихъ усвоенію. Дьякъ-печатникъ Алмазь Ивановъ, еще въ молодости побывавъ разъ въ Турціи и Персіи, въ короткое время, такъ изучилъ языки сихъ государствъ, что впослѣдствіи свободно могъ объясняться по-турецки и по-персидски безъ толмача. Котошихинъ говоритъ, что въ его время въ „посольскомъ приказѣ“ при Алексѣѣ Михайловичѣ „для переводу толмачества

¹⁾ Рукоп. Соф. Библ., въ Спб. Дух. Акад. № 423.

²⁾ *Пекарскій, Зап. Акад. Наукъ*. 1867 г. XI, кн. 1. Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Борисомъ Годуновымъ для обученія наукамъ въ Англію въ 1602 г.

³⁾ *Забѣлинь*, Домашній бытъ Р. царей.

переводчикова латинского, свейского, нѣмецкого, греческого, полскаго, татарскаго и иныхъ“ состояло 50 человекъ и толмачей 70 человекъ. Очевидно, они приготовились еще при Феодорѣ,—значить были и способны къ изученію этихъ языковъ на Руси того времени.

О даровитости Русскаго народа Олеарій замѣчаетъ: „нельзя сказать, чтобъ у Русскихъ былъ недостатокъ въ умныхъ головахъ; почти всѣ они *весьма способны къ ученю*. Иногда можно встрѣчать между ними весьма тонкіе умы“. Эта, отмѣчаемая иноземцемъ, способность къ ученю произвела и любовь къ нему, сдѣлала грамоту общераспространенною на Руси.

При Михаилѣ Феодоровичѣ, между прочимъ, явился въ Москвѣ первый *печатный* букварь Бурцева, патриаршаго дьяка и справщика печатнаго двора (1634 г.). Букварь этотъ черезъ 3 года потребовалъ новаго изданія, значить въ букваряхъ была нужда. Алексѣй Михайловичъ (1645—1676), о которомъ современники говорили, что онъ „*наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученю навъченъ*“, воспитался уже въ тяготѣннн къ западному образованію, которому онъ сочувствовалъ. Какъ извѣстно, при дворѣ царя находили привѣтъ и широкое гостепріимство иноземцы; въ придворной жизни явилось много новшествъ, каковы музыка по западному образцу и драматическія представленія — мистеріи ¹⁾). Русскіе люди сторонились отъ этихъ новшествъ, считая ихъ грѣхомъ, однакоже „*Пещное дѣйство*“ совершалось въ Новгородѣ и Москвѣ. Въ эту эпоху новшествъ царскіе и патриаршіе пѣвчіе одѣлись, по польскому образцу, въ странные кунтуши, которые и до нынѣ составляютъ „*пѣвческую форму*“. Наконецъ, въ эту же эпоху появилось и „*партесное пѣніе*“, котораго древняя Русь не знала. Однакоже Алексѣй Михайловичъ заботился и о просвѣщеніи церковномъ, которое онъ желалъ сдѣлать научнымъ.

Въ 1649 г. было отпечатано знаменитое „Уложеніе“, въ составленіи котораго участвовали бояре кн. Одоевскій, кн. Прозоровскій, окольничій кн. Волконскій, дьяки Григорьевъ и Грибоѣдовъ. Обстоятельство это показываетъ, что на Руси того времени не мало было людей высокообразованныхъ. Что просвѣщеніе въ то время было предметомъ особаго интереса высшихъ сословій, свидѣтельствомъ тому служить основаніе въ Москвѣ *ученаго „братства“*, по инициативѣ частныхъ лицъ. Съ разрѣшенія царскаго и благословенія патриаршаго, братство это учредилъ въ

¹⁾ Мистеріи не русскаго происхожденія. Онѣ первоначально возникли на Западѣ, гдѣ религіозныя воззрѣнія старались выразить символически, въ чувственныхъ образахъ. Сперва мистеріи совершались въ монастыряхъ, потомъ стали совершаться публично: сперва онѣ имѣли чисто религіозный характеръ, потомъ въ нихъ явился и свѣтскій элементъ. Въ XIV в. онѣ распространились особенно въ Германіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Англіи. Содержаніемъ ихъ служили не только событія ветхаго, но и новаго Завѣта, каковы: исторія Сусанны, Иосифа, Давидъ и Голіаѳъ, Рожденіе Спасителя, Входъ Господень въ Іерусалимъ, предательство Іуды. Въ германскихъ мистеріяхъ является уже не только свѣтскій, но и комическій элементъ. Въ Польшѣ издавна существовали религіозныя драматическія представленія; подъ именемъ діалоговъ, интермедій, они привились школамъ. Высшее духовенство старалось ихъ ограничить, но мѣстное духовенство и монашескіе ордена поддерживали ихъ, находя ихъ выгодными для своихъ цѣлей. Слѣдуя примѣру польскихъ школъ, южно-русскія школы также заводили у себя драмы, комедіи. Отсюда явились онѣ и въ Москвѣ. „Театральныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ не были вызваны ни духомъ времени, ни потребностями народа: потому то они и оставались забавою одного двора и не многихъ приближенныхъ къ нему (Милославскаго, Матвѣева), знакомыхъ съ Польскими обычаями и даже литературой“. *Пекарскій*, I. гл. XIV. Тамъ же приведены извлеченія изъ южно-русскаго драмъ XVII в.

1648 г. царскій постельничій Θεодръ Мих. Ртищевъ. Братство это избрало пріютомъ опустѣлый тогда Андреевскій монастырь, гдѣ было основано училище „ради Россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія“¹⁾.

Въ 1649 г., по царской грамотѣ, вызваны были изъ Кіева, который славился своей академіей, Епифаній Славинецкій съ 30 монахами, „иноками изящными въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати“. Это была плеяда блестящихъ дарованій и учености. Изъ нихъ, кромѣ Епифанія, особенно выдавались Арсеній Сатановскій, Домаскинъ Птицкій, иноки Евфимій, Исаія, игумень Сергій и др.²⁾, знатоки классическихъ языковъ. Вызывались они „для реторическаго ученія, перевода книгъ и для обученія свободнымъ наукамъ“.

Вызовъ этотъ былъ удачнымъ. Хотя ученые монахи пришли изъ Кіева, гдѣ сильно было латино-польское вліяніе, но они остались вѣрны православной церковности. Епифаній Славинецкій пишетъ о себѣ: „Яко вмалѣ не прельстихся латинскаго мудрованія лестію, дондеже не прочитая св. отцевъ писаній греческихъ книгъ, но *точію читая латинскія*: егда же озарихся благодатію Св. Духа, начахъ прочитати *греческія* книги, тогда лестъ латинскую познахъ и въ писаніяхъ ихъ новшество, и блуды, и растлѣніе уразумѣхъ, и вся ихъ оплевахъ, занеже вся лживо и противно св. древнимъ отцемъ пишутъ... Латинская мудрованія вся *отвергохъ*“.

Епифаній былъ душою братства. Онъ былъ превосходный знатокъ греческаго языка; глубокій богословъ и обладалъ рѣдкою начитанностью. По отзывамъ современниковъ, Епифаній былъ „въ философіи и богословіи изящный дидаскаль, и искуснѣйшій въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектѣ“³⁾.

Ученое братство трудилось надъ переводами и сочиненіями, которыхъ издало цѣлыя томы, и въ то же время занималось обученіемъ въ училищѣ, по гречески и по славянски.

Съ вступленіемъ на патріаршество Никона ученое братство привлечено было къ исправленію церковныхъ книгъ, причемъ Епифаній, въ званіи начальника патріаршаго училища и главнаго справщика книгъ, помѣщенъ былъ въ Чудовомъ монастырѣ, а Арсеній—въ Богоявленскомъ.

Была на Москвѣ еще школа Арсенія Грека, пріѣхавшаго съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, но затѣмъ по подозрѣнію въ неправославіи, сосланнаго въ Соловки. Никонъ возвратилъ его, разрѣшилъ ему учить и даже помѣстилъ въ число справщиковъ, чѣмъ вызвалъ осужденіе и недовольство противниковъ исправленія⁴⁾.

Дѣло исправленія церковныхъ книгъ, помимо своей церковной важности, имѣло благотворное просвѣтительное значеніе. Во-первыхъ, оно выдвинуло на первый планъ необходимость *основательнаго* изученія языка греческаго; во-вторыхъ, оно обратило церковныхъ дѣятелей къ *собиранію* древнихъ харатейныхъ рукописей, переводовъ русскихъ; въ третьихъ, указало на необходимость *грамматическаго*

¹⁾ Др. Рус. Визіовика. Ч. VI, стр. 404.

²⁾ Филаретъ, Ист. Р. Ц. IV, стр. 160.

³⁾ Опис. библ. Толстого. № 136. Въ предисловіи къ переводу поученій св. Григорія Богослова, Василия Великаго, Афанасія и Дамаскина.

⁴⁾ Арсеній оказался человекомъ двоедущимъ и худо отблагодарилъ Никона, ставъ потомъ въ число враговъ его и обвинителей.

образованія для писцовъ и справщиковъ, и наконецъ, *обогастило* Русь новыми сокровищами письменности. По желанію Никона, Арсеній Сухановъ отправился на востокъ для приобрѣтенія древнихъ рукописей. Арсеній приобрѣлъ на одномъ Аѳонѣ до 505 книгъ богослужебныхъ и учительныхъ и около 200 рукописей приобрѣтено имъ въ другихъ мѣстахъ ¹⁾. Отцы собора 1666 г. писали, что они „испытывали подробно и долгое время новоисправленные и вновь переведенныя печатныя книги, разсматривали и *старыя, харатейныя славяно-рускія рукописи...* и нашли въ старыхъ славяно-русскихъ харатейныхъ книгахъ точно такъ, какъ и въ исправленныхъ печатныхъ книгахъ“ ²⁾. Это работа *ученая* копотливая, требующая отличныхъ *знаній* и свидѣтельствующая о томъ, что въ средѣ духовенства той эпохи не было недостатка въ людяхъ ученыхъ, просвѣщенныхъ.

Но это трудное, ученое и полезное для церкви исправленіе книгъ книжниками и фарисеями того времени, фанатически привязанными къ буквѣ и формѣ, не только не было оцѣнено, но заподозрѣно и оклеветано. Протопопъ Нероновъ изъ заточенія взывалъ къ царю: „молимъ ты и паки молимъ ты, Государь, *иностранныхъ* иноковъ, ересей вводителѣй въ совѣтъ не принимай!“ А Соловецкіе иноки заподозрѣваютъ и грековъ въ неправославіи, а между тѣмъ эти Греки *учить* приѣзжаютъ и учатъ поселянъ ³⁾.

Очень возможно, что и Греки этой эпохи подпадали вліянію латинскихъ обычаевъ, такъ какъ послѣ взятія Османами Константинополя, не имѣя своихъ училищъ, стали ѣздить для образованія на Западъ, въ Римъ, Венецію и др. мѣста. Замѣчательно, однако, что Греки являлись учителями и *поселянъ*, то-есть, учили въ *селахъ и деревняхъ*.

Судьба патріарха Никона извѣстна. Великій человекъ, ближайшій другъ царя и любимый собесѣдникъ, съ высокимъ образованіемъ и несокрушимою силою воли, возвысившійся изъ крестьянства до главы Русской церкви, превосходящій всѣхъ своихъ современниковъ, палъ жертвою не столько своихъ ошибокъ, сколько интриги, злости и фанатизма. Но онъ и въ паденіи былъ великъ.

Судьба исправленія книгъ вновь выдвигаетъ вопросъ о народномъ образованіи, онъ трактуется своими и приѣзжими. Въ обсужденіи его принялъ участіе прибывшій въ Москву (1660 г.) для предварительнаго слѣдствія надъ опальнымъ патріархомъ ученый митрополитъ Газскій Паисій Лигаридъ. Онъ не сказалъ ничего новаго, но энергично стоялъ за учрежденіе школъ, въ которыхъ бы изучались языки греческій, латинскій и славянскій и настаивалъ, чтобы такія „грамматическія“ школы учреждены были повсемѣстно при церквахъ и монастыряхъ. Вотъ текстъ проекта Паисія, написанный съ свойственною Грекамъ того времени витіеватостію ⁴⁾.

„Искахъ азъ корене духовнаго сего недуга, преходящаго нынѣ въ семъ Христоименитомъ царствѣ, и тпяхся обрѣсти, откуда бы сіе ересей наводненіе истекало

¹⁾ Чт. Моск. Общ. Ист. 1847 г. Каталогъ бібліотекаря Евѳимія.

²⁾ Собр. Зак. 1830 г. т. I, № 412.

³⁾ Въ „Челобитной пишется“: „самыя *греческія учителя*, егда приѣзжаютъ въ русскую землю, ни единъ лица своего перекрестити не умѣютъ и ходятъ безъ крестовъ. *Поселяне* имъ дивятся и глаголютъ, что де они полестинскіе власти, пастыри и учителя нарицаются, во иную землю *учити приѣзжаютъ*, а сами лица своего перекрестити не умѣютъ, то како и чему имъ *насъ поселянъ научити* и какова отъ нихъ научитися намъ православія, какова ждаты въ вѣрѣ исправленія“. Челобитная, Спб. 1862 г.

⁴⁾ Посланіе Паисія Лигарида помѣщено въ Прибав. къ *Твор. Св. Отцовъ*, 1845 г. кн. 2.

и возрастало на толику нашу общую пагубу? Напоследокъ, умомъ обращаая, обрѣтохъ изъ двою истекшее, сиже есть: *отъ лишенія и немѣнїя народныхъ училищъ*, такожде отъ скудости и недостаточества святыхъ *книгохранительницъ*. Еже дабы ми показать и предъ очима явѣ представить, нѣкая назнамену знаменованія достойнѣйшая. Прехрабрый нѣкто воевода Алкивиадъ отвѣтъ даде древле Аѳиномъ, яко къ благополучно-ратованію три вещи суть нужны: первая есть злато, вторая есть злато, третья злато. Азь же вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кїи бы были столпы и завѣсы обою, рекль быхъ: первое *училища*, второе *училища*, третье *училища* пренуждены быти. Училища суть, отнюду же духъ животный чрезъ жилы во все тѣло разливается, суть крилѣ орля, имаже слава пролетаетъ всю вселенную. Притчская баснь есть, яко Орфей гуслими своими каменіе притягнулъ есть къ себѣ, звѣри и пни, си есть каменны разумы, своимъ сладкословіемъ чрезъ привабленія (приманкою) привлекаше, не инако, якоже Италійскій Еркуль златыми си цѣпи оныя люди привлекаше. Еда человѣцы естествомъ не яко скрижалъ суть углажденная, на нейже ничесоже не писася, вся не могутъ написана быти? Не платно ли суть бѣлое, всякій цвѣтъ прїяти могущее? Не суть ли подобни камени, въ всякій образъ изваятися могущему? Но во училищахъ благочестія и благоговѣинства писмена на сихъ скрижалѣхъ пишутся. Во училищехъ бѣлое сіе платно окрашивается живыми чресноты (красками) и человѣколѣпїя шарми (тоже красками). Въ училищехъ же суть образотворцы искуснѣйшіе, иже пишутъ человѣка во образъ Бога Триблажайшаго и Величайшаго. Въ тѣхъ училищехъ исполинское укрощается дерзновеніе, циклонская восхлащается (смягчается) жестота, эпикурское исправляется житіе. Сихъ кромѣ обрѣтенное оное сокровище обоего гражданства растлѣвается. Ему же сокровищу растлѣвшу и самое гражданство падаетъ, якоже не нелѣпо вящшихъ родовъ благодѣятели (лучшіе правоучители) пишуть, яко *отъ училищъ аки отъ источниковъ, благополученіе народное искапаетъ*. „Ты убо, о пресвѣтлый Царю, подражай Θεодосіемъ, Юстиніаномъ, и *созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенцевъ, ко ученію трехъ языкъ коренныхъ наипаче: греческаго, латинскаго и славенскаго*. Имаше бо, о благочестивѣйшій царю, подъ своею прекрѣпкою рукою толико пребогатыхъ митрополїи, толико преизобилующія архїепископїи, толикая величайшая монастыри. Молю, да повелиши, *во еже бы каждо сихъ начальниковъ, по мѣрѣ своихъ приходовъ, толико имѣлъ питомцевъ и толико клирикъ препитати тщался, ради изученія сихъ трехъ языковъ*. Подобнѣ и архимандритове монастырей ти царскихъ тожде да сотворять. То бо, по мысли блаженныя памяти Іеремїи патрїарха и прочихъ собратїй его, будетъ народное добродѣтельство. *Сїи бо святѣйшіи архїерее, въ хризовулѣ ономъ постановленїи патрїарха московскаго, подражающе судови собора, иже въ Труллѣ велѣша все то явственнѣйшими словесы во оставшихъ увѣщанїихъ*. Ибо отъ сего новаго училища алексїевскаго (т. е. чудовскаго) извѣстнаго извѣстнѣе (т. е. несомнѣнно) изидуть, аки *отъ коня троянскаго, христоименитїи борцы, иже о добродѣтели твоего пространнѣйшаго царства, о умноженїи сего чина церковнаго и о общей, напоследокъ, пользѣ всего христоименитаго гражданства радовати будутъ*“.

Паисїй Лигаридъ Руси не зналъ, кромѣ Москвы нигдѣ не бывалъ и училищъ, которыя давно существовали и тогда были, не видалъ и съ исторїей сихъ училищъ не былъ знакомъ. Высокаго мнѣнїя о себѣ, но не высокаго мнѣнїя о русскихъ, — иначе онъ не писалъ бы съ такимъ пафосомъ о пользѣ училищъ, въ которой никто не сомнѣвался и которая давно признана была всѣми. Но *трехъязычныхъ* грамма-

тических училищъ у насъ было еще мало: — Ртищевское да Чудовское, но готовилось уже новое. Если судить по словамъ Паисія, какъ то нѣкоторые дѣлають, то на Руси тогда совсѣмъ училищъ не было, но это было бы совершенно невѣрно. Вообще прибывшіе для суда надъ Никономъ греческіе іерархи были щедры на убѣжденіе русскихъ о необходимости ученія.

Патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій, находясь въ Москвѣ, въ 1666 г. предложили въ день Рождества Христова посланіе о пользѣ наукъ и училищъ. „Не безъ слезъ глаголемъ, писали они. Грекове, сущіе подъ игомъ и по вся дни отъ нечестивыя томимыя, въ самомъ кентрѣ или пупѣ мучительства, въ самой, глаголемъ, Византіи, училища отверзоша, ради сохраненія перваго и царственнаго онаго діалекту“, тратясь довольно на содержаніе „спудеовъ“. Но есть опасность, не разорять ли враги училище это. Между тѣмъ русскіе, живя свободно, не страдая отъ ига и дани, уклоняются отъ училища, мало цѣня ученіе, иные „ходятъ въ страны *западныя*, еже стяжати ученіе греческое, *уже въ Царь Градѣ имюще*, яко въ дому отеческомъ, довольная путенищя спасенная“ ¹⁾). Патріарховъ, очевидно, беспокоило то, что Русскіе стали ходить на западъ ради образованія. Вообще вліяніе западное въ это время усилилось именно черезъ школы Кіевской и Литовской Руси. Отсюда шли къ намъ учебники и литература, а съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи (въ 1654 г.) двинулись и люди западнаго образованія.

Въ 1665 г. въ Москвѣ была основана школа Симеономъ Полоцкимъ, выходцемъ изъ Малороссіи. Въ этой „Спасской школѣ“ происходило „грамматичное ученіе“ и преподавался латинскій языкъ. Здѣсь получали образованіе молодые люди приказа тайныхъ дѣлъ, слѣдовательно эта школа была не только элементарною, но и среднею. Симеонъ обучалъ въ ней риторикѣ, піитикѣ, стихосложенію; греческій языкъ не преподавалъ, ибо самъ Симеонъ въ греческихъ писаніяхъ „мало что знаяше“. Въ противоположность Чудовской школѣ Славинецкаго *греческой*, школа Симеона была *латинской*.

Но и Москвичи сознавали потребность въ высшихъ училищахъ. Въ 1668 г. частные люди, прихожане церкви св. Іоанна Богослова, подали царю челобитную о разрѣшеніи устроить въ своемъ приходѣ грамматическую школу, „благородную и полезную умысливше вещь, сирѣчь, *словенскія грамматики училища* состроеніе, учителя и учениковъ пристяжаніе“. Царь и патріархъ благожелательно отнеслись къ этому ходатайству и дали свои грамоты. Въ этомъ училищѣ преподавался греческій языкъ и нововведенное царское пѣніе ²⁾.

Не забудемъ, что въ патріаршій періодъ основано было до 175 монастырей ³⁾, а они по прежнему были пріютами просвѣщенія. Хотя Паисій Лигаридъ и говоритъ о „скудости и недостаточности святаго книгохранительницы“, но когда Никонъ, приготовляясь къ собору 1654 г. объ исправленіи книгъ, затребовалъ отъ монастырей описи книгъ, то оказалось, что по описи *однихъ степенныхъ* монастырей въ нихъ было 2.673 книги ⁴⁾, а сколько же ихъ было при всѣхъ монастыряхъ, церквяхъ и частныхъ людей. О книжномъ богатствѣ Соловецкой, Сергіевой и Кирилло-

¹⁾ *Твор. Св. Отцовъ*. Прибавл. 1845 г. стр. 168.

²⁾ *Ист. Р. Іер.* I, стр. 420.

³⁾ *Филаретъ*, *Ист. Р. Ц.* IV, стр. 310.

⁴⁾ *Чт. Общ. Ист. и др.* 1848 г., № 6.

Бѣлозерской бібліотеки можно судить по нынѣшнимъ описямъ сохранившихся остатковъ ихъ бібліотекъ. Много книгъ на Русь шло изъ типографій западно-русскихъ братствъ.

Церковная жизнь этой эпохи отличалась особеннымъ оживленіемъ. Книжное исправленіе, съ одной стороны, призывало ученыхъ людей къ труду и изслѣдованіямъ богословскаго характера, съ другой, въ ревнителяхъ старины вызвало подозрительность, недовольство и ожесточеніе.

Въ 1666 г. составился большой Московскій соборъ ¹⁾. Поводами къ его созванію были: распространеніе и усиленіе старообрядческаго раскола, разные безпорядки, обнаружившіеся въ церковной и общественной жизни того времени и — главное — судъ надъ патріархомъ Никономъ. Соборъ, одобривъ дѣланіе, осудилъ дѣятеля. Церковь не получила мира. Расколъ усилился. Говорятъ, расколъ произошелъ отъ невѣжества; справедливо, но не полно. Кромѣ невѣжества, крайней привязанности къ внѣшней формѣ, первые расколоучители, защитники старопечатныхъ книгъ, руководились и другими побужденіями. Эти люди портили книги при патр. Іосифѣ и въ тоже время пользовались большимъ значеніемъ. Когда послѣднее утратилось, а за порчу приходилось отвѣчать, естественно виновные явились врагами исправленія книжнаго. Таковы былъ Аввакумъ, Павелъ еп. Коломенскій и протопопъ Даніиль Костромской, друзья Аввакума, равно и кн. Львовъ и др., прикрывавшіе свои грѣхи лицемѣрною ревностію о православіи. По мнѣнію арх. Филарета „расколъ былъ преимущественный плодъ несчастнаго духа времени, не хотѣвшаго знать повиновенія порядку, а не плодъ благочестія, хотя бы слѣпаго“ ²⁾.

Образовательныя средства того времени, какъ увидимъ далѣе, были весьма значительны, грамотность была всеобщю, къ сожалѣнію, преобладаніе внѣшняго, обрядоваго благочестія породило фанатиковъ буквы, формы и обряда. Эти фанатики, руководимые дѣльцами, и вызвали въ первое время взрывъ раскола, благодаря отчасти рѣзкости и безтактности первыхъ дѣятелей книжнаго и обрядоваго исправленія.

Царь Алексѣй продолжалъ дѣло своего отца въ упрядоченіи иконнаго писанія и церковнаго пѣнія.

Окружною грамотою 1669 г. повелѣвалось писать иконы „по обычаю святыхъ восточныхъ церкви, по приличности дѣлъ и лицъ“ и устанавливался „шесторочастный чинъ“ иконниковъ: „*первіи* суть знаменатели, изящніи и совершенніи живоописатели; *вторіи* суть знаменатели и совершенніи живописатели; *третіи*—съ готовыхъ знаменованій тщательное образованіе творящіи; *четвертіи*—посредственное искусство имущіи; *пятіи*—пишущіе убо, но изряднѣйшихъ придерживающіеся исправленія дѣла; *шестіи* навикающіи учителей наставленіямъ“. Первые—высшіе художники получали царскія грамоты и имѣли наблюденіе за другими.

По церковному пѣнію особымъ предметомъ обсужденія было такъ-называемое раздѣльнорѣчіе, господствовавшее тогда. О немъ инокъ Ефросинъ писалъ (1651 г.), по поводу сочиненій Христіанина съ товарищами: „Точію бо нашимъ пѣніемъ гласъ украшаемъ и знаменныя *крюки бережемъ*, а священныя рѣчи до конца развращены... и словенскаго нашего языка чюжи; несвойственны и сопротивны. Гдѣ бо обрящется во св. писаніи нашего природнаго языка, словенскаго діалекта, сичевья несогласныя рѣчи: *сонасо, пожсеру, вомонъ, темено имо, людема, сонъдаий?*“

¹⁾ О значеніи его см. Шарова, Труды К. Дух. Акад. 1895 г. № 1.

²⁾ Филаретъ, Ист. Р. Ц. IV, стр. 300.

Очевидно, въ это время уже утратилось звуковое произношеніе глухихъ *ъ* и *ь*, которые въ древности произносились какъ *о* и *е*, почему надъ ними, какъ гласными, и ставились крюковыя знамена. По древнему начертанію приводимыя Ефросиномъ слова писались такъ: *съ насъ, пожьру, во мѣнь, темно, имъ, людъми, снѣдай*.

Другимъ нарушеніемъ церковнаго пѣнія было то, что пѣвцы и чтецы стали „двогласити и троегласити“, то-есть, желая сократить время богослуженія, стали одновременно выпѣвать стихирѣ и вычитывать псалмы въ два и три голоса. На это жаловался еще патріархъ Гермогенъ въ своемъ посланіи, говоря, что на Руси „въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе: по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и *говорятъ де голоса въ два и въ три, и четыре, а инде въ пять и въ шесть*: и то нашего христіанскаго закона чюже“¹⁾. Знаменное пѣніе было очень протяженно и выпѣваніе стихиръ по этому роспѣву дѣлало богослуженіе отяготительнымъ для немощныхъ, а поэтому, чтобы пѣвцы не пѣли одновременно по двѣ, по три и болѣе стихиръ за разъ, патріархъ Никонъ ввелъ болѣе краткій *Кіевскій* роспѣвъ. Но требовалось упорядочить дѣло. Въ 1652 знаменное пѣніе исправлено по *истиннорѣчію*, а крюковымъ потомъ сдѣланъ сводъ съ линейными. На соборѣ 1667 г. опредѣлено: „церковное все Божіе славословіе чинно и немятежно и *единогласно* и гласовное пѣніе *пѣти на рѣчь*“²⁾.

Извѣстный изслѣдователь нашей старины Безсоновъ пишетъ, что „церковное наше пѣніе въ XVII в. достигло высшей степени историческаго развитія по всѣмъ видамъ своимъ,—по происхожденію — какъ греческое и болгарское, развитое своеобразно на Руси; по мѣстностямъ, — какъ Новгородское, Московское, Казанское, Кіевское и т. д. *Вездѣ есть школы*, учителя или дидаскалы, сообщившіе славное имя свое разнымъ способамъ единого основнаго пѣнія; пишутся руководства, грамматки, цѣлая литература вокальной музыки; сообразно внутреннему развитію самой формы, ноты постепенно вырабатываются: древнѣйшія болѣе простыя знамена пріобрѣтаютъ разнообразную сложность, потомъ киноварныя помѣты, указывающія гамму, и наконецъ, снова приводится изъ разнообразія къ единству, уступая мѣсто такъ-называемымъ крюкамъ, которыя соединили въ своемъ искусномъ начертаніи всѣ оттѣнки, требовавшіяся искусствомъ; надъ этимъ трудились *комисіи* знатоковъ, подготовившія опредѣленія собора.

Древняя близлинейная нотная письменность, по мѣрѣ опредѣленности близка уже къ линейной, сравнена съ сею послѣднею и сравненіемъ еще болѣе разъяснена; дѣло близко было уже къ тому, чтобы заключиться единообразнымъ печатаніемъ“³⁾.

Къ печатанію все и было приготовлено—матрицы, пунсоны. Типографскій станокъ готовился дать русской церкви печатныя нотныя книги въ крюковомъ знамени. Но дѣло обрывается, какъ обрывается неожиданно весьма многое въ русской жизни съ концомъ XVII вѣка“.

Особенность исторіи церковнаго пѣнія въ этотъ періодъ составляетъ вліяніе на него западной школы. Безчисленныя толпы малорусскихъ выходцевъ внесли свои элементы почти во всѣ среды умственной жизни нашей Руси. Къ этому времени

¹⁾ Сахаровъ, О рус. ц. пѣніи, *Ж. Мин. Пр.* 1849 г. февраль.

²⁾ Удольскій, Замѣч. обн. ист. ц. пѣнія *Чт. Общ. Ист. и др.* 1846 г., № 3.

³⁾ Безсоновъ, судьба нотныхъ пѣвчихъ книгъ. *Пр. Обозр.* 1864 г. май.

Малая Русь уже была наполнена трудами по мусикійскому партесному пѣнію, для изученія котораго были руководства, написанныя польскими теоретиками. Особенной знаменитостью пользовалась пѣвческая грамматика Дилецкаго, изъ Вильны и Смоленска проникшая въ Москву и даже на Уралъ—къ Строгановымъ. Пѣвчіе стали пѣть уже не по книгамъ, а по *тетрадкамъ*. Хотя патріархъ Іосифъ „сему прекословіе творяше“, но Никонъ и царь покровительствовали партесному пѣнію, и у насъ на Москвѣ, явились уже недюжинные композиторы, писавшіе не только для четырехголосныхъ хоровъ, но на 8 и на 12 голосовъ, хорошо знакомые съ теоріей музыки италіанской ¹⁾.

Распространились концерты, псалмы, доселѣ на Руси не слыханные. Напрасно возражали противъ этого сочинительства. Хранители благоговѣйной старины упорно выставляли, что „нынѣ поютъ со движеніемъ всея плоти, съ покиваніемъ главы, съ помаваніемъ рукъ, съ воплями и висканіями безчинными“. Увлечение новизною было слишкомъ сильно и соотвѣтствовало бурно переживающемуся тогда времени“ ²⁾. Россію наводнили юго-западные „спѣваки“. Это увлеченіе кievскимъ пѣніемъ рѣшило и участь крюковой системы. Новое пѣніе даже отразилось на внѣшности и лицахъ поющихъ: вмѣсто старинныхъ бородатыхъ пѣвцовъ, одѣтыхъ въ русскіе полукафтаны, явились пѣвчіе, подобно юго-западнымъ, бритые и усатые, въ польскихъ одеждахъ, съ закинутыми разрѣзными рукавами...

Шестилѣтнее царствованіе Θεодора Алексѣевича было знаменательно въ исторіи нашего просвѣщенія,—оно ознаменовалось сильною борьбою восточнаго и западнаго направленія, усиленіемъ училищъ, развитіемъ типографскаго дѣла и основаніемъ въ Москвѣ Академіи.

Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ дѣйствовали на Москвѣ два ученые мужа — *Епифаній* Славинецкій и *Симеонъ* Полоцкій. Оба они были люди широкаго образованія, пользовались вліяніемъ и трудились первый, завѣдуя Чудовскимъ, патріаршимъ училищемъ, второй—училищемъ въ Спасскомъ монастырѣ. Оба они выходцы Юго-Западной Россіи, но совершенно расходились въ характерѣ, въ направленіи дѣятельности, даже въ учености.

Епифаній держался греческаго и старорусскаго направленій; Симеонъ былъ представителемъ направленія западнаго. Такъ какъ тотъ и другой имѣли значительное вліяніе, то около каждаго сгруппировались ученики и послѣдователи ихъ возрѣній. Отсюда и образовались „восточники“ и „западники“ ³⁾.

Епифаній былъ вполне ученый, кабинетный труженикъ. Онъ работалъ надъ исправленіемъ книгъ; превосходно зналъ греческій языкъ, славянскій, былъ знатокъ и латинскаго, но не любилъ къ нему обращаться. Въ трудахъ литературныхъ онъ отличался основательностію. Какъ строгій хранитель православія, онъ защищалъ его въ полемическихъ трудахъ своихъ. Духъ и характеръ своихъ научныхъ

¹⁾ Въ бібліотекѣ Синодальнаго пѣвческаго училища отъ этой эпохи сохранилось *на 12 голосовъ* 160 концертовъ, 14 „службъ Божіихъ“, всѣ задостойники, причастны и 12 херувимскихъ; 48 соч. *на 8 голосовъ*, 105 — *на 6 голосовъ* и 332 — *на четыре голоса*, *Смоленскій*, обзоръ истор. концертовъ. М. 1855 г. стр. 21. Въ числѣ композиторовъ были: свящ. *Титовъ*, *Редриковъ*, *Бавыкинъ*, діаконъ *Яковлевъ*, *Вас. Виноградовъ*, *Ив. Леонтьевъ*, *Калашиковъ*, *Сидовъ*, *Дьяковскій*, *Колпенскій*, *Протопоповъ*, *Нарицынъ* и др.

²⁾ Тамъ же, стр. 18.

³⁾ Живую характеристику Епифанія и Симеона и ихъ отношеній представляетъ пр. І. И. *Образцовъ* въ ст. „Братья Лихуды“. *Жур. Мин. Пр.* 1866 г.

ислѣдованій онъ старался передать и ученикамъ своимъ. Онъ былъ какъ бы преемникомъ Максима Грека.

Совсѣмъ другой характеръ имѣла дѣятельность Симеона Полоцкаго. Почти всю жизнь свою вращавшійся въ общественныхъ кругахъ, честолюбивый, искательный и ловкій, онъ далекъ былъ отъ скромности и смиренія. Онъ обладалъ ученостью и начитанностью, но та и другая было поверхностны и служили ему лишь для достиженія внѣшнихъ цѣлей. На Москвѣ о немъ говорили, что онъ учился такъ, „якоже обычай есть полякомъ и литвяномъ, по латински и по польски“¹⁾, Дѣйствительно, Симеонъ въ обоихъ этихъ языкахъ былъ знатокомъ, но по гречески разумѣлъ мало. Въ образованіи его и въ дѣятельности было много іезуитскаго. Но владѣя діалектикой и даромъ слова, онъ въ свое время славился, какъ ораторъ. Къ этому надо присоединить еще вывезенную съ запада страсть къ стихосложенію.

Симеонъ Полоцкій ввелъ на Руси *риѣмотворство*. Онъ писалъ множество поздравительныхъ рѣчей и посланій къ царю и знатымъ людямъ въ стихахъ, причемъ являлся иногда изысканнымъ, иногда грубымъ льстецомъ. Страсть къ виршеванію²⁾ доходила у Полоцкаго до того, что онъ даже мѣсяцесловъ переложилъ въ стихи. Выдающійся стихотворный трудъ Полоцкаго представляетъ „риѣмотворная псалтирь“, „художествомъ риѣмотворнымъ равномѣрно слоги и согласно конечно, по различнымъ стиховъ родамъ, переложенная“, изданная въ 1680 г.

На риѣмотворство Полоцкаго москвичи смотрѣли, какъ на упражненіе, недостойное ученаго человѣка, а переводъ псалтири прямо вызвалъ осужденіе³⁾. Сюда присоединялось сомнѣніе въ православіи Симеона, сомнѣніе въ другихъ случаяхъ не безосновательное. Архіепископъ Филаретъ пишетъ: „Русскіе юга, по самой мѣстной близости къ папизму, непримѣтно сроднялись съ нѣкоторыми его мыслями. Іезуиты, воспитывая русскихъ на югѣ, успѣвали убѣждать въ своихъ мнѣніяхъ даже такихъ людей, которые, какъ казалось имъ самимъ, ничего не хотѣли принимать іезуитскаго. А тѣ изъ русскихъ, которые, по жаждѣ къ просвѣщенію, рѣшались слушать уроки въ Римѣ, должны были публично одобрять римскіе произволы и осуждать востокъ“⁴⁾.

Симеонъ былъ чистъ въ православіи, но его свѣтскость и жизнь давали поводъ злорѣчію. Состоя при дворѣ въ качествѣ учителя царевича, онъ имѣлъ у себя сильныхъ покровителей.

Слѣдуетъ замѣтить, что и самое Московское общество того времени разошлось въ сочувствіи направленіямъ Епифанія и Симеона: защитники русской старины и обычая были на сторонѣ перваго, а приверженцы запада, въ томъ числѣ ближніе бояре, сочувствовали Симеону.

¹⁾ Остенъ. 1865 г. стр. 71.

²⁾ *Вирши* испорченное латинское *versus*—стихъ.

³⁾ Патріархъ Іакимъ писалъ о Псалтири Полоцкаго, что эта „Псалтирь не яже Давида Богоотца Духомъ Святымъ вѣщанная, но или съ польскихъ книгъ онъ, Симеонъ, собра, или готовую преведе отъ Яна нѣкоего Кохавовскаго, латинина суща, или Ополинарія еретика сложенную, яже многи прилогы и отъятія имать въ себѣ, о ней же пишетъ св. Григорій Богословъ въ первомъ Словѣ къ Клидонію... „Остенъ“. 1865 г. стр. 137. Но Симеонъ не пользовался стихотворною псалтирью Анолинарія, такъ какъ по гречески не былъ свѣдущъ; польскими же стихотворными псалтирями пользовался. См. *Смирнова*, изъ исторіи Рос. образованія въ XVII в. *Журн. Мин. Пр.* 1894 г. декабрь.

⁴⁾ *Филаретъ*, Ист. Р. Ц. IV, стр. 184. Известно, что іезуиты допустили Пал. Роговскаго къ слушанію лекцій въ Вильнѣ и въ Римѣ лишь подъ условіемъ принятія имъ уніи.

Что польскіе обычаи мало по малу вторгались въ русскую жизнь, объ этомъ указаніе находимъ въ риѣмотворной псалтири Симеона Полоцкаго „*Мнози*, пишеть онъ, во всѣхъ странахъ Малыя и Бѣлыя, Черныя и Червонныя Россіи, *паче* же въ Велицѣй Россіи въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ *Москвѣ* возлюбльше сладкое и согласное (хоровое, очевидно) *пѣніе польскіе псалтири* стиховнѣ переложенныя, *обыкша тѣя псалмы пѣти*, рѣчей убо или мало, или ничтоже знающе и точію о *сладости пѣнія* увеселяющесея духовнѣ“¹⁾.

Псалтирь пользовалась на Руси особеннымъ уваженіемъ, она читалась въ церкви, въ школѣ, въ семьѣ, даже въ пути; но древность наша стихотворныхъ переложеній этой книги не знала, да еще съ польскими мелодіями. Тѣмъ не менѣе на Москвѣ „*мнози*“ пѣли польскіе псалмы, даже не разумѣя словъ.

Вліяніе Запада сказывалось въ жизни. XVII вѣкъ былъ вѣкомъ критическаго пересмотра основъ пережитой жизни. Прежде русскіе ставили себя выше всѣхъ, указывая на свое православіе, а теперь появились голоса, осуждающіе русскіе порядки²⁾, появилась переимчивость порядковъ Западныхъ. Такимъ образомъ восточное и западное направленіе ученыхъ партій находило отзывъ въ жизни.

Но пока не было повода, партіи не вступали въ борьбу. Поводъ представился, когда возникъ вопросъ—кому руководить на Руси высшимъ образованіемъ, когда учредилась на Москвѣ греко-латинская школа, впоследствии преобразованная въ академію.

О возникновеніи этого училища Поликарповъ, бывшій самъ ученикомъ его, сообщаетъ, что оно вызвано было рассказомъ Царю Ѳеодору объ оскудѣніи божественнаго ученія въ Греціи.

Въ 1679 г. возвратился изъ путешествія по востоку іер. Тимоѳей и, бывъ представленъ царю, повѣдалъ ему „тамошнее отъ тиранской руки лютое порабощеніе, церквамъ святымъ опустошеніе и свободныхъ греческихъ наукъ, *къ восточной благочестивой вѣрѣ потребныхъ*, предъ прежними лѣты оскудѣніе“... Царь Ѳеодоръ „сердцемъ велми умилился, и божественнымъ огнемъ по благочестію воспалень возжела тамо умалемое ученіе здѣ насадити и умножити“³⁾.

Историки сомнѣваются, чтобы рассказъ о бѣдствіи востока былъ причиною учрежденія училища. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Упадокъ и порабощеніе Византіи указывали, что Руси Провидѣніе судило быть преемницей и хранительницей греческаго православія и духовнаго просвѣщенія. Царь учреждаетъ *греческое*

¹⁾ Пс. риѣмотв. Предисловіе къ благочестивому читателю, л. 2.

²⁾ Въ XVII в. проявляется уже недовольство стариннымъ русскимъ бытомъ. На одномъ отрывкѣ изъ космографіи Меркатора, 1684 г. есть современныя помѣты переносчика противъ нѣкоторыхъ мѣстъ текста. Такъ въ текстѣ говорится о русскихъ: „поученія изустнаго въ церквахъ ихъ нѣтъ; *большаго* ученія книжнаго не имугъ — самымъ *простымъ* обычаемъ *учатся*“, на брезѣ приписка: „зри и странне невѣдѣніе наше не хвалятъ“. Противъ словъ: „женское тамъ бѣдное и нужное житіе: всѣ взаперти въ домахъ живутъ, а которая нескрыто живетъ, то за добрую и честную жену не имѣютъ“, на поляхъ: „зри и сего не хвалятъ права“. Далѣе: люди обманчивы и лукавы: больше любятъ неволю и людей въ неволѣ держать и всѣ называются холопами великаго князя“, на поляхъ: „о родъ россійскій, зри изъ сего себѣ отъ странъ похваленія“. *Пекарскій*, ч. I, стр. 334. Но въ другихъ спискахъ космографіи о Россіи пишется съ похвалою: „монастыри же и церкви во градахъ зѣло благолѣніемъ красятся и чуднымъ зданіемъ и доброслушными кампаны, еже есть колокола—и во всей Европіи подобныя тоя земли нѣсть. Человѣцы же брадами и платьемъ изрядны, нравы же непостоятельны“.

³⁾ *Поликарповъ*, „Историч. извѣстіе“... Др. Рос. Вивліюв. 1791 г. ч. XVI.

училище, да не угаснетъ свѣтъ ученія, воспринятаго Русью отъ Грековъ. Здѣсь, видится сознание царемъ высокой миссии православной Руси.

Патріархъ Іоакимъ охотно воспринялъ мысль царя и собралъ до 30 учениковъ, которые на первое время (1679 г.) были помѣщены при Московской типографіи ¹⁾.

Трогательно участие царя и патріарха въ этомъ училищѣ. „Колико же и каково тщаніе имѣша, какъ царь такъ и святой патріархъ, пишетъ Поликарповъ, о томъ здѣ немощно писати подробно, развѣ вкратцѣ рещи: сами своими высокими особы и купно и по единому особъ, явнымъ и тайнымъ образомъ, едва не на всякую седмицу въ типографію прихождаху утѣшаться духомъ о новомъ и неслыханномъ дѣлѣ; учащихся же ущедряху богато одеждами, червонцы и проч. привиллегіи“. Такое участие свидѣтельствуетъ, что царь и патріархъ не только вполне понимали значеніе высшаго училища, какимъ было вновь основанное, но и готовы были оказать ему всякое содѣйствіе ²⁾.

На первое время училищемъ завѣдывалъ іер. Тимоѳей, а учителемъ былъ ученый грекъ Мануиль (Левендатовъ). Патріархъ Іерусалимскій Досифей, узнавъ объ основаніи училища, по этому поводу пишетъ царю: „Благодаримъ Господу Богу, яко благоволили есте быти въ царствующемъ градѣ Москвѣ еллинскому училищу. Еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостоль. Еллини бяху святіи Отцы, еллински написашеся дѣяніе св. соборовъ и св. отцевъ списаніе и вся святыя церкви книги, и сіе есть *божественное дѣло*, еже учити христіаномъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, якоже писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно и наипаче, *дабы отдалены были отъ латинскихъ*, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожія. Просимъ святое царство Твое тое училище утвердити и впредь распространити... Еллинскимъ языкомъ просвѣтити люди Твоя въ высшее познаніе истиннаго разумѣнія, яко прапрадѣдъ царствія Вашего В. Кн. Россійскій Владиміръ, крестивъ народы, сущія подъ нимъ, взя учителя *отъ Грекъ* и учаще тогда греческимъ ученіемъ и цѣніе во святыхъ церквахъ совершашеся по гречески купно и словенски. Аще потомъ и оскудѣ ученіе оное еллинско, за нѣкые случаи: но нынѣ желаемъ обновитися и совершиться“ ³⁾.

Въ посланіи патріарха уже находится предупрежденіе, чтобы новыя школы „отдѣлены были“ отъ латинскихъ. Это заявленіе касалось и нашихъ западниковъ. А между тѣмъ они, съ Симеономъ во главѣ, считая себя болѣе образованными и способными, желали бы имѣть руководящее въ новомъ училищѣ вліяніе тѣмъ болѣе, что у царя была мысль — преобразовать его въ академію. Такое первенствующее значеніе новаго училища, при сочувствіи къ нему царя, дѣлало его руководящимъ для другихъ школъ и дающимъ направленіе всему образованію на Руси.

Первую попытку западниковъ проникнуть въ училище было ходатайство, чтобы въ училищѣ преподавался и латинскій языкъ, но это предложеніе вызвало

¹⁾ Твор. Св. Отцовъ. Приб. 1845 г. кн. 2. Горскаго.

²⁾ Царь Ѳеодоръ любилъ образованіе и высоко цѣнилъ его. Что ему были знакомы образовательныя мѣры Западной Европы, объ этомъ говоритъ тотъ фактъ, что въ проектѣ царя о призрѣніи „по еуропскимъ обычаямъ“, велѣно дѣтей нищихъ заирать и въ школы отправлять“. Берхъ, царств. Ѳеод. Ал. Спб. 1855 г. I, стр. 86.

³⁾ Приб. къ твор. Св. Отцовъ. 1845 г. ч. 2, стр. 175 и д.

обличеніе защитниковъ греческаго языка. Одинъ изъ нихъ (Павель Негребецкій) писалъ, что мы вѣру и книги получили отъ грековъ, что греческій языкъ близокъ къ славянскому, что ему обучается вся Европа, а главное—указывалъ на опасности изученія латыни для православія. „Хотя бѣлоруссы и учатся латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго ученія (кромѣ Львова, что учатся гречески), однакоже припоминати надобно, что малая часть изъ тѣхъ во унию не падаютъ; а тѣ, кто не падаютъ, познаваются въ нихъ *останки езувическія*: понеже езувиты не учать ихъ высокими науками, покамѣстъ предъ Богомъ не обѣщаются держати латинской религіи...“¹⁾

Ходатайство не имѣло успѣха. Между тѣмъ царь желалъ видѣть академію и велѣлъ заготовлять проектъ правилъ и привилегій для нея. Въ составленіи ихъ принималъ живое участіе Симеонъ Полоцкій, не безъ основанія рассчитывавшій, что можетъ получить въ ней главенство, тогда и партія западниковъ получила бы силу. Училище, съ преобразованиемъ его, положено было перевести въ Спасскій монастырь. Грамота объ учрежденіи академіи была составлена и опубликована. „И благоволимъ, говорится въ ней, въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, при монастырѣ премудрости и смысла подателя *Всемиластиваго Спаса, иже въ Китаѣ (городѣ) на пескахъ, нарицаемомъ Старый*, на взысканіе юнымъ *свободныхъ ученій мудрости*, и собранія общаго ради отъ благочестивыхъ и въ писаніи божественномъ *благонкусныхъ дидакаловъ* изощренія разумовъ, *храмы чиномъ Академіи устроить*. И во оныхъ хошемъ сѣмена мудрости, то-есть, науки гражданскія и духовныя, *наченше отъ грамматики, пѣтики, риторики, діалектики, и философи разумительной (умозрительной) естественной (физики) и нравной (нѣйки), даже до богословія, учащей вещей божественныхъ (созерцательной) и совѣсти очищенія (нравственной), постановити*. При томъ же *и ученію правосудія духовнаго и мірскаго (право церковное и гражданское), и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость Академіи, сиречь училищъ, составляетъ быти*. И въ ней всему чину Академическому, *иже чинъ напишется*, и нашимъ царскимъ разсмотрѣніемъ, по совѣту со отцемъ нашимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ, усудится, постановится и утвердится, и оному во всякой цѣлости непорушно содержатися. Блюстителю же того дѣла и учителемъ *подобающее учрежденіе сотворити*, заповѣдающее всѣмъ, *иже требуютъ ума, да приидуть тамо, и ядятъ хлѣбъ слова Божія и пѣютъ* вино разсужденія, безъ всякаго сребродаяніи, тунѣ“²⁾.

Какъ высоко смотрѣлъ царь Ѳедоръ на образованіе, видно изъ восхваленія въ грамотѣ мудрости, которая изображается такими чертами: „ею слава Божія умножается, православная восточная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости сохраняется и расширяется; варварскіе народы богопознаніемъ просвѣщаются, иновѣрная царствія къ благовѣрію обращаются, правовѣрныя же къ извѣстнѣйшему познанію догматовъ вѣры достигаютъ и очищенія совѣсти хранить научаются“. Такія задачи ставились высшему духовному образованію въ Академіи.

Когда возникла мысль объ академіи, естественно возникъ вопросъ объ *учителяхъ*,—кому ввѣрить руководство высшимъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ взять учителей? Своихъ ученыхъ знатоковъ у насъ не было, или они занимали должности іерархическія; призвать иноземцевъ было опасно и не желательно; посылать рус-

¹⁾ Приб. къ твор. Св. Отцовъ. 1845 г. ч. Ш, стр. 176 и д.

²⁾ Приб. къ Твор. Св. Отцевъ. 1851 г. Начало Слав.-Гр.-Лат. Акад.

скихъ за границу боялись, дабы они „узнавъ таможныхъ государствъ вѣру и обычай, не начали бѣ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили“¹⁾. Оставалось прибѣгнуть или къ Грекамъ, или къ юго-западнымъ ученымъ. Но послѣдніе раздѣлились и между собою. Епифаній Славинецкій съ Еоиміемъ и другими учениками стоялъ за славяно-еллинское ученіе, а Симеонъ Полоцкій съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ и другими послѣдователями — за латинскую ученость. Патріархъ обратился съ просьбою къ патр. Досіею о высылкѣ учителей.

Въ отвѣтъ на эту просьбу патріархъ Досіею рекомендовалъ братьевъ Лихудовъ—Іоанникія и Софронія для устройства въ Москвѣ высшаго училища. Патріархъ Досіею писалъ о Лихудахъ, что они „во священномъ ученіи довольны и объяти быша философскими же и богословскими науками и могутъ учить „православно и благочестиво“.

Это были люди знатнаго рода, высокой учености, получившіе лучшее европейское образованіе того времени и сохранившіе чистоту православія, люди призванія²⁾. Прибывши въ 1668 г. въ Москву, Лихуды устроили училище и оно быстро наполнилось учениками. Сюда вошла и типографская школа, болѣе 40 боярскихъ дѣтей, явились слушать ученіе и люди пожилые, „священники, іеродіаконъ, монахи и всякаго чина царствующаго града Москвы“.

Лихудамъ приходилось не только организовать обученіе, писать учебники почти по всѣмъ предметамъ³⁾, но даже строить и самое зданіе.

Но братья Лихуды не ограничивались академіей, — они приняли участіе въ рѣшеніи религиозныхъ вопросовъ, волновавшихъ тогда Москву. Лихуды жестоко обличили проходимца — бѣлоруса Яна Бѣлобоцкаго, который просилъ у патріарха мѣста учителя въ училищѣ и представилъ свое исповѣданіе вѣры, которое, по обличенію Лихудовъ, оказалось смѣсью латинскаго и греческаго исповѣданій. Лихуды явно стали на сторону *восточниковъ*. Вопросъ о евхаристіи, волновавшій всю Москву, также служилъ пораженіемъ западниковъ, при участіи ученыхъ братьевъ. Сильвестръ Медвѣдевъ, первый и сильнѣйшій пособникъ Полоцкаго, поплатился за свое западничество (по вопросу о времени пресуществленія) заточеніемъ⁴⁾.

Отношенія западниковъ и восточниковъ обострились. Лихуды сильно увеличили значеніе и силу послѣднихъ своимъ участіемъ; но западники имѣли сочувствіе въ высшихъ кругахъ, гдѣ многіе побывали за границей. Всѣ почти южно-русскіе выдающіеся дѣятели этой эпохи тамъ получали или заканчивали свое образованіе, каковы—Петръ Могила, Иннокентій Гизель, Ясинскій Варлаамъ, Іоасафъ Краковскій. Изъ сѣверныхъ—Палладій Роговскій, Іоакимъ Богомолевскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ. Изъ лицъ свѣтскихъ — князь Оболенскій, Михаилъ Лыковъ („бывъ посланъ за море въ Ерманію, и тамо навѣкъ добръ алеманскому

¹⁾ *Котошчинъ*, Россія въ ц. Алексѣя Мих. 1840 г., гл. IV, стр. 41.

²⁾ См. автобіографическія свѣдѣнія въ книгѣ Лихудовъ „Мечець духовный“, а также въ Ист. Словенскихъ пис. м. *Евгенія* ч. I, стр. 232 и д., въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1867 и 1878 г. (ст. Мирковича) и ст. I. Я. *Образцова* „братья Лихуды“.

³⁾ Съ 1686 г. по 1693 г. Лихудами изготовлено было 6 учебниковъ, въ томъ числѣ риторика, логика, психологія, физика. Лихуды имѣютъ собственную богатую бібліотеку. *Мирковичъ*, *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878 г.

⁴⁾ Лихуды также не избѣгли послѣ заточенія — за участіе въ политическихъ дѣлахъ и за сообщенія по сему предмету въ Константинополь.

языку“); кн. Хворостинъ (пытался бѣжать за границу); при Алексѣѣ Михайловичѣ— бѣжалъ и поселился во Франціи Ордынъ-Нащекинъ.

Палладій Роговскій — учился въ Ольмюцѣ, слушалъ высшіе богословскіе и философскіе курсы въ Римѣ, „гдѣ воспріялъ на главу вѣнецъ, на руку перстень, по свидѣтельству всѣхъ докторовъ, поставленъ докторъ или учитель философіи и богословія, яко о томъ свидѣлствуютъ листы богословскіе, отъ нихъ данны“¹⁾.

Бывали случаи, что и простые монахи ходили учиться богословію и философіи за границу.

Такъ св. Дмитрій Ростовскій въ своемъ Дневникѣ (Диаріумѣ) подъ 1684 г. отмѣчаетъ, что „братъ Теофанъ отправился въ дальнія страны—Богъ вѣсть съ какимъ намѣреніемъ“. Оказалось, что онъ ходилъ учиться богословію въ Парижъ и Римъ²⁾.

О вредномъ вліяніи запада на Русь этой эпохи свидѣлствуютъ сами иностранцы. Такъ Маржеретъ пишетъ, что многіе русскіе, побывавъ за границей, по возвращеніи въ отечество, смѣялись въ кругу пріятелей надъ невѣжествомъ Москвитянъ, и приводятъ въ примѣръ посла Борисова, постника Дмитрія, познавшаго въ Даніи „истинную вѣру“—лютеранство. Вольномысліе проникло въ высшіе слои общества. Такъ кн. Хворостининъ открыто кощунствовалъ, „людямъ своимъ въ церкви ходити не велѣлъ, а говорилъ, что молиться не для чего и воскресенія мертвыхъ не будетъ“³⁾.

Поэтому естественно, что православные русскіе люди съ недовѣріемъ смотрѣли на цивилизацію Запада и ея представителей на Руси.

Оставляя въ сторонѣ борьбу партій по богословскимъ вопросамъ, мы остановимся лишь на томъ, что относится прямо къ образованію и судьбѣ академіи — именно, на вопросѣ о значеніи языковъ греческаго и латинскаго въ образованіи и на спорѣ о преобладаніи того или другого въ академіи.

Вопросъ о значеніи греческаго и латинскаго языка являлся вопросомъ о преобладаніи византійскаго или латинопольскаго вліянія въ Москвѣ, ставился вопросъ о греко-русскомъ или латино-польскомъ образованіи.

Иезуиты покрыли уже сѣтью школъ Западную Европу, успѣли проникнуть въ Москву⁴⁾, открыли свою пропаганду. Среди русскихъ они мало встрѣчали сочувствія; но съ преобладаніемъ латинскаго образованія, они могли надѣяться на большій успѣхъ, особенно при извѣстной ихъ ловкости пользоваться обстоятельствами, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Западники указывали на Европейскую культуру, на высоту образованія Европы, на развитіе наукъ, усовершенствованія, наконецъ, на успѣхъ западной школы вообще и богословскихъ наукъ въ частности. Противниковъ своихъ они считали невѣждами, хотя удивлялись ихъ стойкости.

Такимъ образомъ въ сущности вопросъ шелъ не о языкѣ и цивилизаціи, а о православіи, которому грозила опасность отъ нашествія латино-польскихъ идей и стремленій. Такъ понимали дѣло дальновидные современники. „Сихъ ради всѣхъ,

¹⁾ Др. Р. Визл. XVIII. Челобитная Роговскаго. См. также Горожанкина, Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, стр. 16.

²⁾ Шлякинъ, св. Дмитрій Рост. и его время, стр. 373.

³⁾ Собр. Госуд. Грам. Ц. Михаила 1632 г.

⁴⁾ Съ 1684 г., съ римскимъ посломъ, прибылъ иезуитъ Вота, и уже въ 1685 г. въ Москвѣ была основана иезуитская школа, гдѣ стали учить русскихъ дѣтей и писать сочиненія для совращенія православныхъ. Гр. Толстой, Р.-Катол. въ Россіи, стр. 111 и д.

пишетъ одинъ изъ школы Славинецкаго, подобаеъ некосненно, недремлющимъ умомъ архипастыремъ и всѣмъ купно начальникомъ духовнымъ и мірскимъ предъразумѣвати, предваряти, премышляти и угашати моленми, ученми и запрещенми малую искру латинскаго ученя, не давати тѣй раздмитися и воскуритися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія растекся, воспалить и въ ни что же обратить *православія восточнаго истину*... Аще же народъ Великороссійскій будетъ учитися греко-славенски (подаждь Господи!) и чести книги оныя, всѣхъ ихъ предреченныхъ бѣдъ избѣгнутьъ и согласныя во всемъ и купно чисты будутъ съ святою восточною церковію и со святѣйшими равночисленными св. евангелистомъ патріархи, и истинно ученицы Христовы будутъ, и здрави, и тверди, и непозыблеми отъ прираженія инославныхъ пребудутъ въ православной вѣрѣ, основани не на песцѣ новомышлений, но на *твердомъ* основаніи водруженѣ, на самомъ краеугольномъ камени Христѣ, инаго бо основанія никто же можетъ положить. Еще и святѣйшіи патріархи подадутъ вящее благословеніе и молитву о благостояніи Великороссійскаго царствія, народи вся окружніи, сущіи православія восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому величеству преклонятся. Но и *противнии западницы* и уніи мужеству, *твердости и постоянству* въ вѣрѣ Великороссійскаго народа *почудятся*, яко ничто возможе ихъ поколебати, и свой народъ, наченъ *отъ благородныхъ до простыхъ и самыхъ поселянь*, услышавше ученіе греческое, возрадуются и похвалятъ; и мятежницы церкви, отложше всякую молву, утишатся и церкви св. покорятся и прилѣпятся чрезъ покаяніе. Аще же услышится *въ народъ*, паче же въ *простакахъ латинское ученіе*, не вѣмъ, коего блага надѣяться; точію избави Боже всякія противности“.

„Егда услышатъ латинское ученіе въ Москвѣ наченшееся врази истины, плевелосѣятели тернія западнаго во среди чистыя пшеницы, изъ востока насѣяныя, *лукавиі іезуиты* подыдутъ, и неудобнознаваемыя свои силлогисмы, или аргументы душетлительныя начнутъ злохитростно *застѣвати*, тогда что будетъ? Ни что ино, точію окоптѣлый очистительнаго огня дымомъ латинскаго смышленія зачнется куколь, и родить *любопытнія*, потомъ (пощади Боже) *отступленіе* отъ истины, еже страждетъ, или уже *пострада Малая Россія*: пріучившіся латыни, быша *мало не вси уніаты*; рѣдци и ошашася православніи“.

Въ спорѣ о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ принялъ участіе и самъ патріархъ Іерусалимскій Досиѳей, который указывалъ, что св. писаніе „Св. Духъ на еллинскій языкъ претолкова“; церковь истинная этотъ языкъ предпочитаетъ; на немъ писаны опредѣленія вселенскихъ соборовъ, завѣщанія и каноны, правила церковныя; на латинскомъ же языкѣ „написана суть толика ереси, толика шпынства, паче безбожества“¹⁾.

Патріархъ Досиѳей подозрительно смотрѣлъ на Кіевскихъ ученыхъ выходцевъ на Русь. Онъ писалъ: „нынѣ въ той странѣ, глаголемой козацкая земля (украина) суть нѣцый, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити и игумени, прочитаютъ *неподобная мудрованія* въ монастыряхъ и носятъ іезуитскія ожерелья“... Умоляя положить этому предѣль, Досиѳей заключаетъ: „о дабы благочестивый и на Москвѣ сохраненъ былъ обычай, по древнему уставу, еже не было бы игумена и архимандрита отъ казацкаго народа“²⁾.

¹⁾ *Прав. Собес.* 1862 г., ч. III, стр. 88.

²⁾ „Св. Дмитрій Ростовскій“. Москва. 1849 г., стр. 231.

„Подобаеть наипаче учитися гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, но и зѣло исправляется и учити *купно съ словенскимъ*, яко да временемъ и словенскій языкъ (который *пребогатъ есть*), очистится и межъ иныхъ ученыхъ языковъ, сочетается. А по греческомъ ученіи легче хотящему невредительно учитися и латинскому“.

Греческій языкъ „по самымъ стихіемъ, или письменемъ, и по осьми частемъ грамматики и сочиненію тѣхъ *ствойственъ* славенскому. Латинскій языкъ и ученіе, и писаніе во всѣхъ сихъ славенемъ намъ *чуждо* и далече отсутствующе, и не точію непотребно отнюдь, но паче вредно и губительно“.

„Первѣе полагаются здѣ, яко стихіа, или письмена греческая *подобобразная* письменемъ словенскимъ въ видѣ и начертаніи; латинская же много отмѣнна и *неслична*, не точію въ видѣ, но и въ чинѣ и числѣ“... *латинскія литеры греческимъ и словенскимъ, яко козлища овцѣ, много зѣло не подобятся*“; греческая же письмена и славенская *яко овца съ матерію подобствуютъ* ¹⁾.

Борьба усиливалась, страсти разгорались, противники озлоблялись и переходили въ крайности, какъ всегда бываетъ при увлеченіи споромъ. Образовалась обширная полемическая литература. Въ концѣ концовъ пострадали обѣ борющіяся партіи, или вѣрнѣе—ихъ руководители ²⁾.

Однако же восточники удержали свое положеніе. Благодаря просвѣщенной и неутомимой дѣятельности Лихудовъ, школа ихъ преуспѣвала и сохраняла духъ и характеръ еллино-славянской школы. Но царь Θεодоръ не дожиль до преобразования ея въ академію. Онъ умеръ, не совершивъ этого дѣла. Стрѣлецкій бунтъ, волненія раскольниковъ, юность царя, двуцарствіе и смуты не давали спокойнаго времени для осуществленія широко задуманной цѣли.

Заключительной картиной древне-русскаго воспитанія можетъ служить рассказъ Крекшина о книжномъ ученіи юнаго Петра, будущаго преобразователя Россіи.

Рассказъ этотъ весьма типиченъ. Наивная рѣчь рассказчика и подробности дворцоваго быта ручаются за его достовѣрность. „Егда царевичу Петру Алексѣевичу приспѣ время книжнаго ученія и писанія, *аще отъ рожденія бысть пяти-*

¹⁾ Рук. Соф. библ. въ Сиб. Акад. № 423. Авторъ обстоятельно доказываетъ необходимость члена (ареронъ), говоритъ о „тѣснотѣ и убожествѣ“ лат. языка, о его непригодности для точнаго перевода св. Писанія. См. ст. *Мирковича въ Журн. Мин. Нар. Пр.* 1878 г. „О школахъ и просв. въ патріаршіи періодъ“.

²⁾ Кромѣ главныхъ руководителей (Елифаній и Симеонъ), каждая партія имѣла видныхъ дѣятелей: восточники—Евфимія, западники Сильвестра Медвѣдева. Каждый изъ нихъ доводиль до крайности направленіе учителя. Вотъ какъ характеризуетъ І. Образцовъ того и другаго. „Если Елифаній по учености былъ Грекъ по преимуществу, то Евфимій сталъ Грекомъ исключительно. Если Елифаній не много былъ расположенъ къ латинянамъ и ихъ учености, которую тогда переносили и въ Москву изъ Кіева, то ученикъ его сталъ всѣми своими симпатіями противъ латинскаго міра. Если Елифаній, наконецъ, считалъ неловкимъ для инока вмѣшиваться въ дѣла гражданскія и ютился болѣе около церковной власти, то Евфимій уже рѣшительно держался стороны однихъ только патріарховъ: послѣ Іоакима онъ былъ правою рукою патріарха Адріана. То же нужно сказать и о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. Медвѣдевъ забылъ, что учитель его уважалъ ученыхъ Грековъ и самъ зналъ по-гречески,—онъ зналъ только по-латински и любилъ только латинскихъ ученыхъ. Гдѣ Симеонъ былъ еще довольно сдержанъ, остороженъ, и по возможности, осмотрителенъ, тамъ ученикъ его не наблюдалъ никакой сдержанности и осторожности. Медвѣдевъ прямо и явно высказывалъ то, что учитель его говорилъ только между немногими или записывалъ въ кабинетѣ. Полоцкій тяготѣлъ къ царскому двору и къ аристократіи, но не извѣстно, чтобы когда-либо прибѣгалъ къ интригамъ; Медвѣдевъ уже былъ участникомъ явныхъ возмущеній. „Образцовъ“, „Братья Лихуды“, стр. 740.

мтень, но возрастомъ и острою разума одаренъ былъ отъ Бога, тогда великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ весьма любяше государя царевича Петра Алексѣевича, и зрѣнія ради его, часто приходя ко вдовствующей великой государынѣ Наталіи Кириловнѣ и глаголя: *яко время пристъ ученія царевичу Петру Алексѣевичу*. Великая же государыня проси великаго государя, чтобъ сыскать учителя *кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго божественное писаніе*. И бѣ тогда съ великимъ государемъ у великой государынѣ бояринъ Ѳеодоръ Соковнинъ. Онъ доносилъ ихъ величеству, что имѣется мужъ кроткій и смиренный, и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, *изъ приказныхъ*. Никита Моисѣевъ сынъ Зотовъ. Тогда великій государь повелѣ оному Соковнину Зотова представить къ ихъ величеству. И реченный бояринъ Соковнинъ велѣлъ Зотову идти за собою. И приѣхавъ къ дому царскаго величества, ввелъ Зотова въ переднюю и велѣлъ ему ожидать; самъ же поиде въ внутренніе покои къ великому государю и о Зотовѣ донесъ: Великій государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ повелѣлъ онаго Зотова къ его величеству ввести“. Когда царь потребовалъ Зотова къ себѣ, то скромный старикъ растерялся и долго не могъ придти въ себя. Но государь „пожаловалъ Зотова къ рукѣ и повелѣ ему писать и по писаніи книги чести“. Для испытанія приглашенъ былъ Симеонъ Полоцкій, „мужъ мудрый въ писаніи“. Царь велѣлъ ему „писаніе и чтеніе Зотова разсмотрѣть. Полоцкій писаніе разсмотря и слушавъ чтеніе, великому государю объявилъ: *яко право того писаніе и глаголь чтенія*“. Государь велѣлъ отвѣсти Зотова къ вдовствующей царицѣ Наталіи Кириловнѣ. Бояринъ доложилъ ей о Зотовѣ. И о семъ реченномъ слышавъ великая государыня, повелѣ Зотова предъ себя ввести. Егда онъ вошелъ, тогда великая государыня изволила держать государя цесаревича Петра Алексѣевича за руку, а Зотову изволила говорить: *извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь; вручаю тебѣ единороднаго сына моего. Прими того и прилежи къ наученію божественной мудрости, и страху божію, и благочинному житію и писанію*. Зотовъ же, егда слыша сіе, *весь облился слезами и паде къ ногамъ великой государыни, трясая отъ страха и слезъ, глаголя: нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище*. Великая государыня повелѣ встати, рече: *Прими отъ руку мою. Не отрицайся прияти. О добродѣтели бо и смиреніи твоємъ азъ извѣстна*“.

„Царица пожаловала Зотова къ рукѣ, и повелѣ Зотову быть наутріе, для ученія государя царевича Петра Алексѣевича. Наутріе Зотовъ приде въ домъ царскій, къ вел. госуд. царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Тогда же изволилъ прибыть и великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, приде же и святѣйшій патріархъ (Іоакимъ). *Сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою, и благословивъ, вручи Зотову, Зотовъ же, приявъ государя царевича, посадя на мѣсто, сотвори поклоненіе и нача ученіе*“.

По установленному обычаю, царевичъ началъ учиться съ азбуки, потомъ перешелъ къ часовнику и псалтири, далѣе къ „апостолу“ и евангелію. Крекшинъ говоритъ, что Петръ „книжное ученіе толико имѣя въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ *наизустъ* могъ прочитати“.

Потомъ началось ученіе письму, въ которомъ Петръ оказался, какъ извѣстно, въ послѣдствіи неискусенъ, ибо имѣлъ почеркъ крайне неразборчивый. Но во всѣхъ другихъ предметахъ ученія онъ быстро успѣвалъ и обнаруживалъ исключительную даровитость.

Зотовъ былъ опытный наставникъ. Замѣтивъ быстроту ума царевича, особенно его страсть разсматривать картинки, онъ пожелалъ ею воспользоваться и сдѣлалъ очень умно приспособленія для своей цѣли.

Крекшинъ пишетъ, что „Зотовъ, усмотрѣвъ остроту разума и охоту къ ученію государя царевича, доносилъ великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кириловнѣ, что государь царевичъ одаренъ отъ Бога разумомъ и охотою ученія, и въ праздное время, *имѣеть забаву къ слушанію исторіи и часто изволилъ смотрѣть книги съ кунштами (рисунками) зданій, и взятіе городовъ, и боевъ, и прочихъ наукъ*: чтобъ соблаговолила (царица) *искусныхъ мастеровъ и знающихъ истину опредѣлить*, а государь царевичъ, въ праздные часы, вмѣсто забавъ, по природной остротѣ разума, охотою можетъ обучиться. Великая же государыня рада сему бысть, и повелѣлъ отдать всѣ историческія книги съ кунштами, *опредѣлила искусныхъ учителей* и вручи все Зотову. Зотовъ же книги и училища распредѣли въ разныхъ покояхъ и *приказалъ мастерствомъ драгимъ, красками, грады и палаты, зданія и дѣла военныя, и великіе корабли, и исторіи лицевыя, съ прописями, самымъ лучшимъ мастерствомъ писать*. Егда же блаженный сей отрокъ, государь царевичъ, въ ученіи книжномъ утрудится, что Зотовъ искусно наблюдалъ— и книгу изъ рукъ у государя царевича бралъ, и, въ увеселеніе, сказывалъ о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, царя и великаго князя Іоанна Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла, и дальныя нужные походы, бои, взятіе городовъ, и koliko претерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ колікія благополучія государству приобрѣли и государство російское распространили. Такъ повѣдалъ (Зотовъ) дѣла великаго князя Дмитрія Донскаго, и дѣла вел. кн. Владиміра и Александра Невскаго, и о прочихъ. *И отхождаше съ государемъ царевичемъ, для увеселенія, въ разныя ученіи по разнымъ покоямъ*; объявляя, яко безъ сихъ наукъ державнымъ монархомъ невозможно быть“¹⁾.

Какой разумный педагогическій приѣмъ! Зотовъ былъ извѣстный дипломатъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, знатокъ отечественной исторіи и совершенно русскій человѣкъ. Разказы его, конечно, были интересны для царевича.

Въ числѣ изучаемыхъ царевичемъ книгъ была такъ-называемая „царственная книга“, въ которой было „613 листовъ, а на тѣхъ листахъ 1072 мѣста“, то-есть, рисунка, которые раскрашивали опытные иконописцы. Были также и „потѣшныя книги“, тоже съ рисунками. Объ обученіи царевича *церковному пѣнію* хотя и не говорится, но оно было: извѣстно, что Петръ Великій самъ пѣвалъ на клиросѣ и любилъ пѣніе.

Трогательна рѣчь царицы-матери, которая, вручая учителю своего единственнаго сына для обученія, прежде всего желаетъ „*наученія божественной мудрости, страху Божію, благочинному житію и писанію*“. Наши предки вѣрили, что прежде всего надо искать царства Божія, а остальное приложится. Въ томъ же духѣ происходитъ и выборъ учителя. Государь желалъ наставника „*кроткаго, смиреннаго, вѣдущаго божественное писаніе*“. Избранный учитель, воспитавшійся въ

¹⁾ Сахаровъ, записки рус. люд. 1841 г. Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ Вел. Гос. Имп. Петра Великаго, собранное чрезъ недостойный трудъ послѣднѣйшаго раба Петра Крекшина, дворянина Великаго Новгорода.

той же школь церковной, оказался не только человѣкомъ широкаго образованія, но и замѣчательнымъ педагогомъ. Обученіе, какъ всегда, началось *молитвою*.

Петръ былъ послѣднимъ царевичемъ, который воспитывался по древне-русскому обычаю. Геніальная натура Петра впоследствии увлеклась Западомъ, но онъ всегда оставался чисто-русскимъ человѣкомъ, до самоотверженія любящимъ свое отечество, которому онъ служилъ, не щадя жизни.

Воспитаніе, повидимому, было скромное, домашнее, но даже иностранцы цѣнили его плоды. Тосканецъ Яковъ Рейтенфельдъ, посѣщавшій Москву въ 1670 г., писалъ о воспитаніи нашихъ царевичей: „изящными науками царскія дѣти не занимаются, кромѣ энциклопедическихъ познаній о предметахъ политическихъ, зато весьма тщательно изучаютъ, кромѣ чтенія и письма на отечественномъ языкѣ, состояніе своего государства и сосѣднихъ державъ, духъ и потребности подвластныхъ народовъ, различающихся языкомъ и нравами; приучаются *любить и уважать отечественные обычаи и неуклонно слѣдовать правиламъ религіи*. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что этотъ скромный и, повидимому, простой образъ воспитанія царскихъ дѣтей въ Россіи даетъ имъ прекрасное направленіе и гораздо полезнѣе, нежели изученіе всѣхъ тайнъ философіи и уроки самыхъ глубокомысленныхъ учителей“ ¹⁾.

Это говоритъ иностранецъ, который не знаетъ, въ чемъ сила этого воспитанія; мы же, русскіе, знаемъ, что въ той же школь воспитывалась вся Русь, что изъ этой школы выходили всѣ замѣчательные мужи, и дипломаты, высоко въ иноземнахъ государствахъ державшіе знамя русское, и Минины, и Пожарскіе, и мужи, прославившіеся святостью, и великіе святители земли русской; сила же этой школы въ глубокой связи ея съ православною церковію.

III. Распространеніе на Руси грамотности въ XV—XVII в. Библіотеки. Всеобщность образованія по взгляду нашихъ предковъ.

Изъ предъидущаго изслѣдованія видно, что на Руси съ XV в. были школы двухъ видовъ—*школы церковно-приходскія*, гдѣ обученіемъ руководило само духовенство, и *школы грамоты*, тоже церковнаго характера, гдѣ обучали *мастера*. Тѣ и другія школы были въ завѣдываніи церковной власти. Потребности собственно церковныя вызвали устроеніе церковныхъ *школъ высшаго порядка*, съ расширеннымъ курсомъ ученія. Объ устроеніи такихъ школъ ходатайствовалъ Геннадій Новгородскій и сдѣлалъ постановленіе Московскій соборъ 1551 г. Стремленія духовной власти въ этомъ направленіи заканчиваются въ XVII в. устроеніемъ славяно-греко-латинской школы, — высшаго общеобразовательнаго учрежденія церковнаго характера.

Предстоитъ вопросъ — насколько всѣ эти школы содѣйствовали распространенію грамотности въ народѣ въ эту эпоху. Проф. Лешковъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, признаетъ самое широкое распространеніе грамотности на Руси уже въ XV в. „Грамотность, пишетъ онъ, несомнѣнно была *весьма распространена* въ это время, судя по особому устройству быта, администраціи и судопроизводства въ Россіи. Сошное письмо и разнообразныя книги, опредѣлявшія права и обязанности

¹⁾ Журн. Мин. Пр. 1839 г. іюль. Сказ. о Россіи при Алексіи Михайловичѣ.

крестьянъ, посадскихъ и городскихъ жителей, и возбуждавшія въ нихъ потребность въ различныхъ выписяхъ изъ этихъ документовъ; противни или копии рѣшеній, выдававшихся, по Судебнику, старостамъ почти по всѣмъ дѣламъ, во всѣхъ общинахъ, для спора, то есть, въ предупрежденіе спора; покруты и порядныя, или условія крестьянъ съ владѣльцами, равно какъ и поручныя записи и поручныя сельскіе приговоры, и необходимость рукоприкладства при выборахъ, свидѣтельствѣ и т. п. актахъ,—все это уполномочиваетъ сказать, что *грамотность* на Руси едва ли не была *всеобщею*.

Два—три примѣра изъ юридическихъ актовъ достаточно убѣдятъ читателя въ вѣрности этого положенія. Послухи должны были *подписывать* акты ¹⁾, и мы встрѣчаемъ подписи повсюду: въ одномъ актѣ читаемъ, что Филиппъ Стефановъ руку приложилъ, а въ другомъ Савва послухъ руку приложилъ; далѣе трои послуховъ руки приложили, потомъ городской прикащикъ руку приложилъ и съ нимъ многія другія лица сдѣлали то же, за исключеніемъ одного, о которомъ сказано, что грамотѣ не умѣеть; къ одной записи приложили руки какіе то Михалко да Тренко ²⁾. Новгородскія купчія XIV в. писаны соцкимъ Иваномъ Степановичемъ, а грамоты 1404, 1501, 1571 г. писали Филя Сытникъ, Микита ямщикъ, монастырскій служка Пятко и т. д. ³⁾. Присоединимъ выборы отъ сельскихъ общинъ особыхъ земскихъ *счетчиковъ*, для провѣрки счетовъ, вмѣстѣ съ *приказными счетнаго дѣла*, — выборы, которые не могли упасть не только на безграмотныхъ, но даже на несвѣдушихъ въ счетоводствѣ ⁴⁾. Наконецъ прибавимъ, что принимая современныхъ раскольниковъ и старообрядцевъ за остатокъ древней Руси, мы не можемъ не видѣть въ ихъ современной значительной начитанности и грамотности слѣдовъ древняго первоначальнаго образованія. Тѣмъ болѣе, что ученіе грамотѣ должно было производиться, кажется, *въ каждомъ приходѣ, при каждой церкви*, имѣвшей право, по убѣжденіямъ XVI в., на пожертвованія именно для того, „дабы училища были“ ⁵⁾. И недоставало Россіи, столь пострадавшей отъ ига Монгольскаго (не грамотности), а общаго *высшаго образованія*, о которомъ хлопчутъ правительство и духовенство, особенно съ XV в.“ ⁶⁾.

Это мнѣніе ученаго юриста-историка, высказанное еще въ 1858 году, вполне основательно, фактически доказано нынѣ изслѣдованіемъ проф. Соболевскаго, который съ ученою осторожностію и безпристрастіемъ подвергъ тщательному изслѣдованію многочисленныя юридическіе акты эпохи XV—XVII в. и пришелъ къ тому же выводу, что и Лешковъ относительно грамотности русскаго народа въ эту эпоху ⁷⁾.

Прежде всего обращаетъ вниманіе историка громадное количество книгъ и документовъ XV—XVII в., сохраняющихся въ нашихъ книгохранилищахъ. „Число ихъ такъ велико, пишетъ Соболевскій, не смотря на пожары и разныя невзгоды постигавшіе наши города и села, что мы затрудняемся даже приблизительно опре-

¹⁾ Акты юрид. № 1, 1479 г.

²⁾ Ibid, № 23, 1571 г., № 125, 1567 г.; № 150, 1554 г., № 192, 1613 г. и др.

³⁾ Акты юрид. №№ 74, 75, 76, 87.

⁴⁾ См. учетную грамоту 1677 г.

⁵⁾ Рук. сборн. *Москвитянинъ*, 1851 г. № 22.

⁶⁾ *Лешковъ*, Р. Нар. и Госуд. стр. 426 и д.

⁷⁾ *А. Соболевскій*, образованность Московской Руси XV—XVII в. Спб. 1892 г.

дѣлать ихъ число въ тысячахъ. Они написаны въ *разныхъ* мѣстностяхъ Московскаго государства, начиная съ его столицы Москвы и кончая пустынными окраинами нашего Сѣвера и Сибири. Надъ ними должны были трудиться цѣлыя *тысячи* писцовъ и подьячихъ; онѣ предназначались еще большому количеству читателей¹⁾.

Изъ этой массы документовъ только незначительная часть подверглась опубликованію и разработкѣ. Тѣмъ не менѣе эти матеріалы и нынѣ заключаютъ въ себѣ данныя, при помощи которыхъ можно составить нѣкоторое понятіе о числѣ грамотныхъ среди разныхъ классовъ Московскаго общества. Отсылая читателей къ любопытному излѣдованію проф. Соболевскаго, приведемъ здѣсь выводы его относительно постановленнаго вопроса. „*Большіе священники* въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в. (о XV в. у насъ нѣтъ свѣдѣній) были *половномъ грамотны*. Правительство постоянно приказываетъ посадскимъ и крестьянамъ, если они неграмотны, давать расписываться за себя своимъ „отцамъ духовнымъ“, слѣдовательно, считаетъ священниковъ, какія бы мѣстности не имѣлись у него въ виду, *всѣхъ* безъ исключенія грамотными²⁾. Это впрочемъ, понятно и естественно,—безграмотному священнику быть нельзя, ибо какъ онъ могъ бы отпирать службу? Равнымъ образомъ ему нужно было вести по церкви разныя записи. Многіе священники, не городскіе только, какъ, напримѣръ, Сильвестръ, а и сельскіе занимались книгодѣліемъ, когда еще не было печатанія книгъ.

Относительно бѣлыхъ *дьяконовъ* и *дьячковъ* свидѣтельствъ о грамотности ихъ сохранилось мало, но сохранившіеся, замѣчаетъ Соболевскій, говорятъ только о грамотности; указаній же на неграмотность сихъ лицъ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ. А такъ какъ, по историческимъ свидѣтельствамъ, дьяконы и дьяки были учителями въ церковно-приходскихъ школахъ, то надо полагать, что грамотность между ними поддерживалась непрерывно.

Монастыри наши издревле были пріютами грамотности. Конечно, не вся братія могли быть грамотными, но грамотныхъ было много. Проф. Соболевскій, на основаніи подписей братіи Кириллова монастыря подъ челобитной 1582—1583 г., находитъ, что процентъ грамотныхъ старшей братіи этого монастыря превышалъ 70, а іеромонаховъ—75%. Огромная библіотека этого монастыря была наполнена почти исключительно рукописными книгами братіи. Такова же, вѣроятно, была грамотность знаменитыхъ обителей Троице-Сергіевой, Соловецкой, имѣвшихъ огромныя библіотеки, сохранившіяся до нашихъ дней.

Житія угодниковъ, подвизавшихся въ монастыряхъ, говорятъ тоже о монастырской грамотности. Хотя въ иныхъ житіяхъ и нѣтъ разсказовъ о ихъ ученіи книжномъ, но выраженія „книги чтяше“, „книги писаше въ церковь“ говорятъ о ихъ грамотности. Если же кто былъ „некниженъ“, то въ житіи такъ и отмѣчалось, но такіе случаи бывали рѣдко³⁾.

Обращаясь къ высшему свѣтскому классу, къ *боярамъ* и *дѣтямъ боярскимъ*, на основаніи подписей ихъ подъ разными документами, проф. Соболевскій находитъ, что грамотность этихъ лицъ на дальнемъ сѣверѣ представляла 80% и

¹⁾ Соболевскій, стр. 4.

²⁾ Соболевскій, стр. 5.

³⁾ При всемъ великомъ уваженіи къ грамотѣ, предки наши признавали и *безкнижный* путь спасенія. Такъ о Сумеонѣ Юродивомъ пишется: „утанся отъ насъ еже о ученіи его книгамъ. Сему убо навывковеніе имяше ли, или отъ Духа Святаго просвѣтися во благій спасенія путь *безкнижнымъ*“.

кожиѣ—65⁰/₀; въ Новгородской землѣ—около 55⁰/₀, Псковской—65⁰/₀, среди придворныхъ—78⁰/₀. „Приведенныя данныя, пишетъ изслѣдователь, позволяютъ признать, что болѣе 50⁰/₀ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ Московской Руси въ XVI и XVII вѣкахъ были грамотны, безразлично, гдѣ бы они не жили, въ самой ли Москвѣ, или на окраинахъ Московскаго государства“ 1).

О грамотности *купечества* проф. Соболевскій пишетъ, что „между Московскими торговыми людьми XV—XVII вѣковъ грамотность была обычнымъ явленіемъ“. Челобитная ихъ 1646 г. о притѣсненіяхъ иноземцевъ подписана изъ 168 человекъ 163-мя. Изъ купеческаго рода были св. Елеазаръ Анзерскій, въ дѣтствѣ обученный грамотѣ, св. Никандръ Псковскій и св. Димитрій Прилуцкій.

Что среди *посадскихъ* людей и *крестьянъ* были грамотные, объ этомъ свидѣтельствуя приказанія правительства того времени прикладывать руки „лучшимъ крестьянамъ, которые грамотѣ умѣютъ“, — значить, таковыя были. Пересматривая документы, подписанные посадскими людьми XVII вѣка, въ Тихвинѣ, Бѣлозерскѣ, Угличѣ, Олонцѣ, Новгородѣ, Москвѣ и Псковѣ, проф. Соболевскій приходитъ къ такому выводу, что „въ общемъ процентъ грамотности между посадскими конца XVI и XVII в. едва ли можетъ быть опредѣленъ ниже 20⁰/₀ 2).

Вотъ что пишетъ изслѣдователь о *крестьянахъ*: „относительно крестьянъ мы владѣемъ, между прочимъ, такими данными XVII вѣка. Документъ 1601 г. подписанъ изъ 20 крестьянъ Прилуцкаго монастыря 6-ю; два документа 1614 г. подписаны—одинъ изъ 32 крестьянъ Ипатскаго монастыря однимъ, другой документъ—изъ 3-хъ Солигальчскихъ крестьянъ также однимъ, документъ 1618 г. подписанъ изъ 6-ти крестьянъ Прилуцкаго монастыря 3-мя; документъ 1638 г. изъ 4-хъ Сарapulьскихъ крестьянъ 3-мя; документъ 1684 г. изъ 26-ти Вещезерскихъ крестьянъ тремя. Изъ житій святыхъ XV в. мы узнаемъ, что крестьяне родомъ, преподобные Антоній Сійскій, Александръ Свирскій, Александръ Ошевенскій, Зосима Соловецкій, Серапіонъ, арх. Новгородскій, были еще въ дѣтствѣ обучены грамотѣ. Вообще грамотные крестьяне въ XV—XVII вѣкахъ не могли быть исключительнымъ явленіемъ. Ихъ процентъ въ XVII в. былъ едва ли ниже 15“ 3).

Предложенныя исчисленія сдѣланы лишь на основаніи документовъ, которые извѣстны, опубликованы и могли подлежать разработкѣ. Многіе документы исчезли, многіе еще вновь откроются; цифры выводовъ и не выдаются за точныя, онѣ могутъ измѣниться; но все же онѣ и теперь положительно доказываютъ, что грамотность въ XV—XVII в. была *повсемѣстною*; общераспространенною *во всѣхъ* слояхъ общества русскаго, — отъ глухой деревни до высоты престола царскаго. И самая грамотность *для всѣхъ сословій была одна и та же*. „И княжескій сынъ и поповскій и крестьянскій учились въ одни и тѣже годы и тому же, по однимъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, и достигали въ школьномъ образованіи приблизительно одного и того же—умѣнья читать и писать. Точно также и княжескій сынъ, и поповичъ, и крестьянскій сынъ, каждый отдѣльно, могли *сами* набираться учености, изучая книги“ 4).

1) Соболевскій, стр. 9.

2) Соболевскій, стр. 11.

3) Соболевскій, стр. 11.

4) Соболевскій, стр. 21. Замѣчательны факты: св. Косма Яренскій былъ обученъ грамотѣ своимъ *господиномъ*, а бояринъ Иванъ Нагой поручилъ обучать дѣтей своему *холопу*.

„То количество грамотныхъ, пишетъ ученый изслѣдователь, какое было въ Московскомъ государствѣ въ XV — XVII вѣкахъ, казалось людямъ того времени вполне достаточнымъ, и мы совсѣмъ не слышимъ ни отъ правительства, ни отъ частныхъ лицъ жалобъ на недостатокъ въ нихъ. Равнымъ образомъ мы не слышимъ ни отъ кого никому никакихъ похвалъ за *простую* грамотность, не замѣчаемъ, чтобы простая грамотность сколько нибудь *высоко цѣнилась*. Напротивъ того, мы имѣемъ рядъ указаній, что одно умѣнье читать и писать въ XVI и XVII вѣкахъ многихъ не удовлетворяло. Можно сказать, что въ Москвѣ этого времени не высоко цѣнили даже людей *просто* грамотѣ гораздыхъ, такихъ, которые отлично читали и писали. Значеніе придавалось тогда лишь людямъ вполне изучившимъ св. писаніе и отеческія творенія и проникшимъ ихъ смыслъ, а сверхъ того, свободно владѣвшимъ церковно-славянскимъ языкомъ. Такъ изъ дѣятелей XVI вѣка Максимъ Грекъ былъ хвалимъ за то, что былъ „словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навывкъ“; одинъ его современникъ—м. Спиридонъ—за то, что былъ „мудръ“ въ литературномъ дѣлѣ и „добрѣ умѣлъ писанія ветхая и новая“; другой его современникъ бояринъ Тучковъ—за то, что „издѣтска навывкъ велми божественнаго писанія“. Настоящій „книгочей“ въ то время, говоря словами писателя XVI вѣка, долженъ былъ обладать „пространствомъ ума, еже мыслями разумными свѣдѣти глубины“. Такіе ученые водились въ Московскомъ государствѣ и въ началѣ XV вѣка (назовемъ „премудраго“ Епифанія), но число ихъ особенно сильно начало расти съ конца этого столѣтія, съ эпохи св. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго¹⁾.

Соображенія эти подтверждаются развитіемъ письменности и литературы въ эту эпоху²⁾. О повсемѣстномъ существованіи училищъ въ самыхъ даже отдаленныхъ краяхъ Руси свидѣтельствуютъ житія святыхъ. Конечно, для училищъ требовались *книги*. Въ какомъ размѣрѣ была эта потребность можно судить по тому факту, что съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, по приходо-расходнымъ книгамъ Московскаго печатнаго двора, въ половинѣ XVII вѣка, азбука была отпечатана, въ теченіе четырехъ лѣтъ, трижды (1647—1651 г.) въ количествѣ 9,600 экземпляровъ учебный *часословъ*—въ теченіе семи лѣтъ (1645—1652) *восемь* разъ; учебная *псалтирь* въ теченіе шести лѣтъ (1645—1651) *девять* разъ³⁾. Въ то же время множество азбукъ, грамматикъ, псалтирей приходило на Русь изъ братскихъ печатней западной Руси.

Въ соотвѣтствіи съ данными о распространеніи грамотности на Руси въ эту эпоху находятся и данныя о книгохранилищахъ того времени. *Библиотеки* были не только въ монастыряхъ, при архіерейскихъ кафедрахъ, но и при церквахъ приходскихъ въ городахъ и селахъ. Въ библиотекѣ вел. кн. Василя Іоанновича, по сказанію пастора Ветермана, однихъ рукописей съ востока насчитывалось до 800, и между ними многія крайнѣ рѣдкія⁴⁾. Патріаршая библіотека и до нынѣ славится

¹⁾ *Соболевскій*, стр. 13.

²⁾ Книги писались въ селахъ и деревняхъ, начиная съ XV вѣка. Такъ триодъ постная, въ архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, пергаменная, написанная въ селѣ Петровскомъ, близъ Вологды, относится къ 1410 году. Евангеліе 1527 г., хранящееся въ И. П. библиотекѣ, написано въ селѣ Новомъ, близъ Вязьмы. *Соболевскій*, стр. 4.

³⁾ *Соболевскій*, стр. 18.

⁴⁾ *Жосіусъ*, Библ. в. кн. Вас. Іоан. и Іоанна IV. *Журн. Мин. Пр.* 1834 г. Библіотека эта исчезла и современныя намъ попытки открыть ее не дали никакихъ результатовъ.

обиліємъ книжныхъ сокровищъ. Богатствомъ отличались монастырскія бібліотеки. Въ бібліотекѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря, по описи 1752 г., числилось 1150 книгъ, изъ коихъ только 15 печатныхъ. Бібліотеки Соловецкаго монастыря, даже въ остаткахъ, нынѣ переданныхъ въ Казанскую академію, по описи заключаютъ въ себѣ свыше 700 №№. Славилась бібліотека Троице-Сергіева монастыря, Бѣлозерскаго, Софійская Новгородская. Въ бѣдномъ и малоизвѣстномъ корельскомъ Николаевскомъ монастырѣ, по описи 1551 г., находилось до 57 книгъ.

Вопросъ о бібліотекахъ церковно-приходскихъ древней Руси доселѣ не обработанъ и матеріалы по этому предмету еще не приведены въ извѣстность. Они заключаются, между прочимъ, въ писцовыхъ книгахъ, изъ которыхъ только малая часть обнародованы. Г. Боцяновскій, имѣвшій подъ руками писцовую книгу Устюга Великаго XVII вѣка, не смотря на неполноту данныхъ, имѣлъ возможность опредѣлить число и составить перечень книгъ въ церквахъ этого города. Оказывается, что въ бібліотекахъ Великаго Устюга было до 700 томовъ въ 68 названіяхъ ¹⁾, кромѣ монастырскихъ. Цифра весьма значительная по тому времени. Изслѣдованіе писцовыхъ книгъ могло бы пролить свѣтъ на распространеніе образованія въ массахъ этой эпохи ²⁾, но доселѣ опытъ Боцяновскаго, къ сожалѣнію, остается одинокимъ; однакоже онъ ясно говоритъ о существованіи бібліотекъ при церквахъ приходскихъ.

Для чего и для кого служили эти бібліотеки? Отвѣтомъ можетъ служить слѣдующая порядная запись XVII в., данная однимъ пономаремъ. Онъ обязался: „будучи у тое церкви въ пономаряхъ о церковномъ о всемъ радѣть и смотрѣть накрѣпко, и *книги беречи и малымъ ребятамъ* въ кои дни придется по книгамъ говорить и ему Архипу надъ ними смотрѣть и приказывать накрѣпко, чтобъ они, *говоря по книгамъ*, книги берегли, не драли и воскомъ словъ не закапывали, и *по домамъ безъ спросу и безъ вѣдома* никто не бралъ, и ему, Архипу, *къ себѣ въ домъ* для наученія своихъ дѣтей грамотѣ церковныхъ книгъ не имать“ ³⁾. Изъ этой записи видно, что книги приходскихъ церковныхъ бібліотекъ служили для пользованія не только клира, но и „малыхъ ребятъ“, которые являлись въ церковь „говорить по книгамъ“, подъ руководствомъ членовъ клира; что взрослые съ „спроса и съ вѣдома“ могли брать книги по домамъ; что члены клира брали книги изъ бібліотеки „для наученія грамотѣ своихъ дѣтей“. Итакъ, бібліотеки церковныя были доступны для всѣхъ прихожанъ, а не были просто мертвыми складами книгъ ⁴⁾. Въ составъ этихъ бібліотекъ, кромѣ богослужебныхъ книгъ, входили книги *четьи*, каковы евангеліе толковое, творенія св. отцовъ церкви, житія святыхъ и различные сборники. Такъ въ устюжскихъ церковно-приходскихъ бібліотекахъ значились: Многосложный свитокъ, прологъ, маргаритъ, натерики печерскій, скитскій, Торжественникъ, Книга новыхъ чудотворцевъ, житія: св. Николая, Стефана Пермскаго, Михаила Клопскаго, Артемія

¹⁾ В. Боцяновскій, къ исторіи просв. на Руси XVII в. Книги въ В. Устюгѣ, стр. 8.

²⁾ Чечулинъ, нѣсколько данныхъ о книгахъ Моск. госуд. XVI в. 1889 г.

³⁾ Акты юрид. № 287.

⁴⁾ Надписи на книгахъ, жертвованныхъ въ монастырскія бібліотеки, свидѣлствуютъ, что и изъ сихъ книгохранилищъ выдавались книги для чтенія желающимъ. Такъ на рукописной „Лѣтописи“ Соловецкой обители XVII в. значится: „Сія книга лѣтописецъ Соловецкаго монастыря соборнаго старца Ириварха Тарбѣева келейная. По смерти моей взяти въ книгохранительную Соловецкую казну, *читателямъ въ пользу выдавати* и меня грѣшнаго во святыхъ вашихъ молитвахъ поминати“. Опис. рук. Солов. мон. К. 1885 г. II, № 665.

Веркольскаго, Сергія Радонежскаго, Бориса и Глѣба, м. Филиппа, Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Димитрія Прилуцкаго, преп. Варлаама, Антонія Сійскаго, Іоанна Златоустаго, Прокопія и Іоанна чудотворцевъ, житія св. отецъ, Измарагдъ, Златоуста богословіе, Око церковное (уставъ), Миръ съ Богомъ челоуѣку, Жезлъ правленія, Скрижалъ, Ключъ разумѣнія, Мечъ духовный, Мессія правдивый, Василя Вел. бесѣды на шестодневъ, Аѳанасія Александрійскаго слова на Аріанъ, Небеса Дамаскина.

Таковъ былъ составъ *церковно-приходскихъ библиотекъ* на Руси XVII вѣка. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ удовлетворялъ потребностямъ въ религіозно-нравственномъ чтеніи нашихъ предковъ, отвѣчая на существенные запросы образованія, понимаемаго въ смыслѣ церковномъ. Самыя богослужебныя книги, особенно часовникъ и псалтирь, служили также и для домашняго чтенія. Въ числѣ книгъ были и пѣвческія.

Средствами для составленія такихъ библиотекъ служили разные источники. Въ именитые храмы книги поступали „Государевымъ жалованьемъ“; иныя библиотеки создавались вмѣстѣ съ храмами „строеніемъ мірскимъ“, то есть, на средства прихода; наконецъ, библиотеки пополнялись пожертвованіями частныхъ лицъ — или прямо книгами, или деньгами на приобрѣтеніе книгъ, которыя цѣнились высоко ¹⁾. Переписка книгъ была выгоднымъ занятіемъ и переписчики расплодились во множествѣ по всей Русской землѣ. Книгопечатаніе значительно облегчило составленіе библиотекъ. Кромѣ книгъ московской печати, въ церковныхъ библиотекахъ были книги и „литовской печати“. Но послѣднія книги, послѣ признанія учительнаго Евангелія Кирилла Транквилліона неправославнымъ, преслѣдовались. Царь и патріархъ Филаретъ указали: „на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ литовскія печати учительныя евангелія и *иныя* книги его слогу (направленія) собрати, на пожарѣхъ сжечь, чтобы та ересь и смута въ мірѣ не была“ ²⁾. Но указы плохо исполнялись, книги литовской печати, особенно азбуки, продолжали храниться въ библиотекахъ, тѣмъ болѣе, что стоили онѣ дорого, а „на пожарѣхъ жечь“ ихъ велѣно „безпенно“ (безъ вознагражденія). Такъ Литовскія книги были въ библиотекахъ Устюжскихъ, хранились и въ патріаршей библиотекѣ ³⁾. Книги печати Московской также дѣлились на *старыя* и *новыя*, то есть напечатанныя до и послѣ Никона. Первыя хотя и преслѣдовались, но тайно хранились. Это дѣленіе относилось впрочемъ только къ богослужебнымъ книгамъ. Что касается книгъ *четыиъ*, то если какая-либо изъ нихъ представляла интересъ, она переписывалась и распространялась повсюду, ее старались достать и списать для себя. Такъ архіеп. Устюжскій Александръ, узнавши, что въ библиотекѣ Сольвычегодскаго Введенскаго монастыря есть космо-

¹⁾ Пожертвованія книгами въ церкви были часты, что видно изъ надписей на книгахъ. О пожертвованіяхъ деньгами на книги свидѣтельствуютъ приходныя книги церквей. Такъ по Успенскому собору В. Устюга, за 1644—63 г., значится: „Спасскій попъ Петръ принесъ на *прологи* на цѣлый годъ въ казну 8 рублей денегъ. Богданъ пономарь на *книгу* принесъ полтора рубля денегъ. Устюжской воевода, Михайль Андреевъ сынъ Желиборской принесъ Пречистой Богородицѣ на книги 12 руб. денегъ. Товарищъ его Михайловъ подъячей Иванъ Ураковъ принесъ на книги же 6 руб. денегъ“. Цѣны книгъ обозначены лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Трїодъ постная стоила 2 руб. Библія—4 руб., Прологъ „первыя печати, съ сентября по мартъ, со стихами“ 4 руб. 50 коп., Миная за августъ — 17 алтынъ 2 деньга“. Цѣны — по тому времени очень высокія. См. *Боляновскій*, Книги въ В. Устюгѣ, стр. 16 и д.

²⁾ Акты Моск. госуд. 1890 г., т. I. № 201.

³⁾ *Шляпкинъ*, Св. Димитій Ростовскій, стр. 120.

графія Космы Индикоплова, просилъ прислать ее къ себѣ „на Устюгъ для списанія“. При широко распространенной потребности въ образованіи русскихъ людей той эпохи и при повсемѣстной почти грамотности, четьи книги имѣли широкой сбытъ и многіе писцы списываніемъ ихъ добывали себѣ хлѣбъ. Что грамотные люди того времени не ограничивались одною грамотностію, но стремились къ самообразованію, искали высшаго ученія, объ этомъ свидѣтельствуется тотъ любопытный фактъ, что иные въ своемъ отечествѣ ходили доучиваться въ центры тогдашняго образованія ¹⁾, другіе стремились для той же цѣли за границу.

Церковно-приходская школа до-Петровская была не только *повсемѣстною*, но и *всеобщею*. Она была школой *для всѣхъ*. Она не была сословною прерогативой какого-нибудь одного класса людей, или высшаго общества, владѣющихъ или правящихъ сословій,—она привлекала всѣхъ, отъ простыхъ крестьянъ до царскаго двора. И такую она была именно потому, что ею руководила *церковь*, что школа эта была *общеобразовательною*, въ смыслѣ нравственнаго и религіознаго просвѣщенія, каковое необходимо для каждаго христіанина. Въ Западной Европѣ въ это время о „всеобщности образованія“ еще и не помышляли, а у насъ она была на дѣлѣ и вытекала изъ духа самаго образованія. У лютеранъ школа нужна была — *для конфирмаціи*, для одного момента въ жизни человѣка; у насъ она нужна для спасенія, для нравственнаго назиданія человѣка на всю жизнь, какъ нужна пища человѣку живущему; она нужна не для внѣшнихъ цѣлей, а для внутреннихъ, для жизни духа.

Въ одномъ азбуковникѣ XVII в. „мудрость“, сама отъ себя убѣждая всѣхъ въ необходимости образованія, говоритъ: „сего ради *присно глаголю и глаголю не престану* людямъ благочестивымъ во слышаніе, *всякаго же чина и сана*, славнымъ и худароднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ *земледѣльцевъ*, да своя неискусозлобныя (невинныя) дѣти на таковое славословіе *всесильнаго Бога и благо-разумное ученіе* вдають; не оскорбляйтесь убо, ниже печаль си имѣють о невѣжествуемыхъ (невоспитанныхъ) и грубородныхъ (малоспособныхъ) отроковъ, *но и сіихъ* удобъ отдавайте“ ²⁾. Свойство Христовой мудрости таково, что она доступна отроку и малыхъ способностей. Пусть *никто не лишается* Божія дара, — всѣмъ предлагается обильная трапеза, и каждый можетъ вкушать предложенное по мѣрѣ силъ своихъ. Богъ открываетъ истину Свою и младенцамъ; смиренному сердцу бываетъ доступно то, что скрывается отъ гордаго, надменнаго ума.

Такой широкой и всеобъемлющей взглядъ имѣла наша старина на образованіе книжное,—на школу, служащую духовной жизни народа православнаго.

„Насъ не столько занимають событія“, пишетъ проф. Лешковъ, „сколько ихъ значеніе. Не извѣстія объ ученіи, или его результатъ важны для насъ, а извѣстія о степени ихъ *доступности для народа*: и въ этомъ отношеніи *многочислительна дѣятельность духовенства*, которое явнымъ образомъ соединяетъ книжное ученіе съ православіемъ и вѣрою и естественно стремится открыть, по Стоглаву, для *всѣхъ* православныхъ христіанъ ученіе книжное, какъ и вѣру. Откуда выводимъ еще разъ, что образованіе въ Россіи *исконно вѣковъ* было народнымъ, общенароднымъ, *доступ-*

¹⁾ Напр., Андрей Незговорскій въ 1661 г. „ис Сибири, ис Тобольска въ Кіевъ привелъ собою *книжнаго ради ученія*“, откуда просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Москву. *Чт. Общ. Ист. и Др. Рос.* 1891 г., кн. I. Смѣсь. Ср. Соловьева, *Ист. Г. Р.* т. X.

²⁾ *Мордовцевъ*, о шк. кн., стр. 6.

нымъ для всѣхъ, по мѣрѣ способностей и средствъ воспользоваться его благодѣяніемъ. И самымъ блестящимъ доказательствомъ такого значенія ученія въ Россіи считаемъ учрежденіе Греко-Латино-Славянской Академіи при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ“ ¹⁾.

IV. Идеаль древне-русскаго воспитанія и воспитательныя мѣры въ XV — XVII вѣкахъ на Руси до-Петровской.

Идеаль древне-русскаго воспитанія, установившійся въ первую эпоху христіанства на Руси, не подвергался существеннымъ измѣненіямъ и въ разсматриваемую эпоху XV—XVII вѣковъ. Начала его остались тѣ же, но характерною чертою воспитанія XVI—XVII вѣковъ является усиленіе строгости въ отношеніи къ дѣтямъ. При этомъ въ памятникахъ этой эпохи встрѣчаются почти буквальныя библейскія выраженія, преимущественно Соломона и Сираха. Быть можетъ, усиленіе пороковъ, нравственныхъ недостатковъ, прокравшихся въ русскую общественную жизнь со времени Монгольскаго ига, на что жаловались всѣ проповѣдники, огрубѣлость нравовъ, требовали усиленія наказаній въ семьѣ и школѣ, требовали суровыхъ мѣръ воспитанія. Но даже допуская это, трудно сказать рѣшительно, насколько эти суровыя мѣры примѣнялись въ жизни. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что всѣ, сколько извѣстно, педагогическія статьи въ нашихъ старинныхъ сборникахъ *заимствованнаго* содержанія ²⁾ не туземнаго происхожденія, слѣдовательно, онѣ не могутъ быть вполне выраженіемъ жизни, хотя нельзя отрицать, что эти произведенія могли вліять на понятія нашихъ предковъ о воспитаніи. Статьи эти, по замѣчанію Лавровскаго, вносили смыслъ въ отношенія между родителями и дѣтьми, основанныя прежде на безотчетномъ чувствѣ, содѣйствовали уясненію этихъ отношеній въ сознаніи родителей, сообщали имъ законность и цѣль“. Онѣ могли служить оправданіемъ и подтвержденіемъ того, что уже имѣло силу, какъ существующій фактъ.

Изъ отцевъ церкви въ области воспитанія особенною любовью пользовались творенія св. Іоанна Златоустаго. Сочиненіе послѣдняго „о воспитаніи дѣтей“ послужило образцомъ для множества статей въ нашихъ древнихъ изборникахъ, Пчелахъ, Златоструяхъ.“ Сочиненія Златоуста, пишетъ Лавровскій, заключали въ себѣ сильный и свѣжій элементъ для вступающаго въ историческую жизнь Русскаго народа, въ нихъ заключалась здоровая и обильная пища для духовнаго роста этого народа“. „Въ сочиненіяхъ Златоуста, независимо отъ ихъ общаго образовательнаго значенія, содержится богатый запасъ въ полномъ смыслѣ педагогическихъ совѣтовъ, наставленій и правилъ и притомъ такихъ, которые, сдѣлавшись однажды извѣстными, не могли не оставить глубокаго слѣда и на болѣе зрѣлыхъ педагогическихъ убѣжденіяхъ и на основательно установившейся педагогической практикѣ“ ³⁾. Если взять во вниманіе характеръ произведеній Златоуста, написанныхъ краснорѣчиво, съ ясностью, свѣжестью, глубокимъ одушевленіемъ и силой, то дѣлается понятнымъ ихъ преобладаніе въ древне-русской литературѣ, тѣмъ болѣе, что основные взгляды великаго учителя церкви изложены довольно полно въ отдѣльной обшир-

¹⁾ Лиховъ, Рус. Нар. и Госуд., стр. 429.

²⁾ Лавровскій, Памятники древне-русскаго воспитанія, стр. 2.

³⁾ Лавровскій, Пам. др. р. восп. стр. 8.

ной статьѣ. Что она хорошо была извѣстна нашимъ стариннымъ книжникамъ, это является несомнѣннымъ изъ множества ея воспроизведеній въ древнихъ сборникахъ.

Статьи о воспитаніи *XVII в.* носятъ характеръ вліяній юго-западной школы, Кіевской академіи по преимуществу. Написаны эти статьи витіевато, „риторски“, съ значительными отступленіями отъ дѣла, съ примѣрами изъ классическаго міра, и украшены цвѣтами схоластическаго „изобрѣтенія“.

Что же касается до воспитательныхъ статей въ азбукахъ, учебныхъ книжкахъ, букваряхъ того времени, то онѣ составляютъ заимствованіе изъ подобныхъ же книжекъ южной и западной Россіи. Вышнимъ отличіемъ ихъ служитъ стихотворная форма, развившаяся у насъ во второй половинѣ *XVII вѣка*. Здѣсь уже прямо проповѣдуется культъ розги, воспѣвается „плетной ремень“, прославляются жезль, бичъ и розги и дѣти даже призываются къ „лобзанію“ ихъ. Это уже совсѣмъ не по русски. Нѣкоторыя выхваленія розги въ азбуковникахъ и букваряхъ переведены прямо съ польскаго.

Порицатели нашей старины обыкновенно обращаются къ этимъ виршамъ о розгѣ для доказательства, что древне-русское воспитаніе отличалось жестокостью, безчеловѣчіемъ и даже звѣрствомъ, что кромѣ розги, бича и жезла ваша древность не знала другихъ средствъ воспитанія, не зная или не желая знать, что эти вирши—западнаго, польско-іезуитскаго происхожденія и занесены къ намъ изъ западно-русскихъ букварей.

Церковь, какъ прежде, такъ и теперь, была первою и главною руководительною въ воспитаніи, и учителя ея не оставляли родителей безъ наставленій.

Въ *XII-мъ* словѣ м. Даніила пишется: „Отцы! Имѣйте попеченіе о чадахъ вашихъ, воспитывайте ихъ всегда въ ученіи и наставленіи Господнемъ — бояться Бога и въ законѣ Его поучаться день и ночь, не любить праздности, не творить кощунства, сквернословій и блуда, не красть, не лгать и избѣгать всякаго зла“. Обращаясь къ отрокамъ и дѣвицамъ, Даніиль заповѣдуетъ: „любомудрствуйте, трудясь въ хитростяхъ (художества), сколько въ силѣ, или въ *писательномъ художествѣ*, или въ *книжномъ ученіи*, или въ какомъ рукодѣліи, если есть, или въ иномъ какомъ-либо художествѣ о Господѣ; только не будьте праздны“.

Какъ Даніиль, такъ и его преемники, заботясь о книжномъ ученіи, выше всего ставили доброе христіанское воспитаніе.

Что воспитаніе служило предметомъ особеннаго вниманія нашихъ предковъ въ эту эпоху, это можно видѣть изъ множества статей по этому предмету въ сборникахъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ сборникѣ *XV в.* ¹⁾ находятся слѣдующее „слово и причта и о наказаніи дѣтей къ родителемъ своимъ“.

„Человѣцы внимлите извѣстно о глаголемыхъ сихъ. и наказайте *измлада* дѣти своя. Глаголетъ бо Божія премудрость. любяи сына своего жезла на него не щади. Наказан его въ юности, да на старость твою покоит тя. аще ли *измлада* не накажеша его. то ожесточавъ не повинеться. глаголетъ же во четырехъ церквахъ сице. перей бѣ нѣкто именемъ илии, смиренъ, кротокъ велми. имяше же два сына, ею же не казняше, аще и зло творяста. ни на страхъ Божій не учаша. но волю

¹⁾ По катал. И. П. Библ. № 202. Приводимъ текстъ по редакціи Лавровскаго, съ удержаніемъ правописанія подлинника, но въ русской транскрипціи. *Лавровскій*, стр. 3 и д.

баше имъ даль. и рече Богъ ко Иліи. понеже не наказа сыну своею, да оба умрета сына твоя отъ мечя. и ты самъ и весь домъ твой злѣ погибнетъ, сыновъ дѣля твоихъ. слышите братье. иже дѣтей своихъ страху Божию не наказа, и за то погиге. да аще въ ветсѣмъ законѣ бысть то, а мы что пріимемъ, въ новѣмъ будущемъ законѣ, аще не накажемъ дѣтей своихъ. Златословесный бо глаголетъ: аще кто дѣтей своихъ не научить воли Божьи, люгѣ разбойникъ осудитсѣ. убійца бо тѣло умрѣтвить, а родители аще неучатъ, то душу си погубятъ. Но вы братье и сестры наказайте измлада дѣти своя на законъ Божій, да страхъ Божьи вселитсѣ въ нихъ.

Наказайте дѣти своя Бога ся бояти, а злыхъ нравъ остатисѣ. да помощь души вамъ будетъ. Не ослабляй наказая дѣти своя. аще бо бѣши жезломъ, то не умреть, но паче здравье будетъ. душу бо его спасеши, аще его накажеши. и дщерь ли имаши, положи на ню грозу свою, да соблюдеши я отъ тѣлесныхъ. и не осрамитсѣ лице—воспитаи дѣтище въ наказаніи, да обрящеши славу и благословенье отъ Бога. не даждь во юности дѣтищу воли. но казни его. донележе ростеть. да егда ожесточавъ не повинетсѣ и будет ти досада отъ него люта, и болѣзнь души и скорбь не мала и тщета домови и погигель имѣнью. укоръ отъ сусѣдъ. посмѣхъ предъ врагы, того дѣля бываеть предъ властели платежъ и зла досада“.

Здѣсь прежде всего выставляется важность нравственнаго воспитанія и отвѣтственность родителей за дурно воспитанныхъ дѣтей, причемъ приводится библейскій примѣръ первосвященника Иліи. Примѣръ этотъ дѣйствительно поучителенъ и часто приводится Златоустомъ. По тексту библии онъ еще разительнѣе. Офи и Финеесъ предавались явному нечестію, а добрый и слабый престарѣлый Илій — отецъ ограничивался лишь мягкими замѣчаніями и упреками: „дѣти мои! Не хороша молва, которую я слышу о васъ; не дѣлайте такъ“ (1 Цар. 11, 24). У старика-отца было много любви, но еще болѣе слабости. Оставивъ дѣтей безъ добраго воспитанія, онъ на развратъ ихъ смотрѣлъ съ мукою душевною, быть можетъ, вина свою слабость, но стѣсняясь принять рѣшительныя мѣры строгости, онъ только увѣщаль, просилъ, совѣтовалъ. И вотъ насталь судъ Божій надъ духомъ нечестія. „Я сдѣлаю, изрекаетъ Господь, дѣло во Израилѣ, о которомъ кто услышитъ, у того зазвенить въ обоихъ ухахъ. Я исполню надъ Иліемъ все, что говорилъ (о чемъ предупреждалъ) о домѣ его. Я объявилъ ему, что я накажу домъ его за ту вину, что онъ зналъ, какъ сыновья его предаются нечестію и не обуздывалъ ихъ (тамъ же, III, 13).

Извѣстна страшная казнь дома Иліи. Такой примѣръ самъ собою вызываетъ педагогическое требованіе ограниченія воли юноши, переходящей потомъ въ своеволие, дерзость, непослушаніе, нарушеніе законовъ правды и любви. Ограниченіе это должно начинаться *измлада*, иначе будетъ поздно: когда юноша станеть мужемъ, то „ожесточавъ“, нравственно одичавъ, онъ уже не исправитсѣ, „не повинеть ти ся“ слову убѣжденія. Родители, небрегущие о дѣтяхъ своихъ, хуже разбойниковъ,— ибо небрежность ихъ губить не только тѣло, но и душу дѣтей. Тамъ, гдѣ начинаютъ проявляться дурныя инстинкты, начинаютъ дѣйствовать пагубныя увлеченія и страсти, не слѣдуетъ отступать и передъ строгостью, предъ мѣрами суровыми: „любяй сына“ разумно, отецъ, понимающій, куда увлекають юность страсти и самоволие, ради этой любви своей, долженъ не поблажать дѣтямъ, не мирволить имъ, а употреблять всю силу авторитета, чтобы направить юность на здоровый и вѣрный путь.

Въ статьѣ „о воскрѣмленіи дѣтей, составляющей въ сущности переводъ „*περί παιδῶν ἀνατροφῆς*“ Златоуста, ¹⁾ пишется: „Молю вы и понуждаю много, о своихъ дѣтехъ творимъ помышленіе поучающе ихъ на добродѣтель *любовію* же и *прещеніемъ* всячески. И спасенія ищетѣ тѣхъ души“. Сперва „любовію“, а когда она безсильна, не отступай и передъ „прещеніемъ“, дѣйствуя „всячески“, то-есть, разнообразными мѣрами. Приведа примѣры Іова, Авраама и Давида, писатель говоритъ, что родители должны заботиться не о томъ, чтобы оставить дѣтямъ богатство,—худому сыну не въ помощь богатство, но о томъ, чтобы сдѣлать ихъ людьми добрыми, благочестивыми, довольными малымъ; не полезна любовь отца къ дѣтямъ, если онъ о душѣ ихъ не заботится, боится причинить имъ боль и даже остерегается огорчить ихъ словомъ, хотя бы они жили и безчинно“. Потомъ показываются и плоды изнѣженнаго воспитанія.

„Подобаетъ убо смотрити родителемъ, не яко да оставятъ дѣти богаты серебромъ и златомъ, но да *благотърны, лобомудры и добродѣтельны*, яко да *немного требуютъ*, да не въ житейскія похотѣнія всѣмъ умомъ уклонятся. Вѣсте бо, яко не имуще добродѣтели ни единыя не примутъ отъ Бога милости, ты же да добръ конь тѣмъ купилъ; и домъ свѣтелъ, и село велико, то все твориши и разсмотриши; а о души ихъ, якоже бы добра была, ни словесе о томъ твориши. Нъ *не полезну* любовь отци о дѣтѣхъ имуть, не хотяще ранъ нанести на ня и словеса запретити, ни оскорбити своихъ сыновъ безчинно живуще. Егда бо ты не казниши его юнаго, ни умудриши, то съ нечистыми челоуѣкы съвокупится, и узриши на общее судище отъ раскольникъ ведома и предъ всѣми мучима и отъ народа побиваема и тогда съ бѣдою болій студъ будетъ ти“...

„Смѣши ли отцемъ ся нареци. презрѣвъ сына и не наказавъ его. Аще бо кого *видиши бьюща юна своего дѣтища, гнѣваешися и изнемогаеши*, и пуще звѣри наскачеши на лице біющаго ти дѣтищъ, и наки діавола видя по вся дни біюща его (то-есть, увлекающа юную душу страстями въ пагубу) и на грѣхи примещуща, сѣдиши, не изнемогаеши, не отнимеши отъ лютаго наука сына твоего, и коего не приемеши отъ челоуѣковъ укора. Не веселитбоя рече отецъ о сынѣ ненаказаннѣ“ (то-есть, не воспитанномъ).

Замѣчательно это сравненіе: если ты увидишь челоуѣка, который бьетъ юное свое дѣтище, то приходишь въ гнѣвъ, неистовуешь, какъ звѣрь бросаешься на бьющаго дитя, въ защиту его... Значитъ, нравы были не такъ жестоки, если побой ребенку, даже отъ отца, вызывали такую защиту отъ лица посторонняго.

Обращаясь къ отцу, который не исполняетъ святой обязанности добраго воспитанія дитяти своего, писатель говоритъ, „что отвѣщаеши въ день онъ Богови, егда ти речеть: не вдахъ ли ти его изначала и поставихъ тя ему учителя и промысленника, и въ твои вложи его руцѣ мягка и млада, и како нѣси привелъ его подъ свой яремъ. Что же речеши, яко непокоривъ есть; нъ егда бѣ млада, подобаше его воздержати и обучати его на потребная; егда бо млада трѣнне, тогда удобъ истрзати е и отъ млада отрочате скоро грѣхъ отлучити ²⁾).

¹⁾ Лавровскій, Памятники... стр. 10.

²⁾ Рукопись относится къ XVI вѣку. Толст. библ. I, № 47. См. Лавровскаго, „Памятники“, стр. 9 и д. Здѣсь же и сравненіе русской редакціи съ греческимъ текстомъ.

Такія краснорѣчивыя и трогательныя рѣчи о значеніи и силѣ нравственнаго воспитанія и объ отвѣтственности воспитателей не могли не имѣть вліянія на нашихъ предковъ.

Особенно совѣтуется прилагать заботы о кротости въ дѣтяхъ: „кроткихъ бо вси чтятъ и Богъ любитъ, аще и всѣхъ убожій есть; якоже и злого вси отвращаются и ненавидятъ, аще и добра рода есть, ли имѣніе иматъ“.

Значеніе воспитанія ставится такъ высоко, что ему усволяется все зло въ человѣкѣ, если оно идетъ неправильно: „не отъ естества бо человѣкомъ злоба приходитъ, нѣ своею волею зли бываемъ“ ¹⁾. Въстѣ съ тѣмъ высказывается высокій взглядъ на плоды добраго воспитанія въ будущихъ поколѣніяхъ: „аще бо добрѣ сыны своя накажете (наставите), а тѣ пакы своя (чада) такожде научатъ, и тако до пришествія Христова твое наказаніе пройдетъ“. И такъ, доброе воспитаніе служитъ залогомъ благоденствія будущихъ поколѣній, но благоденствія не виѣшняго, а внутренняго, духовнаго, ибо само воспитаніе имѣетъ цѣлю не удобства или роскошь жизни, не виѣшнія преимущества и положеніе, а душевное благо: „да не смотря о житіи (виѣшнихъ условіяхъ жизни) дѣтей, но прежде пещися о *души* ихъ, да добродѣтельны оставиши... Аще ли и совокупиши съ худоуміемъ (съ невоспитанностію) ихъ имѣніе, то коего ту чай добра; нѣ піанства и блудъ обіемъ тѣхъ, въ послѣднюю погибель доведетъ я“. Въ заключеніи говорится: да се вѣдый человѣче, казни сына твоего отъ юности его и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. Аще бо и жезломъ біеши его, не умретъ, но здравъ будетъ, ты бо бія его по тѣлу, душу его избавиши отъ муки“.

Какъ примѣнялся на практикѣ послѣдній совѣтъ, мы не имѣемъ фактическихъ данныхъ и свидѣтельствъ современниковъ. Но въ одномъ изъ сборниковъ XVI вѣка ²⁾ находимъ замѣчательный отрывокъ изъ слова „како достоинъ чаду чтити родителя своя“, представляющій бытовую картину домашняго воспитанія той эпохи и отношеніе родителей къ дѣтямъ на дѣлѣ.

Прежде чѣмъ приведемъ самый памятникъ, считаемъ нужнымъ привести его краснорѣчивую характеристику, сдѣланную Н. А. Лавровскимъ.

„Статья сборника замѣчательна, пишетъ онъ, по изображенію всѣхъ заботъ и трудовъ, обращенныхъ родителями на малолѣтнихъ дѣтей, по свѣжести красокъ, которыми живо обрисовываются самыя простыя и естественныя отношенія родителей къ дѣтямъ. И по содержанію, заключающему въ себѣ черты патріархальнаго общества, высказанныя съ полною искренностію и простодушіемъ, и по языку, сохранившему, не смотря на позднюю эпоху составленія сборника, очевидныя черты древности, она заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ вашемъ воображеніи живо представляется мать или патріархально кормящая своего ребенка мягкою, безгрудною пищею, сидящая у его колыбели, склонившаяся къ нему при первомъ его крикѣ, или переносящая его на своихъ рукахъ черезъ рѣку или грязь, въ изнеможеніи несущая его на спинѣ, когда онъ утомился отъ ходьбы; вы живо представляете себѣ отчаяніе матери и неутѣшный плачь отца, когда ребенокъ боленъ, ужасъ родителей, когда они замѣчаютъ блѣдность на его лицѣ и въ невѣдѣніи преувеличиваютъ причины этой блѣдности. Приводя на память молитвы родителей за дѣтей, ихъ

¹⁾ Лавровскія, Памятники восп., стр. 11.

²⁾ Опис. рук. библ. Толстаго I, 47. См. у Лавровскаго, Памятники воспитанія, стр. 30 и д.

милостыню бѣднымъ, почетъ учителямъ, чтобъ они образовали его умъ, сочинитель рѣзко выставляегъ неблагодарность дѣтей, забывающихъ всѣ заботы о нихъ родителей и не старающихся доставить имъ спокойствіе и довольство въ старости“ ¹⁾.

Вотъ подлинный текстъ этого отрывка (въ русской транскрипціи и измѣненной пунктуаціи): „Вся убо заповѣдь Господня чиста и прозрачна есть, аки солнце просвѣщающи очи умніи. Заповѣдь же Господня блага зѣло и праведна, учащи ны чтити отца и мать по благодати Божіи. Огъ небыти бо въ бытіе прииде родителема человекъ. Отецъ бо по законѣ тайнѣ брачній.—Мати же, въ установное время день и ночь понесши, обложи на тобѣ тѣла теплаго естества кровію, и духомъ грѣющи съврѣши, многоразличными болѣзнями, удми и жылами, и до ноготъ гързаема, и во образъ соврѣшенна тя прижитъ младенца. Потомъ же не уже ти зубомъ възрастшимъ, сама ссѣкающи и мящи, пищу ти подаваегъ. Сонъ же ти умыслила зыбелію, престаніе плачу подающе, ставляя же ся отъ прочаго ражженія матерня любви. Стыжу бо ся глаголати ихъ по единому. Почтож и чертогу удовъ не съглядаеши, дѣланія бо и бѣды тебе дѣля подъятъ, пищу же и одѣянія ти соготовающе, и многожды во знакъ легъ и на своихъ тя пьрсѣхъ, аки на земли играя велить; премножествомъ любви не чюетъ безчестія бываемаго ему тобою, и всегда сѣдя на трапезѣ, пищу зубы смоловъ, и не допустя гърла, въ твоя клалъ уста, въ знакъ тя положи и посредѣ зубъ аки мозъкъ износя, мягку и безтрудну пищу ти влагая; и малу же ти восплакавшу, отврѣгъ совершенную бесѣду, и твое кричаніе воспримъ, за многую любовь погрѣбився къ тебѣ тѣломъ и мыслию; ея же бяху тобѣ любя словеса, таже к тебѣ бесѣдоваше, а оставль дружинную бесѣду. Еще же и начинающе ти ходити на пути тя за руку емъ, аки снопъ въ земли (вземь), чресъ калъ, ли чрезъ рѣку тя принесе, многожды же труждышуся на пути и на свою (выю) тя възлѣжъ аки брѣмя ношаше, не дланьма ли за его выю дрѣжашеся и воспятъ кляняшутися, дыша вельми, ношаше тя, поту же многу по брадѣ его текущі трѣпяше, твое здравіе паче живота своего имѣя. Оставлю же прочее печали его, яже отъ твоихъ недузѣхъ бывахуть ему, ядяху тии печали паче львовъ зубъ; аще бо и поболѣ когда, то мати проставласа бысть и отецъ неутѣшно плакаше, аки умъ погубыша оба, паче уныа смерти первіе за тя пріяти; или потчеся і падъ умилися, то обща бысть обою болѣзнь; или лице ти бысть коли блѣдо, то оною сердце ужасашеся и большу си печаль творяста неразумѣюще; или вскрича коли, то она оба аки коніемъ по утробѣ бодома быста. Помысли же творенныя за тя *молитвы* отъ него къ Богу, и данныя за тя маломощемъ *милостыня*, и *чти* творимыя за тя *дидакаломъ твоего дѣля учения*, хотяща дабы хытръ былъ и разумень умомъ и смысленъ, а не грублій человекъ“...

Послѣ такихъ заботъ и попеченій родителей, какъ тяжело видѣтъ дѣтей неблагодарныхъ, равнодушныхъ, когда иной сынъ „имѣя отца или мать смирена или немощію одрѣжима, не точію не хоцегъ имъ служиги, но и отмещется родителю, и пищу зѣло любитъ, себѣ смотря токмо, а своимъ родителема не хоцегъ ся ни худѣ попещи“...

Быть можетъ нѣжная заботливость родителей о дѣтяхъ, переходившая въ поблажку, дѣлавшая дѣтей эгоистами, себялюбцами, бывшая причиною и прискорбныхъ случаевъ непочтительности къ родителямъ, вызывала потребность болѣе суроваго режима въ воспитаніи.

¹⁾ Лавровскій, Пам. восп., стр. 31 и д.

Семейная жизнь нашихъ предковъ имѣла *патріархальный* характеръ; власть и авторитетъ родителей стояли высоко и были почти абсолютными. Въ памятникахъ XV вѣка постоянно встрѣчаются наставленія, чтобы дѣти чтили эту власть и были послушными ей. Родительское благословеніе считалось первымъ условіемъ внутренняго и внѣшняго благополучія человѣка.

Такъ въ „Словѣ святыхъ отецъ, како дѣтемъ чтити родителя своя“¹⁾ пишется: „Послушайте братья и сестры заповѣди Господня, иже и законнику рече се первіша заповѣдь, да любити отца своего и мать свою, и благо ти будетъ и долготѣнъ будещи на земли. Иже бо чтить родителя своя и слушаетъ веленья ею, се очиститъ грѣхи своя и отъ Бога прославится“. Далѣе слѣдуютъ наказанія за грѣхи противъ родителей. „Отчая клятва изсушитъ, а матерня искоренитъ. Сынъ непослушливъ отцу въ пагубу будетъ и не поживетъ“. Гнѣвающій отца и досаждающій матери „обещникъ есть нечестивымъ“. „Око, ругающееся отцу и досаждающее старости матерни, да исторгнутъ е вранове отъ дебрія и да снедятъ е птенцы орли вранове мертва тела очи и снедятъ ѿ орли“. „Честь же творяй отцу и матери, возвеселитися иматъ о своихъ дѣтехъ и въ день печали избавитъ ѿ Господь Богъ и молитву его услышитъ и еже просить, подастъ ему. Покояй мать свою волю Божью творить и угождай отцу во благыхъ поживетъ... Отчее благословеніе домъ утвердитъ, а матерня молитва избавитъ отъ напасти“. Особенно заповѣдуется, чтобы дѣти не глумились надъ родителями, если они по старости впадутъ въ слабоуміе (охудѣютъ разумомъ),—„да отъ своихъ чадъ почтени будете“²⁾.

Выдающимся литературнымъ памятникомъ XVI вѣка является „Домострой“ Сильвестра, представляющій весьма полную и живую картину домашняго быта этой эпохи и заключающій въ себѣ нѣсколько главъ о воспитаніи. Памятникъ этотъ служилъ предметомъ многократной разработки³⁾, а мѣста относительно воспитанія чаще всего приводятся для доказательства крайней суровости воспитанія посредствомъ розги и жезла въ эту эпоху.

Но чтобы правильно понять взгляды на воспитаніе Домостроя, надо имѣть въ виду общій духъ всего сочиненія, а не одни отдѣльныя мѣста. Несомнѣнно, что въ эту эпоху въ литературныхъ памятникахъ особенно часто повторяются воспитательныя притчи и правила Соломона и Сираха. Но, во-первыхъ, самыя эти правила какъ плоды высокаго ума, глубокаго знанія души человѣка и рѣдкой житейской опытности, вовсе не представляютъ требованій какой-то дикой, безмысленной жестокости; а во-вторыхъ, въ Домостроѣ они смягчаются вліаніемъ христіанской любви. Нельзя опускать изъ виду и тотъ вѣкъ, когда Домострой написанъ.

Вотъ главнѣйшія мѣста о воспитаніи изъ Домостроя.

Гл. XV: „Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи. „А пошлетъ Богъ, у кого дѣти, сынове или дщери: ино имѣти попеченіе отцу и матери о чадѣхъ своихъ: снабдити ихъ и воспитати въ добрѣ наказаніи; и учити страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію; и, по времени и дѣтемъ смотря, и по возрасту, учити рукодѣлію; матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоинъ,

¹⁾ Въ сборникѣ XV в., по каталогу И. П. Библ. № 204. См. *Лавровскаго*, Памятники воспит., стр. 3 и д.

²⁾ Ср. Домострой, гл. 18. Сильвестръ, очевидно, пользовался этимъ „словомъ“.

³⁾ Домострой впервые напечатанъ былъ Сахаровымъ (въ 1840 г.) и затѣмъ перепечатывался не разъ. Мы пользовались изданіемъ его подъ ред. *Чуднова*. Спб. 1891 г.

каковъ кому просугъ Богъ дастъ; *любити ихъ и беречи*, и страхомъ *спасати*. *Уча и наказуя*, и *разсуждая*, раны возлагати: наказуй дѣти во юности, покоить ты на старость твою; и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлесней, и отъ всякаго грѣха, отцемъ чадъ своихъ, яко же зеницу ока, и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти еще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи (безъ наставленія) отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что зло сотворятъ, и отцемъ и матеремъ, съ дѣтьми, отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязливыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитани въ страхѣ Божіи, и въ добрѣ наказаніи, и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣжству и промыслу и рукодѣлію, и тѣ чада съ родители своими бывають отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими“.

Вотъ основные воспитательные взгляды Сильвестра.

Чада — Божій даръ, ихъ посылаетъ Господь. Отсюда важность воспитанія ихъ. Основа воспитанія — *страхъ Божій*, затѣмъ уже обученіе тому, „каковъ кому просугъ Богъ дастъ“. Дѣтей надо, во-первыхъ, *любить*, во-вторыхъ, *беречь* и, наконецъ, *страхомъ спасати*. Кого любятъ, того берегутъ; но если любовь, вслѣдствіе ли излишества, односторонности, или испорченности натуры, окажется недѣйствительной, то надо прибѣгнуть къ строгости, — *страхомъ спасати*. Спасаютъ того, кому грозитъ опасность. Но мѣры строгости (раны возлагати) нужно примѣнять „уча, наказуя (наставляя) и *разсуждая*“, причемъ надо беречь дитя, „якоже зеницу ока и яко своя душа“. Слѣдовательно, тѣлесныя наказанія являются только какъ крайняя необходимость, примѣняются не съ жестокостью, а съ любовью, съ сознаниемъ тяжелой отвѣтственности за дитя, какъ за душу свою.

Наказаніе тѣлесное въ всякомъ случаѣ тяжелая мѣра. Хотя оно примѣняется и по нуждѣ, какъ лекарство больному, но Сильвестру казалось, что нужно эту мѣру *оправдать* и *подкрѣпить* ссылками на высшій авторитетъ. Для этой цѣли, въ XVII гл., онъ приводитъ рядъ библейскихъ изреченій изъ Соломона и Сираха о наказаніяхъ. „Накажи сына своего отъ юности его, и покоить ты на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ, ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши: положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ...“

„Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего измлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимуть враги твои. Воспитаи дѣтище съ прещеніемъ, и обрящещи о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ величѣ поболити, скорбя; и послѣ же яко оскомины твориши душѣ твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растеть, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся, и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь души, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, посмѣхъ предъ враги, предъ властію платежь и досада зла“.

Глава, эта представляющая почти дословное повтореніе библейскихъ изреченій о наказаніяхъ, взятая отдѣльно имѣетъ иной смыслъ, чѣмъ взятая въ связи съ предыдущею главою. Здѣсь наказанія являются какъ бы *основою* всего воспитанія, и притомъ наказанія жесткія (сокруши ребра), даже не безопасныя для здоровья; тогда какъ на самомъ дѣлѣ они являются лишь неизбѣжнымъ зломъ и въ особыхъ

случаяхъ. Самыя выраженія—*казни, не щади жезла, учащай раны, сокруши ребра, наини выю* и т. под. — нельзя понимать буквально. Самъ Сирахъ, какъ бы предупредая возможность неправильнаго пониманія своихъ выраженій о наказаніяхъ, которыя въ буквальномъ примѣненіи могли бы вредить здоровью, здѣсь же пишетъ похвалу здоровью и крѣпости силъ¹⁾.—Указаніе на значеніе дѣтей, на отвѣтственность родителей имѣли уже смягчающее вліяніе.

Приведенныя выше выраженія о жезлѣ и о ранахъ находятся и у Златоуста, между тѣмъ извѣстно, что все ученіе его проникнуто христіанскою кротостію и любовію. И даже Апостоль, провозвѣстникъ ученія любви евангельской, спрашиваетъ: „есть ли такой отецъ, который для пользы сына не наказываетъ его? 2)

Сильвестръ вовсе не имѣетъ цѣли обратить воспитателей въ палачей, или сдѣлать воспитаніе звѣрски-жестокимъ; онъ говоритъ здѣсь о крайнихъ мѣрахъ, чтобы искоренить дурныя наклонности, грубые инстинкты, ограничить и исправить злую волю,—чтобы спасти юную душу отъ угрожающей ей гибели. Вопросъ о наказаніяхъ и теперь еще спорный вопросъ, — одни признаютъ ихъ неизбѣжными въ крайнихъ случаяхъ, другіе совершенно ихъ отвергаютъ; но кто не теоретически, а практически занимался воспитаніемъ дѣтей, тотъ знаетъ, что бывають натуры столь грубыя, что слова и увѣщанія на нихъ совсѣмъ не дѣйствуютъ. Такіе случаи имѣли въ виду и Сильвестръ, тѣмъ болѣе, что время было суровое и на наказанія тогда смотрѣли совсѣмъ иначе, нежели теперь.

Но рѣчи о наказаніяхъ составляютъ ничтожную часть „Домостроя“, главное же въ немъ—это *религіозно-нравственное воспитаніе*, проникнутое духомъ церковности. Сильвестръ начертываетъ идеалъ православнаго, истинно русскаго воспитанія, которое служитъ лучшею характеристикой той эпохи.

Прежде всего онъ говоритъ о храненіи св. вѣры, объ участіи въ таинствахъ, о любви къ Богу, страхѣ Божию и памяти смертной. Далѣе онъ раскрываетъ необходимость почтенія священнаго чина, о повиновеніи царской власти и „службѣ правдою“ всякому, даже „маломощному“ человѣку, о честной трудовой жизни, о дѣлахъ благотворенія, о храненіи церковныхъ заповѣдей и обычаевъ. Нѣкоторыя рѣчи его напоминаютъ краснорѣчивое завѣщаніе Мономаха, въ цѣломъ же взгляды Сильвестра на религіозно-нравственное воспитаніе говорятъ о томъ, что преданія Руси Владиміровой живо сохранились у народа русскаго и въ эту эпоху.

Напримѣръ. Сильвестръ проситъ „себѣ внимати“ и пишетъ: „Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ: ни мыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостоль: вся владычества отъ Бога учинена суть: да, аще кто противится властелемъ, то Божию повелѣнію противится. А царю и князю и всякому вельможѣ не щисися служити лжею и клеветою и лукавствомъ, погубить Господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай, и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай; маломощныхъ и скорбныхъ любовію привѣчай; юнѣйшихъ яко чада люби; *всякому созданію Божию не лихъ буди*; славы земныя ни въ чемъ не желай; вѣчныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи; обидимъ не мсти, хулимъ моли; зла на зло не воздавай; согрѣшающая не осуждай; вспомани своя

¹⁾ „Лучше бѣднякъ, здоровый и крѣпкій силами, нежели богачъ съ изможденнымъ тѣломъ. Здоровье и благосостояніе тѣла дороже всякаго золота и крѣпкое тѣло лучше несмѣтнаго богатства. Нѣтъ богатства лучше тѣлеснаго здоровья (Сир. XXX, 11—12, 13—14).

²⁾ Евр. XII, 7.

грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекия; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія написуи въ сердцѣ своемъ, и самъ также твори“¹⁾.

Говоря о томъ, „какѣ посѣщати въ монастырѣхъ и въ больницахъ и въ темницахъ и всякаго скорбна“, Сильвестръ пишетъ: „Въ монастыри и въ болницы и въ пустыни, и въ темницы заключенныхъ, посѣщай, и милостыню, по силѣ, всякихъ потребныхъ подавай, елико требуютъ; и види бѣду ихъ и скорбь и всяку нужу, елико возможно помогай имъ; и всякаго скорбна, и бѣдна, и нужна, и нища, не презри; введи въ домъ свой: напои, накорми, согрѣй, одежи, всею любовію и чистою совѣстію: тѣми милостива Бога сотвориши и свободу получиши. А родителемъ своимъ преставльшимся память твори: къ церквамъ Божиимъ приношеніе и въ дому по нихъ кормлю твори: нищимъ милостыню; и самъ отъ Бога памятовень будеши“²⁾.

Есть въ Домостроѣ черты религіозно-бытовой жизни, характеризующія ту эпоху. Такъ XVI вѣкъ отличался особеннымъ развитіемъ внѣшнихъ формъ богопочтенія. Въ этомъ духѣ Сильвестръ наставляетъ, „какѣ домъ свой украсить святыми образами“. Въ дому своемъ, всякому христіанину, во всякой храмнѣ, святыи и честныи образы, написаны на иконахъ, по существу, ставити на стѣнахъ, устройвъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образами возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи; и по отпѣтіи погашаются; завѣсою закрываются, всякія ради чистоты, и отъ пыли: благочинія ради и бжеженія: а всегда чистымъ крылышкомъ ометати, и мягкою губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда; а къ святымъ образомъ касатися достойнымъ, въ чистой совѣсти; и на славословіи Божіи, и на святомъ пѣніи и молитвѣ, свѣчи вжигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и ѳиміамомъ, а образы святыи поставляются иже въ началѣ, по чину, свято почитаемы суть, имени прежереченными; въ молитвахъ и во бдѣніяхъ, и въ поклонѣхъ, и во всякомъ славословіи Божіи, всегда почитати ихъ; со слезами, и съ рыданіемъ, и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаяся просяще отпущенія грѣхомъ“³⁾.

Такому отношенію къ св. иконамъ соотвѣтствовала домашняя молитва, которая занимала видное мѣсто въ жизни нашихъ предковъ. Наставляя, „какѣ мужу съ женою и домочадцы въ дому своемъ молитися“, Сильвестръ пишетъ: „По вся дни въ вечерѣ, мужъ съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою, и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила, отнюдь ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда; всему тому наукъ. А ложася спати, всякому христіанину по три поклона въ землю предъ Богомъ положить. А въ полунощи, всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно, къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утре, вставая, также, и комуждо по силѣ и по желанію; а непразнымъ женамъ кланятися до пояса. Всякому христіанину молитися о своемъ согрѣшеніи, и пушенія грѣхомъ, и о Царьскомъ и о Царицинѣ, и о чадѣхъ ихъ здравіи, и о братіи его, и о болярѣхъ его, и о христіюбивомъ воинствѣ, о помощи на враги, и о плѣненныхъ свободѣ и о святитель-

¹⁾ Домострой, гл. XII.

²⁾ Домострой, гл. XI.

³⁾ Домострой, гл. VIII.

скомъ и священническомъ чину, и о болящихъ и въ темницахъ заключенныхъ, и за вся христіане“¹⁾).

Такимъ образомъ молитвою поддерживалось единеніе духа и общеніе православныхъ. Заповѣдуя возможно частое посѣщеніе богослуженія, Домострой требуетъ „въ церкви стояти на всякомъ пѣніи (богослуженіи) со страхомъ, и съ молчаніемъ молитися“, то-есть, внимая тому, что читается и поется въ храмѣ,²⁾ „ни съ кѣмъ не бесѣдовати, съ молчаніемъ и послуша стояти, никуда не обзираяся; ни на стѣну не приклонятися, ни къ столпу, ни съ посохомъ не стояти — твердо и непоколебимо молитися со страхомъ и трепетомъ“, и „до отпѣнія изъ церкви не исходити, а прійти къ началу“. Обращаясь къ сыну, Сильвестръ говоритъ: „Прибѣгай всегда съ вѣрою ко святымъ Божиимъ церквамъ, заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай; вечерни не погрѣши“³⁾).

Нравственныя наставленія свои сыну Сильвестръ подтверждаетъ указаніемъ на свой примѣръ, значить то, о чемъ писалъ онъ, у добрыхъ людей того времени исполнялось на дѣлѣ.

„Не погрѣшихъ никогда же церковнаго пѣнія, отъ юности своя и до сего времени, кромѣ немощи.

„Ни нища, ни странна, ни убога, ни скорбна, ни печална, никогда же презрѣхъ, кромѣ невидѣнія.

„И въ темницы болна и пѣлѣнена, и изъ работы должна, и во всякихъ нуждахъ, по силѣ окупихъ, и гладныхъ, по силѣ кормихъ.

„Работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ; и ины окупихъ изъ работы, и на свободу попускахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домами живутъ, *яко же видиши*, и молятъ за ны Бога и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши *всѣ свободны*, живутъ у насъ по своей воли.

„Видѣлъ еси, чадо мое: многихъ пустошныхъ *сиротъ и работныхъ и убогихъ*, мужеска полу и женска, и въ Новѣгородѣ, и здѣ на Москвѣ вскормихъ и вспоихъ, до совершенна возраста; изучихъ, хто чево достоинъ; *многихъ грамотъ, и писати и пѣти*, иныхъ *иконнаго писма*, иныхъ *книжнаго рукодѣлія*, овѣхъ *серебренново мастерства* и иныхъ всякихъ многихъ *рукодѣлій*, а иныхъ всякими многими торговли изучихъ торговать. А мати твоя многія дѣвицы и вдовы пустошныя и убогія, *воспитала въ добръ наказаніи*, изучила *рукодѣлію*, и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, за мужъ давала; а мужескій полъ поженили у добрыхъ людей. И всѣ тѣ, далъ Богъ, свободны; своими добрыми домами живутъ; многи *во священническомъ и во дьяконьскомъ чину, и во дьяцѣхъ и въ подьячихъ, и во всякихъ чинѣхъ*; кто чево дородился, и въ чемъ кому благоволилъ Богъ быти“⁴⁾).

Такой примѣръ служилъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ. Еще обращаясь къ сыну, Сильвестръ заключаетъ: „Да держися, чадо, добрыхъ людей, во всякихъ чинѣхъ, и ревнуй добрымъ *дѣломъ* ихъ; внимая словеса добрыя и *твори я*. *Почитай часто Божественное писаніе*, и влагай въ сердце, себѣ на пользу.

Таковъ воспитательный идеалъ нравственной жизни по Домострою, завѣщанный предками.

¹⁾ Домострой, гл. XII.

²⁾ Домострой, гл. XIII.

³⁾ „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“, стр. 62.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 67.

XVII-й вѣкъ, собственно говоря, не отступалъ отъ этого идеала, но изображеніе его въ памятникахъ носитъ характеръ вліянія юго-западной школы. Педагогическія сочиненія этого времени написаны уже по риторическимъ правиламъ, съ пространными разсужденіями и доказательствами, съ вычурною витіеватостію, въ то же время воспитательныя мѣры являются болѣе жесткими, причемъ образуютъ какъ бы систему; но религиозно-церковный характеръ воспитанія остается тотъ же неизмѣнно.

Образцомъ такого рода произведеній и выдающимся литературно-педагогическимъ памятникомъ этой эпохи является сборникъ второй половины XVII вѣка, напечатанный и описанный проф. Лавровскимъ въ „Памятникахъ стариннаго русскаго воспитанія“, къ сожалѣнію, сохранившійся не въ полномъ видѣ ¹⁾. Педагогическую часть сборника представляетъ собственно предисловіе, гдѣ авторъ высказываетъ свои воззрѣнія на воспитаніе.

Изложеніе начинается похвалою духовной мудрости и различеніемъ ея отъ мудрости плотской, мірской. Божественная мудрость, по выраженію ея во внутреннемъ чувствѣ, въ словѣ и въ дѣлѣ, представляетъ три вида: „мудрость сердечную, устную и дѣльную“. Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о необходимости внушать духовную мудрость измлада. Все это подтверждается примѣрами. Важность воспитанія дѣтей въ духовной мудрости указываетъ на необходимость строгаго выбора воспитателей. Окончивъ рѣчь о воспитателѣ, авторъ обращается къ самому воспитанію и его средствамъ: „первая вещь есть *жезлъ*; вторая вещь есть, еже дѣтямъ возбраняти злаго общества, третья вещь есть, еже злаго по себе образа не являти чадомъ“. Окончаніе предисловія утрачено.

Такимъ образомъ изложеніе предмета отличается логической стройностью, причемъ авторъ обнаруживаетъ обширную по тому времени эрудицію. Сочиненіе изобилуетъ ссылками на латинскихъ и греческихъ авторовъ, примѣрами и сравненіями изъ исторіи, изъ природы, даже изъ греческой миѳологіи.

Для характеристики этого труда приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ него. Вотъ рѣчь о мудрости. „Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ, яко же самъ рекъ предвѣчная правда, Христосъ Богъ нашъ, иже съ вышнихъ сошедшій, о вышней пищѣ, вышней части пещися повѣлѣвая. Ибо нижняя часть человекъ хлѣбомъ питается, вышняя же часть словомъ Божіимъ наслаждается. Тако глаголетъ Григорій Божественный, ветхаго Рима первопрестольникъ: брашно ума глаголъ Божій есть. Се же яко такова изводства дѣйствуютъ въ душѣ, какова брашно тѣлесное во плоти. Брашно укрѣпляетъ плоть, Слово Божіе душу, брашно есть нужно въ путь житейскій, Слово Божіе въ путь духовный; хлѣбъ вои крѣпитъ во брани гражданствѣй, слово Божіе во брани духовнѣй“...

Обращаясь къ ученику, авторъ пишетъ о хлѣбѣ духовномъ (мудрости): „*яждь* взимая *рукама* ума твоего, прежувай *зубами* разсужденія, и поглотай в

¹⁾ По катал. И. П. Библ. № 327. Описывая рукопись, Лавровскій, на основаніи содержанія и языка ея, приходитъ къ заключенію о юго-западномъ происхожденіи составителя ея, а по соображенію историческихъ обстоятельствъ и нѣкоторыхъ библиографическихъ данныхъ, допускаетъ предположеніе, что составленіе рукописи принадлежитъ Епифанію Славинецкому и въ другихъ (утраченныхъ) спискахъ озаглавивается: „Гражданство и обученіе правовъ дѣтскихъ“. *Лавровскій, Памятники...* стр. 62.

стомахъ памяти твоя, и будетъ ти въ пользу“¹⁾. Такихъ, почти восточнаго характера, цвѣтовъ краснорѣчія древняя Русь не знала.

Говоря о мудрости плотской, которая осуждается словомъ Божиимъ, сочинитель замѣчаетъ: „Здѣ знаменати годствуеть и увѣститися всѣмъ лѣпо есть, яко не гаждаются (осуждаются, порицаются) здѣ *художества свободная: грамматика, риторика, философія* и прочая, яже зѣло есть полезна во гражданствѣ и къ духовной премудрости пособственна, но обхуждается здѣ разума естественнаго, художествомъ тѣхъ хитростію изощреннаго, Божию словеси непокорство, егда кто на естественныя вины (причины) взирая, Божию не повинуется слову. Та мудрость міра сего буйство есть у Бога: ибо величайшее есть заблужденія начало, еже хотѣти божественная и весьма умъ человѣческой превосходящая, мѣрою человѣческаго разума мѣрити“.

Свободныя художества должны служить духовной мудрости: „ибо египетская сокровища на божественнаго созданіе обращаетъ храма“. Приводятся примѣры классическаго образованія св. Григорія Богослова, Василия Великаго.

О видахъ мудрости духовной: „мудрость духовная есть трегуба: *сердечная, устная* и *дѣльная*. Первая, сердца мудрость, во тріехъ содержится: въ покаяніи о грѣсѣхъ прешедьшихъ, во преобижденіи прибытковъ и въ желаніи вѣчныхъ благъ; вторая, устъ премудрость, такожде во тріехъ содержится: во исповѣданіи грѣховъ, во благодарствіи и в назиданіи ближнихъ; дѣльная же мудрость подобнѣ въ тріехъ содержится: во отреченіи воли своея, во отсѣченіи сластей плоти, в терпѣніи противства міра сего“²⁾.

Сочинитель сборника придаетъ большое значеніе въ воспитаніи раннимъ навыкамъ и при этомъ, разбирая вліяніе товарищей и другихъ людей на дитя, дѣлаетъ ссылку, повидимому, на ученіе Локка, своего современника³⁾. „Инь философъ умы отрокъ юныхъ уподобляетъ скрижали ненаписаннѣй (*tabula rasa*), на ней же учитель, что либо хочетъ написати можетъ: точнѣ во умѣхъ юношескихъ что либо хочещи, вообразится или добро, или зло, и выну пребываетъ и прибываетъ“ (умножается; растеть).

Вотъ разсужденія автора о необходимости начинать воспитаніе въ раннемъ возрастѣ.

„Благо есть мужу, егда воздвигнетъ яремъ въ юности своей. Древеса, донеже млада, изъ дивныхъ лѣсовъ и пустынь ненаселенныхъ въ сады пресаждати есть садовникомъ обычай. Родителіе и чада православніи! Яко та (древеса млада) влаги нивъ новыхъ удобъ могутъ внутрь пріяти, и тѣми оживившеся, плоды благіе приносить; не тако старая: ибо та неудобъ терпятъ преселеніе. Подобна дѣтся и въ родѣ звѣрей: ибо младъ конь безтруднѣе образовается и всадника приемлетъ, нежели стародивый, и малолѣтенъ волъ сый удобъ яремъ на выи носити приучается, неже въ празнованіи (безъ дѣла) состарѣвыйся. Точнѣ въ человѣцѣхъ: юноша, яко лѣторасль, аможе хочещи, преклонитися можетъ, не тако лѣты довольный. Того ради хотящии навикнути хитростемъ, или свободнымъ, или несвободнымъ, во юности дѣтстѣй приводятся ко учителемъ и вручаеми имъ бываютъ, да трудолюбія налогъ примутъ во младости, егоже бы употребленіемъ препитати свою старость. И во

¹⁾ *Лавровскій*, Памятники... стр. 34.

²⁾ *Лавровскій*, Памятники... стр. 37.

³⁾ Локкъ—1642—1704.

правахъ юныхъ злонравіе немногими искореняется трудами и блазиі насаждаются въ тѣхъ мѣсто обычаи... И велія есть тымъ полза, иже благому игу Христову и бремени лехкому подлагають выя си отъ младости своея, ибо ей же работѣ пріобыкнуть къ верстѣ юности, та имъ сладка будутъ и не стужить и во предѣлѣхъ послѣднія ветхости. Во юности не хотяй тружdatися, во старости злѣ пострадаетъ. Ибо яко кто не оретъ и не сѣетъ въ юности лѣта, яже есть весна, той въ старости, яже есть зима, и хладъ и гладъ страдати долженствуетъ: тако во юности жизни своея не показывай трудолюбія въ дѣлѣхъ, не приметъ во старости плодовъ упокоенія: трудъ бо юности покой старости приноситъ; и противнымъ обычаемъ лѣность юности трудъ старости и безпокойство плодотворить. Чего ради родителіе чадолюбивія должны суть юность рожденныхъ собою ко трудамъ душеполезнымъ приклоняти и отъ младыхъ нохтей къ добрымъ дѣломъ приучати я: ему же бо пріобыкнетъ младость, то безтрудно носить старость“...

„Единъ отъ учителей искусныхъ подаетъ намъ образъ преполезный дѣтскія юности наставленія сицевъ. Въ *первомъ*, глаголетъ, *седмилѣтїи* да учать родителіе чада си благая и чистая словеса, а не худая и скверная глаголати, праведная, а не ложная вещати: ибо имже тукомъ новъ сосудъ исполненъ будетъ, того вони изъ себе никогда избудетъ. Во *второмъ седмилѣтїи* да учать я коему либо художеству, да возмогутъ тѣмъ, нуждая житію стяжати. Изряднѣе же, да соблюдаютъ я отъ видѣнія скверныхъ: ибо якоже иѣсть лѣпо юнымъ скверная глаголати, тако и видѣти. Даетъ вину Аристотель: яко вся первая наипаче суть любима; и того ради яже во первыхъ зрятся, тѣмъ съ вящимъ удивленіемъ при-смотримся юніи и твердо содержатъ я въ памяти. *По второмъ же седмилѣтїи*. егда примуть разумъ благъ и доволенъ, да учима будутъ страху Божию и мудрости, еже како Богу жити, разумѣнію же и искусству, како честно гражданствовати въ мирѣ. Въ сія триседмичныя лѣти чесому юноша приложится, того и во старости удержится по оному словеси: юноша по пути своему ходяй, аще и состарѣется, не отступитъ отъ него“. Далѣе слѣдуютъ сравненія изъ природы.

Восхваляется чадородіе, если дѣти разумно воспитаны, ибо отецъ, „аще и преставится отъ вѣка сего, не умираетъ, живетъ бо въ чадѣхъ своихъ“. Но „лучше есть безплодное дерево, нежели злыя и вредныя приносящее плоды“. Тѣмже убо тщаніе родителемъ должно есть присное имѣти, да плодъ ихъ благъ будетъ“. Но сочинитель трактата предупреждаетъ, что любовь къ дѣтямъ должна быть разумною, не безъ мѣры, не поблажающею. Повидимому, родители и въ то суровое время страдали слабостью въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ. Подобаеть родителемъ имѣти *любовь къ чадамъ умеренная*. Якоже вино, мѣрно употребляемое, веселитъ и здравитъ, безмѣриѣ паки шѣемое разума лишаетъ и болѣзни бываетъ виновно: тако любви родителей ко чадамъ, аще есть по достойному, полезна есть и рождшема и рожденнымъ; аще же *выше мѣры*, и тѣма вредъ творить и овымъ: овы въ развращеніе попускаетъ, тѣма же печаль и болѣзнь о развращеніи овѣхъ содѣваетъ“¹⁾. Авторъ приводитъ въ примѣръ извѣстный миѣ о Фаэтонѣ („баснь се есть пѣитическая, но родителемъ въ наставленіе полезна: да не по всякому чадъ прошенію соизволеніе творять“), судьбу Офни и Финесса и Илія съ дѣтьми. Затѣмъ авторъ обращается къ вопросу „откуда у честныхъ родителей чада злонравіе стяжутъ?“ И отвѣчаетъ:

¹⁾ *Лавровскій*, Памятники. воспит., стр. 48.

„Повѣмъ вамъ истину, ради исправленія: отъ *матерня ласкательства*, отъ *отча ненаказанія*, отъ обою же пространно воспитанія. Блажитъ мати малаго сына малую злобу, а злоба въ сердцѣ аки терніе кореніе си утверждаетъ и, сыну растущу, срастетъ злоба паче. Егда же возрастетъ сынъ въ количество непреклонное, совозрастетъ злоба во нравъ неискоренимый“ Зло дѣлается второю природою,—но „можетъ ли ефіопъ перемѣнить кожу, или рысь пестроту свою?“ Трудно измѣнить злой нравъ, если дѣти „отъ пелень родителями научаются злонравію и злословити“, когда имъ „отъ дѣтства упиватися попускають“, когда они съ дѣтства же „и видятъ, и слышатъ, и творятъ нечистоту невозбранно“.

Эти то факты слабости и недосмотра родителей въ воспитаніи и вызываютъ у автора необходимость ограниченія воли дѣтей и примѣненіе суровыхъ мѣръ воспитанія: „первая вещь есть жезлъ“... Но мѣры эти примѣняются тамъ, гдѣ дѣти „злонравны“. „Аще же *благопокоривы* ти чада суть, благодари Господа и *правительствуй* (руководи) *житіе ихъ любовію* на путь благій“¹⁾. Такимъ образомъ, суровость воспитанія, вызываемая неразумною любовію, распущенностію и поблжками родителей дѣтямъ, является не безусловною, не для всѣхъ, но гдѣ она нужна и полезна.

Относясь сурово къ дѣтямъ, авторъ также относится и къ родителямъ, не исполняющимъ своего долга. „Образъ твой есть сынъ: какова ты видитъ и слышитъ, тако самъ образуется. Тѣмъ же воправду родителіе гажденія (хулы, порицанія) и казни достойны суть, ихже чада кромѣ наказанія свершѣють“...

Въ связи съ этимъ взглядомъ стоитъ педагогическое требованіе „злаго по себѣ образа не являти чадомъ“. При этомъ отвѣтственность родителей усиливается. Дѣти подражательны, а примѣру родителей они даже должны слѣдовать. Что же будетъ, если примѣръ дурной!

„Ибо якоже піюкъ (обезьяна), что видитъ человѣки творящія, абіе то тщится дѣяти: подобнѣ чада, дѣла родителей овоихъ видяще, подражательіе имъ бывають. Блаженні убо суть родителіе, ихже житіе добродѣтельное есть чадомъ образъ благонаравія, зеркало исправленія и правило дѣяній благихъ. *Окаяннѣи* же суть родшіи, иже злымъ си житіемъ чадо си соблазняютъ. *Чадодубійцы* суть сіи человѣцы, не жели родителіе, ибо худшее раждають, а лучшее убивають: раждають бо плоть тлѣнную, убивають же душу безсмертную, егда соблазняютъ чада си, и грѣха ихъ виновницы бывающе, лишаютъ я живота душъ, яже есть благодать Божія“. Сказавъ объ угрозѣ евангелія соблазнителямъ малыхъ, авторъ продолжаетъ: „аще тако горе чюждымъ, много паче родителемъ“. „Блюдителя убо родителіе, да не будете душегубцы чадъ вашихъ соблазнію житія вашего“.

Такія педагогическія воззрѣнія завѣщаль намъ XVII вѣкъ. Разсматриваемый сборникъ заключаетъ въ себѣ далѣе практическое руководство воспитанія. Оно начинается съ *молитвъ*: „прежде всякаго дѣланія“, „исходя изъ дому“, „въ школу вшедъ“ „отъ одра возставъ“, „во одежды облачаяся“,—словомъ, молитвы на всякое дѣйствіе благое. Особыя молитвы положены, „егда дѣти начинаютъ *ученіе чтенія*“²⁾.

¹⁾ *Лавровскій*, Памяти., стр. 47.

²⁾ Премудрости Наставниче, смысла Давче, немудрыхъ Наказателю и нищихъ Защитителю утверди, вразуми сердце мое, Владыко. Ты даждь ми слово. Сего устнама моима не возбраню, во еже знати тебѣ: милостиве, помилуй мя. Сіе глаголи трижды.

Благости наказанію и разуму научи мя, яко Ты еси, Боже отецъ нашихъ и Господи милости, сотворивый человѣка, да обладаетъ созданными Тобою, и устройть миръ преподобіемъ и

Педагогическія правила имѣють церковный характеръ. Вотъ, напримѣръ, правило— „Кая имать отрокъ въ церкви блюсти и во умѣ обращати: „Да вѣсть убо отрокъ, храмъ Божій не жилище быти разбойникомъ, но молитвы домъ: сего ради тамо дѣянія безмѣсная и глумы игранія дѣлаяй да не явится. Егда же *тѣмъ* время, да творить самое сіе со благоговѣніемъ, и отъ Бога да просить милость чрезъ молитвы и иная размышленія благоговѣйная, получитьи благовременнаго прошенія“.

Затѣмъ для назиданія учащихся предлагается собраніе текстовъ св. писанія подъ разнообразными рубриками нравственныхъ обязанностей: „Пещися“. „Хранити тайны“. „Совѣтовати во всемъ“. „Благотворити врагомъ“. „Любити“. „Не ругатися“. „Мѣру равну имѣти“. „Сѣдаго чествовати“. „Нищія миловати“. „Каятися беззаконія“. „Грѣшныя исправляти любовно“. „Языкъ восдержати“. „Злаго слова хранитися“. „Немногословити“. „Лжи удалитися“. „Не слушати скверныхъ“. „Чрево восдержати“. „Сердце прилежно блюсти“. „Вящихъ себѣ не искати“. „Смерть помните“ и т. д. Заключение: „Блаженъ человекъ, егоже аще накажеша, Господи, и отъ закона Твоего научиши того“.

Такой воспитательный матеріалъ предлагался для чтенія юношамъ дома и въ училищахъ.

Что касается воспитательныхъ мѣръ, излагаемыхъ въ букваряхъ и азбуковникахъ, то онѣ представляютъ или произведеніе западно-русскихъ дидакаловъ или же прямо переводъ съ польскаго. На это указываютъ какъ самый языкъ наставленій, такъ и неуклюжая стихотворная ихъ форма, которая занесена къ намъ изъ западно-русскихъ школъ. Проф. Соболевскій замѣчаетъ, что „извѣстный дифирамбъ розгѣ (Розгою Духъ Святой дѣтище бити велить), вмѣстѣ съ другими стихами позднѣйшихъ азбуковниковъ, переводный. Его польскій оригиналъ печатался въ польскихъ азбукахъ даже въ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія ¹⁾). Религіозный характеръ воспитанія сохранился и въ этихъ наставленіяхъ; но читая ихъ, можно придти къ мысли, что кромѣ розги въ нашихъ школахъ второй половины XVII в. совсѣмъ не было другихъ, чисто-нравственныхъ, воспитательныхъ средствъ; но такой выводъ былъ бы несогласенъ съ истиною. Скорѣе можно думать, что похвалы розгѣ, бичу и жезлу писались не столько для примѣненія ихъ на дѣлѣ, сколько для устрашенія учащихся, которымъ буквари выдавались на руки.

Приведемъ нѣкоторыя изъ виршъ о розгѣ.

Вотъ *увѣщаніе* о пользѣ наказаній для отроковъ, напечатанное въ букварѣ 1679 г.

Хощеши, чадо, благъ разумъ стяжати,
Тщися во трудѣхъ выну пребывати
Временемъ раны нужда есть терпѣти.
Ибо, *тѣхъ кромѣ,—безчинуютъ дѣти.*
Розги—малому, бича—большимъ требъ,

правдою. Дажь ми отъ Твоихъ престолъ намѣстницу премудрость и не искуси мене отъ наказаній Твоихъ, яко азъ рабъ Твой и сынъ рабни Твоея, послы ю съ небесъ отъ святаго жилища Твоего, и отъ престола славы Твоея, да, пришедши, научить мя, что угодно есть Тебѣ, и наставить мя въ разумъ истинный, и сохранить мя во славу своей всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

¹⁾ А. Соболевскій, Образованность Моск. Р. XV—XVII в., стр. 22, примѣч. Не отрицая, что побой были въ нашихъ школахъ, авторъ однако же заявляетъ, что „мы не имѣемъ права думать, чтобы они были у насъ въ большомъ ходу: ни въ одномъ изъ житій святыхъ XV—XVII вѣковъ о нихъ не говорится.

А жезлъ—подрастимъ при нескудномъ хлѣбѣ.
 Та орудія—глуныхъ исправляютъ,
 Плоти цѣлости ничтоже вреждають.
Розга—умъ острить, память возбуждаетъ
 И волю злую въ благу прелагаетъ:
 Учитъ Господу Богу ся молити
 И рано въ церковь на службу ходити.
Бичъ—возбраняетъ скверно глаголати
 И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ—лѣнивыя къ дѣлу понуждаетъ,
 Рождшихъ слушати во всемъ поучаетъ,
 А злобы творцы страхомъ си спасаетъ,
 Егда болѣзми душу пронцаетъ,
 Не вредитъ костей, тѣлу болѣзнь родить,
 Но злыя правы отъ юныхъ отводитъ,
 Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
 Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте,
 И рукъ, яже вамъ язвы налагають,
 Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ...
 Сіе же слово за даръ благъ возьмите,
 Не злословьте ми, но благословите:

Наиболѣе часто встрѣчается въ азбуковникахъ слѣдующая похвала розгѣ:

Розгою Духъ Святой дѣтище бити велить,
 Розга убо ниже мало здравія вредить.
 Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняетъ,
 Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ встыгаетъ.
 Розга родителемъ послушны дѣти творить,
 Розга Божественнаго писанія учитъ.
 Розга аще и бьетъ, но не ломитъ кости,
 А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
 Розгою аще отецъ и мати часто біють дѣтище свое,
 Избавляютъ душу его отъ всякаго грѣха.
 Розга учитъ дѣлати вся присно ради хлѣба,
 Розга дѣти *ведетъ правымъ путемъ до неба.*
 Розга убо всякимъ добротамъ научаетъ,
 Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
 Розгою отецъ и мати еже дѣтище не біють,
 Удаву на выю его скоро увіють.
Вразуми, Боже, матери и учителя,
Розгою мамыхъ дѣтей бити ракители.
Благослови, Боже, оныя лѣса.
Иже розги добрыя родятъ на долгія времена,
 Малымъ дѣтемъ розга *черемховая двоюлтняя,*
 Сверстнымъ же *березовая* къ воумленію,
Черемховая же къ страхованію ученія,
 Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити.
 Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
 Аще ли же безъ розги изъ млада возрастится,
 Старости не достигъ, удобъ скончится»,

Здѣсь розга является какъ бы основнымъ орудіемъ воспитанія и обученія; но въ другихъ виршахъ она назначается не для всѣхъ, а только для лѣнивыхъ, непослушныхъ, неисправныхъ учениковъ. Такъ въ рукописи „Школьное благочиніе — всеспасительное ученіе“ пишется:

«Кто учениемъ *мнитъся*,
 Тотъ *ранъ* терпѣть не постыдится;
 Кто *урока* не изучить,
 Изъ школы отпуска не получить;
 Когда кто другъ друга злѣ уничтожить,
 Таковой съ терпѣніемъ на *школьномъ козлѣ* ¹⁾ полежить...
 Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
 Да не будете повинны *ранамъ мучительскимъ*.
 «Непокоряющимся полагаемъ клейноть—
 Учителевъ ремень *плетной*».
 Лѣнвыхъ писаніе велитъ *бити лозами*,
 Отъ нихъ же то (лѣность) изводится *слезами*,

Приведенныя изрѣченія, взятыя изъ разныхъ азбуковниковъ ²⁾, въ сущности варьируютъ одни и тѣ же мысли о наказаніяхъ. Очевидно, дидаскалы того времени виртуозно изощрялись превзойти другъ друга въ описаніи значенія и примѣненіи розги. Не было ли это схоластическое, чисто словесное устрашеніе, которое далеко не примѣнялось на дѣлѣ? Хмыровъ и Мордовцевъ, одинаково не сочувствовавшіе образованію Руси до-Петровской, полагаютъ, что воспитаніе и ученіе въ эту эпоху на дѣлѣ вовсе не имѣли той жестокости, какую можно предполагать по приведеннымъ похваламъ розгѣ, бичу, жезлу—вообще физическимъ наказаніямъ; а изъ приведенныхъ выше памятниковъ видно, что и въ ту пору являлась также любовь и снисходительность къ дѣтямъ, доходившія и до крайности.

Да и самыя задачи воспитанія были таковы, что ихъ нельзя было достигнуть розгой. „Вино новое въ мѣхи новые вливайте, пишетъ древне-русскій педагогъ о дѣтяхъ, еже есть *любовь Божію* въ сердца ихъ отъ юности вселяйте; *къ небеси* юная сія древеса обращайтесь и клоните, да не земная, но *небесная узрятъ* и *любятъ* и *мудрствуютъ*“ ³⁾. Странно было бы представлять древне-русскую семью, при ея патриархальномъ строѣ и тогдашнихъ нравахъ, живущею и воспитывающею только любовью; но также не вѣрно представлять ее дикою, жестокою, воспитывающею только побоями, чуждою любви.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще сказать о взглядѣ нашихъ предковъ этой эпохи на *воспитателя* и его значеніе. Въ семьѣ воспитателями являлись родители, въ школѣ учителя, но въ боярскихъ семьяхъ были и особые воспитатели. Значеніе учителей ставилось высоко. Они должны служить для дѣтей, какъ „образъ житіемъ ко всякой добродѣтели“. Да не зреть око ихъ (дѣтей) ничтоже развратно отъ воспитывающихъ, да не слышать упеса (дѣтская) отъ нихъ „скверныхъ или неподобныхъ глаголь“. Отцу говорится: „образъ твой есть сынъ: какова ты видитъ и слышитъ, такъ самъ образуется“,—то же относится и къ учителямъ.

Выборъ воспитателя—дѣло важное, ибо отъ него зависитъ будущность дѣтей. „Веліе же древле благоразумныхъ о томъ попеченіе бяше, да доброискусныя своимъ чадомъ учителя обрящутъ. Иеронимъ блаженный единой честнѣй женѣ, именованной Лета, сице черезъ свое писаніе о воспитаніи дочери совѣщаше: учителя избери въ *млтѣхъ благихъ*, *житія благочестнаго* и *ученія*. Александръ великій,

¹⁾ „Школьный козель“, — вѣроятно, скамейка, на которую клали виновнаго при сѣченіи розгами.

²⁾ См. Описаніе ихъ у Хмырова, Мордовцева, Карпова и др.

³⁾ Лавровскій, Памяти. восп. стр. 44.

вселенныя покоритель, зѣло радовася и привѣтствова себѣ, яко въ то время дадеся ему жити, внигда преславнѣйшій всѣхъ любомудрыхъ Аристотель живяше и учаше, и ему самому наставникъ дадеся. Θεодосій царь, попеченіе имѣя отеческое о сыну си, Аркадіи и Оноріи, написа ко Гратіану царю посланіе, моля его, да пошлетъ ему в царьградъ изряднѣйшаго нѣкоего *во благочестіи и ученаго* мужа Арсенія. Недовольно быти неищева царь Θεодосій, еже царство, множествомъ всяческихъ богатствъ кинящее, в наслѣдіе сынама дати своимъ; тщася ктому благонаравіемъ и благочестіемъ прежде обогатити я. Тѣмже, вручая чада си Арсенію богомудрому, рече ему: Отселѣ ты паче отецъ будеши сима отрокома, нежели азъ“¹⁾.

Подобно тому преп. Ксенофонтъ и Марія, благочестиво воспитавшіе сыновей своихъ Аркадія и Іоанна, послали дѣтей своихъ „во Киритъ ко учителемъ преславнымъ премудрости и преблагимъ, *купно премудрости и добродѣтелемъ наставляющимъ*, и прежде добронравію, неже вѣтійству, яко сіе безъ онаго аки тѣло безъ души есть, оно же безъ сего яко душа тѣлесе кромѣ“. Здѣсь ясно высказывается педагогическое требованіе, чтобы учитель былъ вмѣстѣ и воспитателемъ, а обученіе было воспитывающимъ, „Мудрости убо мирскія яко посланію или подножію быти, духовныя же кровомъ украситися“.

Первыми учителями въ нашихъ школахъ были священники, иноки, дьяконы и дьяки. Высокія обязанности священства, излагаемыя въ посланіяхъ апостольскихъ и отеческихъ писаніяхъ, прилагались ими и въ учительствѣ. Пастыри призваны, по выраженію м. Алексія, „учити всѣхъ на вся душеполезная“²⁾, словомъ и дѣломъ, поученіемъ и житіемъ руководить пасомыхъ, „како жити“. Ученіе въ школахъ не расходилось съ ученіемъ въ церкви. „Санъ святительскій отъ Господа учиненъ есть не ради успокоенія и прохлады, но ради спасенія пасомыхъ“³⁾. Эти воспитатели и учителя народа служили живымъ образцомъ для учителей книжныхъ и другихъ сословій. Отсюда и явился высокій идеалъ учителя въ нашей древнерусской школѣ. Учитель долженъ быть „богобоязливъ, христіюлюбивъ“. Стоглавъ приказывалъ избирать въ школы учителей „добрыхъ, благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, и вмѣнялъ имъ въ обязанность учить „со всякимъ духовнымъ наказаніемъ“ страху Божію, грамотѣ, письму и пѣнію, сколько кто умѣетъ. Цѣнилъ въ учителяхъ особенно *добрый нравъ, кротость и скромность*, почему и выбирали „учительныхъ людей тихихъ и небражниковъ“. При выборѣ учителя царевичу Петру Алексѣевичу мать просила царя сыскать учителя „кроткаго и смиреннаго и вѣдущаго божественное писаніе“⁴⁾, каковымъ оказался Зотовъ. Самый внѣшній видъ учителя располагалъ къ почтенію. Учитель на древнихъ миниатюрахъ изображается человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ (въ лѣтѣхъ благихъ), въ длинномъ платьѣ, съ отпущенными волосами и бородой, съ важнымъ лицомъ, какъ изображаются лица духовнаго сана.

Въ Азбуковникахъ XVII вѣка учителю влагаются такія рѣчи о его дѣятельности:

Духовніи мои о Господѣ и любезная братія,
Собравшіися здѣ духовнаго ради наказанія,
Ушеса ваша усердно ко мнѣ приклоните,

¹⁾ *Лавровскій*, Памятн. госп., стр. 44.

²⁾ Акт. Истор. I, № 3.

³⁾ Димитрій Ростовскій, соч. т. III, 544.

⁴⁾ *Сахаровъ*, Записки русскихъ людей (Крекшина) 1841 г., стр. 19.

О мудрости слову прилѣжно внимлите,
Которая изначала дній съ Богомъ бѣ и есть и будетъ,
Сія въ чистыхъ душею и тѣломъ чловѣцѣхъ пребудеть;
Сія хоцетъ въ ваша благочестивыя сердца вселитися,
Въ вѣчное селеніе со Отцемъ и Сыномъ и Духомъ Святымъ водворитися.

Азь ко онѣмъ вышечисаннымъ тя направляю,
Книжному разумѣнію прилѣжно тя наставляю.
Азь въ книжномъ разумѣніи даю тебѣ смыслъ
Дабы ты во благомъ ученіи былъ быстръ.
Азь ко ученію вразумляю прилѣжно,
Ты въ сихъ учись всегда неотложно.
Азь тебѣ вся книжная любомудріе указую,
Тебе всѣмъ благимъ усердно и любезно наказую.
Аще въ наказаніяхъ моихъ пребудеть,
То вездѣ пріятенъ будетъ.
«Учитель добродѣтельнымъ путемъ ведетца,
Къ таковому ученикъ безъ опасенія приведетца,
Учителемъ благая дѣла творятца.
Таковаго ученицы крѣпче держатца.
Учителя житіемъ не искусенъ,
И ученикомъ таковой гнусенъ;
Учителю не въ пищахъ и питіяхъ пребывати,
Но по заповѣдямъ проживати».

Учители-священники и вообще члены клира учили въ школахъ безкорыстно, исполняя свой долгъ учительства; по крайней мѣрѣ въ памятникахъ нигдѣ нѣтъ упоминанія о платѣ за книжное ученіе у лицъ духовныхъ. Но когда, со времени Монгольскаго ига, появились на Руси школы грамоты, гдѣ преподавали „мастера“, то появилась и рядная плата за ученіе. Геннадій говоритъ, что мастера брали плату особо за ученіе псалтири, часовъ, особо за вечерню. Плата эта заключалась частію въ деньгахъ, частію шла натурой, въ видѣ каши, магарычей, подарковъ. Въ азбуковникахъ XVII вѣка находятя такіа обращенія къ ученикамъ:

«Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите,
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приноситьи.
«Честъ достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питія ему приношайте.

Иногда просьба о приношеніяхъ излагается витіевато, во вкусѣ Кіевской элоквенціи, которая долго и въ послѣдующее время, какъ извѣстно, питалась подаеніемъ, испрашиваемымъ пѣніемъ разныхъ виршъ у домохозяевъ ¹⁾. Что-то унизи-

¹⁾ „Прикажи, Государь, намъ отъ класорасленныхъ *плодовъ* запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы *говядъ* и тинолюбящія *свини* преподати,
Со всѣми же сими желаемъ и *птахъ* водоплавныхъ.
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ *млекъ* згущеннаго и отъ *сыменъ* изгнетеннаго *масла*,
Да въ приходящій праздникъ усладятъ наша брашна.
Возьдари происходящимъ сквозѣ огонь и воду,
Да благопотребно будетъ нашему дому.
Высокорасленнымъ огорченнаго *пива* добрѣйшаго,
Пчелодѣльнаго *меду* сладчайшаго.
Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, Государю, извѣстия,
Насъ же, богомольцовъ своихъ, всѣми сими посѣтилъ.

тельное и не русское слышится въ этихъ моленіяхъ, напоминающихъ вирши Симеона Полоцкаго къ царю, тоже о пособіяхъ. Древняя Русь была проще. Повидимому, въ концѣ XVII вѣка у насъ образовался типъ учителей бродячихъ, выходцевъ изъ Юго-Западной Руси. Известно, что они во множествѣ явились на Руси Московской именно въ эту эпоху ¹⁾.

Но слѣдуетъ замѣтить, что эти искатели подарковъ, приношеній пищу и питіемъ вышли не изъ братскихъ школъ Юго-Западной Руси. Въ братскихъ школахъ обученіе, какъ и въ Московской Руси въ школахъ церковно-приходскихъ, было *безплатнымъ*, даровымъ; учителя получали содержаніе отъ братствъ, которыя предъявляли къ нимъ высокія требованія не одного образованія, но и нравственныхъ качествъ.

Въ уставѣ Луцкой школы пишется: „Даскаль или учитель сей школы долженъ быть *благочестивъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержанъ*... споспѣшникъ *благочестія*, во всемъ представляя собою образецъ *благихъ дѣлъ*. Въ такихъ добродѣтеляхъ да пребываютъ и ученики, какъ ихъ учитель“ ²⁾.

О матеріальномъ вознагражденіи учителей въ уставѣ совсѣмъ не говорится. Въ школѣ собственно монастырской содержаніе главнаго пѣвца, школьнаго учителя и учащихся отроковъ возлагалось на средства монастыря; о ректорѣ школы говорится, что онъ, не требуя за науку никакой платы (жадное платы за науку не беручи), долженъ имѣть наблюденіе за отроками и за всею школою, и за учителемъ, „дабы молодые годы порученныхъ имъ дѣтокъ напрасно не тратились, за что учителя должны *дать отвѣтъ Богу*“ (аже бы дѣтокъ имъ врученныхъ лѣта молодая марнеся не теряли, за которыхъ учителя личбу Богу чинити мусять). Забота о дѣтяхъ называется *отцовскою* ³⁾. На трудъ учителя и воспитателя смотрѣли, какъ на дѣло Божіе. Такой же взглядъ господствовалъ и въ Московской Руси до-Петровской.

Дѣлатель достоинъ мзды своей, по Апостолу; труждающійся вкушаетъ отъ плода трудовъ своихъ. Служители алтаря отъ алтаря имѣли и пропитаніе. Стоглавый соборъ, избирая достойнѣйшихъ пастырей руководителями школъ, заповѣдуетъ, чтобъ они учили отроковъ „о всѣхъ полезныхъ“ „отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣсь отъ ихъ родителей *дары* и *почести* приѣмлюще, по ихъ достоинству“. Здѣсь вознагражденіе учителя является не въ видѣ торговыхъ, рядныхъ условій, а какъ естественный результатъ добраго и полезнаго труда его, причемъ нравственное достоинство его нисколько не умаляется, а на первомъ мѣстѣ стоитъ *награда отъ Бога*.

¹⁾ Уже Максимъ Грекъ говорилъ о бродячихъ учителяхъ: „мнози убо обходятъ грады и земли, овы убо куплю, овы же художествомъ всякимъ, ремесломъ и *книжнымъ искусствомъ*, Греческимъ, или Латинскимъ, есть же и *Ерусалимскими*: одни совершенны суть, другіе отчасти, иные же *отнюдь не вкусивше художнаго вѣдѣнія книжнаго*, рекше грамматикійскаго и риторскаго, и прочихъ людныхъ учительствъ Еллинскихъ, обаче *хваляются вѣдѣти вся, користоватися желающе и кормитися*“. Максимъ завѣщаль испытывать такихъ гостей—*chevaliers d'industrie*. Значить, широка была потребность въ образованіи на Руси, если она создала даже небезвыгодное ремесло бродячаго учительства.

²⁾ Памятники, изд. Времен. Комисс., стр. 97.

³⁾ Памятники, изд. Врем. Комисс., т. I, стр. 67.

V. Внутренняя организація школы XVII вѣка. Правила поведенія учащихся. Школьные порядки и взаимныя отношенія учениковъ и учителей.

До XVII вѣка мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія о внутреннемъ бытѣ и организаціи древне-русскихъ училищъ. Лѣтописи и житія хотя и говорятъ о школахъ и ученіи, но первыя только кратко упоминають о нихъ, а вторыя, сосредоточиваясь на личности угодниковъ, органичиваются лишь указаніями, что святой учился, „извыче божественныхъ писаній“, „прилежа чтенію книгъ“ и даже „писаше книги“, но о самомъ ученіи умалчивають. Даже азбуки древнѣйшихъ временъ не дошли до насъ, хотя онѣ несомнѣнно были, списывались и широко распространялись вмѣстѣ со школами. Но отъ XVII вѣка сохранилось много букварей, азбукъ, азбуковниковъ, въ которыхъ, кромѣ учебнаго матеріала, помѣщались школьныя правила, наставленія для учителей и разныя свѣдѣнія о школьномъ бытѣ этой эпохи. Хотя эти памятники еще не напечатаны вполнѣ, многіе извѣстны только въ отрывкахъ и въ извлеченіяхъ¹⁾; но и то, что извѣстно, составляетъ цѣнный матеріалъ для историка, изучающаго прошедшее нашей школы. Благодаря азбуковникамъ, мы имѣемъ возможность возстановить внутренній бытъ школы XVII вѣка, ея жизнь настроеніе, школьные порядки, взаимныя отношенія учителей и учениковъ, даже домашній бытъ школьника.

Прежде всего изъ азбуковниковъ очевидно, что въ эту эпоху на Руси уже были правильно организованныя школы, и притомъ школы двухъ видовъ—*для приходящихъ* учениковъ и для учениковъ *живущихъ* при школѣ въ *общежитіяхъ*.

Напримѣръ, въ наставленіи ученикамъ въ одномъ азбуковникѣ пишется:

«Въ дому своемъ, воставъ отъ сна, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ утрися,
Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
Отцу и матери ниско поклонися.
Въ школу *тщательно* иди,
И *товарища* своего веди
Въ школу съ молитвою входи,
Такожде и *вогъ исходи*».

Здѣсь, очевидно, говорится о школѣ, въ которую дѣти ходятъ учиться съ товарищами. Это хожденіе въ школу описывается во всѣхъ азбуковникахъ.

Слѣдующее же требованіе, обращенное къ учителю:

«Лягутъ гдѣ ученицы твоя когда спати,
Дивися, аще не на тѣхъ же мѣстѣхъ имуть востати»,

говоритъ ясно, что ученики не только учились, но и проводили ночь, то-есть жили, въ школѣ, ибо иначе какъ учитель могъ имѣть наблюденіе за ихъ сномъ.

¹⁾ Богатое собраніе азбуковниковъ Соловецкой бібліотеки описано *Карповымъ* (Казань 1878 г.). Но авторъ, имѣя въ виду спеціальную цѣль, останавливался почти исключительно на лексикографическомъ матеріалѣ и разнородномъ научномъ содержаніи ихъ. Для нашей цѣли имѣетъ особенную важность собраніе азбуковниковъ изъ бібліотеки арх. Аѳанасія, описанное *Мордовцевымъ* (Москва, 1862 г.). Къ сожалѣнію, это не научное описаніе памятниковъ старины, а публицистическая статья, съ выдержками изъ азбуковниковъ, судьба которыхъ доселѣ остается неизвѣстною. Нѣкоторыя извлеченія изъ азбуковниковъ по школьному дѣлу помѣщены въ ст. *Хмырова* (Нар. школа 1871 г.). Какъ ни отрывочны сообщаемыя свѣдѣнія изъ азбуковниковъ, но они представляютъ почти единственныя пока матеріалы для характеристики организаціи школъ XVII вѣка, и мы ими пользуемся въ своемъ изложеніи. Нѣкоторыя азбуки описаны у *Пекарскаго*, а нѣкоторыя есть и въ нашей бібліотекѣ.

То же усматривается при выборѣ „школьныхъ старостъ“ изъ учениковъ. Собственно въ школѣ, по азбуковникамъ, назначалось *три* старосты, а для общежитія назначался *одинъ*, который долженъ наблюдать, „да *по отшествіи* или *сънъ* учителя, ученицы не уклонятся въ развращенія и *бесѣды пустошныя*, и не точію ученіе оставятъ, но и на *ина нкля злая* діаволъ научить“. Въ другомъ азбуковникѣ пишется:

«*Единаго изъ васъ въ старосты избираю,*
Емуже васъ всѣхъ въ повиновеніе привождаю:
Ему покоряйтесь и ученіи своими ему прислушайтесь;
Когда же и самъ я буду во дому,
Не лѣнивъ буду и самъ къ тому».

Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ о внѣклассныхъ занятіяхъ учениковъ, живущихъ въ школѣ, въ домѣ учителя. Когда онъ отлучался, или ложился спать, староста обязанъ былъ наблюдать за учениками, чтобы они занимались дѣломъ, не тратили время на пустые разговоры и шалости. Наконецъ, въ азбуковникахъ есть требованіе, чтобы учитель велъ съ учениками внѣклассное чтеніе „во время хлѣбояденія и полуденнаго отъ ученія престатія“, значитъ, въ нѣкоторыхъ школахъ ученики обѣдали въ школѣ и оставались послѣ занятій, то-есть жили въ школьныхъ общежитіяхъ.

Поступленіе ученика въ школу всегда сопровождалось *молитвою*. Заранѣе условившись съ учителемъ, въ урочный день родители и вся семья отпраплялись въ церковь, слушали обѣдню, потомъ служили молебенъ св. Космѣ и Даміану, пророку Науму и ангелу своему¹⁾. Затѣмъ учитель шелъ въ домъ родителей, гдѣ встрѣчали его съ почетомъ, сажали въ передній уголъ. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передавалъ его учителю, передавая ему и отцовскія права надъ сыномъ. Мать, стоя у дверей, плакала. Ученикъ дѣлалъ предъ учителемъ три земныхъ поклона, причемъ учитель ударялъ осторожно три раза плеткой своего ученика и сажалъ его за столъ, за азбуку. Мать вручала сыну узорчатую указку, учитель, развернувъ азбуку, показывалъ букву *Азъ* и начиналъ слагать: *азъ-земля-ерь,-азъ*, чѣмъ и оканчивался первый опытъ. Учителя угощали, подносили ему дары—платье, полотенце, хлѣбъ. На другой день ученикъ, съ азбукой и указкой въ рукахъ, являлся въ школу и становился школьникомъ²⁾.

Первую обязанность всякаго ученика составляли *домашняя молитва* и неопустительное *посѣщеніе богослуженія*. Въ „наставленіи малымъ дѣтемъ“ пишется; „подобаетъ отрокомъ, *обучающимся купно*, еже услышати гласъ звона, отъ сна востати и помышляти архангельскую трубу, гласящую послѣднее тѣлесъ возстаніе къ суду и воздаянію. Воставъ отъ сна, знаменуетъ себя самаго отрокъ знаменіемъ честнаго и животворящаго креста, *тремя* первыми персты десныя руки, купно же глаголя словесно и мысленно: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Таже одѣвся ризами и умывъ лице, на благодареніе Богу, воздвигшему его, обратитися, яко убо сподобися, здравствуя по обоему чловѣку (по тѣлу и духу), востати отъ одра. Таже положивъ три великіе и простертые поклоны предъ иконою Владычицы, благоговѣйно идти ко храму, дому молитвы, благочиннымъ и честнымъ сту-

¹⁾ „Есть обычай многимъ (учащимся) совершати любезныя моленія безсребренникомъ Космы и Даміану, и св. пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать“.

²⁾ Сахаровъ, Сказ. Р. Нар., т. II, кн. 7.

паніємъ: ни скоро текій, ниже убо ступая по желву черепокожному (какъ черепаха), но имѣя шагъ средній и царственнѣйшій. Да вѣсть убо отрокъ, яко храмъ Божій—молитвы домъ: сего ради тамо дѣянія безмѣстная (неумѣстная), глумы и игранія дѣлаай, да не явится“¹⁾.

Такимъ образомъ всякій ученикъ обязанъ былъ ежедневно посѣщать храмъ Божій. Требованіе это не казалось отяготительнымъ, потому частное посѣщеніе богослуженія было обычнымъ у нашихъ предковъ. „Се бо вапе *дѣтское въ школт учащихся дѣло*, паче же совершенныхъ въ возрастѣ“, говорится въ одномъ азбуковникѣ о посѣщеніи храма.

Въ другомъ наставленіи говорится только объ утренней молитвѣ: „прилѣпляющійся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущій отъ мене благаго разума, въ домѣхъ рано встають, и умывся, образу Божію нижайшимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ (молитву твоя) да поклонится, и у родшихъ благословеніе испросивъ, утренюеть ко мнѣ, си есть порану ко учителю приходитъ“.

Поведеніе ученика въ домъ, въ семьѣ, по „наставленію малымъ дѣтемъ“ изображается такимъ образомъ.

„Что имать дѣтице творити, егда порану востанетъ отъ ложа? *Молитвою* день да начнетъ. Ничтоже прежде да не творитъ, дондеже первѣе главу учешетъ, лицо умьетъ и усто руками измьетъ и воспоетъ: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. Царю Небесный. Трисвятое. Пресвятая Троице. Отче нашъ. Отъ сна воставъ и прочее. Посемъ родителемъ или ближнимъ и пріятелемъ поздравствовати на благоденствіе, съ честнымъ и нижайшимъ поклоненіемъ. Тогда же иди *во училище* или *въ дому* сѣсти и упразднити подобающее время *въ прочитаніи* священныхъ писаній или за дѣла каково-либо пріятная; и время провождаютъ не праздно, ниже въ глумленіяхъ, дондеже достигнетъ часъ ястія. И тогда Богу помолитися молитвою. Отче нашъ и прочее, и тако ясти честно, благоговѣнно и мирно, безъ пресыщенія или объяденія, благодаря Бога о даваемыхъ потребныхъ. Не прочитавше же кому молитвы Отче нашъ, никакоже дерзати ясти, аще и зѣло юнъ сый.

На трапезѣ ли велицей сѣлъ еси, не разверзи на ней гортани твоя. Яждь, яко чловѣкъ, предложенное тебѣ не разгребай, да не возненавидишия, престани первый и не пресыщайся. И аще посреди многихъ сѣлъ еси, первѣйшій ихъ не простри руки твоя, яко довольно чловѣку малое. Не пресыщайся и во всякой сладости и не разливайся на яди: во многихъ бо пищахъ будетъ болѣзнь... пресыщеніемъ мнози умроша. Егда яси и насытитися, возблаговослови Господа Бога твоего: Благодаримъ тебѣ, Христе Боже нашъ, яко насытилъ насъ и прочее. Потомъ родителемъ или питающимъ и инымъ благодѣтелемъ за ястіе благодарите съ честнымъ и достодолжнымъ поклоненіемъ и по семъ направляги себе на дѣло ученичное. И сице препроводати дни свои въ страѣ Божіемъ“²⁾.

Таковъ благовоспитанный отрокъ, учащійся въ училищѣ, въ домашнемъ быту. Дома онъ долженъ безъ ропота, охотно все дѣлать, что ему поручать, и въ школу идти, заниматься ученіемъ, онъ долженъ безъ понужденія: „аще же что въ дому повелится имъ творити, должны то усердно и безъ роптанія творити и содѣяти. Ко ученію же наки *не черезъ понужденіе*, но усердно да возвратятся“.

¹⁾ Рук. Соф. бібліотеки.

²⁾ *Купріяновъ*, Матеріалы для ист. р. педаг. *Журн. Мин. Пр.* 1856 г. январь.

Заслышавъ звонъ церковнаго колокола, призывающій къ богослуженію, ученики должны оставить дѣло свое и спѣшить въ храмъ Божій, гдѣ должны стоять благоговѣнно, ибо всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ.

Звонъ къ церковному пѣнію егда слышите,
Ученіе оставльше, усердно тамо поспѣшите;
Знаеми всѣмъ тамо кроткимъ стояніемъ бываете,
Понеже вси знаютъ, яко въ школь пребываете».

Значить, самое ученіе въ школѣ и званіе ученика обязывало учащихся вести себя особенно осмотрительно.

Благоговѣнное отношеніе къ святынѣ церкви ставилось въ непремѣнную обязанность. „И егда минуетъ святую церковь и узреть кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися со изреченіемъ сямъ: Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благій и ту стоя, или идя, скончай. Аще ли не умѣши первое, довольно ти есть, дондеже изучиши. Такжеде и Пресвятая Богородицы образу помолитися со изреченіемъ: Подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородицо Дѣво и прочее. Вѣдый буди, яко скорая на помощь всѣхъ насъ умолишь Сына Своего, Христа Бога нашего, еже дати тебѣ истинное познаніе во святыахъ писаніихъ“.

Къ молитвѣ заповѣдуются прибѣгать, если ученикъ слабо учится или плохо разумѣетъ и усваиваетъ преподаваемое, „болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учамаго“. Тогда должно призвать священника, который помолится, прочитаетъ молитвы „о неудобоучащемся грамотѣ“, и молитва вѣры, по примѣру св. Сергія Радонежскаго, подастъ успѣхъ въ ученіи.

Замѣчательно одно мѣсто въ азбуковникѣ, гдѣ учащіеся отроки предохраняются отъ чтенія вредныхъ книгъ, которыми, какъ и въ наши дни, старались увлечь юношество. „Есть во всѣхъ книгахъ и въ писаніи, говорится здѣсь, кромѣ тисненіемъ изданныхъ (то-есть, одобренныхъ правительствомъ, ибо типографіи были въ вѣдѣніи царя и патріарха) посреди доброй духовной пшеницы насѣяны непотребный плевелъ, какъ куколь въ пшеницѣ; не глаголю римскій, но другой, внесенный къ намъ еще мудреными, безумными людьми, иже во многихъ градѣхъ и весѣхъ паче же рещи въ великомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, елико за таковая плевела двояко, сіестъ, душевнѣ и тѣлеснѣ страждутъ“. Повидимому, здѣсь имѣются въ виду раціоналистическіе сектанты, а быть можетъ и раскольники. Если, говоритъ мудрость, кто-либо изъ таковыхъ станетъ наставлять въ чемъ юношу и предлагать для чтенія книгу, то онъ долженъ отвѣчать, что еще не смысленъ для того, чтобы самъ оцѣнить предлагаемое и сказать: „но аще хочещи, да даси мнѣ сіе, и азъ шедъ, покажу моему учителю“. Мудрое правило, предостерегающее учащихся отъ вредныхъ увлеченій и за предѣлами школы, въ домѣ, при случайныхъ встрѣчахъ съ непрошеными просвѣтителями, которые, значить, бывали и въ то время.

Ученикамъ запрещалось бродить безъ дѣла по улицамъ, посѣщать зрѣлища: „На обрѣтающееся позорище отнюдь не ходите,

Но паче въ дома своя со смиреніемъ идите“.

Когда оканчивались въ школѣ занятія и ученики шли домой, то они должны были вести себя скромно, прилично. „Что долженствуютъ творити дѣти, егда изъ училища отпустятся? Скоро въ домъ да не спѣшатъ: не бѣгомъ потекутъ, яко усмошведи (кожевники) на торжище; не долженствуютъ вопльствовати, яко оный стенторъ; ниже мятежь нѣкій творити, яко неистовствующіе кони, егда възгратися имъ; ниже паки бѣгати подобаетъ, яко скоту, сѣмо и овамо“.

Въ другомъ азбуковникѣ пишется: „Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите: шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и біенія, и рѣзваго бѣганія, и каменоверженія, и всякихъ неподобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяй бо таковая нѣсть отъ овецъ моихъ, но отъ непотребныхъ и смрадныхъ козлищъ, любящихъ стропотное хожденіе, отъ нихъ же бываетъ паденіе и сокрушеніе“. День оканчивался, наступалъ вечеръ и сонъ. „Вечеру пришедши, въ ложницѣ, или въ спальной храминѣ, что долженствуетъ творити отрокъ? На святія молитвы да вдастся и да глаголетъ молитву: Господи Боже нашъ, еже согрѣши во дни семъ и прочее. И прежде неже на очеса сладкій сонъ пріиметь, да приведетъ на память вся дѣла и мысли, яже сотвори въ оный день“.

„На ложѣ каково приличество долженствуетъ хранити дѣтище?—Прежде неже главу возложить на возглавіе, чело и перси знаменіемъ креста святаго знаменуетъ, краткою молитвою Господу Иисусу Христу себе предасть. Никого же да не огорчитъ своимъ многословіемъ; мирно да лежитъ“.

Како долженствуетъ спать лечь отрокъ? — Ни на носъ, ниже на взничъ; но первѣе на правый бокъ да возляжетъ, руцѣ крестообразно сложивъ, да защищаетъ перси знаменіемъ креста святаго, положивъ правую руку на лѣвое рамо, лѣвое же на правое“.

Таково *домашнее* поведеніе ученика по школьнымъ правиламъ училищъ XVII вѣка.

Отправляясь въ школу, ученикъ прежде всего долженъ помолиться. „Время же получивши идти *во училище*, подобаетъ помолитися сице: „Открой, Господи, очи моя и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего; вразуми мя, и испытаю законъ Твой и сохраню и всѣмъ сердцемъ моимъ. Не отыми отъ мене благодати, прежде еже умрети ми. Суетно слово и лживо далече мене сотвори. Богатства и нищеты не даждь ми; счини же мнѣ потребная и самодовольная, да не, насытився, лживъ буду и реку: кто мя видитъ; или обнищавъ, украду и поклянусь именемъ Божиимъ. Господи Иисусе Христе! Разверзи уши и очи сердца моего, еже услышати словеса Твоя и разумѣти я и волю Твою творити. Пресельникъ азъ есмь на земли, не скрый отъ мене заповѣдей Твоихъ; открий очи моя и уразумѣю чудеса закона Твоего“.

Классныя занятія начинались общею молитвой, которая, вѣроятно, сопровождалась пѣніемъ „со умѣреннымъ гласомъ“.

«Молитвы ваши съ умѣреннымъ гласомъ купно да бываютъ,
Кричаніе же и вересканіе умиленія отнюдь не подавають».

„Въ храмъ учителей, сіестъ, въ школу, съ молитвою благоискусно да входиши и по низайшихъ образу Божию поклоненіихъ, учителю достодолжнымъ низайшимъ поклоненіемъ и дружинѣ твоей обычно да поклонишися, и за мя, любезную тобою мудрость пріимися и изученное глаголати неспѣшно потщися“. Оканчивалось ученіе тоже молитвою:

«Въ школу съ молитвою входи
Такожде и вонъ исходи».

«Хощете ли при вечерѣ въ дома своя отходить,
Молитву: Нынѣ отпускаешн лѣповозгласно говорить».

И въ другомъ мѣстѣ: „егда отпущени будете, вси купно вставше и книги своя книгохранителю вдавше, умѣреннымъ возглашеніемъ вси *купно и единогласно*

воспѣвайте всегда молитву приподобнаго Сумеона Богопріимца: нынѣ отпускаеши и прочее, и Пресвятой Богородицѣ и пріятіи ученія и молитвъ вашихъ глаголите: Преславная Приснодѣво и прочее“.

Ученіе продолжалось въ школѣ *до вечерни*. Съ первымъ ударомъ колокола ученики оставляли школу и шли къ вечернему богослуженію. Въ азбуковникѣ говорится, что въ иноземныхъ школахъ порядокъ иной, но для Руси онъ является зазорнымъ: „аще нѣцѣи и въ навечеріи вечерняго пѣнія (богослуженія) говорити („говорить по книгамъ“, учиться) повелѣвають, а тако расходится и о семь писаніе повѣтствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстѣхъ тако творится, у насъ же въ Словяно-Россіи сіе зазорно мнится“.

Придя въ школу, каждый ученикъ занималъ свое мѣсто, указанное ему учителемъ:

«Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто,
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;
Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не утѣсняя».

Мѣста же назначались не по важности и богатству родителей учащихся, но по достоинству каждаго, ученики всѣ должны быть равны, отличались только усердіе и успѣхъ въ ученіи.

«Маліи въ васъ и велиціи вси равни,
Ученій же ради вящихъ мѣстомъ да будутъ знатни».

На урокахъ ученики должны были держать себя скромно, внимательно, не допуская ничего, что могло бы мѣшать занятіямъ. Скромность должна быть и въ отвѣтахъ учениковъ. Въ статьѣ „о обычаяхъ во училищи пишется“.

„Во училищи како долженствуютъ пребывати дѣти? Долженствуютъ любити *молчаніе* и *воздержаніе*, никіимъ шептаніемъ и бесѣдами невѣжливыми *пресѣкати чтенія* страшитися должны, да не воспріимуть достойнаго наказанія. Егда будутъ наказуеми (наставляемы) въ должностяхъ своихъ, *гордо* да не отвѣщеваютъ, извлекутся всякаго *возвышенія* и злыхъ словесъ или досады, облекутся же во остроуміе *охотное* и *податное ко ученію*, всегда прилежно ушесы готовыми *да слушаютъ*, проповѣданному имъ усердно *да внемлютъ*, и еже имъ учитель повѣсть, *да не пропустятъ* мимо ушесъ, и еже услышать, яко нѣкое сокровище *да хранятъ* и въ память себѣ вложить“.

Въ другомъ азбуковникѣ говорится, что на урокахъ „во дружинѣ твоей и братіи (среди учащихся) смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ, *не празднослови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо* и овамо, яко изумленный“.

Когда входишь въ школу и выходишь, дѣлай это тихо, безъ шума:

Двери школы, входяй и исходяй,
Тихо и благоискусно отворяй и затворяй».

Особенная бережливость рекомендуется въ отношеніи книгъ, которыя тогда были дороги, да и по религіозному своему характеру требовали обращенія внимательнаго. Кто обращается съ книгой небрежно, тотъ невѣжда. „Аще гдѣ пойдеши, книгу твою высшею страною внизъ не клади, ниже горнею, си есть, высшею страною, яко бы *стремоглавно* поставивши, но дольнею страною во обоихъ и ставляй и полагай: оно бо есть незнающихъ и невѣжествующихъ дѣло. Древца указательнаго (указки) въ книгу *не клади*, но тако просто, или чимъ тончайшимъ прело-

живъ, замкни и на уготованномъ мѣстѣ честно полагай“. При школѣ были особые „книгохранители“ изъ учениковъ, которымъ и сдавались книги для храненія при выходѣ изъ школы, по окончаніи ученія¹⁾. Въ другомъ азбуковникѣ прибавляется, чтобы при занятіяхъ книгъ не разбигали очень сильно и чтобы не забавлялись „паволоками“ — заставками, рисунками и другими украшеніями, которыми писцы того времени наполняли учебныя книги²⁾.

Для внѣшняго порядка въ школѣ и для надзора учитель избиралъ изъ лучшихъ учениковъ *старость*, по примѣру охраненія стада пастухами. Пастухъ оберегая овецъ, „сзываетъ стадо голосомъ и отвращаетъ овецъ отъ пути, а може нѣпо имъ ходити и для того не только самъ бдитъ на стадомъ, но имѣетъ и псовъ добрѣйшихъ, могущихъ олаяти стадо: да гласъ ихъ нѣцны отъ звѣрей слышавъ, не видутъ во стадо, во еже восхитити что и стадо распудити“, такъ какъ „множицею и пастырь отъ труда усыпаетъ или отходитъ“, а „бодрый песъ единъ стережетъ добрѣ“. Тѣмъ болѣе оберегать надо стадо словесныхъ овецъ, — малыхъ дѣтей, которыхъ учитель обязанъ „хранити, яко зеницу ока: много бо несмыслства и всякаго неразумія привязано суть къ души отрочати“. Для того учителю „подобаетъ имѣти у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ него оглашати ихъ пастырскимъ словомъ“.

Старость избиралось трое и каждому давалось особое назначеніе. Обязанности старосты заключались въ надзорѣ за учениками, причемъ старосты могли налагать взысканія на виновныхъ; старосты же прослушивали уроки учениковъ, смотрѣли за книгами, за чистотою въ школѣ, за отопленіемъ ея, за свѣжестью воды для питья, за храненіемъ платья, — вообще за внѣшнимъ порядкомъ. Вотъ какъ изображаются обязанности старость по азбуковникамъ:

«*Трїехъ* старость вамъ устрою,
Коемуждо особенное приказаніе уставлю:
Тїи вся бывающая въ васъ да смотряють,
Виноватыхъ, по винѣ смотря, безъ мене да смиряють;

¹⁾ Заведующему книгами „старостѣ“ дается такой наказъ:

„Часто тебѣ, староста, приказываю
И всѣмъ вамъ прилежно наказываю:
Честно книги всегда прїимай,
На уготованное мѣсто благоискусно полагай,
Честно же и заутро взимай
И съ молитвою всѣмъ отдавай“.

²⁾ „Книги ваши добре храните
И опасно на мѣсто свое кладите;
Книгу *замкнувъ печатію къ высотъ* полагай;
Указательнаго же древца въ ню отнюдь не влагай;
Книги къ старостѣ въ соблюденіе съ молитвою приносите,
Тако же заутро прїимая съ поклоненіемъ относите;
Книги своя *не вельми разбигайте*,
И листовъ въ ихъ *туне не пребирайте*;
Книгъ на сѣдалищкомъ мѣстѣ не оставляйте,
Но на уготованномъ столѣ добрѣ поставляйте.
Книгъ аще кто не брежетъ,
Таковъ души не стрежетъ.
Книжвыми *паволоками не забовляйтеся*,
Но написанными въ нихъ вразумляйтеся“.

Тѣ должны суть: единѣ книги прѣимати и отдавати,
Другѣй недостатки воды досмотрѣти и пить отпускати;
Третѣй нужди ради на дворѣ отпущати
И зловоннаго духа должень есть ощущати.
Тѣи должны быть безпристрастни,
Да не, на нихъ зря, ниѣи будутъ страстни».

Съ заботою о добромъ поведеніи учениковъ соединялась также и забота о гигиеническихъ условіяхъ школьной жизни.

«Школьнымъ ученикомъ всѣмъ приказъ:
Ослушникомъ же и огурщикомъ будетъ указъ:
Шумъ и крикъ не полезный здѣ да не явится,
Любѣи сіе, съ нами таковой не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдѣ да не услышится,
Да не ближними нѣкоимъ зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуду пакы бережено вимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошна и исчещена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдѣ не износите.
Школьные недостатки *третѣй староста* да знаетъ
И вся потребы прилѣжно да сматрѣетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ поочередно;
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристроетъ;
Школу кто хочетъ нагрѣвати,
Всякое дѣло съ молитвою начинати;
Школы двери и окна напрасно не отворяйте,
Но паче тепло въ ней зберегайте».
Сосудъ воды свѣжѣи въ школу приносите,
Лаханъ же съ настоялою водою вонъ износите,
Столъ и лавки часто вами да мываются,
Да приходящимъ въ школу не гнусно видятся:
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота...

Кому хотѣлось пить, тотъ спрашивался у старосты:

«Жажди ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ молитвою бываете».

Старосты же разрѣшали выходить ученикамъ изъ школы ради нужды, причемъ требовалось, чтобы ученики не засиживались долго: „аще камо ходиши, не долго медли, но скоро возвращайся и измывъ руцѣ, настоящему ученію касайся.

Правила эти, повидимому, мелочныя, очевидно, направлены къ тому, чтобы ученики не шалили, не бѣгали отъ дѣла. Передъ нами простой бытъ сельской школы, гдѣ ученики метутъ школу, носятъ дрова, топятъ печи, готовятъ воду для питья, заботятся о чистотѣ школы, проходятъ книжное ученіе, порою шалѣтъ и лѣнятъ, за что подвергаются взысканіямъ. Но школа эта проникнута живымъ духомъ церковности, все въ ней совершается съ молитвой. Съ ударомъ колокола къ вечернѣ всѣ идутъ въ церковь и молитвою заканчиваютъ учебный день, чтобы утромъ снова начать его молитвой.

Отношенія между учениками школы были дружескія. Школьными правилами ученики признавались всѣ равными; запрещалось уничижать товарищей, давать

имъ клички и прозвища, а также переносить изъ школы „словесный соръ“, то-есть, сплетничать, дразнить другъ друга, подавать соблазнъ.

„Во дружинѣ твоей смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ“.

«Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ же отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи».
«Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не утѣсняя».

„Ближняго не уничижи и не утѣсни; полуименемъ, паче же прозваніемъ никого не называй.“ „Словесъ смѣхотворныхъ и подраженія въ школу не вноси.“

«Слова законопреступна ни на кого не возлагай,
Товарищамъ своимъ соблазна тѣмъ не полагай».

Товарищество считалось дѣломъ благороднымъ и похвальнымъ; о фискалахъ или наушникахъ въ азбуковникахъ ничего нѣтъ, но они были и не въ духѣ русской школы,—это язва школъ іезуитскихъ. Одно мѣсто азбуковника даетъ поводъ полагать, что если товарищамъ приходилось заявлять о проступкѣ какого-нибудь виновнаго шалуна, то дѣлалось это сообща и безъ указанія имени виновнаго, который самъ себя обнаруживалъ смущеніемъ и краскою въ лицѣ. Такъ ученики говорили учителю:

«Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
Которая не передъ многими деньми была;
Винovní, слышавъ сіе, *лицемъ рдятся*,
Понеже они нами смиренными гордятся».

Наушничество, тайныя рѣчи и сплетни всегда были противны русскому чело-вѣку, тѣмъ болѣе они неумѣстны были въ воспитаніи.

Хотя въ каждой почти азбукѣ находится похвала розгѣ, но отношенія учителя къ ученикамъ по азбуковникамъ являются вовсе не такъ суровыми, а главное—не формально-холодными, а участливыми, проникнутыми доброжелательствомъ. Это особенно видится въ отношеніи къ ученикамъ малоуспѣшнымъ по малоспособности. Въ наше время такимъ спокойно ставятъ единицы и затѣмъ увольняютъ изъ школы. „Мудрость“ совѣтуетъ учителю не гордиться „борзоучащимся“ и не оскорбляться „грубоучащимся“, но призывать на помощь Бога и „любезный много стихъ купно глаголати: Премудрости наставниче и смысла Давче и прочее до конца“. Потомъ ученики должны чаще читать молитву: „Господи помози, Господи поспѣши, Господи вразуми рабъ своихъ грамотѣ учитися и добрѣ писати. Даруй намъ, Господи Боже, разумъ истинный, очима прилежное зрѣніе, помыслъ немятеженъ и умъ достаточенъ“.

Чтобы поддержать въ малоспособномъ бодрость духа, вѣру въ успѣхъ при помощи Божіей, учителю рекомендуется, кромѣ молитвы, читать таковому разныя полезныя наставленія отъ писаній и рассказывать общедоступнымъ, простымъ языкомъ (просторѣчнымъ сказаніемъ) изъ житій святыхъ Радонежскаго Сергія, Александра Свирскаго о томъ, какъ они, будучи вначалѣ малоспособными, по молитвѣ получили отъ Бога разумѣніе книжной мудрости, а также рассказъ объ отрокѣ, которому не давалось грамота и который каждый день обращался съ молитвою ко Пресвятой Богородицѣ о дарованіи ему памяти, вниманія и способности къ ученію и которому она явилась и возвѣстила: „не точію грамотѣ отсюду будеши умѣти,

но и главу твою скорбную улечу“. Такие рассказы, передаваемые простымъ, живымъ языкомъ, проникнутые вѣрою въ Божию помощь, могли поднять духъ малоспособнаго и составляютъ мѣру, полную глубокаго педагогическаго такта. Мѣра эта стоитъ въ связи со взглядомъ нашихъ предковъ на книжное ученіе, какъ на даръ Божій. Въ имѣющейся у насъ рукописной азбукѣ XVII вѣка говорится „сотворивый челоуѣка по образу своему и по подобію, Богъ далъ ему дыханія и тѣлеси возвращеніе, не остави его во тьмѣ невѣдѣнія, но просвѣти его свѣтомъ богоразумія, давъ ему сей *велий даръ*, глаголю же *грамотное ученіе и разумнїе, на просвѣщеніе ума* его и смысла и *на прославленіе святаго своего Троичнаго имени*“. Поэтому съ грамотою и была такъ тѣсно соединена молитва. Поэтому и занесенныя къ намъ изъ Польши и юго-западныхъ школъ дифирамбы розгѣ, бичу и жезлу не могли имѣть широкаго примѣненія на практикѣ; въ азбуковникахъ они стоятъ одиноко, внѣ связи съ общимъ характеромъ у насъ школьнаго ученія и воспитанія, о чемъ было сказано въ своемъ мѣстѣ.

По отношенію къ учителю ученикамъ внушалась почтительность. При входѣ въ школу ему дѣлался поклонъ, при выходѣ ученики „прощались“ съ учителемъ. Ученики приучались впрочемъ къ тому, чтобы и при входѣ посторонняго лица въ школу встать и привѣтствовать гостя; въ азбуковникахъ есть даже готовыя „предустрѣдительныя слова или привѣтства“, которыя произносились лучшими, избранными учениками посѣтителямъ, причемъ гостямъ предоставлялось „глаголати удобопристойная нѣкая реченія, въ вящее ума къ настоящему ученію наставленіе“. Значить, школы того времени служили предметомъ особеннаго вниманія со стороны общества.

VI. Учебный курсъ и обученіе въ древне-русской школѣ XV—XVII в. Учебная литература и матеріаль для самообразованія русскихъ людей въ до-Петровское время.

Установившійся съ древности курсъ ученія въ церковно-приходскихъ школахъ, состоявшій въ обученіи чтенію, письму и пѣнію, въ изученіи псалтири, часослова и другихъ божественныхъ книгъ, сохранялъ свою силу и въ разсматриваемую эпоху. Этотъ курсъ утвержденъ былъ соборомъ 1551 г., какъ вошедшій въ практику еще со временъ св. Владиміра.

Въ житіи св. Аѳанасія Высоцкаго (XIV в.) говорится, что угодника „обучиша святаго писанія чтенію; псалмовъ пѣнія и благочестія христіанскаго“.

Въ предисловіи въ грамматикѣ Смотрицкаго пишется: „*Издравле* россійскимъ дѣтководцемъ и учителемъ *обычай бѣ* и *естъ* учить дѣти малыя въ началѣ *азбуцъ*, потомъ *часословицу* и *псалтири*, таже *писати*; по сихъ же нѣцци преподають и чтеніе *апостола*“.

Въ одномъ азбуковникѣ XVII вѣка пишется: „Подобаеть убо вамъ, учителіе, вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учить божественнымъ письменемъ. Первое убо въ началѣ буквамъ, сирѣчь, *азбуцъ*, по томъ же *часовника* и *псалтыря* и *проція божественныя книги*, и паче же убо всего, еже бы вамъ наказати и изучати ученикамъ азбука“ ¹⁾.

¹⁾ Рук. Синод. библ. № 527.

Въ одной рукописной азбукѣ XVII в., хранящейся въ библиотекѣ Уфимской семинаріи, способъ ученія излагается такъ: „рустіи сынове, младыя дѣти первѣе починають учитися по сей составнѣй словенстѣй *азбуцѣ* поряду словамъ и потомъ узнавъ письмена и слоги и изучивъ сію малую книжицу азбуку, начинаютъ учить *часовникъ* и *псалтирю* и *прочая книги*. Начинаяще учистися грамотѣ первѣе простымъ словесамъ и слогамъ учатся. Потомъ же якоже по лѣствицѣ къ преждереченнымъ тѣмъ книгамъ и прочимъ *божественнымъ догматомъ* касаются и на ученіе и на чтеніе простираются, и по дару святаго Духа комуждо ихъ бывають смыслены и разумны божественному писанію“. Основа и цѣль обученія—изученіе „священныя грамоты“, то-есть, чтеніе и разумѣніе слова Божія.

Но съ XV вѣка нужда въ хорошо подготовленныхъ пастыряхъ церкви, которые обучались въ той-же всеобщей церковно-приходской школѣ, выдвигаетъ вопросъ о *спеціальной* подготовкѣ ставленниковъ. Объ этомъ заботился Геннадій Новгородскій; для удовлетворенія этой потребности Стоглавъ дѣлалъ распоряженія объ учрежденіи школъ по городамъ. Но свѣдѣній объ этихъ училищахъ и составѣ обученія въ нихъ не сохранилось. Надо полагать, что курсъ ихъ остался общій, принятый и въ другихъ школахъ, но съ добавленіемъ изученія слѣдованной псалтири и „церковнаго постатія“, порядка отправленія службъ.

Въ XVII вѣкѣ, въ связи съ вопросомъ объ исправленіи церковныхъ книгъ, ставится вопросъ о необходимости изученія въ школахъ *грамматики*. Въ одной рукописи XVII вѣка пишется: „Нѣсть никому-же возможно *право писать*, аще кто не вѣсть *грамматичнаго устроенія*, ниже родовъ, ниже чиселъ, ниже падежей, ниже временъ, ниже окончательныхъ буквъ по родамъ во всѣхъ подежѣхъ, боле-же въ притяжательныхъ именѣхъ, якоже глаголетъ старецъ Селиванъ, ученикъ Максима грека“¹⁾.

Значеніе грамматики и важность ея для правильнаго разумѣнія священныхъ книгъ сдѣлались въ эту эпоху общепризнанными, и со второй половины XVII в. *грамматика вошла въ курсъ школьнаго обученія*. Въ грамматикѣ Милетія Смотрицкаго перепечатанной въ Москвѣ въ 1648 г., прямо говорится, что она издана „въ наученіе православнымъ, паче же *дѣтемъ сущимъ*“, конечно, обучающимся въ школахъ.

Въ заглавіи одной грамматики XVII вѣка прямо говорится, что она изучалась въ школахъ послѣ азбуки: „Книга глаголема *Аданатосъ* (Донатъ) въ ней-же бесѣдуетъ о осми частѣхъ и вѣщанія, сирѣчь о имени, о проименѣ, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастіи слова и имени, о союзѣ, о представленіи и различіи, ея же учать ученицы *первоначальнии по азбуцѣ*, зане основаніе есть первое и подошва хитрости грамматичной, а грамматика—основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ“²⁾.

Слѣдуетъ сказать, что Славянская грамматика въ это время, благодаря трудамъ Визанія и Смотрицкаго, является уже въ полномъ составѣ, то-есть въ ней обстоятельно и въ принятомъ до нынѣ порядкѣ излагались этимологія, синтаксисъ и правописаніе.

Затѣмъ, судя по азбуковникамъ, въ курсъ школы входила еще, со второй половины XVII в., *арифметика*.

¹⁾ Рус. Синод. библ. № 850.

²⁾ *Голстого*, опис. рук., IV, 27.

Такимъ образомъ къ концу XVII вѣка расширенный курсъ церковно-приходской школы обнималъ собою—*чтеніе, письмо, пѣніе, грамматику и счисленіе*, то-есть представлялъ собою курсъ той-же школы въ наше время.

Что касается до греко-латино-славянской школы, какъ высшей формы школы церковной XVII вѣка, то въ курсъ ея, кромѣ языковъ, входили уже „*свободныя художества*“ (*artes liberales*).

Задачи академіи ставились широко; „въ оныхъ свободныхъ ученій мудрости, то-есть, науки гражданскія и духовныя, наченше отъ *грамматики, логикѣ, риторикѣ, философіи* разумительной, естественной и нравственной, даже до *богословія* учащей вещи божественныхъ и совѣсти очищенія“, а также: *ученіе правосудія* духовнаго и гражданского и прочія *свободныя науки*, имиже цѣлость академіи, сирѣчь училищъ, составляется быти“ (привил. акад.).

Такимъ образомъ церковная школа, свободно и постепенно развиваясь, отъ простой элементарной достигла высшей формы — академіи. Это доказываетъ, что церковная школа была не мертвымъ, формальнымъ учрежденіемъ, но *живымъ* и *жизненнымъ* явленіемъ.

Разсматриваемая эпоха имѣетъ огромное значеніе въ исторіи нашего образованія; но такъ какъ настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлю преимущественно элементарное обученіе, то мы остановимся на предметахъ начальнаго общеобразовательнаго курса, въ составъ котораго, какъ сказано, входитъ *чтеніе, письмо, пѣніе, грамматика и арифметика*.

а) *Грамота*. Азбуки древнѣйшихъ временъ не дошли до насъ; но онѣ были, списывались и распространялись вмѣстѣ съ школами. Въ житіи св. Гурія повѣствуется, что онъ, находясь въ услуженіи у богатаго удѣльнаго князя Ивана Пенкова, оклеветанный и невинно заключенный въ подвалъ, изъ любви къ просвѣщенію, *писалъ для учащихся дѣтей азбуки*, вымѣнивая приносимый ему „нѣкіимъ сердобольцемъ хлѣбъ на чернила и бумагу¹⁾. Надо полагать, что писцы того времени списывали и азбуки, въ которыхъ была потребность. XVII вѣкъ оставилъ намъ много азбукъ письменныхъ и печатныхъ. Азбуки рукописныя находятся въ азбуковникахъ и въ отдѣльныхъ книжкахъ, а также въ прописяхъ. Такъ какъ до изобрѣтенія книгопечатанія обученіе чтенію соединялось съ письмомъ, то прописи служили вмѣстѣ и обученію грамотѣ, то-есть, были букварями. Такія прописи-азбуки описаны Ровинскимъ²⁾, — они заключали въ себѣ толковую азбуку. „Скорописныя азбуки“, по описанію Забѣлина, заключали въ себѣ прописныя и строчныя буквы, написанныя особенно тщательно и искусно, съ заставками, въ рисунокѣ которыхъ переплетались травы, узоры, животныя, птицы. Затѣмъ шла толковая азбука (азбука-граница), въ которой различныя изреченія религіозно-нравственнаго содержанія располагались въ алфавитѣ, по начальнымъ буквамъ³⁾.

Послѣ буквъ слѣдовали *склады*, затѣмъ шли статьи религіознаго содержанія, а также пословицы и загадки.

Въ нѣкоторыхъ букваряхъ писались наставленія, какъ обучать грамотѣ, какъ произносить буквы. Въ одной изъ такихъ азбукъ, описанной Извъковымъ, излагается звуковой способъ обученія грамотѣ⁴⁾.

¹⁾ *Елисеева*, Жизнеописанія св. Гурія, Германа и Варсанофія. Казань, 1847 г. Одна изъ азбукъ, писанныхъ св. Гуріемъ въ Казани, хранилась въ ризницѣ тамошняго собора.

²⁾ Русскія народныя картинки, № 680—682.

³⁾ *Забѣлинъ*, Домашній бытъ Русскихъ царей. *Отеч. Зап.* 1854 г. Декабръ.

⁴⁾ *Извъковъ*, „Букварь система обученія“. Семья и Школа. 1872 г. № 4.

догматико-полемическихъ, направленныхъ къ обличенію жидовской ереси,—о нихъ уже было сказано выше; рукописныя азбуки находятся въ азбуковникахъ, иногда встрѣчаются въ сборникахъ смѣшаннаго содержанія; къ сожалѣнію, онѣ еще не напечатаны и только упоминаются при описаніи рукописей. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе буквари до-Петровской эпохи хранятся еще въ нашихъ малоизлѣдованныхъ книгохранилищахъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о букварѣ Каріона Истомина, который въ мартѣ 1862 г. поднесъ царицѣ Натальѣ Куриловнѣ писанный красками и золотомъ „*Букварь славяно-россійскихъ письменъ* со образованми вещей и со нравоучительными стихами“¹⁾. Букварь назначался для Алексѣя Петровича и украшенъ кунштами, гравированными на мѣди Бунинымъ и раскрашенными отъ руки. Букварь этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ находится объясненіе дидактическаго значенія наглядности въ обученіи грамотѣ.

Упомянутая въ лѣтописяхъ „Азбука большая печать“, которою патриархъ Филаретъ благословилъ царевича Алексѣя Михайловича въ 1633 г., по всей вѣроятности, была толковою азбукой.

Что касается *печатныхъ* букварей и азбукъ, то съ второй половины XVII в. они обильно являются въ Юго-западной и Московской Руси, причемъ нерѣдко перепечатывались и въ значительныхъ количествахъ расходились по школамъ.

Полнаго изслѣдованія объ этихъ памятникахъ еще не появлялось, но нѣкоторыя изъ нихъ описаны. Приводимъ описаніе наиболѣе извѣстныхъ изданій.

„*Наука ку чтаню* и розумѣню писма словенскаго, тутыжъ и о святой Троици и о въ человекѣніи Господни“. Вильно. 1596 года. Букварь этотъ представляетъ азбуку, склады, молитвы, Символъ вѣры и „лексисъ“, то-есть, толкованіе непонятныхъ славянскихъ словъ и реченій. Затѣмъ идетъ изложеніе православной вѣры, въ вопросахъ и отвѣтахъ, Стефана Зизанія, ученіе о вочеловекѣніи Господнемъ и о крестномъ знаменіи²⁾.

Въ 1634 г. въ Москвѣ вышелъ букварь, трудами и тщаніемъ Василія Федорова Бурцева и прочихъ соработниковъ“. Букварь этотъ составленъ по букварямъ Виленскихъ изданій, съ присоединеніемъ послѣсловія, въ которомъ изъясняется превосходство православія³⁾.

Букварь Бурцева издавался нѣсколько разъ; второе изданіе его явилось въ 1637 г., третье—въ 1698 г.

„*Букварь языка словенска*, писаній чтенія учиться хотящимъ въ полезное руковожденіе. Трудолобіемъ иноковъ въ киновіи *Виленской* православія восточнаго, при храмѣ сошествія Св. Духа. 1652 г. Здѣсь помѣщены—азбука, молитвы, заповѣди и псалмы.

„*Букварь языка словянска*, писаній человекомъ учиться хотящимъ въ полезное руководство“. *Кіево-Печерская* лавра. 1664 г.

Здѣсь, кромѣ обычной азбуки, молитвъ и символа, есть еще увѣщаніе православнымъ—книгъ еретическихъ не читать и ихъ богохульныхъ рѣчей не слушать, а не будучи просвѣщеннымъ, въ пренія съ ними не вдаваться, равно проповѣдей ихъ не слушать и въ собраніяхъ ихъ не бывать⁴⁾.

¹⁾ *Пекарскій*, Наука и литер. при Петрѣ Вел. т. I, стр. 173.

²⁾ *Сахаровъ*, Обозр. сл.-русск, библиогр. I, кн. 2, № 101.

³⁾ Тамъ же, № 310.

⁴⁾ *Пекарскій*, Ч. I, стр. 170.

„*Букварь языка словенска*, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учиться чтенію писаній. Повеленіемъ благочестивѣйшаго Государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, благословеніемъ же преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и всего освященнаго собора“. Москва, 1664 г. ¹⁾).

Первое изданіе этого букваря было, вѣроятно, при Никонѣ, потому что въ немъ находится изъясненіе о правильномъ перстосложеніи и Символь вѣры печатанъ безъ прибавленія „истиннаго“.

„*Букварь языка словянска* писаній чтенія учиться хотящимъ въ полезное руковожденіе“. Въ Львовѣ, въ друкарни братства Пресвятыя Богородицы. 1671 г.

Здѣсь помѣщены — азбука, склады, молитвы, 50 псаломъ, гимны въ недѣлю на утрени, Символь Аванасія Александрійскаго, исповѣданіе вѣры Амвросія Медіоланскаго и бл. Августина ²⁾).

Букварь этотъ былъ перепечатанъ въ 1692 г.

„*Букварь языка словенска*“, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учиться чтенію писаній“. Букварь изданъ по повелѣнію Алексія Михайловича и благословенію патріарха Іоакима. Въ верхней Московской типографіи. 1679 г.

Къ обычному составу тогдашнихъ азбукъ здѣсь прибавлено „Благословеніе отроковъ, во училище учиться священнымъ писаніямъ идущимъ“; бесѣда о православной вѣрѣ краткими вопросами“ Стефана Зизанія, „Привѣтства“ къ родителямъ и благодѣтелямъ на великіе праздники.

Букварь языка словенска хотящимъ дѣтемъ учиться чтенія писаній. Начало всѣхъ письменъ достолюбіное начертаніе; къ сему и инья главизны потребныя во обученіе должности христіанскія съ душеспасительною пользою“. М. 1696 г. Составленъ іеромонахомъ *Каріономъ Истоминымъ*. Здѣсь, послѣ стихотворнаго поученія учащимся, изложены — азбука, склады, молитвы, заповѣди, привѣтствія въ прозѣ и въ стихахъ. Пекарскій полагаетъ, что букварь этотъ предназначался для обученія царевича Алексѣя Петровича, такъ какъ въ букварѣ ему находятся похвалы ³⁾).

Кромѣ этихъ букварей, описанныхъ у Пекарскаго и Сахарова, извѣстны еще печатные буквари XVII в.: „Букварь“ Московскаго изд. 1657 г., перепечатанный въ 1665 г.; Букварь Кіевскій, 1670 г.; Букварь Московскій 1677 г.; Букварь Черниговскій, 1780 г.; Букварь Львовскій, въ типографіи Войцеха, 1690 г.; Львовскій же букварь, въ братской типографіи, 1692 г.; Букварь Московскій 1698 г.; Букварь, печатанный въ Уневскомъ монастырѣ, 1698 г.; „Букварь славено-россійскій: съ рисовальными фигурами, іером. Иларіона. Москва ⁴⁾).

Загѣмъ буквари были при нѣкоторыхъ грамматикахъ, — напр., въ Виленской грамматикѣ 1621 г. помѣщенъ букварь, съ которымъ сходенъ букварь Бурцева.

Вообще можно положительно сказать, что недостатка въ букваряхъ въ эту эпоху не было, несмотря на широкое развитіе школъ по всей Руси.

¹⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 169.

²⁾ *Пекарскій*, ч. I, стр. 170.

³⁾ *Пекарскій*, ч. I, стр. 172.

⁴⁾ *Браиловскій*, „*Ж. Мин. Пр.* 1894 г. Ноябрь.

Разсматривая наши азбуки, отъ первоначальной *литлицы* (азбука-граница) Кирилла ¹⁾ до букварей конца XVII вѣка, мы можемъ не только опредѣлить *типическое*, вѣками выработанное *содержаніе* древне-русского букваря, но и прослѣдить постепенное усовершеніе самаго метода обученія грамотѣ.

Древне-русскій букварь имѣлъ вполне религіозный характеръ. Буквари обыкновенно начинались молитвою: „За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ; въ заглавіяхъ также обозначалось, что букварь есть „начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учиться чтенію писаній“ (священныхъ).

Букварь начинался азбукой, складами, чтеніемъ словъ; затѣмъ шла „азбука-граница“, учительнаго, догматическаго, иногда историческаго и полемическаго содержанія. Азбука эта требовала *истолкованія*; далѣе шли молитвы, символъ вѣры, заповѣди, избранные псалмы; помѣщались „главизны, потребныя во обученіе должности христіанскія, съ душеспасительною пользою“, „бесѣды о православной вѣрѣ“, наконецъ „лексисъ“, толкованіе непонятныхъ славянскихъ словъ и реченій, а также извлеченіе изъ отеческихъ писаній. Нѣкоторыя азбуки снабжались рисунками (кунштами). Иногда встрѣчались, вмѣстѣ съ нравственными *изреченіями*, *загадки*. Напр.: „Не ищи, человѣче, мудрости, ищи прежде кротости (смиренія): аще обрящещи кротость, познаешь и мудрость“. „Стоить древо, имѣеть на себѣ красныя цвѣты; а подъ дровомъ корыто; а на деревѣ сидитъ птица и щиплетъ со древа красныя цвѣты и мечетъ въ корыто; цвѣты со древа не умаляются, а корыто цвѣтовъ не наполнится“. Древо глаголется свѣтъ міра сего, а вѣтвіе — родовѣ; а цвѣты—человѣцы, а корыто—земля, а птица—смерть“.

Таковъ типическій составъ древне-русской азбуки, по которой учились наши предки грамотѣ.

Учители старались облегчить и упростить обученіе грамотѣ. *Первою* попыткою въ этомъ направленіи служила азбука-граница. Буквы азбуки имѣли *названія*, смыслъ которыхъ постепенно утрачивался и изученіе алфавита обращалось въ механическое заучиваніе ряда буквъ: *азъ, буки, вѣди...* Для того, чтобы оживить и осмыслить это изученіе алфавита, названія буквъ стали дополняться цѣлыми изреченіями, начинающимися съ изучаемыхъ буквъ. „Написанныя въ одинаковомъ стихотворномъ размѣрѣ и расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ, такія изреченія составляли азбучный акростихъ“ ²⁾, который облегчалъ запоминаніе буквъ алфавита и самое изученіе ихъ дѣлалъ занимательнымъ для ученика, такъ какъ изученіе „азбуки-границы“ сопровождалось толкованіемъ.

Вторымъ улучшеніемъ метода обученія грамотѣ служило изученіе алфавита не въ одномъ, разѣ навсегда установленномъ, *порядкѣ*, но въ *разнообразномъ* расположеніи буквъ. Изученіе ихъ въ порядкѣ алфавита вело къ механизму, причемъ ученикъ, выучивъ наизусть весь алфавитъ, могъ и спутаться въ различеніи буквъ, взятыхъ отдѣльно; при изученіи же буквъ не въ порядкѣ, ученикъ долженъ былъ на каждой буквѣ остановиться и подумать, чтобы назвать букву вѣрно. Пріемъ этотъ примѣняется и нынѣ въ азбукахъ.

¹⁾ Псковскіе хронографы написаніе ея относятъ къ временамъ Рюрика: „въ лѣто 6373. Константинъ еилосоѣвъ, наричаемый Кириллъ, сътворилъ *грамоту* словенскимъ, языкомъ, глаголету *литлицу*, во день Михаила царя Гречкаго и во дни князя Люрика Повгородскаго, его же сыномъ русская земля преиде“. *Петровъ*, „Къ исторіи букваря“, стр. 10.

²⁾ *Петровъ*, „Къ исторіи букваря“, стр. 15.

Третьимъ улучшеніемъ обученія грамотѣ служило внесеніе въ азбуку элемента *наглядности*, для чего служили картинки. Вотъ какъ описываетъ ихъ Каріонъ Истоминоу: „подъ всякимъ же письмомъ, ради любезнаго созерцанія, отрочамъ учащимся предложены *виды* во удобное знаніе въ складѣ: да что *видитъ, сіе и назоветъ* слогомъ письменъ достолѣннаго начертанія тѣхъ, яко *А — Адамъ, алекторъ, аспидъ* и т. д. И на тѣ *видообразныя вещи*, приличны юнымъ людямъ, метафоричнѣ, си есть преноснѣ, еже *отъ вещей слово къ дѣлу потребну* внемлется, стихи нравоучительны суть“. Автора просить извинить недостатки его „перводѣланія“ и „въ приличество исправить“¹⁾.

Принципъ автора ясенъ: что ученикъ *видитъ*, то и назоветъ, а что назоветъ, то легче прочтетъ. Зрѣніе идетъ на помощь памяти, ибо видѣнное легче и тверже запоминается. И картинки примѣняются въ современныхъ намъ азбукахъ.

Четвертое и самое важное методическое улучшеніе обученія грамотѣ составляло введеніе *звуковаго способа*, который нынѣ такъ распространенъ и изобрѣтеніе коего по чему-то усвоится у насъ нѣмцамъ.

Въ рукописномъ букварѣ XVII в. Софійской бібліотеки, хранящемся въ бібліотекѣ С.-Петербургской академіи²⁾, составитель его говоритъ, что при изученіи азбуки не слѣдуетъ называть буквы по именамъ ихъ—*азъ, буки, вѣди* и т. д., но слѣдуетъ произносить ихъ такъ, какъ они звучатъ въ живой рѣчи и въ чтеніи то-есть, *а, б', в', г'*, и т. д, что и составляетъ звуковой способъ. Вотъ, напр., замѣчаніе автора „преднаказаніе дѣтемъ“ о произношеніи гласныхъ: „*V* письма есть греческое, имя же ею *ипсилонъ*, а не *ижица*, еже не прилично гласу глаголется. Паки *ѣ* и *у*—обоя сія начертанія едино письма и имя имуть *ѣ*, а не яко неискусни навькоша письма сіе гласити *икъ*. *Подобаетъ* убо *кождо* письма глаголати яко оно *гласъ свой творитъ*, гласъ же письмене сего не *и—икъ*, но *у*, и *якоже гласъ его есть, сице и звати* тое по гласу его—*у...* Еще ѣ гласное же мягко глаголати достоинтъ *іе*, точію дебело ѣ, а не *ятъ* и учити глаголати тое, *яко гласъ свой творитъ*, не прилагати письменъ согласнаго *т* и припряжно гласнаго ѣ, ниже гласъ его измѣняя во инъ гласъ“.

Стремленіе улучшить обученіе грамотѣ является и въ попыткѣ соединить его съ грамматикой, давая для перваго чтенія вмѣсто отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ словъ, глаголы въ ихъ главныхъ формахъ, напр. *алму, алчешу, алчетъ, алчева, алчета* и т. д. При такомъ чтеніи ученики незамѣтно освоятся съ спряженіемъ глагола въ его главныхъ формахъ и подготовятся къ изученію грамматики. Мысль дидактически вѣрная и практичная.

Если присоединить сюда соединеніе обученія чтенію съ письмомъ, то окажется, что наша старая школа владѣла всѣми главными усовершенствованіями въ методѣ обученія грамотѣ, которыми пользуется школа и въ наше время.

Предметомъ особенной заботливости древнихъ нашихъ дидаскаловъ служила *правильность* славянскаго чтенія. Въ „Наказаніи къ учителемъ, како имъ дѣти учити грамотѣ и како дѣтемъ учиться божественному писанію и разумѣнію“³⁾,

¹⁾ Пекарскій, ч. I, стр. 173.

²⁾ Букварь этотъ описанъ Извѣковымъ въ статьѣ „букварная система“. *Семья и Школа* 1872 г. № 4. Есть предположеніе, что букварь этотъ составленъ Лихудами.

³⁾ Наставленіе это издано отдѣльною брошюрою извѣстнымъ знатокомъ нашей древности прот. К. Т. Никольскимъ въ 1805 г., съ предисловіемъ. Спб.

говорится, что „младымъ отрочатамъ“ „подобаетъ искусство имѣти въ словесѣхъ и въ рѣчахъ и въ пословицахъ“. Для этого и даются наставленія. „Первое убо въ началѣ учти буквамъ, сирѣчь азбуцѣ, потомъ же часовнику, и псалтири, и прочимъ божественнымъ книгамъ, и паче же убо всего, еже бы вамъ наказати и изъучити учениковъ азбука *чисто и прямо по существу*, како которое слово рѣчию зовется, и не спѣшно. А самимъ бы вамъ (учителямъ) знати же естество словесъ, и силу ихъ разумѣти, и гдѣ говорити дѣбело и топостно, и гдѣ съ пригибениемъ усть, и гдѣ съ раздвиженіемъ, и гдѣ просто“.

„Такоже бо и *верхняя сила* знати, и ученикомъ своимъ сказывати имена, и силу ихъ, яко убо каждая ихъ свою силу имать“. Славянское чтеніе у нашихъ предковъ было искусствомъ, которое они очень тонко понимали, и „верхняя сила“ служила не для однихъ удареній въ словахъ, но и для отгѣнковъ въ произношеніи словъ, для усиленія значенія ихъ въ рѣчи. Вотъ наставленія по этому предмету. „Оксія, или острая, сія убо ударяется и рѣчию обостряется, яко *камо, тамо, всяко, нашъ, вашъ* и прочая. Тяжкая, или *варія*, сія отягчивается, сирѣчь, съ протяженіемъ рѣчь объявляетъ, яко *тебѣ, мнѣ спаси*, и прочая. А облегченная, сирѣчь *камора*, просреднее имать гласити, ниже обостряется, якоже оксія, ниже отягчивается, якоже *варія*, якоже *се. Сыне, дѣло, свѣте свѣте, лѣто, тѣло*, или въ рѣдномъ падѣжѣ множественнаго числа, *тѣхъ двѣ* или *тѣхъ челоуѣкъ* и прочая. А о сей убо облеченнѣй пишеть въ граматицѣ ученіе. Такоже и кроткую, сирѣчь *тихую* знати, како становѣтся въ началѣ надъ звательными письмены, сирѣчь *и тебе, и мене, аминъ, Андрей* и прочая. Сія кроткая заемлется тихимъ и кроткимъ гласомъ. Такоже знати и *ѣсо*: сіе якоже и оксія силу имать, точію надъ звательными письмены полагается въ началѣ. яко *аще, алчетъ, идетъ, онъ, убо, яже, ѣдетъ*. Такожде и *дасію*, сирѣчь краткую, како ея выговаривати... такоже бы знати и *апострофъ*, идеже полагается, и како говорити. а ставится надъ гласными письмены надъ единою буквою, въ единственномъ числѣ какъ *и*. Яко *изму ѣ и прославлю ѣ*, долготу *дній исполню ѣ*. А по просторѣчию молвится въ мѣсто *ѣ*, *его*. А въ пословицѣ молвити о себѣ (особо) та *и* *апострофная*, а не сливати съ другою рѣчию, зане сама она своимъ слогомъ владѣеть“. Въ множественномъ числѣ *апострофъ* ставится надъ *я*, въ сред. родѣ надъ *е*. Авторъ особенно остерегаетъ, чтобы не смѣшивали словъ *дѣше* и *душѣ*, ибо „Дѣше истинный“ относится къ Богу и сказать здѣсь *душѣ* „страшно есть не точію рещи, но и помыслити“. Требуется также „*ятъ* съ *естемъ* разнити: сіе бо вольми зазорно и укорно, еже *ятъ* вмѣсто *ести* глаголати, и *естъ* вмѣсто *яти*. Отъ сего бываетъ велие несмыслство ученію“. Наконецъ, слѣдуетъ внимательно соблюдать при чтеніи и знаки препинанія — „строчный разумъ знати“. „А въ строчномъ разумѣ знати гдѣ же стоитъ запятая, и ту наказати ученика, въ пословицѣ гласомъ пресѣщи мало, а не отдохнуть, точію на точкахъ отдыхати и становитесь, а потомъ второй слогъ починати. А точечнаго разума зѣло подобаетъ брещи прежде самому учителю, потомъ же ученикомъ сказовати и учити, чтобы говоря рѣчи съ рѣчию не смѣшати. Тако будетъ и ученику разумно и внятно, и слышати отъ него пріятно, занеже въ словахъ разумъ многъ держать точки и запятая. А не вѣдай сего, яко во тѣмѣ шатается. А о семъ намъ подобаетъ зѣло прилежати, чтобы ученикомъ *спѣшно не говорити*, но говорити бы противу силы верхняго разума. *Отъ спѣха разума ученію не будетъ*, и языку ученикомъ великая спона, паче же и Богу досада и душамъ нашимъ великій грѣхъ“. Для дальнѣйшаго изученія строчнаго разума авторъ отсы-

лаеть учителей къ грамматикѣ, „и въ ней подробно все узрите, не сіе точію, но и навькнете вѣдѣнію разума“. Отсюда ясно, что за азбукою должна была изучаться въ школѣ грамматика.

Замѣчательный взглядъ высказываетъ авторъ „наказанія“ на учебное дѣло, которое надо совершенствовать и цѣнить, какъ дѣло Божіе: „*А избирати бы намъ лучшее, понеже рече писаніе, проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А грамотное ученіе вѣмы, яко дѣло Божіе есть...* И аще сице будещи учити учениковъ, и за сіе отъ Бога милость и благословеніе получите, а отъ чловѣкъ похвалу приобрящете, и ученикомъ будетъ *крѣпость въ языкъ, и въ смыслъ разумъ, и въ реченія словесъ языка чистость*“.

Такъ наши предки-учители смотрѣли на дѣло книжнаго ученія и грамоту.

Послѣ изученія грамоты, *матеріаломъ* для чтенія служили псалтирь, часовники и „прочія божественныя книги“.

Псалтирь и часословъ учебный списывались и печатались во множествѣ. Они были необходимою принадлежностію не только каждой школы, но и каждого ученика, ибо „безъ нихъ ученія не бываетъ“. Затѣмъ для чтенія же служили разные сборники религіозно-нравственнаго содержанія и азбуковники“. Грамота есть „начальное ученіе чловѣкомъ, хотящимъ *разумѣти божественнаго писанія*“; поэтому послѣднее составляло главную задачу книжнаго ученія, какъ общеобразовательной школы, такъ и домашняго чтенія. Въ этомъ курсѣ было высшее единство цѣли и средствъ; это было истинное „воспитывающее обученіе“.

Письмо. Обученіе письму до печатанія книгъ велось вмѣстѣ съ чтеніемъ; съ появленіемъ же печатныхъ азбукъ въ XVII в. для обученія письму стали изготовляться особыя прописи. Печатаніе ослабило значеніе письма и даже повліяло на ухудшеніе шрифта. Въ древнее время о немъ прилагалось больше заботы.

Какое значеніе наши предки придавали вѣрности и добросовѣстности переписки св. книгъ можно видѣть изъ того факта, что погрѣшности въ этомъ дѣлѣ считались грѣхами, въ которыхъ требовалось разрѣшеніе священника на исповѣди. Такъ въ нѣкоторыхъ требникахъ XV в. мы находимъ въ чинѣ исповѣди „молитву разрѣшенію писаремъ, съгрѣшихъ переписываа святаа божественнаа писанія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, по своей воли и по своему недоразумію, а не яко писано“¹⁾. Въ чинѣ исповѣданія священникомъ читаемъ: „и писахъ книги божественныя и не исправляхъ, а мзду отъ нихъ взимахъ“²⁾, то-есть, продавалъ книги божественныя, не исправивъ погрѣшностей, сдѣланныхъ при списываніи. И то грѣхъ. Требуя правильной, точной переписки божественныхъ книгъ и исправленія погрѣшностей, сдѣланныхъ при перепискѣ, по строгомъ сличеніи съ оригиналомъ, духовная власть вовсе не уполномочивала переписчиковъ на исправленіе книгъ по существу. И это понятно. Переписчики были люди разнаго образованія. Рядомъ съ людьми учеными, были переписчики невѣжественные, способные лишь воспроизводить оригиналъ буква въ букву; а такъ какъ невѣжество вообще страдаетъ самоиѣніемъ, то и надо было оградить книги отъ таковыхъ исправителей. Въ одной припискѣ къ служебнику м. Кириана читаемъ: „аще ли кто восхощетъ сия книги переписвати, сматрай и не приложити или отложить едино нѣкое слово, или тычку едину, или крючки, иже суть подъ строками“³⁾.

¹⁾ Въ требникѣ Синод. Библ. XV в. № 310.

²⁾ Въ сбор. Рум. музея XVI в. № 359.

³⁾ Горскій, Опис. рук. Синод. Библ. III, 1, стр. 11.

Нарушеніе этого запрещенія переписчиками и даже справщиками при п. Іоакимѣ имѣло печальныя послѣдствія, такъ какъ къ невѣжеству писцовъ присоединились злоумышленія. Но въ эту эпоху, къ концу XVII в., значительно выработалось *правописаніе*, въ связи съ разработкою грамматики славянскаго языка. Въ школахъ уже изучалась орфографія ¹⁾, которая входила и въ грамматику, какъ ея составная часть.

Въ древности слова не отдѣлялись одно отъ другого, и писались слитно, причѣмъ изрѣдка реченія отдѣлялись точками; переносъ части слова съ одной строки на другую дѣлался случайно,—если оставалось въ строкѣ мѣсто, то писалась и одна начальная буква слова, остальное переносилось (напр. у-мный); нѣкоторыя, чаще повторяющіяся, слова писали сокращенно, или безъ середины, или безъ конца, никакія существительныя прописными буквами не отличались; въ концѣ ставились четыре точки и черта. Съ XV вѣка появились запятая и ударенія; позднѣе—точка съ запятой; слова стали писаться раздѣльно; практически выработались правила объ употребленіи буквъ въ письмѣ. Но все дѣло основывалось на навыкѣ.

Съ XVI-го вѣка начинается теоретическая выработка правописанія. Въ 1564 г. въ Москвѣ явился первопечатный „Апостолъ“. Въ послѣсловіи къ нему говорится, что печатаніе книгъ явилось вслѣдствіи „растлѣнія“ книгъ рукописныхъ „отъ преписующихъ ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ вразумѣ, овоже и неисправленіемъ пишущихъ. и сіе доиде и царю въ слухъ, онъ же начатъ помышляти какобы изложити печатныя книги, якоже въ грекехъ, ивенецыи, ивофригіи, ивпрочихъ языцехъ. дабы впредъ святія книги изложилися праведне“.

Печатная книга дѣлалась образцомъ и для письменныхъ. Въ Апостолѣ принято раздѣльное писаніе словъ, хотя и не полное, какъ видно изъ приведенной выписки; изъ знаковъ препинанія приняты точка и запятая; переносъ словъ принято дѣлать на гласной; для пропуска буквъ употреблены особыя значки; положено ставить „силу“ (придыханіе) надъ гласными въ началѣ словъ и приняты ударенія.

Въ 1596 г. явилась грамматика Лаврентія Зизанія, гдѣ для употребленія знаковъ препинанія (точкѣвъ) составлены были особыя правила, на основаніи грамматикъ латинскихъ и греческихъ. Знаки здѣсь ставятся по смыслу рѣчи. Въ статьѣ „о точкѣхъ“ читаемъ: „Колико есть точокъ; шесть,—запятая (,), срока ('); двосрочіе (:), подстоля (;), съединительная (—) и точка.

На koliko раздѣляются точки; На три. На въ еже раздѣляти. Въ еже съединяти. И въ еже съвершати.

Кія суть ими же раздѣляемъ; Запятая, срока, двосрочіе и подстоля“. Далѣе слѣдуютъ правила употребленія знаковъ препинанія.

„Како запятою раздѣляемъ; Егда слово творящей и несъвершену рѣчь изрекшей, пишемъ ю.

Како срокою и двосрочіемъ раздѣляемъ; Егда глаголющей, и съвершену рѣчь изъречемъ, обаче же съвершеннѣйшу отъ яже за запятою.

Како же подстолюю раздѣляемъ; Егда въпрошеніе дѣющей пишемъ ю. Ниже тако раздѣляемъ, яко запятою, или срокою, ниже съвершаемъ нею понеже въпроса ждетъ.

¹⁾ Орфографія изучалась по сочиненію „препростаго Евдокима, во иноцѣхъ Евфимія“, и его передѣлкамъ, извѣстному съ XVI в. *Соболевскій*, стр. 19.

Какая же ею же соединяемъ; Соединительная. Како соединяемъ; Внегда пишемъ въ строцѣ, и къ концу пишущей идеже не вмѣщается реченіе, тогда на конци единой строки реченію полсушу, въ началѣ же другія другому полъ. Тогда соединительная соединяетъ оно реченіе раздѣленное (ангельскій).

Точкою съвершаемъ“.

Здѣсь уже является стремленіе осмыслить употребленіе знаковъ препинанія, которые доголѣ ставились случайно.

Еще болѣе обстоятельно трактуется этотъ предметъ въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (1618 г.), гдѣ принимается десять знаковъ: „черта (‘), запятая (,), двоточіе (:), точка (.), разъятная (’), единитная (”), вопросная (;), удивная (!), вмѣстная ([ ]), отложная (.)“.

Разъятная—тоже, что *ерикъ*, единитная—знакъ переноса словъ, вмѣстная—скобки для словъ подразумѣваемыхъ, отложная—обыкновенныя скобки. Правила Смотрицкаго систематичнѣе Зизаніевыхъ.

Смотрицкій впервые вводитъ правила прописныхъ буквъ, которыя онъ называлъ „вѣщными письмены“. Прописныя пишутся въ началѣ стиха (вершовъ), въ собственныхъ именахъ, въ названіяхъ: „достоинствъ“ (Царь, Епископъ и пр.), „художествъ“ (Грамматика, Логика и пр.), „частей художествъ“ (Имя, Мѣстоименіе и пр.). Смотрицкій составилъ орфографію склоненій, которая и до нынѣ имѣетъ силу.

Отдѣленіе словъ стало необходимостью, употребленіе знаковъ обобщилось, явилось употребленіе прописныхъ по правиламъ, употребленіе титлъ упорядочилось,—словомъ, правописаніе стало приводиться въ порядокъ и стало предметомъ особаго изученія.

Грамматика. Рукописныхъ грамматикъ у насъ было мало. Кромѣ сокращенныхъ изложеній грамматики въ азбуковникахъ, намъ извѣстна только „Малая грамматика“, составленная Каріономъ *Истоминымъ* и поднесенная имъ Наталѣ Кирилловнѣ. Грамматика эта, „научающая естеству письменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ“, не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, сравнительно съ грамматиками печатными. Авторъ, между прочимъ, такъ раскрываетъ значеніе грамматики для изученія св. писанія: „Господь нашъ Исусъ Христосъ“, пишетъ Каріонъ, „во св. евангеліи зѣло похваляетъ учащихся книгамъ сице: всякъ книжникъ, научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая. Сокровищи есть сердце новая: св. евангеліе, апостолъ; ветхая — вся пророческія книги, яже воспріяла церковь святая, и инде глаголетъ: испытайте писанія, въ нихъ же есть животъ вѣчный. Сицевыя ради вины надежно дерзнухъ и азъ малую сію *грамматику* истолковать, та бо есть *наказательница всѣхъ мудростей*“.

Въ „Описаніи седми художествъ“ о грамматикѣ пишется, что она „первое свободное художество“,—имя свое получила отъ греческаго *грамма*, сирѣчь, письмо; отъ *грамма* же грамматика наречеся, сирѣчь *письменица*. Есть грамматика словенски изрядное художество, глаголати и писати учащее“.

Максимъ Грекъ пишетъ, что грамматика „даетъ уму разумѣніе, служитъ руководствомъ къ богословію,—копье и мечъ на еретическія заблужденія,—велика убо и преславна вещь, дивна бываетъ слышаніемъ, кольми наче разумѣніемъ.“ Такъ какъ грамматика въ XVII вѣкѣ вошла въ курсъ школьнаго обученія, то она издавалась въ большихъ количествахъ и мы имѣемъ не мало печатныхъ грамматикъ

этой эпохи. Вотъ главнѣйшія. *Ἀδελφότης*. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка. Львовъ. 1591 г. Грамматика словенска. Лаврентія *Зизанія*. Вильна. 1596 г. Грамматика. Евю. 1614 г. Грамматикѣ славенскія правильное синтагма, потщаниємъ многогрѣшнаго Мнѣха Мелетія Смотрискаго... снисканное и прижитое“. Виленской брат. типогр. 1618 г. Эта грамматика имѣла нѣсколько изданій—1619 (въ Евю), 1629, а въ 1648 г. она была издана въ Москвѣ. Этой грамматикѣ выпала на долю честь быть руководительницею искавшихъ грамматическихъ знаній. По тщательной обработкѣ матеріала она дѣйствительно заслуживаетъ первенствующее положеніе среди другихъ грамматикъ той эпохи. Авторъ пишетъ о своемъ трудѣ: „Здѣ въ предисловіи вписахомъ къ люботрудне тшати ся хотящимъ къ разуму ученія грамматическаго и прочихъ, яже христіанства законъ обдержитъ, не сами собою, но вину вземъ отъ многихъ св. отецъ житій, яко и сіи духоносніи св. отцы мнози грамматикѣ и прочихъ книгъ философскаго ученія люботруднѣ во ученіе обращахуся и отъ страны въ страну, и отъ града во градъ пути шествія, ученія ради, творяху. Сичевъ образъ любомудрїи и намъ оставиша искати.“

„Грамматика албо сложеніе письменна хотящимъ ся учити словенскаго языка младолѣтнимъ отрочатемъ.“ Вильно. 1621 г. Здѣсь послѣ алфавита идутъ такія упражненія на буквы: *буди онъ, будеши ты, буди той, будива мы два, будимо со мною* и т. д. Очевидно, сюда вводится понятіе о глаголѣ. Правила просодїи сопровождаются примѣрами: *буди—будѣи, варите—варѣте* и т. д. Также изложены въ примѣрахъ и титла. За азбукой слѣдуютъ молитвы, символъ вѣры и наставленія—начала къ дѣтямъ, а потомъ къ родителямъ, съ совѣтомъ воспитывать дѣтей въ строгости, „жезломъ наказанія“.

Грамматика или письменница языка словенскаго. Кременецъ, 1638 г. Грамматика словенская большая. Москва. 1651 г. *Генриха Лудолфа*. Грамматика російская на русско-латинскомъ языкѣ. Оксфордъ. 1696 г.

Сокращенныя изложенія грамматикѣ встрѣчаются въ азбуковникахъ XVII в. ¹⁾. Что въ печатныхъ книгахъ „любомудро положено и многими книжными реченіями разведено,“ то здѣсь изложено „краткимъ сведеніемъ,“ чтобъ учителя удобно могли передавать грамматическое ученіе ученикамъ.

Здѣсь сообщаются краткія свѣдѣнія изъ фонетики, правописаніе (о верхней просодїи и строчномъ препинанїи), необходимое всѣмъ „хотящимъ переписовати святыя книги,“ склоненія (паденія: именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное), роды именъ и спряженія (супружества). Къ этому присоединялось еще знакомство съ „риѣмомъ,“ по руководству „доскональнаго казнодѣя Симеона Полоцкаго,“ причемъ сообщалось понятіе о родахъ стиховъ „ироїскомъ, ямвїйскомъ, софїйскомъ, гликонскомъ“ и т. д. *Виршеслаганіе*, занесенное на Москву изъ Юго-Западной Руси, во второй половинѣ XVII вѣка, стало эпидемическимъ. *Виршами* переполнены азбуковники, печатныя руководства. Тутъ не было и помину о поэзіи слагателей нашихъ нѣсенъ и былинъ; это было чисто-механическое риѣмотворство, для котораго матеріаломъ служилъ даже мѣсяцесловъ; оно было модой, словеснымъ щегольствомъ. Въ азбуковникахъ предлагались образцы „риѣмотворенія“ для желавшихъ изучить это искусство, при чемъ приводился знаменитый гекзаметръ Смотрискаго.

¹⁾ См. *Мордовцева*, „О русск. школьн. книгахъ“, стр. 47—54. У *Карпова*, стр. 184 и д.

Уродливое, несвойственное русскому языку силлабическое стихотворство не мало повредило выработкѣ тогдашней рѣчи и стилю русскаго языка, уклоняя его отъ простоты и естественности, и въ то же время наполнило его чуждыми реченіями. Стихи эти затемняли ясную мысль и были иногда столь кудреваты, что нелегко въ нихъ добратъся до смысла, чего прежде на Руси не бывало. Руси вообще не въ пользу все наносное.

Во главѣ всѣхъ грамматикъ стоялъ трудъ Смотрицкаго. Этотъ трудъ составленъ весьма обстоятельно и умѣло и для своей эпохи представлялъ явленіе выдающееся. Не только современные, но и послѣдующіе грамматисты слѣдовали Смотрицкому, только измѣняя его въ частностяхъ. Грамматика имъ опредѣлялась какъ практическое искусство — „извѣстное художество, благо глаголати и писати учащее“. Опредѣленіе это въ сущности сохранилось до Греча.

Грамматика раздѣлялась на четыре части. Часть первая, орѳографія, „учить прямо писати и въ реченіяхъ прямо ударяти“ (ставить правильно ударенія); етимологія учить реченія въ своя имъ части точнѣ возносити; синтаксисъ учить слова сложнѣ сочиняти; просодія учить метромъ или мѣрою количества стихи слагати“. Всѣ измѣняемыя части рѣчи разсмотрѣны весьма обстоятельно, причемъ даются „парадигмы“ и „увѣщанія“, — то-есть разъясненія даваемыхъ правилъ. Синтаксисъ слабѣе другихъ частей, именно по недостатку строгой системы, но онъ представляетъ много интересныхъ наблюденій надъ жизнью языка того времени.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ появленіемъ печатныхъ церковныхъ книгъ славянскій языкъ заканчиваетъ свое развитіе и остается почти неизмѣннымъ до нашего времени ¹⁾. Грамматической выработкѣ формъ славянскаго языка *новаго періода* много содѣйствовало трудъ Смотрицкаго.

Въ области языка въ эту эпоху было еще одно замѣчательное явленіе, это цѣлая литература толковыхъ словарей.

Постепенное внесеніе въ славянскій языкъ словъ и реченій изъ другихъ языковъ само собою вызвало потребность въ такихъ словаряхъ. Первый опытъ подобнаго словаря явился еще въ XIII в., именно—въ Новгородскомъ спискѣ Кормчей книги 1282 г. находится отдѣлъ: „*Рчь* жидовскаго языка преложена на роускоюу, неразоумно на разоумъ и въ евангеліихъ и въ апостолахъ и въ псалтири и въ пармиѣ и въ прочихъ книгахъ“ ²⁾. Къ 1431 г. относится Новгородскій словарь: *Тълкованіе* неудобъ познаваемыхъ въ писанныхъ речемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводникъ ово словенскы, и ино Сръбски, и другая Български, и грческы, ихже неудоволишася преложити на русскій“ ³⁾.

Въ 1596 г. Лаврентій Зизаній Тустановскій составилъ и напечаталъ „*Лексисъ* си рѣчь реченія въ кратцѣ събраны и изъ словенскаго языка на простой русскій діалектъ истолкованы“. Лексиконъ этотъ приложенъ къ славянской грамматикѣ того же автора. Количество объясненныхъ въ этомъ словарѣ словъ восходитъ свыше тысячи (1061). Лексиконъ этотъ ⁴⁾ послужилъ матеріаломъ для словаря *Памвы*

¹⁾ Постепенное развитіе формъ русскаго литературнаго языка въ до-Петровскую эпоху, по обширности и спеціальности этого предмета, не входитъ въ нашу задачу. Прекрасное пособіе по этому предмету представляетъ ученое изслѣдованіе проф. А. П. Соболевскаго, „Лекцій по исторіи русскаго языка“. Изд. 2. Спб. 1891 г.

²⁾ Сахаровъ, Сказанія Рус. народ. т. II, стр. 125.

³⁾ Тамъ же, стр. 126.

⁴⁾ Напечатанъ въ Сказ. Русс. нар. Сахарова, т. II.

Беринды, изданнаго дважды (въ Кіевѣ въ 1627 г. и въ Кутеинскомъ монастырѣ въ 1653 г.). Здѣсь уже находятся объясненія энциклопедическаго характера изъ области религіи, міѳологіи, естествознанія и проч. Эти словари послужили матеріаломъ и основою для послѣдующихъ толковыхъ словарей и такъ-называемыхъ *азбуковниковъ*, число которыхъ весьма значительно и составляетъ обширную литературу¹⁾. Собранія и изслѣдованія ихъ доселѣ еще неполны; но и то, что открыто, показываетъ, что умственныя потребности той эпохи не ограничивались грамотностію, ибо азбуковники постепенно переходили въ энциклопедіи и отвѣчали на разнообразныя вопросы любознательнаго ума о вѣрѣ, о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ и человѣческихъ обществахъ, о природѣ и ея явленіяхъ.

Такіе азбуковники содѣйствовали расширенію познаній нашихъ предковъ, ихъ умственному развитію и побуждали всматриваться въ родную рѣчь, сравнивать ее съ другими языками и точнѣе опредѣлять значеніе словъ. Трудолюбивые составители словарей собирали слова и толкованія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ²⁾. Памва Беринда пишетъ, что онъ составлялъ свой лексиконъ 30 лѣтъ³⁾. Ученый лингвистъ Епифаній Славинецкій пишетъ, что онъ „лексиконъ реченій языка словенска и греческа и со инѣми языки въ наученіе и уразумѣніе учащимся потребный“, „многимъ трудомъ и тщаніемъ счини“. Такъ какъ онъ составлялъ свой трудъ для учащихся, то можно полагать, что таковыя словари служили *учебными пособіями* и въ школахъ. За это говоритъ и самое обиліе этихъ словарей.

Ариѳметика. Пособій по ариѳметикѣ сохранилось отъ XVII вѣка не много; тѣмъ не менѣе есть основаніе полагать, что этотъ предметъ входилъ въ курсъ школьнаго ученія. Мы знаемъ, что въ школахъ Юго-Западной Россіи ученики обучались „*насхаліи*, *лунному теченію*, *лицбѣ* (счету) и *рахованію* (счисленію). Уже по одному вліянію юго-западныхъ школъ на школы Руси Московской можно полагать, что эти предметы входили въ обученіе въ послѣднихъ. Но мы имѣемъ учебники и пособія по этимъ предметамъ. Такъ въ библіотекѣ Казанской Академіи значится „Ариѳметика XVII вѣка, съ приложеніемъ пословицъ“. Въ азбуковникахъ есть ссылки на „Цифирь“ — „книга численница счетная“⁴⁾. Въ библіотекѣ Чудова монастыря хранится переводъ ариѳметики, сдѣланный переводчикомъ посольскаго приказа Спафаріемъ въ 1662 году.

¹⁾ См. *Карпова*, Азбуковники по спискамъ Соловецкой библіотеки. К., 1877 г., а также *Мордовцева*, О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка.

²⁾ Вотъ заглавіе одного изъ толковыхъ словарей, которыя назывались также азбуковниками: „Сказаніе а неудобъ познаваемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во св. книгахъ русскаго языка, ихъ же древніе переводницы не удоволишася на русскій языкъ преложити, понеже ова обрѣтаются *еврейски*, ова же *сирски*, ина же *римски*, и ина *латынски*, ина *еллински*, ина *египетски*, ина *сербски*, ина *гречески*, и инѣхъ многихъ языкъ, иже здѣсь положени по буквамъ скорога ради обрѣтенія, паче же рещи, яко истинно на русскій языкъ преложены“. См. *Пекарскій*, ч. I, стр. 187. Наиболѣе обстоятельное ученое описаніе азбуковниковъ составлено *Карповымъ* и представляетъ богатый матеріалъ для характеристики умственнаго движенія на Руси XVII вѣка.

³⁾ Авторъ пишетъ, что онъ помѣстилъ въ лексиконѣ „имена власныя людей, горъ, нагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ и розныхъ урочищъ розмантыхъ діалектовъ: сирійскаго, халдейскаго, еврейскаго, греческаго, латынскаго и власнаго нашего словенскаго вкупу, хоть то не такою, якъ бы надлежала, широкостію, сгромадивши и тую працу мою, смѣло рѣку *тридцатолѣтнюю* хоть *лексиконъ*, по славенски *рѣченникъ*, а по латыни *дыкціонарь*, назвавши, працою усердною и коштомъ моимъ, отто типомъ на свѣгъ выпускаю“.

⁴⁾ *Карповъ*, стр. 196.

Изъ печатныхъ книгъ Московскаго печатнаго двора сохранилось изданіе, подъ названіемъ „*Считаніе удобное*, которымъ всякій человекъ купующій или продающій зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи“; печатано въ Москвѣ, въ 1682 г.

Въ предисловіи говорится: „Сія книжка, читателю любезный, надобна человеку для скорого всякія вещи цѣны обрѣтенія, который кто купити, или продати хоцетъ: а мѣра и цѣна за сколько чего, сколько денегъ дати или взяти, объявляется въ сей книгѣ на всякой страницѣ въ верхнихъ, да въ постороннихъ верхнихъ строкахъ въ клѣточкахъ. И мощно считати всякія вещи, хотя мѣру положить, сколько чего продаетъ или покупаетъ, въ верхней строкѣ, а цѣну въ посторонней строкѣ, и ты отъ того числа поиди рядомъ клѣточками, и дойди до той клѣточки, которая стоитъ противъ верхняго числа, сколько будетъ за тотъ товаръ и цѣны копейками, или алтынами, или рублями“¹⁾.

Расчетъ сдѣланъ до ста, съ замѣчаніемъ, что умножая числа, можно рѣшать и задачи высшихъ разрядовъ.

Наконецъ въ рукописяхъ XVII вѣка встрѣчается ариѣметика подъ такимъ заглавіемъ: „Книга сія, глаголемая по эллински ариѣметика, а по нѣмецки алгоритма, а по русски цифирная счетная мудрость; та мудрость едина изъ большихъ изъ семи мудростей“. Судя по тому, что въ рукописи пасхалія начинается съ 1685 г., ее относятъ къ этому времени.

Значеніе ариѣметики здѣсь выражается такимъ образомъ: „безъ сея мудрости ни одинъ философъ не можетъ быти, ни дохтуръ; а кто сію мудрость вѣдаетъ, можетъ быти у государя въ великой чести и жалованьи; по сей мудрости гости (купцы) по государствамъ торгуютъ и во всякихъ вѣсахъ и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи и въ морскомъ теченіи“.

Въ приведенныхъ ариѣметикахъ мы находимъ изложеніе четырехъ ариѣметическихъ дѣйствій, съ задачами, и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ геометріи и алгебры.

Въ описаніи рукописей Румянцевскаго музея значатся ариѣметика и астрономія (подъ № 12).

Слѣдуетъ сказать, что ариѣметика въ эту эпоху понималась, какъ чисто-практическое знаніе. Въ церковномъ отношеніи она служила для вычисленій пасхаліи, для опредѣленія „луннаго теченія“; въ бытовомъ отношеніи она была пособіемъ для торговыхъ оборотовъ и хозяйственныхъ нуждъ; наконецъ счисленіе являлось нужнымъ въ приказахъ и вообще въ управленіи государственномъ. До понятія объ ариѣметикѣ, какъ наукѣ, наши предки, да и западные ихъ современники, еще не дошли. Но въ то же время практическое значеніе ариѣметики и служило побужденіемъ ввести ее въ курсъ школьнаго ученія. О приѣмахъ преподаванія ариѣметики свѣдѣній не сохранилось.

Церковное пѣніе. О значеніи разсматриваемой эпохи для церковнаго пѣнія было уже сказано. Въ этотъ періодъ *мелодическое* пѣніе русской православной церкви закончило свое развитіе, подобно тому, какъ славянскій языкъ богослужебныхъ книгъ выработалъ себѣ установившіяся формы. На Руси является пѣніе полифоническое (партесное) и достигаетъ значительнаго развитія. Здѣсь умѣстно сказать о методической сторонѣ пѣнія.

¹⁾ Пекарскій, I, 264 стр.

До XVII вѣка пѣвческія книги писались безлинейными знаками, или крюками, которые иначе назывались *знаменами* или *столпами* (σημα στῆλη), почему и самое пѣніе по крюкамъ называлось столповымъ или знаменнымъ, въ отличіе отъ пѣнія по слуху, безъ книгъ нотныхъ. По свидѣтельству пѣвческаго справщика Александра Мезенца, знаки эти изобрѣтены и именами прозваны въ глубокой древности (считая отъ 1668 года, за четыреста лѣтъ и вѣще“). Изученіе крюковъ представляло значительныя трудности и не только требовало много времени, но могло быть причиною и неправильнаго исполненія пѣснопѣній. Поэтому уже съ второй половины XV вѣка появляются дидактическія руководства, съ цѣлю облегчить изученіе крюковой семіографіи. Они прилагались къ нотнымъ книгамъ и заключали въ себѣ „сказаніе, како поется знаменіе коеждо различно; како поются попѣвки въ которомъ гласѣ, роспѣвы на восемь гласовъ“ и т. д. Значеніе многостепенныхъ знаменъ, „лицъ“ и „ѳитъ“, по сложности своей, также требовало для изученія большаго труда и знанія. Умноженіе частныхъ роспѣвовъ и „переводовъ“ знаменнаго пѣнія, вмѣстѣ съ появленіемъ мастеровъ и творцовъ пѣнія, создавшихъ свои школы, дѣлало изученіе принятой системы нотаціи затруднительнымъ, такъ какъ самое знамя въ разныхъ роспѣвахъ стало толковаться различно. Такъ, напримѣръ, Мезенецъ въ своей азбукѣ говоритъ о выполненіи „сложитія“: „сложитія съ запятою и чашкою въ восьмомъ гласѣ, въ нѣкоемъ лицѣ, поется въ четыре степени, и то Усольскимъ мастеровпѣніемъ; Московскимъ же пѣніемъ, иже Христіаниновъ переводъ именуется, въ томъ же лицѣ и гласѣ поется сія сложитія *своимъ* разводомъ, понеже старый Христіаниновъ переводъ во многихъ лицахъ и разводахъ и попѣвкахъ со Усольскимъ мастеровпѣніемъ имѣетъ *различіе*“.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ слабѣе было знаніе крюковъ, а слѣдовательно, тѣмъ труднѣе было правильное ихъ чтеніе и преподаваніе.

Обстоятельство это вызвало необходимость *помѣтъ*, то есть, однообразныхъ и общихъ указаній точнаго чтенія каждаго знамени отдѣльно и соединеніе ихъ въ музыкальныя фразы. Помѣты эти выражались буквами при знаменахъ. Но такъ какъ и помѣты эти у разныхъ мастеровъ разнились, то требовалось общее руководство для чтенія знаменъ, которое и было составлено въ концѣ XVI вѣка новгородцемъ *Иваномъ Шайдуровымъ*. Помѣты его писались киноварью, почему и назывались „киноварными“. Помѣты эти и указывали или на *высоту* звука въ знамени, или на *видоизмѣненія* его при исполненіи, или на *гласовую* мелодію знаменнаго роспѣва. Первые назывались помѣтами *степенными*, вторыя — *указательными*, третьи — *осмогласными*“. Руководствомъ къ изученію помѣтъ служили: а) *грамматика* Шайдурова; б) *имена* столповаго знамени, како которое знамя имены звати; в) сказаніе о *подметкахъ*, еже пишутся въ пѣніи надъ знаменемъ и г) толкъ знамени столповому“. Эти были драгоцѣнныя дидактическія пособія для изученія крюковаго знамени. Когда явилось особое знамя *Казанское*, при Иванѣ Грозномъ, образованное пѣвчими дьяками въ память покоренія Казани, то потребовалось толкованіе и этого знамени, которое изложено было въ книгѣ: „Кокизы, сирѣчь ключъ столповому и казанскому знамени“. Здѣсь собраны были мелодическія строки „ирмолойныя, октайныя и праздничныя“. Строки эти назывались „лицами“ и „ѳитами“. Всего въ сборникѣ было собрано 214 лицъ и 67 ѳитъ. При нихъ находились „разводныя строки“, то-есть, указанія, какъ исполнять ѳитныя и лицевыя знамена.

Комиссія 1669 г., имѣя во главѣ „старца“ Александра Мезенца, не могла не видѣть, что во всѣхъ этихъ пособіяхъ было не мало несогласія и разнорѣчія. Чтобы

объединить чтеніе крюковой нотописи, положила удалить киноварныя помѣты и предположила дать помѣты тушевыя *призначныя*, которыя указывали бы установившіяся въ практикѣ пѣнія области—*простую, мрачную и свѣтлую* каждаго знамени въ пѣвческихъ книгахъ. Задачу эту выполнилъ *Мезенецъ* въ своей „*Азбукѣ*“, которая въ наше время издана подѣ редакціей С. Смоленскаго и составляетъ одинъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ въ области пѣнія XVII вѣка. Азбука эта не только облегчала чтеніе безлинейныхъ пѣвческихъ книгъ, но давала возможность приступить и къ печатанію ихъ, что и было предположено.

Но въ это время съ юго-запада, изъ Кіевской Руси, явилась другая нотопись, болѣе простая, наглядная, легко доступная для изученія,—нотопись линейная. Она очень скоро была усвоена, оцѣнена, быстро распространилась и вытѣснила крюки. Послѣдніе имѣли защитниковъ, которые ихъ отстаивали, указывая на значеніе безлинейныхъ знаковъ. *Мезенецъ* писалъ о новомъ знамени: „намъ великороссіянамъ, иже непосредственнѣ вѣдущимъ тайно-водительнаго сего (крюковаго) знамени гласы, и въ немъ многоразличныхъ лицъ и ихъ разводовъ мѣру, и силу, и всякую дробь и тонкость, никакая же належитъ о семъ (кіевскомъ-линейномъ) нотномъ знамени нужда“¹⁾. Но и новое знамя скоро нашло себѣ покровителей, во главѣ которыхъ сталъ патр. Никонъ, сразу оцѣнившій практическое превосходство линейнаго знамени. Онъ ввелъ его у себя въ Новгородѣ, а сдѣлавшись патріархомъ, содѣйствовалъ его распространенію повсюду. Желая наглядно показать, что новое знамя нисколько не измѣняетъ мелодіи пѣснопѣній, а только упрощаетъ ихъ чтеніе и письмо, онъ указалъ писать, на первое время, при линейной нотаци и безлинейную, дабы можно было сравнить ту и другую и увѣрится, что обѣ излагаютъ одно, безъ поврежденія мелодіи. Патріархъ Адрианъ не сочувствовалъ новой нотаци и старался поддержать крюковую; но превосходство нотописанія линейнаго было очевидно. Съ конца XVII вѣка всѣ пѣвцы Русской церкви совершали богослужбное пѣніе по нотно-линейнымъ рукописямъ. Монахъ Тихонъ Макаріевскій написалъ грамматику или *ключъ* къ изученію нотно-линейнаго знамени. Въ концѣ XVII в. въ Львовѣ уже появился *печатный* ирмологъ квадратной ноты. Мысль о печатаніи крюковыхъ книгъ была оставлена и возникло предположеніе печатать нотныя книги въ нотно-линейной транскрипціи. Мысль эта получила осуществленіе позднѣе, въ 1772 г., когда были напечатаны *Ирмологъ, Октоихъ, Праздники, Обиходъ* квадратною нотой, которая съ тѣхъ поръ и донинѣ употребляется въ Синодальныхъ изданіяхъ; но замѣна крюковой нотаци линейной служила важнымъ шагомъ къ облегченію и упрощенію церковнаго пѣнія въ школахъ. Теперь нотная грамота стала легкой и общедоступной.

Облегчилось изученіе пѣнія и со стороны мелодіи. Знаменный распѣвъ, отличающійся протяженностію, своеобразнымъ несимметрическимъ ритмомъ, столько же былъ труденъ для церковнаго употребленія, сколько и для изученія. Въ XVI вѣкѣ „мастера“ распространяютъ мѣстные распѣвы и переводы—Московскій, Христіаниновъ, Новгородскій, Казанскій, Баскаковъ, Усольскій, Лукошковъ. Головшикъ Логгинъ, училъ пѣть на шесть, на десять и на семнадцать переводовъ. Понятно, что такое обученіе затрудняло, осложняло обученіе пѣнію, вносило въ него несвойственное духу церкви произвольное разнообразіе. Когда появилось болѣе простое

¹⁾ Азб. Мезенца, изд. Смоленскаго стр. 7.

кіевское и греческое пѣніе, то оно было принято въ церковную практику. Никонъ, „превеліе имѣя прилежаніе до пѣнія“, повелѣлъ въ Софійскомъ храмѣ, въ Новгородѣ, *пѣть греческое и кіевское пѣніе*. Кіевскій распѣвъ есть знаменный сокращенный, упрощенный, съ болѣе яснымъ ритмомъ. Изученіе это было гораздо легче.

Съ юга же явилось у насъ и „партесное“ пѣніе, то-есть, хоровое, неуниссономъ, но съ раздѣленіемъ на высокіе и низкіе голоса. Южноруссы особенно всегда отличались пѣвучестью. Когда возникла борьба съ уніатствомъ и латинствомъ, гдѣ пѣніе не только было хоровымъ, но и сопровождалось игрою на органѣ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, праславные южно-руссы естественно должны были озаботиться постановкою своего пѣнія на высоту. Явилась потребность въ гармоніи. Гербиній свидѣтельствуетъ, что въ Кіевѣ въ его время, уже было совокупное пѣніе мірянъ и клира и притомъ столь трогательное и величественное, что оно напомнило ему первыя времена христіанства ¹⁾. Такое пѣніе смѣло могло состязаться съ католическими органами и хорами. Здѣсь повторилось то же, что было при Златаустѣ на Востокѣ, гдѣ еретики старались распространять свое ученіе посредствомъ стройнаго пѣнія, а православные пастыри, видя, что слабые имъ увлекаются, стали усовершенствовать пѣніе православной Церкви, составлять умиленные возвышенныя пѣснопѣнія, дабы удержать паству отъ „обольщенія“. Такъ какъ гармоническое партесное пѣніе на Западѣ достигло значительнаго развитія, то Юго-Западная Русь воспользовалась имъ для цѣлей православія. Сохраняя строго церковную мелодію, знатоки стали полагать ее на голоса, то-есть, стали образовывать хоры. Пѣніе это скоро привилось и перешло въ Русь Московскую. Но изученіе гармонизаціи такого пѣнія въ школахъ требовало руководства и пособій, въ которыхъ бы излагались правила музыкальнаго искусства. Такія пособія явились прежде всего на Югѣ, въ братскихъ школахъ. Раньше другихъ явилась „наука всея мусикіи, аща хощеша разумѣти Кіевское знамя и пѣніе согласно и чинно сочиненное“. Затѣмъ въ 1677 г. явился изданный въ Смоленскѣ замѣчательный трудъ кіевлянина Николая Дилецкаго, изучавшаго теорію и гармонію музыки въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ „Грамматика пѣнія Мусикійскаго“, которая, при содѣйствіи „именитаго человѣка“ Григорія Строганова, черезъ два года была издана въ Москвѣ. Діаконъ Кореневъ составилъ книгу „Мусикію“, которую пересмотрѣлъ и дополнилъ Дилецкій же.

Дилецкій, „писавый прежде въ Вильнѣ, наукъ свободныхъ учащеса, приизбрахъ мусикію *отъ многихъ* искусныхъ художниковъ, тако церкви *православныя* творцовъ пѣнія, яко же и *римскія*, и *отъ многихъ книгъ* латинскихъ, яже о мусикіи“.

Музыка опредѣляется авторомъ такъ: „Мусикія есть имя соборное отъ лицъ своихъ, иже путь гласы человѣческія или органныя, умомъ препѣваемая *мусикія*— гречески, латински же паки *контусъ*, славенски же *пѣніе*, яже сердца человѣче-

¹⁾ „Грекороссіяне, писалъ Гербиній, гораздо святѣе и величественнѣе прославляютъ Бога, чѣмъ въ Римѣ. *Вся міряне поютъ въ соединеніи съ клиромъ*, и притомъ такъ гармонично и благоговѣйно, что мнѣ, въ восторгѣ отъ слышаннаго, думалось, будто я въ Иерусалимѣ и вижу тамъ образъ и духъ первоначальной христіанской церкви. Тронутый простотою русскаго богослуженія, я, по примѣру св. Амвросія и Августина, прослезился и восхвалялъ Сына Божія словомъ: полны суть небеса и земля величествомъ славы Твоя“. Приводимые Гербиніемъ Кіевскія ноты представляютъ квадратную, линейную нотацию.

ская своимъ си гласомъ ово къ *веселію*, ово къ *печали*, ово *смѣшенне возбуждаетъ*¹⁾. То-есть, музыка есть языкъ чувства¹⁾.

Послѣ общаго введенія о музыкѣ, въ *первой* части Грамматики говорится о музыкѣ вокальной (поющей) и инструментальной (бряцающей), объ одиночномъ и хоровомъ пѣніи: „*первое* мусикия — единогласно всѣмъ поющимъ едино знаменіе и пѣснь: *второе*—многимъ гласомъ совокупаемымъ, единогласящимъ же степенями, благія гласованія проходящимъ, и умилительный и плачевный гласъ вкупѣ издающимъ“.

Далѣе слѣдуетъ ученіе о діапазонѣ голосовъ, о ключахъ (клявишахъ) „о бемолѣхъ и діезисахъ, о гаммѣ, абацадлѣ (букварѣ), о дѣленіи нотъ, о тактѣ, о пропорции великой и малой. о пикандѣ; о ладѣ веселомъ, жалостномъ и смѣшенномъ, о четверочастномъ дѣленіи мусикии (дуральная, бемолярная, діезисовая и смѣшанная“).

Во *второй* части говорится „о письмахъ или словахъ основательныхъ“ (а, б, с, d, e, f, g), о пѣніи „фафаекъ, крыжиковъ“ и о транспонировкѣ мелодій въ разные лады.

Третья часть представляетъ изложеніе музыкальной гармоніи. Здѣсь идетъ рѣчь „о конкорданціяхъ, сірѣчь согласующихся нотахъ“, причемъ представляется „коло мусикійское, восходящее горѣ и наки сходящее вниз“ (квинтовый кругъ); предлагается „абецадло ключамъ“, употребленіе интервалловъ; говорится о запрещенныхъ ходахъ („противно грамматикѣ есть, егда бываетъ квинта по квинтѣ, ли секста по секстѣ много идетъ. Но обаче се вѣждь, въ то время квинта по квинтѣ во благо бываетъ, когда на падежь (заключеніе) приближается“). Въ главахъ „о твореніи пѣнія“ (музыкальная композиція) излагаются обстоятельно, въ примѣрахъ, правила голосоведенія въ полифоническихъ сочиненіяхъ, объ имитаци-фугѣ, о каденцахъ, о контрапунктѣ („иже кондрапунктъ именуется латински, славенски же противоточіе, иже есть когда гласы борются точками, а се въ квартахъ, секстахъ, въ септимахъ, но не безъ квинтъ и терцій“). „Концертъ“ опредѣляется какъ форма музыкальнаго сочиненія такимъ образомъ: „концертъ се есть, когда гласы борются съ собою не противоточій токмо въ нотахъ, но и въ рѣчахъ“.

Вообще грамматика Дилецкаго представляетъ довольно полное и обстоятельное изложеніе теоріи и гармоніи музыки. Руководствомъ этимъ пользовались всѣ тогдашніе духовные композиторы, оставившіе намъ, какъ выше сказано, громадную литературу хоровыхъ духовно-музыкальныхъ произведеній.

Въ книгѣ Дилецкаго, написанной квадратною нотой, кромѣ изложенія теоріи партеснаго пѣнія и контрапункта, находится и наставленіе для начальнаго обученія дѣтей пѣнію: „Образъ поученія майстеромъ ко пѣнію дѣтищъ“. Здѣсь замѣчательнень наглядный пріемъ, которымъ пользуется авторъ, чтобы ознакомить ихъ съ пятилинейной нотной системой. Въ текстѣ учебника нарисована *рука* „по ключу алтевому“. На пальцахъ и между пальцами руки написаны названія нотъ (латин-

¹⁾ „Первую же *веселую* изобрази въ торжествѣ Моисей: поемъ Господеви, славно бо прославися. Якоже и Давидъ поетъ сиче: примите исаломъ и дадите тимпанъ... Печальную пѣснь воспѣ пророка Іона: позонихъ въ печали моей ко Господу Богу... Воспѣ Адамъ *на два гласа* со Евою пѣснь, смѣшанную со слезами, якоже свидѣтельствуеть писаніе: сѣдѣ Адамъ прямо раю и свою наготу рыдая плакаше: увы мнѣ. Оле перваго пѣвца печальной мусикии!“ Здѣсь же приводится и *мелодія* этой мусикии.

скими буквами): ниже мизинца—*e*, на мизинцѣ—*f*, далѣе *g*, *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*, на большомъ пальцѣ *g*, а сверху *a*. Въ объясненіи пишется: „хотяй предложить образъ ученія ученику. прежде наказуя. да покажетъ ему руку. понеже рука имать пять палцовъ. якоже и мусикія пять линій сирѣчь струнъ, и паки показуеть много ли есть мусикійскихъ словъ (названій нотъ), и тако да научаеть, гдѣ стоитъ на руцѣ *a*, гдѣ *b*, гдѣ *c*, гдѣ *d*, гдѣ *e*, гдѣ *f*, гдѣ *g* и сице семь литерь латинскихъ, требѣ есть ученику во умѣ твердо держати. посемъ подобаетъ показати ученику букварь съ нотами *A* *ля* *ре* и тако будетъ двѣ ноты, *ля* и *ре*, первыя всегда внизъ, послѣднія вверхъ—*ля* внизъ, *ре* вверхъ, такожде и в прочихъ литежахъ. посемъ покажи ему, како изобрѣтается, како полтакта и прочая. посемъ уже покажи сія на лѣствицѣ, иже есть пять линій. а линіи тожде, якоже и пять палцовъ“. Приемъ этотъ теперь забыть, но онъ долго практиковался; были даже нотныя азбуки подъ названіемъ „ручка“.

Дальнѣйшее обученіе состояло въ изученіи гаммы, потомъ изучались интервалы. Гамма изучалась въ разнообразныхъ дѣленіяхъ: „Прежде въ такихъ (цѣлыхъ нотахъ), по семь же полтакты; паки полтакты съ пунктами и четвертками, по семь цѣлыя четвертки, паки четвертки съ пунктами и ломанными четвертками; по семь четвертки единовязаны, двоевязаны, по семь пропорцыи и прочая мусикійская художества, и тако истинно и маястерски ихъ (дѣтей) поучающе, отъ Бога мзду, отъ людей же похвалу и отъ челоуѣковъ благодаренія воспримеши“. Обучающіе по цефавтному ключу, по словамъ автора, обучаютъ „безъ основанія“, „или не истинно, или отъ своего разума недоумѣннаго, ты же сицевымъ не поревнуй“. Между прочимъ, при усвоеніи гаммы авторъ требуетъ отъ учениковъ: „шестыя ноты и седмыя да будутъ имъ въ глубочей памяти, октава буди же во образъ“. Приемъ методически вѣрный, ибо секста и септима труднѣе усвоятся. „Хотяще во пѣніи гласомъ воспріяти шестую, пишеть авторъ, да имѣеть во умѣ октаву и тако со оной удобнѣе возметъ шестую“. „Также и поюще септиму, содержи въ умѣ октаву, и удобнѣе и совершенно оную гласомъ изобразиши“.

Въ дальнѣйшемъ обученіи учитель долженъ показать и разъяснить, „что есть мусикія веселая, печальная и смѣшанная; поучити же паки: что есть басъ, что есть теноръ, и что есть алтъ и что есть дышкѣнтъ, и что есть пропорцыя и не пропорцыя, что есть *палза*, что есть *эзъ*, что полъ *эскъ*, и како его содержать“ и другіе знаки, а также „ноты во преградѣхъ“ (дѣленіе на такты). „Когда неудобно поучаются нотъ вкупѣ со тактомъ, научи ихъ прежде нотъ совершенно безъ такту; когда же ноты будутъ разумѣти удобнѣе, тогда ихъ, косныхъ въ разумѣ, научи уже и со тактомъ“.

„Поюще разсуждай, како и гдѣ имаши гласъ показати, и тако не исходяще изъ мѣры гласа твоего да не чрезъ силы твоя пѣти, и да вѣси, како печальное, како веселое пѣти ти пѣніе. въ печальномъ пѣніи и гласомъ требѣ пѣти умилнымъ, во образъ да будетъ ти сей стихъ: *возопи во печали моеи*. въ веселомъ же пѣніи гласомъ пѣти радостнѣйшимъ, вообразъ: *со веселіемъ воспойте людие*. иже ли есть смѣшенѣ стихъ: *Свѣте тихій*, здѣ и самымъ гласомъ тихимъ имаши пѣти, изобразующе естество стиха. яко же се *велегласнозовуще*, здѣ имаши и гласомъ самымъ возвышеннымъ и веліимъ пѣти. гдѣ же концертъ (состязаніе голосовъ), тамо тихимъ гласомъ и не всѣмъ“... Сущность этихъ правилъ объ исполненіи пѣнія заключается въ томъ, чтобы пѣвцы обращали вниманіе на содержаніе пѣснопѣній и пѣли согласно ихъ смыслу.

Всѣ правила у Дилецкаго поясняются потными примѣрами; вообще грамматика его имѣетъ практической характеръ, котораго часто недостаетъ учебникамъ нашего времени.

Такимъ образомъ школа XVII вѣка имѣла по пѣнію прекрасныя руководства, какъ по безлинейному, такъ и по линейному нотописанію. Важное значеніе въ богослуженіи и широкое распространеніе пѣнія даже въ домашнемъ быту нашихъ предковъ привлекали къ нему лучшія силы той эпохи.

Намъ остается еще сказать о средствахъ *самообразованія* въ данную эпоху. Въ одномъ азбуковникѣ XVII вѣка, отъ имени „мудрости“ говорится о книжномъ ученіи по изученіи азбуки: „ктому не глаголю ти о часословѣ и псалтири, безъ нихъ же ученіе не бываетъ. Но се тебѣ едино реку. *Вниди умомъ внутрь себе* и всею сердечною мыслію обноси *вся книги тисненныя и письменныя*, великія и малыя, славныя и не славныя, и еже пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ полатахъ, тако же и во всѣмъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ множествѣ, и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости откуда вразумляются и вчиневаются и чимъ устрояются“. Такимъ образомъ предки наши понимали, что грамотность не цѣль, а средство обученія, что образованіе должно вести къ самообразованію.

Первымъ средствомъ самообразованія являлось чтеніе „божественныхъ книгъ“, то-есть, священнаго писанія, отеческихъ писаній, богослужебныхъ книгъ, толкованій на слово Божіе и вообще книгъ религіознаго содержанія. Богатство этой литературы XV—XVII в. неисчерпаемо. Достаточно пересмотрѣть описанія нашихъ древнихъ рукописей и книгъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Списки книгъ св. писанія появляются во множествѣ; въ рукописяхъ находятся: толкованія на св. писаніе Златоуста, Іоанна Болгарскаго, Теофилакта, Северіана; творенія Св. Отцевъ и учителей церкви: Діонисія Ареопагита, Аѳанасія Великаго, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Богослова, Василия Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Синайскаго (Лѣствица), Аввы Варсонофія, Аввы Дорошея, Исаака Сирина, Григорія Двоеслова, Іоанна Дамаскина, Теодора Студита, Симеона Солунскаго, Никона Черногорца, Теодора Едесскаго, Симеона Новаго, Григорія Синаита и многихъ другихъ. Сочиненія Нила Сорскаго, Іосифа Волоцкаго, Максима Грека, Зиновія Отенскаго, современныя сочиненія противъ раскола и вообще творенія духовныхъ отечественныхъ писателей списывались и распространялись во множествѣ. Не мало было книгъ по церковному праву, каковы: кормчая, Номоканонъ Зонара, Синтагма Матѳея Властаря, правила св. Апостоль, сборники по церковному праву. Затѣмъ шли самыя разнообразныя сборники, Измарагды, Златоструи, Лавсаики, Маргариты, и множество житій святыхъ и патериковъ — Печерскій, Египетскій (скитскій), Синайскій, Алфавитный, Смѣшанный, наконецъ, прологи и синаксари. Одно перечисленіе заглавій этой литературы составило бы книгу.

Четъи-Минеи Макарія представляютъ цѣлую библіотеку. Здѣсь и прологи, и патерики, и слова учительныя, цѣлыя сочиненія отцовъ церкви, есть даже переводъ діалектики и „объ осми частяхъ рѣчи“ (грамматика) Дамаскина, съ русскими примѣрами, маргаритъ и множество толкованій на свящ. книги.

„Многи труды и подвиги подъяхъ“, пишетъ составитель, работавшій надъ своимъ трудомъ 20 лѣтъ. Онъ же составилъ „Великую книгу правила келейнаго и путнаго,“; „Книгу, глаголемую Кормчая, рекше правило закону, греческимъ языкомъ *номосъ*“. Много трудолюбивыхъ писателей было въ эту эпоху. Вообще грамотный челоѣкъ того времени, окончивъ книжное ученіе въ школѣ, воспитавшись въ

духъ церковности и развѣвъ въ себѣ потребность самообразованія, могъ вполне удовлетворить своему стремленію къ просвѣщенію.

Но пробудившаяся потребность знанія увлекала нашихъ предковъ и къ предметамъ свѣтской науки, въ чемъ особенно сказалось вліяніе Запада въ XVII вѣкѣ на русскую мысль, потому что почти всѣ сочиненія этой эпохи по *исторіи*, *географіи*, *естествовѣдѣнію*, *философіи*, и *праву* были переводными, при чемъ нерѣдко вмѣстѣ съ пшеницею попадалась и мякина. Тѣмъ не менѣе литература по этимъ предметамъ была довольно значительна.

Что *artes liberales*, составлявшія предметъ изученія въ высшихъ школахъ Запада, были извѣстны нашимъ предкамъ XVII в., объ этомъ свидѣлствуютъ не только проектъ академіи, но и отдѣльныя сочиненія. Такъ, довольно извѣстна была книга „Мудрость или описаніе семи свободныхъ художествъ, каія что въ себѣ содержитъ. Изъ еллинскаго діалекта изслѣдованы на славянскій языкъ чрезъ Николая *Снафарія*. 1673 г.—Книга избранная вкратцѣ о девяти мусахъ и о семи свободныхъ художествахъ“¹⁾, Рукопись эта встрѣчается въ нѣсколькихъ спискахъ и помѣщалась даже въ азбуковникахъ²⁾.

Цѣль этого произведенія не только познакомить читателей съ „семью художествами“, показать ихъ значеніе, но и расположить къ изученію ихъ.

Первая свободная мудрость *грамматика*. Мудрость говоритъ, что она необходима каждому человѣку ученому: „кто книжныя письмена устрояетъ, или стихи соплетаетъ, или повѣсти изъясняетъ, или посланія посылаетъ, или что таковыхъ составляетъ, то все грамматикою снискаетъ“. „Понеже (говоритъ грамматика) на времена развожду, и на числа разочту, и на *лицо* расказу, и на *паденія* (склоненія) уклоню, и на *супружества* (спряженія) сведу, *степени* разсужду и *роды* разберу“...

Вторая мудрость *риторика*, „художество, яже учить слово украшати и увѣщевати“, „красно глаголати“. Она есть „хитрорѣчія источникъ“, „мудрость сладкогласнаго реченія“. „Мною, говоритъ риторика, и Димосѣенъ, древній онъ честный Философъ, славень ся учини, той бо мя исперва поиска и обрѣте, и по немъ прочіи риторіи, которіи чюдни разумомъ въ человѣцѣхъ явшася и хитрорѣчію начальницы быша, и риторіку мя нарекоша“.

Третье—*діалектика*, яже и *логика* нарицается, именуется отъ греческаго реченія *діалогоме*, сирѣчь, состязаяся или любопрюся, или скоро обрѣтаю и изобрѣтеніе чиновне сочиняю“. „Діалектики конецъ есть, еже благое отъ зла и ложь отъ истины раздѣляти“. Она имѣетъ тѣсную связь съ грамматикой и риторикой: „селеніе же имамъ (говоритъ логика) союзъ со премудрою грамматикою и красовитою риторикою; одесную мене первая, ошуюю — другая“. „Мудрый отъ еллинъ Омиръ и Платонъ и похвальный во вратѣхъ (*отца*) Аристотель и прочіи вси о мнѣ діалектицѣ познашася въ мірѣ“.

Она имѣетъ практическое значеніе въ общественной жизни, „на соборѣхъ людскихъ“, на судѣ, гдѣ, благодаря ей, „ни правый ни обвинится, ни виноватый не потягнется, ниже судай погрѣшити въ чесомъ можетъ“.

Четвертое художество—*ариметика*—числительница. Она исчисляетъ широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный

¹⁾ *Строевъ*, Опис. рук. библ. Толстова, II, № 118, 223.

²⁾ *Мордовцевъ*, О школьныхъ книгахъ XVII в., стр. 56 и д.

путь кораблямъ, уставляетъ всему правильную мѣру, и всѣ чиновныя числа, мѣры и вѣсы, соединяетъ и разлагаетъ, вычитаетъ, на доли раздѣляетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все раздробляетъ въ дроби; пространства она считаетъ локтями, пшеницу—мѣрами, вино—чашами, полки—тысячами и сотнями.

Пятое художество — „*музыка*, сирѣчь пѣснствованіе; имя свое отъ *мусы*, богини пѣнія, получи“. Такъ какъ музыка на Руси имѣла церковный характеръ, то подъ нею разумѣлось только пѣніе. „Щедраго и Преплагаго Бога, давшаго намъ разумъ, познаніе Своея истины, восхвалимъ вси *не въ варяны* и тимпаны и мусикии, въ нихъ же онъ беззаконный папа Петръ Гугнивый повелѣ въ церкви играти, и есть начальникъ богомерзскому сему гуденію и игранію; мусику же азъ предлагаю, но не руками человѣческими, ниже теслы и ножами устроену, но гласомъ изъ гортани нерукотворенныя происходящимъ восхвалимъ Господа и поемъ Ему вси разумно во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ“.

Шестое—„*геометрія*, сирѣчь земномѣріе“. Она имѣетъ связь съ космографіей, географіей и иными художествами. Геометрія понималась въ буквальномъ смыслѣ имени ея, по переводу съ греческаго. „Той бо, измѣривый пядію небо и дланію землю, намъ же, созданію Своему-человѣкамъ тлѣннымъ, даде сея широту и долготу и толстоту доброумѣренною вервію любомудрыя геометріи измѣряти и тѣмъ комуждо данныя предѣлы познавати“. Здѣсь излагается отчасти математическая и физическая географія и дается понятіе о частяхъ свѣта.

Седьмая мудрость — „*астрономія* — по еллинѣхъ, звѣздозаконіе же по словенѣхъ“. Здѣсь сообщается понятіе о солнцѣ, лунѣ, планетахъ, звѣздахъ, о солнечномъ и лунномъ обращеніи и т. д.

Разсматриваемая рукопись заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что она помѣщена въ азбуковникахъ и назначалась для *выткласнаго* чтенія учащихся,— „во время отъ ученія престатія“, значитъ, какъ-бы дополняла курсъ школы, отвѣчала на запросы юношеской любознательности и побуждала ихъ къ самообразованію за предѣлами школы.

Въ послѣдующемъ указаніи литературы для самообразованія въ XVII вѣкѣ мы ограничимся только перечнемъ книгъ, такъ какъ описаніе ихъ, съ извлеченіями, было-бы слишкомъ пространно.

Такъ, по *исторіи* сохранилось много хронографовъ (описаніе ихъ сдѣлано Поповымъ); въ рукописяхъ имѣются: Русская исторія дьяка *Грибодова* ¹⁾, Хроника Литовская *Стрыйковскаго* ²⁾, Историческія записки Павла *Пясецкаго* ³⁾, Палей во многихъ спискахъ ⁴⁾, Временникъ *Георія Амартола* ⁵⁾, Исторія о войнѣ Іудейской *Іосифа Флавія* ⁶⁾; сюда же слѣдуетъ отнести лавсаики, патерики, прологи, синаксари, заключающіе въ себѣ матеріаль по церковной исторіи. Синописи, приписываемый *Иннокентію Гизелю* (печ. въ Кіевѣ, 1674 г.), хроника Сафоновича; „Объ исторіяхъ и славныхъ царствахъ и статахъ, которыя обрѣтаются въ Европѣ“, *Пуфендорфа*. „Житіе Антонина, именованнаго Пеюса, злѣтописцевъ латинскихъ собранное“, — *Кевхенія*. — „Исторія полигична, опредѣленна на 6 книгъ“. — „Исторія

¹⁾ Рум. муз. № 12.

²⁾ Опис. Толстова, I, 186.

³⁾ Тамъ же, I, 17.

⁴⁾ Библ. Солов. II, 431—435.

⁵⁾ Тамъ же, № 436.

⁶⁾ Тамъ же, № 441—447.

о державѣ французской», *Г. Дебусьери* ¹⁾.— «Книги Юлія Фронтинна сенатора Римскаго, о случаяхъ военныхъ» перев. Каріона Истомина. М., 1692 г. ²⁾.

Много отдѣльныхъ историческихъ статей находилось въ азбуковникахъ, каковы: «О Уліи (Юліѣ) Кесари», «о взятіи царграда отъ латинъ», «о Магометѣ», «о сожженіи Гуса», «О Булгарѣхъ», «О славенскомъ языкѣ и о русскомъ»; статьи по миѳологіи греческой и славянской. Знакомы были наши предки съ Бароніемъ ³⁾. Извѣстенъ еще «Хрисмологіонъ», родъ всеобщей исторіи, съ предсказаніями). «Исторія Сарматіи Европейской» Александра *Гванни*.

Что русскіе люди любили читать историческія сочиненія, объ этомъ говорятъ даже иностранцы, посѣщавшіе Россію въ то время. Павелъ Іовій (1526 г.), говоритъ, что въ его время у каждаго почти Московскаго боярина можно найти въ рукописныхъ спискахъ, кромѣ *лѣтописей*, исторію объ Александрѣ Македонскомъ, о Римскихъ кесаряхъ, Антоніи и Клеопатрѣ и т. под. ⁵⁾.

Географія былъ предметомъ особеннаго интереса нашихъ предковъ, хотя свѣдѣнія ихъ о разныхъ земляхъ и народахъ иногда не отличались достовѣрностію, а иногда были плодомъ выдумки досужихъ иностранныхъ разказчиковъ, особенно въ этнографіи. Слѣдуетъ замѣтить, что наши географическія книги XVII вѣка были преимущественно переводныя.

Изъ географическихъ сочиненій наиболѣе извѣстны:

Географическіе очерки *Меркатора*, явившіеся на Западѣ въ концѣ XVI в.; въ переводахъ, отрывкахъ и сокращеніяхъ они встрѣчаются у насъ въ рукописяхъ XVII вѣка, во многихъ экземплярахъ ⁶⁾.

«*Козмы Индикоплова*, книга о Христѣ, обнимающая весь міръ». Это переводъ географической книги писателя VI вѣка Козмы Индикоплова (*Indicopleusta*). Авторъ строго держится указаній св. писанія, которыя онъ понимаетъ по своему, и утверждаетъ, что земля четырехугольна, окружена океаномъ, а небо прикрѣплено къ землѣ полукругомъ. Перев. 1495 года.

«Книга, именуемая *космографія*, размѣреніе и росписаніе всеа земли противъ слопневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ» (1580 г.). Здѣсь, кромѣ описанія странъ, есть и историческія свѣдѣнія; русская исторія оканчивается 1507 годомъ ⁷⁾.

«*Космографія*», сірѣчь всемирное описаніе земель во едино пребываніе и знаменованіе во кругахъ небесныхъ».

Послѣ понятія о географіи пишется: сіе описаніе земли и моря и елицы въ коихъ странахъ нравы, и колико въ коихъ странахъ озеръ и рѣкъ, и что всякихъ въ коемъ государствѣ угодій, изъ древнихъ памятныхъ книгъ выписано еще древними мудрыми писателями ⁸⁾.

Виніусу принадлежитъ составленіе «*Поверстника*», подъ заглавіемъ «О столицахъ нарочитыхъ городовъ, и славныхъ государствъ, и земель, и острововъ и

¹⁾ *Пекарскій*, Наука и литер. при Петрѣ Вел., I, стр. 256.

²⁾ Тамъ же, стр. 220.

³⁾ *Карповъ*, Азбуковники, стр. 118—217. Здѣсь описаны самыя статьи и сдѣланы обстоятельныя изъ нихъ извлеченія.

⁴⁾ Опис. рукоп. Толстова, I, 56. Рум. муз. № 365.

⁵⁾ Библ. иностр. писат., стр. 47.

⁶⁾ *Пекарскій*, т. I, стр. 334. Рум. муз. № 273, перев. относ. къ 1630 г.

⁷⁾ *Толстова*, т. I, 210.

⁸⁾ *Пекарскій*, Наука т. I, стр. 337.

проливовъ и знатныхъ мѣстъ сухими и водными путями, колико имуть разстояніе російскаго государства отъ первопрестольнаго его царскаго величества града Москвы по размѣру книги, именуемая вожныхъ мѣръ и иныхъ“. М. 1667 года.

Виниусъ былъ человекъ просвѣщенный, имѣлъ обширныя знанія и обращалъ вниманіе на исправленіе нравственности народа и на воспитаніе дѣтей; онъ былъ искусный дипломатъ и знатокъ горнаго дѣла.

„*Филиппа Кловерія* введеніе во всю географію“. Въ патриаршей бібліотекѣ хранятся переводы космографіи Еп. *Славинецкаго*, его сотрудника *Исаи* и Арс. *Сатановскаго* (1661—65) ¹⁾.

„Космографія *Мартына Бѣльскаго*“ ²⁾, появившаяся въ 1550 г., переведена въ 1575 г.; въ иныхъ спискахъ называется „*Всемирною хроникой*“.

„*Описаніе Китайскаго государства*“ ³⁾. *Описаніе* о Персидскомъ государствѣ и тѣхъ жителей ⁴⁾. *Описаніе* Голландіи и города Амстердама ⁵⁾.

Описаніе Сибири въ 1658—83 г. ⁶⁾. *Писцовыя книги* служили для описанія Россіи, хотя въ цѣляхъ не научныхъ, но государственныхъ. Краткое описаніе космографіи *Сильвестра Медвѣдева*. Но особеннымъ вниманіемъ пользовались у нашихъ предковъ описанія св. земли. Со времени игумена Даниила, на Руси много было паломниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ оставили описанія своихъ путешествій, каковы: іеромонахъ *Зосима* (XV в.), *Трифонъ Коробейникъ*, *Юрій Грековъ* (XVI в.), іеродиаконъ *Иона* (XVII в.). Извѣстны путешествія въ Цареградъ Смоленскаго діакона *Инатія*, дьяка *Александра* (XIV в.). Изъ описаній путешествій русскихъ людей въ другія страны дошли до насъ—путешествіе іеромонаха *Симеона Суздальскаго* въ Италію (XV в.), тверскаго купца *Аванасія Никитина* въ Индію (XV в.), путешествія въ Китай *Ивана Петрова* и *Бурнаша Ельчева* (XVI в.).

Богаты географическими свѣдѣніями палеи, хроники и хронографы, куда вносились географическія описанія изъ хроникъ Манассіи, Амартола, Зонары, Малалы и западно-европейскихъ космографій и географій, и весьма обильны географическимъ матеріаломъ наши азбуковники—алфавитари ⁷⁾. Вообще пожаловаться на недостатокъ географическихъ свѣдѣній въ до-Петровскую эпоху нельзя. Изъ литературы этого предмета видно, что наши предки живо слѣдили за тѣмъ, что являлось по географіи на Западѣ.

При описаніи странъ описывались и народы, причемъ, на ряду съ истинными свѣдѣніями, помѣщались и баснословныя сказанія, источникомъ которыхъ считаютъ Александрію. По предположенію Попова ⁸⁾, баснословныя сказанія изъ хроники Малалы, а также лавсанковъ и Египетскихъ патериковъ перешли въ наши хронографы и азбуковники; позднѣе такія-же сказанія попадали къ намъ изъ хроники (космографіи) Бѣльскаго и другихъ западныхъ источниковъ ⁹⁾. Отсюда и пошли

¹⁾ *Пекарскій*, стр. 337.

²⁾ Опис. рук. Толстова, I, 205, 206.

³⁾ Толстова, I, 162.

⁴⁾ Тамъ же, I, 246.

⁵⁾ Рум. муз. 292.

⁶⁾ Тамъ же, 294.

⁷⁾ См. Изслѣдованіе *Карнова* объ Азбуковникахъ, стр. 229—260.

⁸⁾ *Поповъ А.*, Обзоръ хронографовъ русск. ред., I, стр. 29.

⁹⁾ См. у *Карнова* обстоятельное изложеніе баснословныхъ сказаній о дикихъ народахъ стр.

удивительные рассказы о людяхъ съ песьими головами, одноглазыхъ, андрогинахъ, исатыряхъ, птапесахъ, иподесахъ, троглодитахъ и другихъ, съ невѣроятными свойствами и привычками. Наши предки довѣрчиво выслушивали рассказы, въ наивной увѣренности, что заморскіе рассказчики сами видѣли то, о чемъ пишутъ.

Естественныя въ древности называлось „физиологіей“, по буквальному смыслу, ученіемъ о природѣ, куда относились свѣдѣнія о царствахъ минеральномъ, растительномъ и животномъ, а также о лечебныхъ средствахъ. За недостаткомъ научныхъ данныхъ не только у насъ, а и въ Западной Европѣ, свѣдѣнія эти нерѣдко имѣли характеръ баснословный. Таковы сказанія о свойствахъ самоцвѣтныхъ камней, изъ животныхъ — объ аспидѣ, саламандрѣ, китоврасѣ, фениксѣ, струфокамилѣ и под. Но не мало встрѣчается при этомъ и свѣдѣній достовѣрныхъ ¹⁾. Азбуковники наполнены этими сказаніями, что свидѣлствуетъ о любознательности нашихъ предковъ.

По этому отдѣлу сохранились: „Книга, глаголемая *прохладный вертоградъ* — о различныхъ врачейскихъ вещахъ, ко здравію человѣческому пристоящихъ ²⁾. Въ 340 главахъ здѣсь говорится „о птицахъ, къ лекарству угодныхъ, о мясѣхъ всякихъ, о водахъ, о рыбахъ рѣчныхъ и морскихъ, о пчелѣ, и о меду, и о воскѣ, о заморскихъ и русскихъ зеляхъ, о древесѣхъ, о травахъ и о водахъ изъ травъ перепущенныхъ“ и проч. Это цѣлая энциклопедія.

Лечебниковъ рукописныхъ было много. Были книги и по технологіи, преимущественно военной, напр. („О предуготовленіи вещей къ войнѣ надобныхъ — о стрѣльбѣ—и огненныхъ хитростяхъ“ ³⁾); были и хозяйственныя книги, напр., „Наука о конскомъ заводѣ“ ⁴⁾ и т. под.

По *философіи*, *политикѣ* и *праву* отъ XVII вѣка сохранились слѣдующіе рукописные переводы:

„Самуила *Пуфендорфія* о законахъ естества и народовъ, книги 2, 3, 6, 7; *Гуго Гроція* „О законахъ брани и мира три книги“; Томаса *Бурнета*, „Священная теорія земли, обдержашая начатокъ и общественныя премѣнности нашего міра, которая возымѣлъ уже, или впредь возымѣетъ; наставленіе царя о твореніи совѣтовъ и избраніи совѣтниковъ“. Съ италіанскаго — Фридерика *Коріоляни*. — На Аргенія Іоанна *Баркляя* дискурсъ“.

„*Ернеста Гокемеля* философа, о европейскихъ царѣхъ и о ихъ величествъ преизящныхъ нравахъ, и даже до послѣднихъ нравовъ нашихъ подобразное описаніе, тщаніемъ *Гобелія* сочинися“. — „Совѣты на сокровищное хранилище гражданское, церковное, воинское и собственное... выданное чрезъ Максимилиана *Фауста* Ашавенбургскаго“. „Новоумноженный политическаго счастія ковачъ“, Христіана Ф.—*Бесселя*. „Іоанна Павла *Фельвингера*—Дискурсы политичныя о всѣхъ образѣхъ владѣтелей добрыхъ и поврежденныхъ, и о иныхъ нѣкоторыхъ матеріалахъ, подлежащихъ къ ученію политичному“ ⁵⁾.

„Книга Сѣверина з *Монзамбана* (Пуфендорфа) о статѣ государства нѣмецкаго“. — „*І. К. Бекмана* о частяхъ владѣтельскихъ 20 бесѣдъ“. — Павла *Марпургера*,

¹⁾ См. у *Картова*, стр. 259 и до конца.

²⁾ Рум. муз., № 263.

³⁾ Толстова, I, 68.

⁴⁾ Рум. муз., № 282.

⁵⁾ *Пекарскій*, I, 255 и д. рукоп. въ публ. библ.

вновь объявленный купеческій судъ“. Сочиненія греческихъ философовъ были знакомы нашимъ предкамъ, — ссылки на Платона и Аристотеля въ сочиненіяхъ той эпохи встрѣчаются нерѣдко.

Что касается седьмой мудрости — *астрономіи*, то, конечно, ее еще не было у насъ въ XVII вѣкѣ въ смыслѣ науки; свѣдѣнія о звѣздномъ небѣ, о вращеніи земли, о затменіяхъ и т. п. встрѣчаются въ космографіяхъ и календаряхъ. Изъ послѣднихъ извѣстны слѣдующіе:

„Математическихъ хитростныхъ тонкостей календарь на 1697 г., въ немъ-же описуется купно съ провѣщаніемъ и о солнечномъ бѣгѣ и о высотѣ въ великости онаго, такожь и объ основательномъ счисленіи солнечныхъ и мѣсячныхъ знаменій“. П. Ганкена, перев. Шафирова.

„Царю наияснѣйшему и великому Государю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Руси Самодержцу и прочая — годовый *разпись* или *мѣсечило*“. 1670 г. Здѣсь даны объясненія фазъ луны; потомъ идетъ мѣсяцесловъ, съ указаніями именъ греческихъ и латинскихъ. Числа мѣсяцевъ отмѣчены по старому и новому стилю. Есть и предсказанія не только погоды, но и политическихъ событій. Петръ В., просматривавшій эти предсказанія, сдѣлалъ на нихъ любопытныя помѣты.

Извѣстенъ еще переводъ календаря Фохта (съ нѣмецкаго) на 1684 г. и на 1691 г. Послѣдній озаглавленъ такъ: „И. Г. Фохта, королевства свейскаго математика, различныхъ гисторій календарь“. Здѣсь тоже есть предсказанія и статьи: „предобъявленіе звѣздосмотрительно, вѣстоимательно къ гисторическому календарю, о затменіяхъ, о пожарахъ, о плодахъ и неплодіи земномъ, о здравіи и болѣзняхъ, о войнѣ и мірскихъ дѣлахъ, гисторія или вѣстоописанія, о рудометаніи и какъ овощи садить“.

Его же календарь на 1695 г. и 96. Календарь *Словаковича* на 1698 г. и др. ¹⁾.

Собственно литературнымъ (беллетристическимъ) чтеніемъ предки наши интересовались мало, да и матеріала для этого чтенія было немного. Кое-что однако переводилось, преимущественно нравственнаго характера. Таковы переводы Виніуса.

„*Избраніе* отъ святыхъ божественныхъ и царственныхъ книгъ“. Москва 1667 г., сост. Андреемъ Виніусомъ. Здѣсь, кромѣ нравственныхъ наставленій, заключаются историческіе рассказы.

„*Зрѣлище* житія человѣческаго, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ (въ басняхъ) со истинными къ тому приличными повѣстями, въ поученіе всякаго чина и сана человѣкомъ“, „новопреведено“ А. Виніусомъ. М. 1674 г. Переводъ съ нѣмецкаго.

Здѣсь переводчикъ пишетъ: „зѣло дивно размышляти, како всемогущій Господь Богъ не точію кійждому животну свойство и природу дарова, но въ нѣкоторыхъ отъ нихъ изрядные обычаи и нравы насадилъ есть, которые безсловесные не точію человѣкомъ въ пищу, но и во многія потребности годствуютъ; еще же отъ сихъ научиться можетъ, яко зря на безсловесныя достоитъ намъ житіе свое и нравы злбныя исправляти,—иже не многіе ли видимъ свирѣпѣйше львовъ и гнѣвливѣе медвѣдей, иные же нечестивѣйше свиней, оныхъ же неблагодарнѣйше псовъ, иныхъ-же гордѣйше павлиновъ.“ ²⁾.

¹⁾ *Пекарскій*, Наука и литер., I, стр. 287

²⁾ *Пекарскій*, I, 200 стр.

Особою извѣстностію пользовалось сочиненіе „*Діонтра* или зеркало живота въ мірѣ семь человѣческаго“. Переводъ съ греческаго, прозой и стихами. Печаталось сперва въ Эвю (1612 г.), потомъ въ Вильнѣ и Эвю (1614 г.), дважды въ Кутенскомъ монастырѣ (1651—54 г.) и въ Могилевѣ (1698 г.). Основная мысль Діонтры—аскетическое отверженіе міра:

«Ниже кто Христу любезный бываетъ.
Развѣ сей, иже міръ презираетъ:
Никтоже можетъ Бога любить,
Аще себе міръ не хочетъ презрѣти».

Читался еще „*Виноградъ Христовъ*“. Кіевъ. 1695 г.; большею же частію читались сборники.

Но въ XVII вѣкѣ Западъ наградилъ Русь сочиненіями и другого направленія. Появились переводы „Римскихъ дѣяній“, новелль Боккачіо и Декамерона; появились повѣсти не всегда скромнаго содержанія, рыцарскія исторіи, „Шутки (Facetiae), или „Жарты польскіе“, „Повѣсть о женѣ, обольстившей мужа, яко ввержеса въ кладезь“. „Повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея“, „Персидской крѣпкой долъ“, „повѣсти смѣхотворныя“ и т. под.

Въ переводчикахъ у насъ не было недостатка. При дворѣ Алексѣя Михайловича было 50 переводчиковъ, 70 толмачей, хорошо владѣвшихъ иноземными языками¹⁾; но многіе изъ нихъ были обрусѣвшіе поляки и иноземцы, чуждые духу нашего образованія. „Легкая литература“ XVII вѣка была плодомъ польскаго вліянія. Многіе переводы дѣлались прямо съ польскаго, о чемъ переводчики и заявляли.

Эта-то литература, вмѣстѣ съ сочиненіями протестантскаго и католическаго характера, и внушала опасенія ревнителямъ православія, заставляла ихъ сплотиться и вступить въ борьбу съ латинскимъ образованіемъ. Православіе никогда не отрицало науки, но оно не мирилось съ гнилыми плодами вѣшной образованности, чуждой русскому народу, его преданіямъ, его исторіи. Притомъ же взглядъ нашихъ предковъ на „книжное ученіе“ всегда былъ идеальнымъ. Стоило-ли учиться грамотѣ, чтобы читать „Польскіе жарты“!

Время было тревожное. Наплывъ западныхъ идей грозилъ чистотѣ православія, и представители его бодрствовали²⁾. Они содѣйствовали развитію образованія, приобрѣтенію знаній, но тщательно отдѣляли зерно отъ мякины, истину отъ лжи. Въ этомъ ихъ великая заслуга.

---

¹⁾ Изъ переводчиковъ XVII вѣка пользовались извѣстностію: Дмитрій Герасимовъ толмачъ и схоластикъ, Федоръ Гозвинскій, Иванъ Эльмстонъ (Helms), знавшій превосходно всѣ европейскіе языки, Келлерманъ (врачъ), Ник. Спафарій (1673 г.). Авраамъ Фирсовъ (1683 г.), Стахій Гадзатовскій (1685 г.), братья Виніусы, Касперъ Ивановъ, Юшка Виентовъ, Лукашъ Магнусовъ и др.

²⁾ Въ XVII в. даже книги, присылаемыя изъ Греціи, принимались съ такою же осторожностію, какъ и получаемыя изъ Малороссіи, а отъ прибывавшихъ грековъ требовалось, чтобы они были „крѣпче въ вѣрѣ свидѣтельствовани“. Извѣстно, что по „привилегіи на академію“ учителя греки допускались не иначе, какъ по свидѣтельству въ православіи, подписанному вселенскими патриархами и „по крѣпкому въ Россіи освидѣтельствованію, дабы кто изъ нихъ такожде не содѣлалъ, якоже прежде еретикъ Исидоръ митрополитъ“.

Краткій и, конечно, неполный очеркъ литературы разсматриваемой эпохи наглядно показываетъ, какъ русская школа, руководимая церковію, развивалась и крѣпла, дѣлала успѣхи и достигала высшихъ формъ.

Принято XVIII-й вѣкъ считать началомъ нашей европейской жизни, нашей научной образованности, началомъ сближенія съ культурою Запада; но внимательное изслѣдованіе XVII вѣка показываетъ, что русскіе и тогда уже не были дикарями, отсталыми, что они знали Европу и ея культуру, многимъ пользовались, но шли свободно, самобытно, безъ принужденія, къ образованію, не порывая связи съ своимъ прошлымъ и съ исторіей, — шли осторожно, обдуманно, хотя и не торопливо...

Школа церковная была руководительницей этого медленнаго спокойнаго, но твердаго и величаваго движенія. Она шла рука объ руку съ жизнью, отвѣчала на ея запросы, удовлетворяла ея требованія, никогда не измѣняя своему коренному духу—православной церковности, въ чемъ и была ея сила. Школа эта до Петра никогда не была *спеціальною*; даже и академія была общеобразовательною, хотя руководилась духовными лицами; школа эта, чуждая утилитарности, всегда служила удовлетворенію высшихъ религіозно-нравственныхъ потребностей народа, она была вполнѣ *просвѣтительнымъ* учрежденіемъ; но образуя умъ и сердце человѣка, сообщая ему прочныя религіозныя и нравственныя убѣжденія, воспитывая его волю въ добрыхъ навыкахъ, проникнутая духомъ православной церкви и народности, она приготавливала дѣятелей для всѣхъ поприщъ служенія общественнаго и государственнаго. Достигала она этого самыми *простыми* средствами. Въ ней не было *многоученія*. Курсъ ея не великъ по объему, но глубокъ по содержанию. Еслибы въ исторіи этой школы не было внезапнаго, насильственнаго перерыва, то, быть можетъ, Русь имѣла бы нынѣ свою самобытную систему обученія, не похожую на западно-европейскую, не уступающую ей въ научномъ отношеніи, но болѣе сильную, живую, объединяющую весь народъ, основанную на вѣчно живыхъ началахъ вселенской истины... Равенство образованія, соединявшее всѣ сословія до-Петровской Руси въ одно цѣлое, было нарушено реформами XVIII вѣка,—народъ остался при старой школѣ, которая, безъ всякой поддержки и даже тѣсняемая правительствомъ, стала упадать количественно и качественно; высшія сословія пошли *другимъ* путемъ, усвоивъ себѣ если не духъ, то формы европейской образованности... Естественный ходъ русскаго образованія былъ прерванъ. Новое образованіе отдѣлило народъ отъ высшихъ сословій. Связующая тѣхъ и другихъ нить порвалась.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Источники и пособія для исторіи нашей школы и образованія на Руси до-Петровской.

- Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Изд. Археогр. комиссін. 1841—65.
- Лѣтопись Русская по Никонову списку. Спб. 1767.
- Лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку. 1846.
- Лѣтописецъ Новгородскій. М. 1781 г.
- Лѣтописецъ русскій. Спб. 1792 г.
- Лѣтописецъ царственный. Спб. 1772 г.
- Лѣтописецъ царя Ивана Васильевича. Спб. 1769 г.
- Лѣтопись по Ипатскому списку. 1871 г.
- Псковская лѣтопись. Изд. Погодина. М. 1837 г.
- Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Русскую исторію съ 862 до 1598 г.
- Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1813—23 г.
- Акты, собр. въ бібліотекахъ и архив. Росс. Имп. 4 т. Спб. 1836 г.
- Акты историческіе, изд. Археографическою комиссией. 5 т. Спб. 1841—42.
- Дополненіе къ историческимъ актамъ. Спб. 1846—69 г.
- Указатель къ Актамъ Археогр. экспедиціи. Спб. 1838 г.
- Акты отдѣленія русской и славянской археологін. Изд. Археол. Общ. Спб. 1851 г.
- Шафарикъ, Славянскія древности. Пер. Бодянского. М. 1848 г.
- Достопамятности русскія. 11 выпусковъ. 1844 г.
- Акты, относящіяся къ исторіи Юго-Западной Россіи. 5 т. Изд. 1846—53 г.
- Архивъ Юго-Западной Россіи. Кіевъ. 1849—61 г. (I—IV т. до соединенія Кіевской митрополіи съ Московской).
- Лѣтописный рассказъ событій Юго-Западной Руси отъ ея начала до половины XIV вѣка. М. 1871 г.
- Несторъ, Русскія лѣтописи, переведенныя и объясненныя Шлецеромъ. Спб. 1816 г.
- Памятники старинной русской литературы, изд. гр. К.-Безбордоко. 1860—62 г.
- Памятники XVII в. Собралъ и издалъ Мухановъ. М. 1834 г.
- Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи С.-Западной Руси. Вильна. 1869—70 г.
- Домострой Сильвестровскаго извода. Подъ ред. Чудинова. Спб. 1891 г.
- Книга Степенная царскаго родословія, содержащая исторію Россійскую, съ начала оныя до временъ государя царя и в. к. Иоанна Васильевича. Соч. м. Кипріана и Макарія. Изд. 1775 г. М.
- Патерикъ Печерскій. Печат. въ Кіевѣ. 1661 г.
- Срезневскій, Памятники и образцы народнаго языка и словесности русскихъ и западныхъ славянъ. Спб. 1856 г.
- Сочиненія пр. Максима Грека. Каз. 1859—94 г. 3 тома.
- Стоглавъ. Съ предисловіемъ. Казань. 1887 г.
- Древніе памятники русскаго письма и языка. Изв. 2 отд. Ак. Наукъ, X.
- Пономаревъ, проф., Памятники древне-русской ц.-учительной литературы. Спб. 1894 г.
- Акты, относящіяся до исторіи Южной и Западной Россіи. Изд. Археогр. комиссін. Спб. 1861—65 г.
- Калайдовичъ, Памятники російской словесности XII в. М. 1821 г.
- Снегиревъ, Памятники Московскихъ древностей. М. 1842 г.
- Макарія м. Великія Четы-миней (вышло 6 кн.).
- Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Н. Лавровскаго. 1861 г.

- Курбскій**, Сказанія. Изд. Устрялова. Спб. 1842 г.
- Зубрицкій**, Повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной и Галицкой Руси. Пер. Бодянского. М. 1845 г.
- Хожденіе** игумена *Даніила* (1106—1107 г.). Изд. Пр. Палест. Общества.
- Котошихинъ** о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современная записка. Спб. 1840 г.
- Ерижаничъ Ю.**, Русское Государство въ половинѣ XVII в. 1859 г. Рукопись времени Алексѣя Михайловича.
- Арцыбашевъ**, О первобытной Россіи. Спб. 1809 г.
- Арцыбашевъ**, Сводъ лѣтописей. М. 1834—40 г.
- Григоровичъ**, Переписка панъ съ Россійскими государями въ XVI в. Спб. 1834 г.
- Памятники**, изд. Врем. комис. для разбора др. актовъ. Кіевъ, 1844 г. Изд. 2. Т. I—II.
- Величко** (Самуиль), Лѣтопись событій въ Юго-Западной Россіи въ XVII в. Кіевъ. 1857 г.
- Горскій**, Жизнь Курбскаго. Каз. 1858 г.
- Закревскій**, Лѣтописное описаніе Кіева.
- Безсоновъ**, Русское государство въ пал. XVII в. М. 1859 г.
- Библіотека** иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836 г.
- Библіотека** Россійская историческая, содержащая древнія лѣтописи и всякія записки. Спб. 1767 г.
- Сказанія** иностранныхъ писателей о Россіи, изданныя Археографической комиссіей. *Regum rossicarum scriptores exteri*. Спб. 1854 г.
- Ключевскій**, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. Спб. 1866 г.
- Середонинъ С.**, сочиненія Джильза Флетчера «Of the russe common wealt», какъ историческій источникъ. Спб. 1891 г.
- Наумовъ**, Заслуги Владиміра и Ярослава въ отношеніи къ умственному образованію русскихъ. «Архивъ» Калачева. 1850 г.
- Руцинскій**, Религіозный бытъ Русскихъ у иностранцевъ XVI—XVII в. *Чт. Общ. Ист. и древн. Росс.* 1871 г. кн. III.
- Маржеретъ**, Состояніе Россійской державы В. княжества Московскаго. Спб. 1830 г.
- Древняя Россійская Вивліоэяка**, содержащая въ себѣ собраніе древностей русскіихъ. М. 1788—91 г.
- Продолженіе** древней Р. Вивліоэяки, съ примѣч. Татищева. Спб. 1786—1801 г.
- Древняя Р. Вивліоэяка**, изд. Новиковымъ. Спб. 1773—75 г.
- Забѣлинъ**, Домашній бытъ русскихъ царей XVI—XVII в. М. 1862 г.
- Костомаровъ**, Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа въ XVI—XVII в. 1860 г.
- Востоковъ**, Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музея. Спб. 1842 г.
- Горскій и Невоструевъ**, Описаніе рукописей Московской Синодальной бібліотеки. М. 1855 г.
- Калайдовичъ и Строевъ**, Описаніе рукописей бібліотеки гр. Толстого. 1825 г.
- Викторовъ А.**, Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи. Спб. 1890 г.
- Карповъ А.**, Азбукovníки или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой бібліотеки. Каз. 1878 г.
- Бычковъ Ае.**, Описаніе рукописей И. Публичной бібліотеки.
- Сахаровъ**, Обзорѣніе славяно-русской бібліографіи. Спб. 1849 г.
- Сопиковъ В.**, Опытъ Россійской бібліографіи. 6 ч. Спб. 1813—21 г.
- Ундольскій**, Каталогъ славяно-русскихъ книгъ. Кастерини. Въ *Чт. М. Общ. Ист. и др.* 1848 г.
- Филаретъ** арх., Обзоръ русской духовной литературы. 1863 г.
- Описаніе** рукописей библ. Хлудова, сдѣланное проф. *Поповымъ*.
- Строевъ П.**, Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ купца Царскаго. М. 1836 г.
- Роспись** книгамъ и рукописямъ Россійской Академіи. Спб. 1840 г.
- Чечулинъ Д.**, Нѣсколько данныхъ о книгахъ Московскаго государства XVII вѣка. Спб. 1889 г.
- Описаніе** рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библ. Казанской Дух. Академіи. 2 т. Казань. 1881 г.
- Лопаревъ**, Описаніе рукописей Им. Общ. люб. др. письменности. Спб. 1892 г.
- Строевъ П.**, Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ, библ. гр. Толстого. М. 1829 г.
- Срезневскій**, Древне-русскія книги. 1861 г.
- Купріановъ И.**, Обзоръ пергаментныхъ рукописей Новгородской Софійской бібліотеки. Спб. 1857 г.
- Указатель** къ изд. Твор. Св. Отцовъ и прибавленій за 20 л. 1863 г.
- Антоній** архіепископъ Финл. Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія. Спб. 1895 г. Изд. 2.
- Владимировъ П.**, Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV и XVI в. Кіевъ. 1894 г.

Хрущовъ, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, иг. Волоцкаго. Спб. 1868 г.

Архангельскій А., Нилъ Сорскій и Васіанъ Патрикѣевъ; ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Спб. 1882 г.

Архангельскій А., Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Казань. 1889 г.

Архангельскій А., Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII в. 1888 г.

Ждановъ, Бесѣда трехъ святителей и јоса монашеского. Ж. Мин. Нар. Пр. 1892 г., янв.

О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII в. *Приб. къ Твор. Св. Отцовъ*. 1845 г., ч. III.

Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871 г.

Калугинъ Ѡ., Зиновій, инокъ Отенскій и его богословско-полемическія и церковно-поучительныя произведенія. Спб. 1894 г.

Никольскій М., Григорій Скибинскій. Очеркъ изъ исторіи духовнаго просвѣщенія въ концѣ XVII в. *Правосл. Обзор*. 1862 г. XI.

Нильскій Н., Преподобный Максимъ Грекъ, исповѣдникъ просвѣщенія въ XV в. *Христ. Чит.* 1862 г. III.

Николаевскій П., свящ., Русская проповѣдь въ XV—XVI в. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1868 г.

О почитаніи книжномъ въ древнія времена Руси. *Пр. Собес.* 1858 г., № 6—7.

Некрасовъ И., Пахомій Сербъ, писатель XV в. *Записки Новор. Унив.* т. VI.

Никольскій Н., О литературныхъ трудахъ м. Климента Смолятича. (XII в.). Спб., 1892 г.

Цвѣтаевъ Д., Литературная борьба съ протестанствомъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1887 г.

Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ.

— Въ 1-й части этого труда есть свѣдѣнія и о литературѣ XVII в.

Образцовъ Г., Братья Лихуды. М. нар. пр. ч. СXXXV.

Татарскій Г., Симеонъ Полоцкій. М. 1886 г.

Преображенскій И., Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в. М. 1881 г.

Пекарскій П., Представители Кіевской учености въ половинѣ XVII в. *Отеч. Зап.* 1862 г. II—III.

Шляпкинъ И., Св. Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891 г.

Пыпинъ А., Очерки изъ старинной русской литературы. *От. Зап.* 1855 г. № 2, 9, 12.

— Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. *Учен. Зап. II отд.* Императ. Академіи Наукъ. 1858 г. кн. IV.

Вадковскій А., Константинъ Еп. Болгарскій. *Прав. Собес.* 1882 г. I.

Калайдовичъ, Іоаннъ, Экзархъ. 1821 г.

Жмакинъ В., Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія. М. 1881 г.

Прозоровскій А., Сильвестра Медвѣдева созерцаніе краткое лѣтъ 7190—2, въ нижше что содѣяся въ гражданствѣ. М. 1894 г.

Пѣтуховъ Е., Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Спб. 1888 г.

Сахаровъ, Сказанія русскаго народа. 2 т. 1841—48 г.

Лешковъ, Русскій народъ и государство. Исторія русск. общественнаго права до XVIII в. М. 1858 г.

Сухомлиновъ, О языкознаніи въ др. Россіи. *Зап. И. Ак. Наукъ*. 1854 г. I.

Смирновъ К., Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. М. 1855 г.

Лавровскій Н., О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ. 1854 г.

Хмыровъ М., Училища и образованность на Руси до-Петровской. *Народная школа* 1869 г. № IV—X.

Соболевскій проф., образованность Московской Руси XV—XVII в. 1892 г.

Мордовцевъ Д., О русскихъ школьныхъ книгахъ. XVII в. М. 1862 г.

Погодинъ М., Образованіе и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи. *Ж. М. Пр.* 1871 г. 153 т.

Вессель Н., Начальное образованіе и народныя училища въ З. Европѣ и въ Россіи. *Рус. школа*, 1889—90 г.

Владимірскій-Будаковъ Государство и нар. образованіе въ Россіи съ XVII в., до учрежденія министерствъ, 1874 г.

Вѣляевъ И., Общественное значеніе христіанской церкви на Руси до Монголовъ. *Ж. М. Пр.* 1856 г. № 7.

Арсеньевъ А., Исторія послыки первыхъ русскихъ студентовъ за границу при Борисѣ Годуновѣ. Спб. 1887 г.

— О вліяніи Греціи на развитіе гражданскаго образованія древней Руси. *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1841 г. Январь.

Поповъ А., Вліяніе церковнаго ученія въ древне-русской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа и въ частности на нар. словес. до-Петровскаго періода. 1884 г.

Прилежаевъ Е., Чтеніе книгъ въ древней Руси и вліяніе его на умственную жизнь народа. *Дух. Бесѣда*, 1873 г. т. 1, 8, 9.

Мирковичъ Гр., О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршіи періодъ. *Ж. М. Нар. Пр.* 1878 г. т. СХСVIII.

Прилежаевъ Е., Школьное дѣло въ Россіи до Петра Великаго. *Странникъ*, 1881 г., янв.—мартъ.

Лукьяновичъ П., Къ вопросу объ Острожской школѣ XVI в. *Вол. Еп. Вид.*, 1881 г., 23—26.

Лебедевъ Н., Историческій взглядъ на учрежденіе училищъ, школъ (?) учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, послужившихъ къ образованію русскаго народа съ 1025 по 1885 г. Изд. 2. 1875 г.

— Изданіе это представляетъ неполный, поверхностный перечень возникновенія разныхъ просвѣтительныхъ учреждений по годамъ. Сочиненіе не соответствуетъ заглавію, ибо никакого *взгляда* не представляетъ. Много грубыхъ невѣрностей.

Лебедевъ С., Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи. 1848 г.

Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи. *Прав. Собес.* 1862 г. 1.

Учебныя заведенія Литвы до присоединенія ея къ Россіи. *Ж. М. Н. Пр.*, отд. оттискъ.

— Ст. написана по поводу двухъ польскихъ сочиненій Балинскаго «Вил. акад.» и Лукашевича «Ист. училищъ въ Польшѣ и Литвѣ съ древнихъ временъ до 1794 г.», и заключаетъ много интересныхъ фактовъ.

Бодянский І., О времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855 г.

Филаретъ Черниг., О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ. *Черниг. Еп. извѣстія*. 1862 г. сент.

Содѣйствіе духовенства просвѣщенію русскаго народа въ древнія времена. Руководство для сельскихъ пастырей. 1161; 13.

Соловьевъ С., Нравы и обычаи Руси до Монголовъ. *Чт. Общ. ист. и др.* 1846 г.

Рудневъ, О воспитаніи въ Россіи въ XVI и XVII в. *Библи. для чтенія*. 1855 г. № 8.

Попеченіе отечественной церкви о внутреннемъ благоустройствѣ русскаго гражд. общества въ XIII—XV в. *Прав. Собес.* 1861 г. 1.

Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи. Православный Собесѣдникъ. 1860. 2; стр. 182—236.

— Эти источники были: сочиненія Іоанна Дамаскина: 1) богословіе, 2) грамматика и 3) диалектика. Шестодневъ экзарха болгарскаго, сборникъ Святослава, хроники греческія лѣтописцевъ Іоанна Малалы и Георгія Амартола, хронографы, кроникки, пчелы. Сочиненія Максима Грека. Алфавиты рѣчей и пр.

«О способахъ духовнаго просвѣщенія Россіи внѣ училищъ». *Прав. Собес.* 1858 г. № 1—2.

Рѣчь о состояніи въ Россіи древняго и нынѣшняго народнаго просвѣщенія. Изд. Акад. Наукъ. 1810 г.

Н. Вовъ, Идеаль древне-русскаго воспитанія. *Ж. для воспитанія*. 1858 г. № 2, 3, 6.

О просвѣщеніи Россіи при патриархѣ Іоакимѣ, какъ мѣрѣ противъ раскола. *Дух. бестда*. 1861 г. 40—41.

О значеніи религіознаго просвѣщенія. Воскресное Чтеніе. 1859 г. 34.

Наказаніе по учителемъ, какъ имъ дѣтей учить грамотѣ... Изд. прот. *Б. Никольскаго*. Спб. 1895 г.

Борисовъ В., Грамотность Шуянь въ XVII ст. *Влад. Губ. Вид.* 1854 г. 40.

Боцяновскій Вл., Къ исторіи просвѣщенія въ древней Руси XVII в. Книги въ Устюгѣ Великомъ. Спб. 1892 г.

Историческій очеркъ общественнаго образованія въ Россіи, отъ основанія Руси до учрежденія университета. Велич...ій. Русскій Педагогическій Вѣстникъ. 1861 г. 4 (стр. 52—81).

Вовъ Н., Участіе правительства въ дѣлѣ народнаго образованія до Петра Великаго. *Сынъ От.* 1858 г. № 32—33.

Гастевъ М., О причинахъ, замедлявшихъ гражданскую образованность въ Россійскомъ государствѣ до Петра Великаго. 1832 г.

Древнерусскій взглядъ на личность начальнаго учителя. *Церк. Вид.* 1894 г. № 33.

Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей. М. 1862 г.

— «Характеръ древне-русскаго образованія» *Отеч. Записки*. 1856 г. № 3.

— Разногласія по вопросу о народномъ образованіи М. 1859 г.

— О начальномъ образованіи до Петра Великаго. *Моск. Вид.* 1855 г. № 32—36.

Извѣковъ, Букварная система обученія въ XVII—XVIII в. *Семья и Школа*. 1872 г. № 5.

Значеніе и достоинство христіанскаго просвѣщенія, по изображенію Нестора лѣтописца. *Воскресное чтеніе*. 1859. 24.

Купріяновъ, «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи». Спб. Вид. 1862 г. № 165.

Купріяновъ, Матеріалы для исторіи училищъ въ Россіи. *Журн. для воспит.* 1857. II.

Кояловичъ, лекціи о Юго-Западной Россіи. 1864 г.

Кояловичъ, М., Исторія русскаго самосознанія. Спб. 1893 г.

Малышевскій, Св. Владиміръ, какъ первый учредитель школъ въ Россіи. *Ц.-приход. школа*. 1887 г. № 1.

Марковъ, Вл., свящ. О народномъ образованіи въ древней Руси. *Странникъ*, 1885 г., 5.

**Нѣсколько словъ о вѣрѣ въ народное про-
свѣщеніе Россіи. *Православный Собесѣдникъ.*
1859. 1.**

Татищевъ, Исторія Россійская съ самыхъ
древнѣйшихъ временъ, неуспынными трудами
черезъ 30 л. собранная и описанная. М.
1768—84.

Карамзинъ, Исторія Государства Россій-
скаго.

Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ
временъ.

Погодинъ, Древне-русская исторія до Мон-
гольского ига.

Голубинскій, Е., Исторія русской Церкви.
1-я пол. 1-го т. М. 1880 г.

Знаменскій, П., Руководство къ русской
церковной исторіи. К. 1894.

Макарій митр., Исторія русской Церкви.

Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. 1871 г.

Филаретъ архіеп. Исторія Русской церкви.

Шевыревъ, Исторія русской словесности,
преимущественно древней. 4 (части). 1858—60.
(до нач. XVI в.).

Порфирьевъ, Исторія русской словесности.
1870 г., т. I (отъ XI до XVIII в.).

Миллеръ, Ор. Опытъ историческаго обо-
зрѣнія р. словесности. 1866 г.

Галаховъ, А. Исторія русской словесности
(три тома). 1880 г.

Буслаевъ, Ѳ. Историческая Христоматія. М.,
1861.

Амвросій, Исторія російской іерархіи. Изд.
2. Кіевъ. 1827 г.

Вантышъ-Каменскій, Словарь достопамят-
ныхъ людей Русской земли. М. 1836—1847. 8 т.

Евгеній, М., Словарь историческій о быв-
шихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина.
Спб. 1827 г.

Архивъ. Изд. *Калачова.* Съ 1850 г.

Русская Старина, изд. *Семевского.*

Архивъ Русскій, изд. при Чертковской
библіотекѣ за 1863, 1864 и 1865 г.

Тихонравовъ, Лѣтописи русской литера-
туры и древн. съ 1859 г. 5 частей.

Записки Имп. Академіи Наукъ II-го отд.

Записки Археологическаго общества. 1853—
59.

Погодинъ, Рус. Историческій Сборникъ.
1837—44.

**Труды и лѣтописи общества ист. и древно-
стей Россійскихъ.** М. 1815—1837.

**Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древн.
Россійскихъ.** М. 1846—48 г. и продолженіе
чтеній подъ названіемъ «*Временникъ*», изд.
тѣмъ же обществомъ.

Забѣлинъ, Списокъ и указатель трудовъ,
ислѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ
въ повременныхъ изданіяхъ Имп. Общ. Исто-
рии и Древностей Россійскихъ при Моск. Уни-
верс. за 1815—1888 г.

Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, «*Цер-
ковно-приходская школа*» и почти всѣ духов-
ные журналы, особенно *Православный Собе-
сѣдникъ, Творенія Св. Отцовъ, Христіанское
Чтеніе, Труды Кіевской Академіи, Православ-
ное Обозрѣніе, Странникъ, Церковныя Вѣдо-
мости.*

